

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 2 (121) • 2018

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

**Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490 в каталоге агентства «Роспечать»**

Цена для подписчиков — 451 руб., в розничной продаже — свободная.

**Электронная версия размещена
на официальном сайте журнала «Вестник Саратовской государственной
юридической академии» по адресу: <http://журнал-вестник.рф>**

E-mail: vestnik2@ssla.ru

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Редактор, корректор ***Т.Ф. Батищева***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 25.04.2018 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 23,8. Уч.-изд. л. 20,3. Тираж 950 экз. Заказ 207.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Н. Сенякин	доктор юридических наук, профессор (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А.П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС)
С.Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С.А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А.Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Е.В. Вавилин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Н.М. Великая	доктор политических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)
Н.Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия (Москва))
А.А. Вилков	доктор политических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
А.Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Р.Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Е.Р. Ергашев	доктор юридических наук, профессор (Уральский государственный юридический университет)
А.В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А.М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
М.А. Липчанская	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России)
Д.В. Покатов	доктор социологических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О.В. Понукалина	доктор социологических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
В.С. Слободникова	доктор политических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Суоров	доктор социологических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л.А. Тимофеев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

№ 2 (121) • 2018

ISSN 2227-7315

The journal is included by Higher Attestation Commission of Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the Russian list of reviewed journals, where major scientific dissertations and thesis results are to be published

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Saratov State Law Academy”.410056, Saratov, Volskaya, 1.

**Electronic version available on the official website journal
“Vestnik of the Saratov state law Academy” at: <http://журнал-вестник.рф>**

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office in the Sphere of Mass Communication of Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education “Saratov State Law Academy”, 2018

EDITORIAL BOARD:

I.N. Senyakin	doctor of law, Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor (Volgograd Institute of management – branch of RANE SM)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
E.V. Vavilin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
N.M. Velikaya	doctor of political sciences, Professor (Russian state University for the Humanities)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.A. Vilkov	doctor of political sciences, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
R.S. Davletgildev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
E.R. Ergashev	doctor of law, Professor (Ural State Law University)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
M.A. Lipchanskaya	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

D.V. Pokatov	doctor of sociology, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
O.V. Ponukalina	doctor of sociology Professor (Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
V.S. Slobozhnikova	doctor of political sciences (Saratov State Law Academy)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.B. Surovov	doctor of sociology, Professor (Saratov State Law Academy)
L.A. Timofeev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

К 25-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

- 15 **Еремян В.В.**
Есть ли у компаративиста повод для оптимизма? (Российская Конституция как «зеркало» государственного строительства)
- 26 **Комкова Г.Н.**
Проблемы обеспечения равенства и справедливости на современном этапе конституционного развития России
- 31 **Невинский В.В.**
Прямое действие российской Конституции на перекрестке мнений конституционалистов
- 35 **Мешеряков А.В., Кашурин Н.И.**
Социальное государство в России: конституционная модель, проблемы и перспективы
- 39 **Титова Е.В.**
Конституционная психология и социально-психологический механизм действия Конституции как предмет конституционного диалога

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 45 **Суменков С.Ю.**
Исключения из правил как средство примирения сторон (на примере процедуры медиации)
- 50 **Катомина В.А.**
Юридическая природа состязательности
- 55 **Смирнов И.А.**
Самоконтроль в системе внутреннего социального контроля организации
- 61 **Пихтелёв А.М.**
Организация военного типа как объект социологического исследования

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 69 **Отставнова Е.А.**
Правовой статус лиц без определенного места жительства в России
- 77 **Киселев А.С.**
Проблемы и особенности развития электронного правительства в ходе модернизации деятельности исполнительной ветви власти Российской Федерации

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 84 **Соболева Ю.В.**
Общие начала в административно-правовом регулировании деятельности социально ориентированных коммерческих и некоммерческих организаций
- 89 **Гаврилкина Ю.В.**
Административно-правовая организация государственных инспекций субъектов Российской Федерации

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 96 Габов А.В.**
Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху
- 114 Вятчин В.А.**
О состоянии регламентации возмещения убытков и взыскания неустойки в современном праве России
- 123 Менис Е.В.**
К вопросу о форме, государственной регистрации и порядке заключения договора аренды земельного участка

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- 133 Цепкова Т.М., Бахарева О.А.**
Исполнение решения по делам о лишении родительских прав и его правовые последствия
- 139 Захарьяцева И.Ю.**
Добросовестность участников исполнительного производства по делам о защите экологических прав
- 150 Малыхин Д.В.**
Теоретические основы соотношения диспозитивности и императивности в гражданском процессуальном праве
- 156 Потапенко Е.Г.**
Понятие, формы и методы специализации права (в контексте исследования специализации цивилистического процессуального права)
- 164 Васильев Д.П.**
Разграничение компетенции между судами общей и арбитражной юрисдикции

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС.

- 171 Францифоров Ю.В.**
Уголовно-процессуальные санкции как средство разрешения противоречий в уголовном судопроизводстве
- 180 Великородный П.Г.**
Соккрытие следов преступления и противодействие его расследованию как способ уклонения от уголовной ответственности
- 187 Васенин В.А.**
Противодействие подкупам участников закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд
- 197 Терехина А.С.**
К вопросу о взаимодействии МВД России и Федерального Собрания Российской Федерации в законодательном процессе

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

- 205 Лавринович О.И., Шутило О.В.**
Вопросы повышения эффективности кассационного производства
- 210 Лиходаев Е.Г., Титова А.А., Якушева С.Е.**
Отдельные аспекты привлечения прокурорских работников к ответственности

ЯЗЫК. ПРАВО. ОБРАЗОВАНИЕ

- 219 Родионова О.С.**
Обучение немецкому языку в Саратовской государственной юридической академии
- 224 Хижняк С.П.**
Терминологическое значение и его отражение в дефинициях
- 230 Вьюшкина Е.Г.**
Предметно-языковой интегрированный курс: медиация

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 238 Попов В.В., Тришина Е.Г.**
Поощрительные санкции в сфере налогообложения (материальные и процессуальные аспекты)
- 244 Щебланова В.В., Елистратова О.А.**
Институты превенции молодежного наркотизма

РЕЦЕНЗИИ

- 255 Ворошилова С.В.**
Рецензия на сборник: «Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета». Редколлегия: доктор юридических наук, профессор А.С. Смыкалин (ответственный редактор); кандидат юридических наук, доцент Н.Н. Зипунникова; кандидаты исторических наук, доценты Р.А. Насибуллин, Д.А. Суровень: в 4 т. – Екатеринбург, 2016. – Т. 1. – 1023 с.; Т. 2. – 912 с.; Т. 3. – 1198 с.; Т. 4. – 589 с.

ИНФОРМАЦИЯ

- 261** В диссертационных советах

CONTENTS

THE 25TH ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION RUSSIAN FEDERATION

- 16 Eremyan V.V.**
Whether the Comparativist Has the Reason for Optimism? (Russian Constitution as «a Mirror» of the State Construction)
- 27 Komkova G.N.**
Problems of Ensuring Equality and Justice at the Present Stage of the Constitutional Development of Russia
- 31 Nevinsky V.V.**
Direct Effect of the Russian Constitution at the Crossroads of Constitutionalists' Opinions
- 36 Mescheryakov A.V., Kashurin N.I.**
The Social State in Russia: the constitutional model, problems and prospects
- 40 Titova E.V.**
Constitutional Psychology and Social-Psychological Mechanism of the Constitution Functioning as a Subject of the Constitutional Dialogue

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- 45 Sumenkov S.Yu.**
Exception to the Rules as a Means of Conciliation of Parties (through the example of the mediation procedure)
- 50 Katomina V.A.**
The Legal Nature of the Adversarial System
- 56 Smirnov I.A.**
Self-control in the System of the Internal Social Control of the Organization
- 61 Pikhtev A.M.**
Organization of the Military Type as an Object of Sociological Research

CONSTITUTIONAL LAW

- 69 Otstavnova E.A.**
The Legal Status of Persons of No Fixed Abode in Russia
- 77 Kiselev A.S.**
Problems and Peculiarities of E-government Development in the Course of Modernization of the Executive Branch of the Russian Federation

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 84 Soboleva Yu.V.**
General Principles of the Administrative Legal Regulation of the Activities of Socially Oriented Profit and Non-Profit Organizations
- 89 Gavrilkina Yu.V.**
Administrative-legal Organization of the State Inspections' Subjects of the Russian Federation

CIVIL LAW

- 96 Gabov A.V.**
Legal Personality: Traditional Category of Law in the Modern Era
- 114 Vyatchin V.A.**
On the State of Damages and Penalty Recovery Regulation in the Modern Law of Russia
- 123 Menis E.V.**
On the Question of the Form, State Registration and On Procedure of the Conclusion of the Land Lease Contract

CIVIL PROCEDURE. ARBITRATION PROCESS

- 133 Tsepkova T.M., Bakhareva O.A.**
Execution of the Decision of the Cases on Deprivation of Parental Rights and Its Legal Consequences
- 139 Zakhariyasheva I.Yu.**
Good Faith of Participants of Executive Proceeding in Cases of Environmental Rights Protection
- 150 Malykhin D.V.**
Theoretical Basis of the Ratio of Disposability and Imperativeness in the Civil Procedural Law
- 156 Potapenko E.G.**
Concept, Forms and Methods of Law Specialization (in the Context of Studying the Specialization of Civil Procedural Law)
- 164 Vasilyev D.P.**
Distribution of Powers between Courts of General and Arbitration Jurisdiction

CRIMINAL AND PENAL LAW ENFORCEMENT. CRIMINAL PROCEEDING

- 171 Frantsiforov Yu.V.**
Criminal Procedure Sanctions as a Means of Conflict Resolution in Criminal Proceedings
- 180 Velikorodnyi P.G.**
Suppression of Traces of Crime and Opposition to Its Investigation as a Way to Evade Criminal Responsibility
- 187 Vasenin V.A.**
Counteraction to Bribery of Participants of Purchases of Goods, Works and Services for State and Municipal Needs
- 197 Terekhina A.S.**
Some Aspects of Interaction of the Interior Ministry of Russia and Federal Legislative Body in the Law-making Process

PROSECUTORIAL SUPERVISION

- 205 Lavrinovich O.I., Shutilo O.V.**
Issues of Improving the Effectiveness of the Cassation Proceedings
- 210 Likhodaev E.G., Titova A.A., Yakusheva S.E.**
Some aspects of the accountability of prosecutors

LANGUAGE. LAW. EDUCATION

- 219 Rodionova O.S.**
German Language Course at the Saratov State Law Academy
- 224 Khizhnyak S.P.**
Terminological Meaning and Its Reflection in Definitions
- 230 Vyushkina E.G.**
Clil course: mediation

OTHER BRANCHES OF LAW

- 238 Popov, E.G. Trishina V.V.**
Incentive Sanctions in the Sphere of Taxation (Material and Procedural Aspects)
- 244 Scheblanova V.V., Elistratova O.A.**
Institutes for the Prevention of Youth Narcotism

REVIEWS

- 255 Voroshilova S.V.**
Review of the collection: "Evolution of the Russian and Foreign State and Law. To the 80th Anniversary of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University". Editorial Board: doctor of law, Professor A. S. Stykalin (editor); candidate of law, Associate Professor N.N. Zipunnikova; candidate of historical sciences, Associate Professor R.A. Nasibullin, D.A. Suroven: 4 t. – Ekaterinburg, 2016. – Vol. 1. – 1023 p.; Vol. 2. – 912 p.; Vol. 3. – 1198 p.; Vol. 4. – 589 p.

INFORMATION

- 261** In dissertation councils

К 25-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 342.413

В.В. Еремян

ЕСТЬ ЛИ У КОМПАРАТИВИСТА ПОВОД ДЛЯ ОПТИМИЗМА? (РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ КАК «ЗЕРКАЛО» ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА)

Введение: актуальность исследуемых проблем, помимо чисто внутренних причин, наиболее ярко и отчетливо проявляется на фоне расширяющегося системно-институционального кризиса, охватившего в последние годы «коллективный Запад» и целый ряд восточноевропейских государств, «освободившихся от коммунистического тоталитаризма», усиленного мировоззренческим вакуумом, крахом однобоко понимаемых идеологией политкорректности, толерантности и мультикультурализма (не говоря уже о методологии экспорта «общечеловеческих ценностей», двойных стандартах и стереотипах, используемых при легитимации действий «своих» и «чужих», как в случае с Косово, Крымом или Приднестровьем). *Цель:* исследование тенденций, обусловленных переходом к принципиально новому этапу развития отечественного конституционализма, базирующегося, с одной стороны, на сохранении демократических традиций народовластия, с другой — на модернизации основ федерализма, регионализма и местного самоуправления, последовательном укреплении парламентаризма и республиканской формы правления. *Методологическая основа:* сравнительно-правовой метод исследования. *Результаты:* изложенное свидетельствует о стагнации «западной» модели демократии, в течение длительного периода времени служившей ничем иным, как «примером» для подражания. Не меньшее значение имеет в т.ч. факт стабильности политического режима, резкие, не отвечающие «требованиям дня», трансформации которого чреватые не только эксцессами осени 1993 г., но и «майданами» и «цветными революциями» всех мастей, чем вызван жесткий алгоритм внесения в текст учредительного акта соответствующих поправок, изменений и дополнений, препятствующих хаотизации важнейших сфер общественных отношений. *Вывод:* сопоставляя национальное (не отрицая элементов заимствования или компиляции) и зарубежное, приходит понимание необходимости, более того — целесообразности дальнейшей демократизации, сложившейся за 25 лет системы разделения властей и сдержек и противовесов, с усилением конституционных механизмов подлинного народовластия.

Ключевые слова: Конституция, компаративизм, системно-институциональный кризис «западной» модели демократии, народовластие, национальные традиции, избирательное право.

© Еремян Виталий Владимирович, 2018
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права и конституционного судопроизводства (Юридический институт Российского университета дружбы народов)
© Eremyan Vitaliy Vladimirovich, 2018
Professor, doctor of law, head of the Constitutional law and constitutional Process department (Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University))

V. V. Eremyan

WHETHER THE COMPARATIVIST HAS THE REASON
FOR OPTIMISM? (RUSSIAN CONSTITUTION AS «A MIRROR»
OF THE STATE CONSTRUCTION)

Background: the urgency of the researched problems, besides purely “internal” reasons, is more clearly and distinctly manifested on the background of the extending system -institutionary crisis which has swept in recent years in “the collective West” and a number of the countries, “liberated from Communist totalitarianism”, hardened by the ideological vacuum, crash of imperatively understood political correctness ideologeme (one-sidedly understood concepts), tolerance and multiculturalism (not to mention export methodology of “universal values”, the double standards and stereotypes used at legitimation of actions «ins and outs» as in the case with Kosovo, the Crimea or Trans-Dniester). **Objective:** the author supposes to study the tendencies stipulated by the transition to the essentially new stage of development of fundamentals of the national constitutionalism which is based on preserving democratic traditions of democracy on the one hand and on modernization of federalism, regionalism and local self-government, consecutive strengthening of parliamentary and the republican form of government on another hand. **Methodology:** in doing the research the comparative and legal methods of studies were applied. **Results:** set forth herein argues for the stagnation of the “western” democracy model, serving not as an “example” for imitation during the long period of time. Equal value has also the fact of the stability of a political regime, the sharp, not meeting “the requirements of day”, transformations of which are fraught not only with excesses of autumn of 1993, but also “maidans» and “color revolutions» of all kinds. It causes the rigid algorithm of amendment of constitutive act, changes and additions in it which preventing chaotization in the most important spheres of the public relations. **Conclusions:** the author states that comparing national (not denying elements of adoption or compilation) and foreign, we comprehend the need, moreover — reasonability of the further democratization which developed in twenty-five years of system of division of powers and check-and-balance system with strengthening of the constitutional mechanisms of real democracy.

Key-words: constitution, comparativism, system and institutional crisis of the «western» model of democracy, democracy, national traditions, suffrage.

У обычного обывателя, в силу каких-либо экономических, социальных, политических, религиозных, возрастных и прочих причин не интересующегося проблемами государственного строительства, юбилейная дата, которую мы будем отмечать в декабре текущего года, скорее всего, не вызовет адекватных (как положительных, так и отрицательных) эмоций, даже с учетом того факта, что события 25-летней давности (причем, противостояние высших органов власти, завершившееся расстрелом парламента, это только видимая часть «коллизийного айсберга») носили *экстраординарный* характер. Столь категоричная, на неискушенный взгляд, оценка гипотетического восприятия отдельными гражданами или общественными группами (прежде всего, т.н. «несистемной» оппозицией, отражающей мнение определенной части населения страны) тех результатов, с которыми ассоциируется переход к принципиально иной, по сравнению с республиканской формой правления «советского» типа, государственности, несмотря на эйфорию, связанную в т.ч. с «возвращением в родную гавань» Крыма, и всплеск национального самосознания, вполне вероятно, бо-

лее того — закономерна, т.к. вызвана не только личным отношением кого-то к «итога» приватизации и аналогичным рецидивам первой половины 1990-х гг., но и полным, практически никем не предвиденным крахом иллюзий (слушая «Голос Америки», читая брошюры издательства «Посев», надеялись на нечто другое), связанных с пресловутыми «либеральными ценностями» и «западной» моделью демократии. Накануне 25-летнего юбилея Конституции РФ кафедрой конституционного права СГЮА инициировано заочное обсуждение актуальных проблем современного российского конституционализма [1, с. 12–22], исследованию которых посвящена настоящая статья.

Парадокс состоит в том, что именно «несбывшиеся надежды» в той или иной степени позволяют понять, что же, в конце концов, мы потеряли, и что, в свою очередь, приобрели. Особенно контрастно «утраты» и «приобретения» проявляются на фоне событий, связанных с государственным переворотом на Украине, в результате которого о *действительном* суверенитете этой страны — в ближайшей и среднесрочной перспективе — преимущественно допустимо говорить лишь с известной долей абстракции и исторического оптимизма. Как здесь не вспомнить всех тех, кто, не покладая рук, «вбивал гвозди в крышку гроба коммунизма», убеждая экономически и юридически необразованных обладателей двух ваучеров в том, что «светлое капиталистическое будущее» (о котором мечтали несколько десятилетий) настанет сразу же, как только они станут «собственниками». Участники киевского «майдана» (естественно, речь не идет о последователях и апологетах взглядов Степана Бандеры), поверив сказкам о европейском зарплатном, стипендиальном и пенсионном рае, сами того не желая, инициировали *распад государства* и его *десуверенизацию*, по существу ничего, кроме укрепления власти нескольких олигархов, не получив взамен. И что ждет в будущем одно из крупнейших государств континента, по-видимому, не в состоянии предсказать «ни Бог, ни царь и ни герой».

Наивно полагая, что любая идея, какой бы абсурдной она ни казалась, будет воспринята широкими слоями населения, пережившего перестройку и развал Советского Союза, по аналогии с диалектическим материализмом в качестве «единственно верного учения». Многонациональному народу России предложили, причем без учета традиций народовластия, «равняться на Запад», мотивируя это тем, что ни о какой демократии применительно к нашей стране говорить не приходится, что XX в., за исключением периода, который корректно характеризовать в качестве одной из самобытных разновидностей конституционной монархии (в последнее время в литературе можно встретить высказывания о том, что преобразования Александра II не идут ни в какое сравнение с фундаментальными реформами Николая II!), был ничем иным, как «шагом назад» в развитии отечественной государственности, по своим последствиям сопоставимым с опричниной Ивана IV (в публицистике нередко именуемой геноцидом) и Смутным временем, «тюрьмой народов» и «страной лагерей», игнорируя (случайно или преднамеренно) все то, что напоминает о холокосте, газовых камерах и печах крематориев, сотрудничестве католических, лютеранских и прочих церковных иерархов с германскими национал-социалистами и итальянскими фашистами и других «деяниях», о которых в Европейском союзе, где «правят бал» толерантность и мультикультурализм, сейчас как-то не принято дискутировать.

Любой студент юридического факультета, успешно сдавший экзамен по истории государства и права, анализируя содержание норм Конституции 1936 г.,

обратит внимание на два важнейших обстоятельства: во-первых, весьма высокий уровень юридической техники, своим качеством сопоставимый лишь с очень небольшим числом действующих на тот момент или утративших силу «Основных законов»; во-вторых, детальную регламентацию большого круга общественных отношений, в т.ч. тех сфер, о которых в других странах граждане могли только мечтать. Тем не менее, сложился стереотип, исходя из которого в науке конституционного права преобладают «обобщения» о чисто декларативном характере указанного юридико-политического документа, не имевшего ничего общего с реалиями повседневной жизни советских людей и функционированием партийно-публичного механизма. Ущербность выводов такого рода, помимо прочего, базируется на исключительно поверхностном и во многом догматическом знании теории и практики конституционализма (от его становления до приоритетных направлений трансформации) «знаковых» зарубежных государств, прошедших нелегкий путь конституционно-правового развития, учредительные акты которых со временем стали «примером» для подражания. Сказанное, вне всякого сомнения, относится и к Конституциям «советского» периода, внесших значительную лепту в данный процесс.

В силу ряда обстоятельств, беспристрастное (без идеологических клише и пропагандистских штампов) изучение советского юридического наследия, к сожалению, не пользуется тем уровнем внимания, которого оно заслуживает. Как ни странно, но ситуация не изменилась, невзирая на 100-летие Великой русской революции («празднование» которого на фоне гипертрофированной актуализации «иконного образа» последнего императора и членов его семьи напоминало собой, скорее, жалкую пародию на то, как во Франции отмечают «День взятия Бастилии», чем попытку *критически переосмыслить* масштабы того, что произошло в далеком 1917 г.) и 95-летие образования Советского Союза (складывается впечатление, что о крупнейшем событии отечественной и мировой истории вообще забыли, обойдя его молчанием), которые должны были придать *новый импульс научному восприятию* тенденций российского конституционализма и повысить интерес к методологии компаративизма, т.к. еще Рене Давид, наряду с англосаксонской и континентальной традицией, выделял в отдельную группу «советскую» систему права. Исходя из этого, нам (хотим мы того или нет) не избежать проблем, с которыми связан постепенный переход к качественно иной модели общественных отношений, декларативно сформулированных в ст. 1 Конституции 1993 г., содержательно не многим отличающейся от базовых положений и норм учредительных документов предшествующего периода, закреплявших форму правления, основы государственного устройства и политический режим, что в итоге провоцирует попытки отдельных «исследователей» и представителей «несистемной» оппозиции *подвергнуть ревизии* все то, с чем ассоциируется акт высшей юридической силы, позволивший, несмотря ни на что, не только избежать кровопролитной гражданской войны, но и предотвратить эскалацию этно-социальных конфликтов, способствующих развалу федерации. Вот уже более двух десятилетий одним из фундаментальных вопросов не только науки конституционного права, но и теории государства и права является определение понятия и сущности того общественного строя, который сложился на «руинах» государственности «советско-социалистического» типа. Сказанное с полным основанием может быть отнесено и к идентификации Конституции, одобренной на референдуме 12 декабря 1993 г.: правопреемницей чего ее следует

воспринимать — учредительных документов «буржуазной» или «социалистической» направленности? Подходит ли к ней следующее определение из советского учебника по государственному праву: «... Первые буржуазные конституции отражали лозунги борьбы буржуазии против феодализма, выражали идеи национального суверенитета и «разделения властей», устанавливали комплекс так называемых буржуазных прав и свобод, содержали требование определения основным законом (или конституцией) пределов деятельности органов власти... Однако после того, как буржуазия закрепила свое классовое господство, многие положения ее конституций превратились в декларативные обещания... По своему содержанию буржуазные конституции... ограничиваются установлением основ государственного устройства, порядка образования, прав и принципов деятельности государственных органов, некоторых прав и обязанностей граждан. Стремясь замаскировать власть эксплуататорских классов, их экономическое и политическое господство, буржуазные конституции, как правило, не содержат положений об экономическом строе, его классовой структуре и всей политической организации...» [2, с. 37–38].

Как же тогда относиться к «призывам», периодически появляющимся в научных изданиях, Интернете и прочих средствах массовой коммуникации, не относиться к Конституции как к догме, фетишу, «священной корове» или «акту на все времена», особенно с учетом того обстоятельства, что ее подготовка инициировалась «сторонниками реформ» под влиянием институционального кризиса, спровоцированного острым противоборством «старой» (советской) и «новой» (президентской) систем публичной власти, представители которых не хотели, более того, не стремились найти необходимый компромисс для выхода из создавшегося положения? На наш взгляд, «баланс противоречий», видимо, следует искать в *преемственности*, причем как с «собственными», так и «заимствованными» элементами государственного механизма, ставших составной частью отечественной конституционно-правовой модели в любых ее модификациях и разновидностях. Было бы верхом цинизма скептически воспринимать не только советское наследие, но и роль, которую сыграли нормы и принципы права, привнесенные извне.

Если мы не извлекаем уроков из своего прошлого, то это вместо нас делают другие. Подобно Советскому Союзу, — проводит не во всем корректные и оправданные, на наш взгляд, аналогии советник трех президентов Патрик Бьюкенен, — Америка повелевает империей — союзниками, базами и войсками. Америка тоже ввязалась в видящуюся бесконечной войну в Афганистане. Америка также является идеологическим государством. Как и СССР, Америка объединяет многие расы, племена, культуры, вероисповедания и языки. Наконец, Америка тоже достигла пределов имперского развития. Многие рефлекторно отвергнутое данное сравнение [3, с. 11–12]. Не углубляясь в метаморфозы ушедшего столетия, хотя сравнительно-правовые параллели позволяют реалистичнее смотреть на вещи, попробуем, с формальной точки зрения, оценить итоги, к которым через 25 лет после вступления в силу соответствующих Конституций (с поправками и без) и аналогичных учредительных документов пришли, в частности, американское, французское и российское общество, естественно, не умаляя национальную специфику, характер и закономерности государственного строительства, как и исторический, социально-экономический и политический контекст процесса подготовки и принятия конкретных нормативных актов.

Исходя из того, что одним из наиболее актуальных вопросов последних лет является легитимность выборов (если учитывать отношение к «косовскому прецеденту», Brexit, крымскому и каталонскому референдумам, то проблема стоит еще шире), нельзя не обратить внимание на некоторые «особенности», в той либо иной мере присущие электоральным процедурам, обусловленные наличием (или отсутствием) *особых цензовых механизмов*. Попутно отметим, что референдум как одна из форм непосредственной демократии длительный период не пользовался в глазах правящих элит должным авторитетом. Так, по оценкам государствоведов, с 1793 по 1900 г. на общенациональном уровне был проведен только 61 плебисцит, а в течение всего XX в. — чуть более одной тысячи. Статистика несколько изменилась в XXI в., в первое десятилетие которого референдум инициировался 298 раз [4, с. 13–15]. Принято считать, что к механизмам подобного рода чаще всего прибегают в Швейцарии, где любой вопрос — от строительства минаретов и мечетей до повышения окладов чиновников — может стать предметом плебисцита. Однако цифры говорят о том, что лишь с XX в. к этому инструменту народного волеизъявления стали прибегать сравнительно регулярно [5, с. 8–16].

Прежде всего, посмотрим, как обстоят дела в государстве, традиционно позиционирующем себя «оплотом демократии». Мы не будем иронизировать по поводу достаточно хорошо известного факта, что на момент образования Соединенных Штатов избирательным правом обладали менее 3% дееспособного *белого мужского населения* [6, с. 35], а к началу XX в. данная цифра [7, с. 123] составляла около 20%, включавших (благодаря XV поправке к Конституции [8, с. 253], ратифицированной в середине февраля 1870 г.) не только белых граждан, но и «colored people». Однако вплоть до 1920 г., когда была одобрена XIX поправка («... Право голоса граждан Соединенных Штатов не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку пола» [6, с. 254]), *женщины*, вне зависимости от расы и цвета кожи, *не обладали* ни активным, ни пассивным избирательным правом, т.е. в самой демократической и либеральной стране мира в течение 133 лет с момента принятия действующей Конституции (без т.н. «Билля о правах», процесс ратификации которого был завершён через 4 года, в декабре 1791 г.) имел место отчетливо выраженный *дискриминационный* подход к формированию избирательного корпуса.

Если кто-то забыл, то, в отличие от Соединенных Штатов (и большинства государств, именуемых себя демократическими), женщины, проживавшие на территории России и соответствовавшие известным требованиям, получили избирательные права в 1906 г., в результате реформ Николая II (правда, в пределах лишь Великого княжества Финляндского), а на общенациональном уровне это нашло отражение и политико-правовое закрепление в положениях Конституции РСФСР 1918 г., наделивших мужчин и женщин, достигших ко времени выборов 18 лет (в Соединенных Штатах возрастной избирательный ценз был понижен с 25 до 18 лет, исходя из требований XXVI поправки, ратифицированной 1 июля 1971 г.: «Право голоса граждан Соединенных Штатов в возрасте восемнадцати лет или старше не должно отрицаться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом в зависимости от возраста...» [6, с. 257]), независимо от вероисповедания, национальности и места проживания [1, с. 198], равными электоральными правами. Нас любят упрекать в том, что выборы в Советском Союзе во многом носили формальный характер, однако практика Соединенных

Штатов свидетельствует о том, что в этой стране цензы могли иметь какой-угодно оттенок. Так, жители федерального округа Колумбия, вплоть до 1961 г. (XXIII поправка) были лишены права делегировать своих представителей в коллегиям выборщиков (т.е. они не участвовали даже в косвенных выборах) на должность президента и вице-президента. Тем не менее, справедливости ради необходимо подчеркнуть, что (по примеру французских предшественников) провозглашенные права не носили всеобщего характера, т.к., исходя из т.н. «классовых критериев», часть социальных групп была выведена за пределы избирательного процесса. Помимо них, в категорию лишенных права избирать и быть избранным входили ограниченно дееспособные граждане. С учетом обозначенных тенденций (многие из которых в настоящее время не считаются недемократическими и «дурным тоном»), обращает на себя внимание юридическая «новелла», обусловленная принципом «солидарности с трудящимися других государств»: иностранцам, находящимся на территории республики с целью осуществления «трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или не пользующемуся чужим трудом крестьянству», предоставлялись все политические права российских граждан, в т.ч. — избирательные.

Несколько «иной» подход наблюдался в Соединенном Королевстве, где подданные женского пола получили *активное* избирательное право только в 1918 г. согласно «Акту о народном представительстве», однако в отличие от дееспособных мужчин, к ним, чтобы «иметь право зарегистрироваться в качестве избирателя при выборах в парламент...», законом предъявлялись более жесткие требования, начиная с возраста (*двадцать* лет для мужчин и *тридцать* лет — соответственно для женщин), наличия земли либо какой-то иной недвижимости, приносящей определенный размер личного дохода (на тот момент сумма составляла — не менее 5 фунтов стерлингов), отсутствия ограничений в «гражданских правах», наконец, нахождение в браке с лицом, имеющим дом или другое «помещение для деловых занятий» [9, с. 216–217].

Достаточно парадоксальным и неестественным, с учетом «трепетного» отношения во Франции к представительницам «слабой половины» общества, выглядит ситуация, в рамках которой правовая дискриминация по признакам пола длилась *157 лет* после обнародования 26 августа 1789 г. «Декларации прав человека и гражданина», провозгласившей: «... Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах... Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому..., осуществление естественных прав человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами...» [9, с. 40]. Лишь норма статьи четвертой Конституции IV Республики 1946 г. поставила точку в этом вопросе: «В условиях, определенных законом, избирателями являются все совершеннолетние обоюбого пола французские граждане и лица, состоящие под французской властью, пользующиеся гражданскими и политическими правами...» [9, с. 232]. В Италии, где женщины так же «поставлены на пьедестал», получили равные с мужчинами избирательные права тоже лишь после окончания Второй мировой войны. Так, согласно статье 48 Конституции 1947 г. [8, с. 75] в Швейцарии гендерный ценз был ликвидирован еще позднее, в последние десятилетия XX в. И они еще стремятся учить нас толерантности.

Как видим, в указанной сфере общественных отношений «западная» модель демократии, одним из важнейших, *системообразующих* элементов которой

рассматриваются выборы (из чего вытекает вывод о доминировании представительных властных механизмов), весьма длительный исторический период не отвечала критериям «примера» для подражания и совершенно не обладала качественными характеристиками, необходимыми для феноменов подобного рода. Ни при каких условиях, не выводя за скобки специфические черты российской электоральной практики, вместе с тем профессиональный компаративист, проводя сравнительный анализ, не должен игнорировать тех фактов, которые позволяют вести предметную дискуссию с отечественными и зарубежными оппонентами, скептически воспринимающими любые доводы и аргументы, выходящие за рамки устойчивых псевдонаучных стереотипов и двойных стандартов, безапелляционным образом формирующих предвзятый образ «варварской» страны и многонационального народа, ее населяющего, что, как минимум, не соответствует действительности.

Однако *гендерные* ограничения, изначально противоречившие букве и духу Конституции, отраженные в первых четырех словах ее преамбулы («Мы, народ Соединенных Штатов...»), не являлись чем-то «эксклюзивным» либо «экстраординарным» для этой страны, т.к. *традиционно* в избирательных правах поражены граждане, имеющие судимость, т.е. действует, своего рода, «*криминальный фильтр*», причем как в отношении пассивного, так и активного права. Наконец, нельзя игнорировать и того факта, что в течение длительного периода — до вступления в силу в январе 1964 г. XXIV поправки — серьезным ограничителем реализации дееспособными гражданами своих прав выступала одна из архаичных разновидностей *имущественного* ценза, непосредственно связанного с неуплатой физическим лицом подушного или какого-либо иного налога и фискального платежа.

На этом фоне не выдерживает даже снисходительной критики практика, в основе которой лежит система *косвенных выборов* главы государства (а до ратификации в апреле 1913 г. XVII поправки верхней палаты американского Конгресса — Сената), когда легитимацию нового президента осуществляет не народ, посредством голосования, а т.н. «*коллегия выборщиков*», в количестве, равном общему числу конгрессменов (членов Сената и Палаты представителей), избранных от конкретного штата в федеральный парламент. Любопытно, особенно в контексте *перманентных* претензий в наш адрес по поводу многочисленных нарушений, допущенных в процессе избирательных кампаний, что в Соединенных Штатах на выборах всех уровней отсутствуют не только такие обязательные для российских и европейских выборов институты, как *наблюдатели* (существует реальный запрет находиться кому-либо, кроме избирателей и членов комиссий, на избирательных участках, прочих местах для голосования, за неисполнение которого прокурор может ввести санкции), в частности иностранные, *доверенные лица*, представляющие кандидатов и их программы, и *опросы граждан*, осуществивших конституционное право, отдав свой голос за представителя политической партии, но и *популяризируется* во многом абсурдная *формализация механизмов* выдвижения и регистрации претендентов, итогом чего нередко становится голосование за умершего (но оставленного в списках) кандидата и даже животных. Справедливости ради надо сказать, что период, предшествовавший революционным событиям 1917 г., в течение которого в Российской империи шел процесс либерализации избирательного законодательства, в той или иной степени отражал тенденции, имевшие место в Западной Европе и Соединенных

Штатах, поэтому ряд цензов (гендерный, имущественный и «криминальный»), о которых идет речь, следует рассматривать в качестве критериев оценки уровня демократичности преобразований, осуществленных правящими элитами как в рамках монархической (Великобритания, Россия), так и республиканской (Соединенные Штаты) формы правления, особенно учитывая тенденции, актуализированные уже через несколько лет [10, с. 172].

Было бы не совсем справедливым не отметить тот факт, что традиции косвенных выборов (и «коллективный» характер института выборщиков), на определенном этапе государственного строительства представлявших собой во многом *прогрессивный и действенный публичный механизм* (небольшие по количеству населения и размерам территории штаты имели такое же число выборщиков, как крупные и экономически состоятельные «субъекты»), не является сугубо американским изобретением, т.к. нечто подобное, достаточно обратиться к тексту Конституции 1791 г. («Отдел II. Первичные собрания. Избрание выборщиков»), можно встретить во Франции периода ранних буржуазных революций [9, с. 53]. Более того, вполне допустимо говорить не только о преемственности, но и об актуализации — нормами Конституций IV (1946 г.) и V (1958 г.) республик — подобной методологии при формировании одной из палат национального парламента: в первом случае Совета республики, во втором Сената. Опыт первых 18 лет (от Конституции РСФСР 1918 г. до Конституции Союза ССР 1936 г.) советского строительства в нашей стране свидетельствует о том, что население самостоятельно *избирало* всего лишь властные *учреждения сельского и городского уровня*, все остальные — вплоть до Всероссийского съезда советов и Съезда советов Союза ССР — *путем делегирования представителей* нижестоящих структур в вышестоящие.

К практике косвенных выборов (почти через 55 лет!?) вновь прибегли при избрании Съездом народных депутатов президента Советского Союза, когда институт *единоличного* главы государства, «реанимированный» впервые после ликвидации монархической формы правления, был введен в действие «коллекцией выборщиков», сформированной по смешанной системе — часть депутатов высшего органа власти, наделенного, помимо всего прочего, учредительными прерогативами, получили свои мандаты непосредственно от граждан, остальные — от различных общественных организаций (творческих и профессиональных союзов, Академии наук, комсомола). Другими словами, мы воспользовались не только опытом вечевых собраний, земских соборов и съездов советов, в общественном сознании ассоциируемых с отечественными традициями *народовластия*, но и методами, известными англосаксонской и континентальной системам права, тем или иным образом апробированными на разных этапах исторического процесса. Поэтому, как минимум, недоумение вызвала *не совсем адекватная реакция* «коллективного Запада» на решение использовать для легитимации привнесенного извне элемента политической системы механизмов не прямой, а представительной демократии, что может рассматриваться в качестве проявления пресловутых *двойных стандартов*.

Вообще проблема двойных стандартов (причем какой бы «объект» или «предмет» не взять в качестве иллюстрации) как легального средства влияния на мнение электората давно вышла на первый план в тех сферах отношений, в которых активно и целенаправленно используются пропагандистские клише и штампы, призванные показать недемократический характер избирательных

процедур, используемых в России. Ситуация лишь усугубилась в преддверии предстоящих выборов президента, в т.ч. в контексте срока нахождения в должности действующего главы государства. Совершенно неважно, что в той же Германии (хотя данный пример не уникальный!?) одно лицо гипотетически вправе возглавлять высший орган исполнительной власти — сколько угодно раз подряд, главное, чтобы его политическая партия побеждала на парламентских выборах, а в Соединенных Штатах кресло в Белом доме достается кандидату, получившему поддержку «коллегии выборщиков», а не большинство голосов дееспособных граждан. Напомним, что норма, лимитировавшая период нахождения в должности главы государства двумя сроками подряд, появилась в Соединенных Штатах лишь благодаря XXII поправке к Конституции, ратифицированной 27 февраля 1951 г., т.к. до этого подобных ограничений не существовало, о чем свидетельствует тот факт, что Ф.Д. Рузвельт избирался на пост президента не 2, как последние десятилетия, а 4 раза.

Итак, о чем говорит проведенный сравнительно-правовой анализ особенностей, позволяющих с разной степенью условности квалифицировать исследованные институты с точки зрения наличия либо отсутствия алгоритмов демократической направленности, связанных с организацией электорального процесса? Первое, что бросается в глаза, ангажированный характер процедур, предельно *абсолютизируемых* в одних случаях (в частности, когда возникает вопрос о придании легитимного статуса выборам и плебисцитам, формально-юридически полностью или преимущественно не отвечающим необходимым критериям), *игнорируемых* либо *минимизируемых* — в других (например, если ставится задача осуществить «ребрендинг» конкретного лица при сохранении в целом политической системы). Однако еще более важным представляется следующее обстоятельство: за внешне благополучным «глянцевым» фасадом «западной» модели демократии скрываются «язвы», от которых, невзирая на лозунги о толерантности, мультикультурализме и политкорректности, нельзя избавиться без *фундаментальной корректировки* отношений широких слоев населения, олицетворяющих собой «источник и носитель власти», и правящих элит, концентрирующих ее в своих руках. «Майдан» конца 2013 – начала 2014 г. и государственный переворот на Украине (как и большинство «цветных революций») показывают, к каким плачевным результатам приводит замена *демократии* — при всех ее издержках и недостатках — на *охлократию*, для осуществления чего не потребовалось вносить каких-либо существенных поправок ни в Конституцию, ни в законодательство. Президентская кампания в Соединенных Штатах, в свою очередь, наглядно продемонстрировала всему миру, какими могут быть последствия избрания «несистемного» кандидата, и как болезненно на это реагирует истеблишмент.

От оппозиции и «либералов» всех мастей нередко приходится слышать, что российское избирательное законодательство (трудно ни подчеркнуть, что одно из наиболее кодифицированных и «продвинутых») находится в режиме *постоянного реформирования*: то маятник качнется в сторону мажоритарной, то пропорциональной системы, губернаторов сначала избирали, затем глава государства их стал назначать, позднее отказавшись от практики такого рода. На наш взгляд, это не что иное, как показатель того, как оперативно реагирует на «требования дня» не только законодатель, но и государственный механизм в целом, что потенциал, заложенный в Конституции, *далеко не исчерпан*. Все

это — на фоне *стагнирующих* во многих государствах «коллективного Запада» публичных институтов — не может не внушать оптимизма. Вместе с тем нельзя обольщаться имеющимися достижениями и закрывать глаза на недостатки, о которых народ периодически напоминает президенту, взявшему на себя груз ответственности за страну, ее настоящее и будущее.

Не менее «проблемным» (правда, вариативно в отдельных странах) стал в последние годы вопрос соотношения *явки* избирателей и нежелания под тем либо другим предлогом (речь идет об абсентеизме) участвовать в выборах и референдумах, одной из причин которого, несмотря на институциональную трансформацию «*избирательного права*» в нечто иное, как «*гражданский долг*», с конкретной ответственностью за неисполнение последнего, можно рассматривать механизмы *административного воздействия* правящих элит — в лице политической и управленческой бюрократии — на итоговые результаты парламентских и президентских выборов, в чем справедливо упрекали нас, не говоря уже о «новых» агитационных технологиях, основанных на популизме и нетрадиционных формах общения с потенциальным электоратом. Однако вне всякой конкуренции, о чем ярко свидетельствуют кампании 2016–2017 гг., находится такой метод «получения голосов», как *руссофобия*, используемый в тех ситуациях, когда обычные практики и процедуры не гарантируют победы «нужных кандидатов» или представителей соответствующей партии. Причем во многих случаях, количество и периодичность которых перманентно растет, «русский след» находят даже там, где его не может быть по определению.

Так кто с кого должен брать пример и чей опыт менее абсурден и более последователен в контексте процесса государственного строительства? Ответ не так прост, как кажется на первый, поверхностный взгляд. Не исключено, что «подсказку» следует искать в конвергенции, какие бы ассоциации у нас не возникали при этом, т.к. бездумное копирование, а priori не адаптируемых к национальному менталитету конституционно-правовых механизмов, в итоге приводит либо к социальной апатии и нигилизму, либо к недемократическим средствам волеизъявления со стороны «источника и носителя власти». Что за этим наступает отчетливо, в деталях проиллюстрировали киевский «майдан» и последовавшая за ним маргинализация общественных отношений.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. №5 (118). С. 12–21.
2. Государственное право СССР и советское строительство: учебник. 2-е изд. / под ред. Н.П. Фарберова. М.: Юридическая литература, 1986. 432 с.
3. *Бьюкенен П.* Самоубийство сверхдержавы / пер. с англ. К.М. Королева. М.: АСТ, 2016. 640 с.
4. *Мишин А.А.* Государственное право США. М.: Наука, 1976. 205 с.
5. *Маклаков В.В.* Референдум в зарубежных странах. М.: ИНИОН РАН, 2014. 127 с.
6. *Лафитский В.И.* Основы конституционного строя США. М.: Норма, 1998. 272 с.
7. *Тилли Ч.* Демократия. М.: Институт общественного проектирования, 2007. 263 с.
8. Конституции зарубежных стран / сост. В.Н. Дубровин. М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2003. 445 с.
9. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / сост. Н.А. Крашенинникова. М.: ЗЕРЦАЛО, 2000. 592 с.
10. История государства и права России. Источники права. Юридические памятники XI–XX вв. М.: Издательская фирма «Манускрипт», 1995. 256 с.

References

1. *Kabyshev V. T.* Constitutional Dialogue // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 5 (118). P. 12–21.
2. The State Law of the USSR and Soviet Construction: Textbook. Ed. 2nd / Eds. N.P. Farberova. M.: Yuridicheskaya literatura, 1986. 432 p.
3. *Buchanan, Patrick.* Suicide of a Superpower /trans. from English. K.M. Korolyov. M.: Publishing house AST, 2016. 640 p.
4. *Mishin A.A.* State Law of the USA. M.: Publishing house Nauka, 1976. 205 p.
5. *Maklakov V.V.* The Referendum in Foreign Countries. M.: INION RAN, 2014. 127 p.
6. *Lafitskiy V.I.* Fundamentals of the Constitutional System of the United States. M.: Norma, 1998. 272 p.
7. *Tillie Ch.* Democracy. M.: Institute of public design, 2007. 263 p.
8. Constitutional Law of Foreign Countries. Textbook for high schools. Ed 4. M.: Norma, 2005. 445 p.
9. Reader of History of State and Law of Foreign Countries (Modern and Contemporary times) / Book Acquisitions: Doctor of law, Professor N.A. Krashennikova. M.: Publishing house ZERTSALO, 2000. 592 p.
10. History of State and Law of Russia. Law Sources. Legal Monuments of the XI–XX centuries M.: Publishing firm Manuscript, 1995. 256 p.

УДК 342.415

Г.Н. Комкова

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Введение: закрепление в Конституции принципов равенства и справедливости, социального государства должно обеспечить достойный уровень жизни всех жителей России. Однако в период финансового кризиса эти принципы порой нарушаются. **Цель:** исследование принципов равенства и справедливости и новых подходов к практике их реализации в современной России. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты:** с учетом проведенного исследования имущественного неравенства и несправедливого распределения доходов населения в России обосновывается необходимость изменения системы оплаты труда руководителям государственных корпораций. **Выводы:** современная политика Российского государства в области обеспечения принципов равенства и справедливости в целях обеспечения безопасной и достойной жизни человека требует более взвешенного подхода. В целях обеспечения равномерности распределения доходов между богатыми и бедными гражданами России необходимо, чтобы коммерческие организации расходовали свои средства соразмерно сложившейся ситуации в обществе, не провоцируя социальную ненависть.

Ключевые слова: равенство, социальное государство, имущественная дифференциация, социальная справедливость.

© Комкова Галина Николаевна, 2018

Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского)

© Komkova Galina Nikolaevna, 2018

Doctor of law, professor, head of Constitutional and municipal law department (Saratov National Research University named after. N.G. Chernyshevsky)

G.N. Komkova

PROBLEMS OF ENSURING EQUALITY AND JUSTICE
AT THE PRESENT STAGE OF THE CONSTITUTIONAL
DEVELOPMENT OF RUSSIA

Background: consolidation of equality and justice principles, of a social state in the Constitution should ensure a decent standard of living for all residents of Russia. However, in the situation of the financial crisis these principles are at times infringed. **Objective:** the author of the article supposes to study the principles of equality and justice and new approaches to the practice of their implementation in modern Russia. **Methodology:** in doing the research the following methods of inquiry were applied: dialectical method of scientific knowledge, system, formal-legal, comparative-legal methods of research. **Results:** taking into account the conducted research of inequalities of wealth and unfair distribution of profits of population in Russia the author argues the necessity of changing the system of Compensation Practices to managers of state corporations. **Conclusions:** the author states that the modern policy of the Russian state in the field of ensuring the principles of equality and justice in order to ensure a safe and decent human life requires more balanced approach the this problem. In order to ensure the uniform distribution of income between rich and poor citizens of Russia it is necessary that commercial organizations disburse their funds commensurate with the prevailing situation in society, without provoking societal intolerance.

Key-words: equality, social state, property differentiation, social justice.

Задача обеспечения равенства между людьми и справедливости в отношениях между ними является одной из главных для любого демократического правового государства. Стремление к равенству и справедливости — важный элемент национального самосознания россиян, оно выступает одной из важнейших ценностей, передаваемых от поколения к поколению посредством культуры, национальных традиций, самосознания. В преамбуле Конституции РФ 1993 г. сказано, что многонациональный народ России почитает память предков, «передавших нам веру в добро и справедливость».

Особую значимость проблема реализации равенства и справедливости приобретает в период кризиса, когда отступление от принципов равенства прав и свобод человека и гражданина, а также справедливости, ощущается особенно остро. Это происходит потому, что количество распределяемых между жителями страны ресурсов заметно уменьшается, а потому любая несправедливость выступает в качестве глобальной. Как верно отмечает В.Т. Кабышев, «свобода экономической деятельности не должна противоречить политике государства, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, на охрану труда и здоровья людей» [1, с. 220]. Ведь цель справедливости состоит не в обеспечении равенства между всеми членами общества, а в достижении общего благополучия, процветания всех без исключения людей, живущих в государстве. Однако парадокс состоит в том, что такому процветанию отнюдь не будет способствовать одинаковое отношение к каждому человеку при распределении возможностей и ресурсов, поскольку у разных людей разные способности. Один человек данные ему возможности и ресурсы может бездумно растратить, а другой приумножить. Здесь свою роль должно сыграть государство, реализующее общую цель — обеспечение условий, позволяющих всем членам общества достигать поставленных перед собой жизненных целей.

Для реализации принципов справедливости и равенства именно государство и его структуры должны применять меры, наиболее разумно перераспределяющие блага между своими гражданами. Как же это реализуется на современном этапе развития России?

Очевидно, что период кризиса, в котором сейчас находится Россия, принцип равенства связан с наличием большего, чем обычно, числа лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. Ведь одной из самых серьезных угроз нарушения принципов равенства и справедливости выступает разрыв в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных жителей страны. Этот показатель вырос в России с 4,5 в 1990 г. до 16,5 раза в 2013 г., в 2015 г. он несколько снизился и составил 16¹. В последние годы этот разрыв несколько уменьшился: в 2016 г. — 14,1, а в 2017 г. — 14,3, хотя все равно это достаточно большая разница². Ведь очевидно, что слишком большое неравенство не только вредит экономическому росту государства, но и провоцирует социальную нестабильность.

Справедливость в данном контексте состоит в том, чтобы имеющиеся недостаточные финансово-материальные ресурсы распределить между малообеспеченными категориями граждан в зависимости от степени нуждаемости. При этом неверным будет утверждать, что основной причиной бедности является лень человека или его неумение распорядиться имеющимися у него ресурсами. Ему реально просто не хватает денег на жизнь.

Так, например, в 2016 г. численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (9828 руб. в среднем на одного человека) по России составила 13,4% от численности всего населения России, т.е. 19,6 млн чел., причем около четверти из этого количества — пенсионеры³. Однако в качестве индикаторов государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» этот показатель должен был составить в 2016 г. 10%, а в 2017 г. вообще исчезнуть⁴. Нельзя сказать, что в последние годы ничего не делается в этом направлении. Напротив, и федеральные, и региональные органы государственной власти предпринимают определенные усилия для повышения уровня и качества жизни населения России. Так, например, с 1 января 2018 года минимальная заработная плата в среднем по стране не может быть менее 9489 рублей, что составляет стоимость прожиточного минимума, причем в ряде регионов она будет выше. В частности, в городе федерального значения Москве на увеличение социальных выплат в 2018 г. из бюджета города было выделено около 50 млрд руб., которыми будут охвачены 2,2 млн москвичей. С 1 января 2018 г. на 20% (3 тыс. руб.) был повышен городской социальный стандарт минимальных доходов для неработающих пенсионеров, который составляет теперь 17,5 тыс. руб. В столице проводится последовательная политика по сокращению числа детей-сирот: сейчас в семьях воспитываются 92% всех детей-сирот, что на 18%

¹ URL: <http://www.levada.ru/31-08-2015/ekonomicheskoe-samochuvstvie-i-nalichie-sberezhenii> (дата обращения: 31.01.2018).

² URL: <http://www.rosbalt.ru/posts/2017/08/15/1638652.html> (дата обращения: 12.01.2018).

³ См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/127.htm (дата обращения: 31.01.2018).

⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан»: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 296 (в ред. от 17 ноября 2017 г. № 1388). URL: http://www.socialnaya-podderzhka.ru/normativnaja_baza/postanovlenie_296/ (дата обращения: 15.01.2018).

больше, чем в 2010 г.⁵ Однако в других субъектах РФ региональные власти не могут позволить себе выделение средств на оказание дополнительной социальной поддержки малоимущим, что приводит к нарушению принципа равенства независимо от места жительства. Также должна сыграть свою роль федеральная власть, перераспределяющая финансовые ресурсы между субъектами Федерации — донорами и теми, кто относится к категории дотационных.

Справедливость также состоит и в том, чтобы богатые граждане и организации в этот период расходовали свои средства соразмерно сложившейся ситуации в обществе, не провоцируя социальную ненависть. Однако, к сожалению, они не всегда это понимают, что чревато неблагоприятными последствиями для них. В этой связи одним из факторов обеспечения социальной справедливости служит деятельность Общероссийского народного фронта, направленная на выявление неоправданных трат государственных учреждений и организаций с государственным участием. Так, например, в сентябре 2013 г. был запущен Проект ОНФ «За честные закупки». Это открытая площадка, которая объединила более 8 тыс. активистов по всей стране, занимающихся борьбой с коррупцией, растрочительством и неэффективным использованием бюджетных средств в сфере госзакупок и закупок госкомпаний. Результатом работы проекта стали отмена и устранение нарушений в государственных закупках на 249 млрд руб. При этом на закупках предметов роскоши, автомобилей, чартерных перелетов и дорогой мебели удалось сэкономить порядка 20 млрд руб.⁶ Важными в этой связи будут реакция правоохранительных органов по поводу законности таких сделок и привлечение к ответственности должностных лиц.

Недовольство населения проводимой органами власти «асоциальной» политикой, усиление напряженности может спровоцировать общественные конфликты различного уровня. Показательны в этом отношении результаты социологических исследований. Так, например, по опросу, проведенному социологической службой Левада-центра в августе 2017 г., самыми острыми проблемами жители России считают рост цен — 61%; бедность, обнищание большинства населения — 45%; коррупцию — 33%; резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов — 25%⁷.

Огромную разницу между доходами бедных и богатых поможет сократить взвешенная государственная политика в области повышения заработной платы, пенсий, государственных пособий, разумного распределения налогового бремени, обеспечения равного доступа к образованию, здравоохранению, осуществления адресной социальной помощи наиболее уязвимым слоям населения. Тем не менее, требование справедливости предполагает, что большое имущественное расслоение само по себе конфликтно. Неравенство доходов делает людей недовольными своей жизнью и, соответственно, политикой государства. При этом несправедливым для большинства людей выступает не наличие богатства у отдельной группы их сограждан, а их нежелание перераспределить его в пользу

⁵ Москва берет на себя повышенные социальные обязательства. URL: http://www.ng.ru/moscow/2018-01-31/2_7162_moscow.html (дата обращения: 31.01.2018).

⁶ См.: Официальный сайт Общероссийского народного фронта. URL: <https://www.zachestnyezakupki.onf.ru> (дата обращения: 31.01.2017).

⁷ URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/08/2017/59a68cdf9a79477acee3d38ff> (дата обращения: 23.01.2017).

других, менее имущих людей. Кроме того, возмущает людей несоразмерность выполняемой функции руководством той или иной государственной корпорации с уровнем получаемого ими вознаграждения. Одним из перспективных направлений политики государства по обеспечению равенства и справедливости между людьми может стать установление предела выплаты заработной платы топ-менеджерам государственных корпораций. Так, например, в 2016 г. глава «Газпрома» Алексей Миллер получил вознаграждение в размере более 1 млрд руб., Президент «Роснефти» Игорь Сечин — более 780 млн руб., тогда как Президент России Владимир Путин заработал в 2016 г. 8,858 млн руб., глава правительства Дмитрий Медведев — 8,5869 млн руб.⁸ Нельзя отрицать, что уровень выполняемой работы Президентом России и премьер-министром очень высок, как и уровень их ответственности. Почему же руководители государственных корпораций получают во много раз больше высших руководителей государства, тогда как объем их работы и уровень ответственности гораздо ниже. Было бы более справедливым установить размер оплаты труда руководителям государственных корпораций в размере 90% от уровня вознаграждения Президента РФ или Председателя Правительства, как это, например, сделано в судебной системе^{**}. Данное изменение позволит снизить социальную напряженность, поскольку высвободившиеся средства пойдут в доход государства и будут распределены между остро нуждающимися социально незащищенными гражданами. Как это не удивительно, от слишком большого неравенства в доходах страдают даже богатые, которые становятся все более склонны к депрессии, беспокойству о своей безопасности, испытывают множество трудностей в социальном плане. Кроме того, воздержанность в своих тратах, нестяжательство, участие в благотворительности лиц, имеющих высокие доходы, будут способствовать улучшению социального климата в стране, укреплению принципов равенства и справедливости, а значит, обеспечению комфортной и безопасной жизни для всех граждан России.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. М.: Формула права. 2013. 320 с.

References

1. *Kabyshv V.T.* With the Constitution for Life: Selected scientific works. M.: The formula of law. 2013. 320 p.

⁸ URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/04/14/10626809.shtml> (дата обращения: 23.01.2018).

⁹ О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

УДК 342.415

В.В. Невинский

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ

Введение: провозглашение прямого действия Конституции РФ предполагает ориентацию национальной правовой системы на базовые конституционные ценности, что неоднозначно воспринимается в отечественной науке конституционного права. **Цель:** исследование современных взглядов российских конституционалистов на сущность, формы и значение принципа прямого действия норм российской Конституции. **Методологическая основа:** общий диалектический метод научного познания; специальные методы научного познания — формально-юридический, системный, сравнительного правоведения. **Результаты:** с учетом проведенного исследования различных взглядов на сущность, формы выражения и значение принципа прямого действия российской Конституции обоснована необходимость его признания в силу: 1) целевой доктринально-правовой ориентации конституционных норм; 2) потенциальной направленности конституционных норм на создание основ правового регулирования в определенных сферах общественных отношений; 3) властного побуждения органов публичной власти к принятию развивающих конституционные нормы законов и правоприменительных актов; 4) возможности реализации и применения многих норм Конституции относительно конкретных юридических фактов в связи с однозначным смысловым значением. **Выводы:** взятый Россией в начале 90-х гг. курс на обновление теории и практики отечественного конституционализма требует среди прочего отчетливого признания прямого действия Конституции РФ как одного из формально-юридических условий реализации провозглашенных конституционных идеалов и минимизации разрыва между юридической и фактической конституциями современной России.

Ключевые слова: конституция, Россия, прямое действие, разные взгляды, признание, условие, конституционные идеалы, конституционная практика.

V.V. Nevinsky

DIRECT EFFECT OF THE RUSSIAN CONSTITUTION AT THE CROSSROADS OF CONSTITUTIONALISTS' OPINIONS

Background: declaration of the direct effect of the Constitution of the Russian Federation supposes the orientation of the national legal system onto the basic constitutional values which attract controversy in the national science of constitutional law. **Objective:** the author of the article supposes to research the contemporary views of the Russian constitutionalists upon the essence, forms of the meaning and significance of the principle of the direct effect of the rules of the Russian Constitution. **Methodology:** in doing the research the following

© Невинский Валерий Валентинович, 2018

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, заслуженный юрист РФ (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА))

© Nevinsky Valery Valentinovich, 2018

Doctor of law, Professor of the Constitutional and municipal law department, Honored lawyer of the Russian Federation (the Kutafin Moscow State University (MSAL))

methods of study were used: the general dialectical method of scientific cognition; special methods of scientific knowledge - legalistic method, systematic approach and comparative law method. Results: the author states that taking into consideration of the conducted research of different views on the essence, forms of meaning and significance of the principle of direct effect of the Russian Constitution, the necessity of its recognition is substantiated by virtue of: 1) the purposeful doctrinal and legal orientation of constitutional norms; 2) the potential focus of the constitutional norms upon the creation of the foundations of legal regulation in certain areas of social relations; 3) the authoritative motivation of the public authorities to adopt laws and legal acts that develop constitutional norms; 4) the possibility of implementing and applying many norms of the Constitution with respect to specific legal facts in connection with an unambiguous semantic meaning. Conclusions: it is proved in the article that the course taken by Russia in the early 90s of the 20th century for the renewal of the theory and practice of domestic constitutionalism requires, among other things, the clear recognition of the direct force of the Constitution of the Russian Federation as one of the formal legal conditions for the implementation of the proclaimed constitutional ideals and minimizing the gap between the de jure and de facto constitutions of modern Russia.

Key-words: constitution, Russia, direct effect, different views, recognition, condition, constitutional ideals, constitutional practice.

Прямое (непосредственное) действие норм Конституции Российской Федерации как важнейшее условие минимизации разрыва между юридической и фактической конституциями России. Государственно-правовая жизнь в России последних лет при всем оптимистическом отношении к ней дает основание говорить о нарастающем отклонении изначальной постсоветской конституционной идеологии от реальной жизни подавляющего большинства соотечественников, реального состояния общественного устройства. Иначе речь идет об усиливающемся разрыве между юридической и фактической конституциями государства.

Подобное положение достаточно рельефно просматривается в различных сферах личной, социально-экономической и государственно-правовой жизни. В последние десятилетия прошло много дискуссий по этой проблеме в российской юридической и политической науке. Все они в той или иной мере затрагивают вопрос о возможности прямого действия норм российской Конституции как одного из условий минимизации упомянутого разрыва, воплощения в повседневную жизнь конституционных ориентиров.

Известно, что российский менталитет, российская правовая культура очень трудно воспринимают посыл Конституции РФ о прямом действии ее норм, о непосредственном действии провозглашенных ею прав и свобод личности (ч. 1 ст. 15, ст. 18). Российским законодателям и правоприменителям многое остается непонятным. Зачастую конституционные ориентиры повисают в воздухе; правовая практика идет своим чередом, проецируясь на конституционно-правовые исследования в этой области. Вместе с тем принципы прямого действия Конституции, конституционных прав и свобод активно внедряются с середины XX в. в политико-правовую практику многих стран, провозгласивших в качестве основополагающего конституционного принципа обеспечение прав и свобод личности, достойное существование человека.

Научные взгляды на прямое действие российской Конституции как ее юридическое свойство. Исходя из формально-юридической стороны дела, можно заметить, что в отечественной конституционно-правовой науке взгляды на указан-

ные правовоположения разнятся. Среди них можно обнаружить: а) убежденность в прямом действии норм Конституции РФ как универсальных и одновременно формально определенных норм Основного Закона, находящихся развитие в законодательстве и правоприменительной практике; б) признание прямого действия лишь формально конкретизированных конституционных норм, не требующих дополнительного правового подтверждения (соответственно иные нормы Конституции могут быть реализованы или применены посредством развивающих их норм законов); в) утверждение о несвойственности нормам Конституции, обладающим высокой степенью универсальности содержания, правового регулирования индивидуально определенного общественного отношения, возникающего в процессе жизнедеятельности человека, общества и государства.

Отдельно можно выделить взгляды, связанные со стилистически своеобразным пониманием прямого действия российской Конституции. Например, некоторые комментаторы Конституции РФ предлагают рассматривать «прямое действие» норм Конституции РФ в двух формах: в формах «непосредственного» и «опосредованного» действия. Проявление «прямого действия» в форме «непосредственного действия» предполагает возможность реализовывать конституционную норму, в т.ч. регулиующую права, свободы и обязанности, исходя из ее буквального толкования, либо с дополнительным привлечением конкретизирующих норм отраслевого законодательства, т.е. в форме «опосредованного действия» [1, с. 161]. Приведенное мнение не лишено формально-логического изъяна. Во-первых, выражение «прямое действие» с точки зрения этимологии слов тождественно «непосредственному действию». Слова «прямо» и «непосредственно» имеют одинаковое смысловое значение: без посредников, без посредствующих звеньев, без промежуточных ступеней [2, с. 360, 560]. Во-вторых, упоминаемые «непосредственное действие» и «опосредованное действие» сопровождаются оговоркой о дополнительном использовании конкретизирующего отраслевого законодательства, т.е. и то и другое имеет опосредованный характер.

Сущность и формы проявления прямого действия норм Конституции Российской Федерации. Сравнительный анализ приведенных суждений позволяет выделить в вопросе о сущности и формах проявления прямого действия норм Конституции РФ два важных аспекта. Первый вытекает из понимания сущности «прямого действия» права, второй — из восприятия этого явления в узком и широком значении.

Первый аспект. Из общей теории права известны три подхода к действию права. С точки зрения теории «естественного права» право всегда действует прямо, непосредственно. С позиции «позитивного» права нормативный правовой акт прямо, непосредственно действует с момента вступления в юридическую силу, что не исключает его последующую детализацию. Соответственно и нормы Конституции как нормы нормативного правового акта начинают непосредственно, прямо действовать со дня их вступления в юридическую силу, т.е. с 25 декабря 1993 г. С точки зрения т.н. «социологического» понимания действия права его нормы начинают действовать лишь посредством их реализации, «использования правом установленных субъективных прав и свобод, исполнения субъективных обязанностей и общих запретов, а также правоприменения» [3, с. 404–407]. Как отмечает М.Н. Марченко, «... правовая норма существует и дает о себе знать лишь тогда, когда она не только формально принимается, составляя содержание того или иного правового акта, но и реально, в поведении людей и организуемых ими институтов выполняется» [4, с. 681].

Применительно к последнему случаю следует заметить: невозможно отрицать значение реализации, правоприменения конкретного юридического предписания для регулирования определенного общественного отношения, как и невозможно отрицать прямое действие нормативного правового акта, в т.ч. Конституции, вступившей в юридическую силу.

Прямое действие Конституции РФ выражается следующим образом:

во-первых: а) в потенциальной направленности ее норм на реализацию и применение; б) в создании своеобразных основ правового поля в определенных областях общественных отношений (возможно, кроме тех, о которых в самом тексте Конституции оговаривается, что подробности регулирования соответствующего конституционного положения устанавливаются федеральным законом, а также кроме оговорок раздела «Заключительные и переходные положения» Конституции РФ в части временного недействия некоторых конституционных норм (п. б));

во-вторых, посредством властного побуждения органов государственной власти, местного самоуправления к принятию нормативных правовых актов, развивающих отдельные нормы Конституции.

в-третьих, в реализации, применении формально определенных, не требующих дополнительной конкретизации конституционных положений (например, Россия — есть республика; право законодательной инициативы в федеральном законодательном процессе принадлежит строго фиксированному кругу субъектов конституционно-правовых отношений);

в-четвертых, прямое действие имеют и те нормы Конституции РФ, которые относятся к нормам общего, постановочного характера. Оно обеспечивается официальной интерпретацией «духа и смысла» конституционных норм, осуществляемой Конституционным Судом РФ и возможно при определенном официальном толковании и согласованном восприятии федеральным законодателем и правоприменителями, включая судебные инстанции общего и арбитражного правосудия.

Безусловно, официальная интерпретация требует высокой юридической техники, системного представления о сущности, целевом назначении, содержании предмета толкования, о месте среди иных конституционных предписаний и возможных издержках при реализации и правоприменении в отношении определенных юридических фактов. Определенные опасения в отношении объективной востребованности и рациональности выводимого из официального толкования непосредственно действующего конституционного положения имеются. Но на то и законодатель, который в течение непродолжительного времени после официального толкования обязан в системном виде представить соответствующий нормативный правовой акт (изменения в действующий правовой акт), всесторонне регулирующий возникающие общественные отношения.

Второй аспект. Очевидно, в представленном контексте можно говорить о понятии прямого, непосредственного действия Конституции РФ в широком значении. В узком же значении прямое действие Конституции РФ, ее норм воспринимается в лучшем случае лишь через призму формально определенных, не требующих дополнительного, конкретизирующего нормативного установления. Оно, как правило, и выступает в качестве объекта дискуссии о прямом или непрямом действии Конституции. Однако, как известно, во всякой конституции не так много положений с однозначным смысловым значением. Все ее нормы считаются действующими с момента вступления конституции в юридическую силу (за исключением специально отложенного действия конституционных норм).

Вывод. Утверждение прямого действия Конституции РФ как ее неотъемлемого юридического свойства отвечает современному уровню развития конституционализма в развитых странах мира. Оно находит подтверждение в отечественных научных изысканиях, практике Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, системы иных судов. Вместе с тем требуется дальнейшее совершенствование доктринальной и правовой аргументации в пользу признания прямого действия конституционных норм, механизма обеспечения такого действия с определенными юридическими последствиями.

Библиографический список

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М.: Эксмо, 2009. 1056 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 57000 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1983. 816 с.
3. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 472 с.
4. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2016. 768 с.

Reference

1. Commentary to the Constitution of the Russian Federation / ed. V.D. Zorkina, L.V. Lazarev. Moscow: Eksmo, 2009. 1056 p.
2. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: Ok. 57000 / ed. N.Yu. Shvedovoi. Moscow: The Russian Language, 1983. 816 p.
3. Polyakov A.V., Timoshina E.V. General Theory of Law: a textbook. St. Petersburg: Publishing House S.-Petersburg. state. University, 2005. 472 p.
4. Marchenko M.N. Problems of the Theory of State and Law: a textbook. Moscow: Prospect, 2016. 768 p.

УДК 342.4

А.В. Мещеряков, Н.И. Кашурин

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В РОССИИ: КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение: Провозглашение в Конституции России социальным государством обязывает государство обеспечить каждому своему гражданину достойный человек проживающий минимал, свободное развитие и справедливое социальное обеспечение. Основой

© Мещеряков Александр Викторович, 2018
Кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения деятельности органов власти (Северо-Кавказский институт — филиал РАНХ и ГС при Президенте РФ (г. Пятигорск))
© Кашурин Николай Иванович, 2018
Председатель Общественной палаты Ставропольского края, заслуженный юрист РФ

© Mescheryakov Alexander Viktorovich, 2018
Candidate of law, associate Professor of the chair of legal support of authorities (North Caucasian Institute - branch of the Russian presidential Academy of Sciences and State Academy of Sciences (Pyatigorsk))
© Kashurin Nikolai Ivanovich, 2018
Chairman of the public chamber of the Stavropol territory, honored lawyer of the Russian Federation

качественного проведения социальной политики, построения национальной модели социального государства в Российской Федерации служат реальные достижения в области экономического развития страны. **Цель:** исследование моделей социального государства, выявление и характеристика их особенностей, влияния экономических реформ на уровень социальной защищенности граждан. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты:** исследованы модели социального государства, политических и экономических реформ, проводимых в современной России. **Вывод:** необходимо кардинальное улучшение социальной защищенности граждан путем реализации модели социально ориентированного развития государства и общества. Построение данной модели позволит значительно снизить не только социальную напряженность в обществе, но и стимулировать рост во многих сферах отечественной экономики.

Ключевые слова: Конституция, Российская Федерация, социальное государство, экономические реформы, защищенность граждан, социальное обеспечение, модель, прожиточный минимум.

A.V. Mescheryakov, N.I. Kashurin

THE SOCIAL STATE IN RUSSIA:
THE CONSTITUTIONAL MODEL, PROBLEMS
AND PROSPECTS

Background: proclamation of Russia as a social state in the Constitution of RF obligates the state to provide every citizen with a decent living wage, free development and fair social security. The real achievements in the country's economic development serve as the basis for the qualitative implementation of the social policy and the construction of a national model of a social state in the Russian Federation. **Objective:** the authors suppose to study the models of the social state, to identify and characterize their features and the impact of economic reforms on the level of the social protection of citizens. **Methodology:** in carrying out the research the following methods were applied: dialectical method of scientific cognition, systematic, formal-legal, comparative-legal research methods. **Results:** the researchers studied the model of the social state, political and economic reforms carried out in modern Russia. The conclusion is made concerning the need to radically improve the social protection of citizens, by means of the implementation of the model of socially – oriented development of the state and society. The construction of this model will significantly reduce not only social tensions in the society, but also stimulate growth in many areas of the domestic economy. **Conclusions:** the current socio – economic situation in the country requires significant changes in terms of real improvement in the living conditions of citizens and their social protection.

Key-words: Constitution of Russian Federation, the welfare state, economic reform, protection of citizens, the social security model, the cost of living.

Конституционная характеристика России как социального государства предполагает создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ). Из этого следует, что все изменения, происходящие в экономической и политической жизни общества, должны служить основой проведения социальной политики, построения национальной модели социального государства в Российской Федерации. К сожалению, значительная часть российского общества не получила того, что провозгласила

Конституция, а проводимые реформы не только не создали условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а, напротив, способствовали усилению социального неравенства [1, с. 212]. Не случайно 10 лет назад председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в статье «Стандарт справедливости» сделал неутешительный вывод, согласно которому преодоление «ловушки неравенства» для России — это критерий ее дееспособности как социального государства и от решения проблемы социальных прав зависит судьба демократии не только в России, но и в Европе [2].

Как известно, юридическая конституция, т.е. конституционная модель государства и реальность (фактическая конституция) порой не только не соответствуют друг другу, но и нередко вступают в противоречие, поскольку жизнь всегда богаче любой конституционной конструкции и модели государства. В этой связи одной из основных сегодняшних проблем современной России является построение такой модели социального государства, которая бы восприняла зарубежный опыт формирования социальных государств с одновременным учетом российских условий, в т.ч. исторических.

Процесс построения социального государства, на теоретическую разработку и практическое воплощение которой оказывали влияние различные исторические, политические, экономические и иные факторы, имеет давнюю историю. Этим обусловлено возникновение различных моделей социальных государств, получивших отражение в национальном законодательстве. Как отмечают Ю.И. Скуратов и Д.С. Иванин, «наиболее распространенная типология социальных государств базируется на разграничении либеральной, консервативной и социал-демократической моделей. В качестве критерия классификации в данном случае используются объем государственных расходов и степень, до которой государство освобождает индивидуума от зависимости от жестких условий рыночной экономики путем предоставления всем высокого уровня социального обеспечения и услуг» [3, с. 5].

Свой вклад в типологию социальных государств внесла и Россия. Ее правовые истоки связаны с социалистическим переустройством государства, коммунистическими идеями всеобщего равенства и справедливости. В основе социалистической модели социального государства лежали принципы классовой солидарности и пролетарского интернационализма. Так, в одном из первых декретов Советской власти от 23 (10) ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» провозглашалось: «Все существовавшие донныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются ... и устанавливается одно общее для всего населения России наименование — граждане Российской Республики»¹.

В Конституции СССР 1936 г. впервые в конституционной практике государств были закреплены социально-экономические права граждан, и бывший СССР, с точки зрения реальных достижений в области социальной защищенности населения, долгое время занимал ведущие позиции в мире, хотя сам термин «социальное государство» был конституционно закреплен лишь в Основном Законе РФ 1993 г. Поэтому особенности развития отечественных представлений

¹ Декрет ВТ ТИК и СНК РСФСР «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // СУ РСФСР. 1917. № 3, ст. 31.

о сущности и задачах социального государства, несомненно, отражаются на специфике современной полемики по данной проблеме. Эта специфика определяется наличием противоречия между сформировавшимися представлениями людей о высокой социальной защищенности, существовавшей во времена социализма и достаточно ограниченными возможностями современного государства в выполнении социальных обязательств.

После Октябрьской революции 1917 г. на определенные слои российских граждан буквально обрушился вал социальных прав, которые никак не подкреплялись материально-экономическими гарантиями. Постепенно в советском социалистическом государстве при проведении социальной политики акцент смещался не в сторону развития творческой активности граждан и создания благоприятных условий для их достойной жизни, а на расширение патерналистических функций государства, которое стало выступать единоличным благодетелем по отношению к населению. Это произошло благодаря директивной экономике, характерной для социалистического государства, в результате чего последнее сосредоточило в своих руках все основные ресурсы, необходимые в т.ч. и для социального развития. Таким образом, в итоге социалистического переустройства общества в советской России, а затем в масштабах всего Союза ССР вплоть до его распада стала реализовываться т.н. патерналистская модель социальной политики.

При всей кажущейся привлекательности такой модели социального государства она имеет и ряд негативных последствий для населения страны. Наиболее худшим из них в патерналистской модели является рост социальной пассивности населения и расчета на государство, которое должно решать все их социальные проблемы. Поэтому становление современного социального государства в России было сопряжено с большими трудностями. Это обусловлено в первую очередь распадом СССР и выдавливанием государства из экономики. Освобождение цен фактически было не либеральным прорывом, а состоявшейся попыткой власти снять с себя ответственность за уровень жизни народа. Приватизация явилась отказом власти от управления собственностью. Не сохранив сбережения населения и капиталы финансовых институтов, не противодействуя созданию финансовых пирамид, страна лишила себя источников долгосрочных инвестиций. Тогда же государство по сути сняло с себя ответственность за науку, культуру, образование и здравоохранение, т.е. за институты, обеспечивающие стратегическое развитие любого общества².

Не отрицая, что в нынешних условиях государство пытается исполнить заявленные социальные обязательства, необходимо признать, что попытки сократить патерналистские гарантии государства, перенаправить финансовые потоки из затратной социальной сферы в доходные отрасли экономики не прекращаются, а усиливаются.

Государство, особенно в период кризиса, должно способствовать созданию условий для реализации человеком права иметь собственность, производить продукцию и получать соответствующую долю прибыли. Кроме того, оно призвано нести ответственность за наиболее важные стороны организации производства и распределения в стране в целом, особенно за то, что в наибольшей степени затрагивает интересы граждан. Здесь уместно упомянуть и о его социальной конституционной ответственности.

¹ URL: <http://www.eg-onlain.ru/article/281158//> (дата обращения: 10.10.2017).

Выполнение этих задач, несомненно, будет способствовать тому, что патерналистские настроения в обществе постепенно будут уменьшаться до разумного уровня. Ситуацию может изменить и новая модель социально ориентированного развития государства и общества. Основные ее принципы и пути реализации прописаны в известных майских указах Президента РФ. Модель социально ориентированного государства нацелена на эффективное развитие социального бизнеса и социального взаимопартнерства, долгосрочное социальное инвестирование. Вместе с тем такая модель развития государства не предполагает использования общественно-государственных ресурсов для обогащения отдельных лиц. Напротив, его цель — социальная безопасность граждан. Поэтому вся конституционно-правовая практика государства должна быть направлена на построение реального справедливого социального государства в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. 320 с.
2. Зорькин В.Д. Стандарт справедливости // Российская газета. 2007. 8 июня.
3. Скуратов Ю.И., Иванин Д.С. Конституционная модель российского социального государства // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 5. С. 5–11.

References

1. Kabyshev V.T. With the Constitution of life: Selected scientific works. Moscow: Formula Prava, 2013. 320 p.
2. Zorkin V.D. Standard of Justice // Russian newspaper. 2007. June 8.
3. Skuratov Yu.I., Ivanin D.S. Constitutional Model of the Russian Federation Social State // Scientific notes of the Russian state social University. 2012. No. 5. P. 5–11.

УДК 342.76

Е.В. Титова

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ КАК ПРЕДМЕТ КОНСТИТУЦИОННОГО ДИАЛОГА

Введение: статья посвящена исследованию конституционной психологии как интегративного направления теоретико-прикладных, в т.ч. конституционно-правовых исследований. Развитие указанного направления будет способствовать повышению эффективности конституционного законодательства и мониторинга практики его применения. **Цель:** обосновать допустимость использования инструментария

© Титова Елена Викторовна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права, конституционного и административного права (Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет))

© Titova Elena Viktorovna, 2018

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law of the South Ural State University (National Research University)

и методологии политической и правовой психологии в конституционно-правовом регулировании. **Методы:** диалектический и логический, естественнонаучный, эмпирический, теоретический, междисциплинарный, метод формулирования гипотезы. **Результаты:** предложена базовая основа конституционной психологии (компонент конституционно-правового поведения; рациональный и эмоциональный компонент). **Выводы:** конституционная психология может рассматриваться по меньшей мере в двух аспектах: как социально-правовое явление и как конструкт конституционных политико-правовых явлений, по типу идеализации: «как это должно быть». Конституционная психология опосредует связи между народовластием и государственной властью, с одной стороны, и психологическими феноменами, в основе которых глубинные процессы в человеке и его сознании — с другой.

Ключевые слова: конституционно-правовое поведение; конституционные отношения; социально-психологический механизм действия конституции; конституционная психология.

E.V. Titova

CONSTITUTIONAL PSYCHOLOGY
AND SOCIAL-PSYCHOLOGICAL MECHANISM
OF THE CONSTITUTION FUNCTIONING AS A SUBJECT
OF THE CONSTITUTIONAL DIALOGUE

Background: the article is devoted to the study of constitutional psychology as an integrative direction of the theoretical and action-oriented ones, including constitutional and legal research. According to the author, the development of this direction will contribute to improving the effectiveness of the constitutional legislation and monitoring the practice of its application. **Objective:** the author supposes to substantiate the admissibility of using the analyses tools and methodology of political and legal psychology in the constitutional and legal regulation. **Methodology:** in carrying out the research the following methods of study were applied: dialectical and logical; natural-scientific; empirical, theoretical, interdisciplinary, method of hypothesis formulation. **Results:** the basics of the constitutional psychology is proposed (component of constitutional and legal behavior; rational and emotional component). **Conclusions:** the researcher states that the constitutional psychology can be considered, at least, in two aspects: as a social and legal phenomenon and as a construct of constitutional political and legal phenomena, according to the type of idealization: “as it should be”. Constitutional psychology mediates the relationship between democracy and state power, on the one hand, and psychological phenomena, which are based on the deep processes in a person and his consciousness — on the other.

Key-words: constitutional and legal behavior; constitutional relations; socio-psychological mechanism of constitution functioning; constitutional psychology.

Конституция России представляет собой воплощение объективно-субъективного права, где человеку и гражданину отводится решающая роль в проявлении ее действия, а сам человек, его права и свободы поставлены в центр конституционных отношений. Реальная жизнь норм Конституции РФ выражается в результатах, которые обнаруживаются в юридически значимом поведении людей после того, как конституционные установления прошли через их сознание. Социально-психологическая сущность Конституции проявляется в ее уважении и признании как правовой основы стабильности и единения человека, государства и общества. К сожалению, российская действительность не позволяет

говорить о том, что положения Конституции РФ занимают достойное место в массовом общественном сознании. Накануне 25-летней годовщины принятия Основного Закона страны Левада-Центром был проведен социологический опрос, по результатам которого 63% респондентов сказали, что читали указанный документ, но только 11% опрошенных «довольно хорошо» помнят содержание российской Конституции¹.

В последнее время как в зарубежной, так и в отечественной научно-юридической литературе, упоминается о необходимости новых специальных междисциплинарных исследований, позволяющих использовать в конституционно-правовом регулировании инструментарий и методологию неюридических отраслей науки с целью эффективного мониторинга конституционного законодательства и практики [1, с. 150–157]. К числу таких новых направлений относят конституционную психологию. Конституционная психология призвана исследовать связи между такими политико-юридическими явлениями, как народовластие (ст. 3 Конституции РФ), государственная власть (ст. 11 Конституции РФ), и психологическими феноменами в основе которых лежат глубинные процессы в человеке и его сознании. Механизм власти, — пишет В.Т. Кабышев, — включает в себя инструментальную (институциональную) и социально-психологическую составляющие [2, с. 106]. Обозначенные механизмы влияют друг на друга. Практика доказала, что никакие политико-правовые явления не могут произойти без акцентуации психологических феноменов. В свою очередь, такие явления непреодолимым образом модифицируют под себя психологию человека и общества. Жизнь общества существует только в случае гармонии между этими двумя механизмами.

Центральным объектом конституционной психологии выступает человек в его взаимодействии с перечисленными видами власти: проектирующий власть, осуществляющий власть, поддерживающий власть, повинующийся или неповиновующийся власти. Такому взаимодействию хотя бы периодически подвержен каждый человек и это вызывает у него определенные мысли, чувства, переживания и побуждает к вполне реальным поступкам, действиям, формируя специфическую психологию конституционно-правового поведения (правомерного, неправомерного, позитивно отклоняющегося). В рамках конституционной психологии как интегративного направления теоретико-прикладных, в т.ч. конституционно-правовых исследований, могут быть объединены дискуссионные и разграничиваемые В.Т. Кабышевым такие понятия, как «психология власти» и «психология властвования». В первом случае речь идет о явлениях власти в статике: системе конституционных и внеконституционных органов власти; политико-юридическом характере принимаемых этими органами актов; социально-психологической характеристике лиц, обладающих властными полномочиями и т.д.; во втором — о процессе осуществления власти и ее психологическом воздействии на управляемых; о социально-психологической характеристике мотивации поведения властвующих и участвующих во власти [3, с. 16].

В развитие высказанных уважаемым ученым идей отметим, что конституционная психология может рассматриваться по меньшей мере в двух аспектах: 1) как социально-правовое явление, характеризующее конституционно-психологическое состояние общества на конкретном этапе конституционно-

¹ См.: Левада-Центр. Опрос «День Конституции». URL: https://www.levada.ru/2017/12/10/den-konstitutsii-2/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyten_singlecat_18101&utm_campaign=2017-12-10T09:00:14+00:00 (дата обращения: 10.12.2017).

правового развития государства, позволяющее установить влияние социально-психологического состояния общества на происходящие конституционные процессы в стране, установить причины и закономерности данного процесса, определить детерминирующие начала действий и решений органов власти и должностных лиц [4, с. 51–55]; 2) как конструкт конституционных политико-правовых явлений, где ясны формулы, взаимодействие элементов и понятно содержание структуры политических событий по типу идеализации: «как это должно быть». В данном аспекте конституционная психология как вариант психологии позитивной политики — это описание конституционно-желаемого государства, отношения власти и общества, баланса свободы и власти. Базовой основой конституционной психологии могут стать: 1) психология сопричастности и вовлеченности населения в конституционно-правовые процессы народовластия, включая все виды такого участия (компонент конституционного поведения); 2) психология отражения правовых ценностей свободы, равенства и справедливости (рациональный компонент); 3) психология нравственно-этической нормативности (эмоциональный компонент). Описав базовые элементы конституционной психологии, можно сформировать образ гражданина, власти, населения, общества, а основные параметры конституционного образа, в частности цель правового регулирования, могут найти применение в соответствующих механизмах реализации конституционно-правовых норм.

Спектр исследования социально-психологического механизма действия Конституции РФ весьма обширен и располагается в различных плоскостях: от субъективных ощущений индивидом ценности своих конституционных прав и свобод до конституционного мышления и правосознания; от российского политического темперамента до четко выраженных конституционно-правовых интересов и не только. Рамки статьи не позволяют осветить весь этот спектр и даже перечислить все его возможные компоненты. Тем не менее, хотелось бы на примере института конституционных свобод очень кратко проиллюстрировать ценность междисциплинарных исследований политической психологии и права, а также выводов, полученных в результате таких исследований. Так, на кафедре политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета были проанализированы и предложены индикаторы, позволяющие определить меру включенности в систему «человек — власть» [5, с. 93–94]. В правовом преломлении такая мера измерима объемом конституционных свобод, которые индивид приобретает в конституционно-правовых отношениях. Используя выводы петербургских ученых-психологов, можно выдвинуть гипотезу о том, что основными индикаторами изменений в поведении людей (назовем их психологическими индикаторами конституционализации правового поведения) являются самоконтроль, саморегуляция, самоуправление, самовоспитание и, в итоге — конституционное самосознание. Связь между психологическим феноменом (сознанием человека) и политико-правовым явлением (конституционными свободами человека) характеризуется мерой того, какой объем каждой свободы контролирует публичная власть, а какой объем свободы остается человеку. Так, *самоуправление* присуще зрелым и сильным личностям и наиболее прочно связано с политическими свободами. Сила личности определяется силой веры человека в ценности, имеющие для него решающее значение. В идеале конституционные ценности должны быть включены в ценности индивидуального свойства. *Саморегуляция* в основном находит свое проявление при конституционном правополь-

зовании экономическими свободами и предполагает конструктивную активность индивида. В свою очередь, *самоконтроль* трактуется с психологической точки зрения как проявление личной свободы. Фундаментальность такой свободы, как самоконтроль, доказывается священными текстами, а в светском государстве выражается в соблюдении нравственно-этических нормативов поведения, которые находят свое отражение и в Конституции России. *Самовоспитание* индивидуальности (интеллектуальная свобода) предстает как самостоятельное свободное развитие человека в определенном направлении. Данный вид свободы как один из способов реализации гражданами и их объединениями свободы совести в широком смысле слова конституционно воплощен в свободе литературного, художественного, научного и других видов творчества, включая свободу преподавания. Интеллектуальная свобода в сочетании со свободой совести в узком смысле слова образует конституционно-правовой институт интеллектуальной (мировоззренческой) свободы.

Если в процессе правового регулирования происходит подмена самоконтроля тотальным внешним контролем, саморегуляции — чрезмерной внешней регуляцией, а самоуправления — доминированием внешнего управления, то человек начинает утрачивать сознание. Человеческое сознание начинает подменяться «сознанием» публичной власти, а конституционные свободы самого человека могут быть необоснованно ограничены ею. Соответственно, достижение необходимого баланса между интересами публичной власти и самосознанием человека составляет одну из текущих задач конституционного развития России.

В приглашении к конституционному диалогу кафедрой конституционного права Саратовской государственной юридической академии был обозначен вопрос: «Что необходимо предпринять для совершенствования конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина на современном этапе конституционного развития России?» [6, с. 17]. Завершить изложение хотелось бы следующим вариантом ответа на него: необходимо исследовать социально-психологический механизм действия российской Конституции, используя инструментарий и методологию политической и правовой психологии в конституционно-правовом регулировании.

Библиографический список

1. *Овсепян Ж.И.* О междисциплинарном исследовании в конституционном праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 150–157.
2. *Кабышев В.Т.* Народовластие — определяющая основа конституционного строя России: реалии, тенденции развития // Конституционные проблемы народовластия в современном мире: материалы VI Международного конституционного форума, посвященного 105-летию Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, 12 декабря 2014 г.): сборник научных статей. Саратов, 2015. Вып. 6. Ч. 1. С. 105–108.
3. *Кабышев В.Т.* Психология власти в системе конституционного строя России: конституционное измерение // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2009. Вып. 10. С. 7–23.
4. *Габдуалиев М.Т.* К вопросу о категории «психология» в науке конституционного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 51–55.

5. *Коновалова М.А.* Значение свободы для существования политического человека // Теория и практика российской политической психологии: материалы научной конференции, посвященной 20-летию кафедры Политической психологии СПбГУ (г. Санкт-Петербург, 23–24 октября 2009 г.) / под науч. ред. А.И. Юрьева. СПб., 2009. С. 93–100.

6. *Кабышев В.Т.* Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 12–21.

Referenses

1. *Ovsepyan Zh.I.* About Interdisciplinary Research in the Constitutional Law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. № 4 (93) P. 150–157.

2. *Kabyshev V.T.* Democracy is the Determining Basis of the Constitutional System of Russia: Realities, Development Trends // Constitutional problems of democracy in the modern world: Proceedings of the VI International Constitutional Forum, dedicated to the 105th anniversary of Saratov State University named after NG Chernyshevsky (Saratov, December 12 2014). Issue. 6, part 1: a collection of scientific articles. Saratov, 2015. P. 105–108.

3. *Kabyshev V.T.* The Psychology of Power in the System of the Constitutional System of Russia: the Constitutional Dimension // Constitutional development of Russia: Inter-university collection of scientific articles. Saratov, 2009. Vol. 10. P. 7–23.

4. *Gabdualiev M.T.* To the Question of the Category “Psychology” in the Science of Constitutional Law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. № 1 (96). P. 51–55.

5. *Konovalova M.A.* The Importance of Freedom for the Existence of a Political Man // Theory and Practice of Russian Political Psychology: Proceedings of a scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the Department of Political Psychology of St. Petersburg State University. St. Petersburg, October 23–24, 2009 / Under the scientific editorship of A.I. St. George’s. St. Petersburg, 2009. P. 93–100.

6. *Kabyshev V.T.* Constitutional Dialogue // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 5 (118). P. 12–21.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.1

С.Ю. Суменков

ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ПРАВИЛ КАК СРЕДСТВО ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН (НА ПРИМЕРЕ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ)

Введение: в статье раскрывается взаимосвязь исключения в праве и процедуры применения сторон (медиации). Отмечается, что исключение исторически соответствовало гармонизации многочисленных и разнообразных интересов, что способствовало примирению носителей этих интересов. Освещаются исключения, закрепленные в действующем законе о медиации. **Цель:** проанализировать соотношение исключений и процедуры медиации. **Методы:** диалектический материализм, системный подход, исторический метод, формально-юридический метод. **Результаты:** доказано, что исключения представляют собой магистральное средство реализации процедуры медиации. **Выводы:** отличительные качества исключений гармонично проецируются на процедуру медиации, чем непосредственно обеспечивается эффективность процесса примирения. Законодатель обоснованно, хотя и небезупречно, использует понятие исключения в различных терминологических формах при регламентации процедуры медиации.

Ключевые слова: исключение, примирение, нормативный правовой акт, интерес, юридическое средство, прием юридической техники.

S.Yu. Sumenkov

EXCEPTION TO THE RULES AS A MEANS OF CONCILIATION OF PARTIES (THROUGH THE EXAMPLE OF THE MEDIATION PROCEDURE)

Background: the article reveals the relationship between exception in law and the conciliation of parties procedure (mediation). The author notes that the exception historically corresponded to the harmonization of numerous and diverse interests, which contributed to the conciliation of the bearers of these interests. The article highlights exceptions enshrined in the current law on mediation. **Objective:** in the research the author supposes to analyze the ratio of exceptions and mediation procedures. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were applied: dialectical materialism, system approach, historical method, formal-legal method. **Results:** it is proved in the current research that exceptions are the main means of implementing the mediation procedure. **Conclusions:** the author states that the distinctive qualities of exceptions are harmoniously projected onto the

© Суменков Сергей Юрьевич, 2018

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: sumenkov@bk.ru

© Sumenkov Sergey Yurievich, 2018

Doctor of law, professor of the Theory of State and Law department (Saratov State Law Academy)

mediation procedure, which directly ensures the effectiveness of the conciliation procedure. The legislator is justifiably, although not fault-free, using the concept of exception in various terminological forms when regulating the mediation procedure.

Key-words: *exception, conciliation of parties, normative legal act, interest, legal remedy, reception of legal technique.*

Исключения, имеющие место быть в регулировании общественных отношений, непременно должны характеризоваться собственными отличительными признаками, которые позволяют определять их как самостоятельный юридический феномен. Между тем, несмотря на широкое присутствие исключений в нормативных предписаниях, комплексного изыскания характерных для них особенностей осуществлено не было.

И.А. Муравьев трактует исключение как технико-юридический прием, используемый в российском законодательстве [1, с. 9]. Обращая внимание на некоторую ограниченность самого лексического выражения «законодательное исключение», бесспорно, следует согласиться с оценкой исключения как приема юридической техники. Именно этот прием позволяет имплементировать в норму права альтернативный правилу вариант поведения. Исходя из того, что основной формой объективирования нормы права выступает нормативный правовой акт, исключение необходимо относить в арсенал правотворческой техники.

При этом, признавая реальную значимость существования такого технического приема, как исключение, не стоит все же воспринимать последнее как сугубо технико-юридический прием. В противном случае произойдет искусственное сужение рассматриваемого феномена, подмена всестороннего анализа исключения освещением очевидной, наиболее прагматической его составляющей.

В рамках инструментального подхода исключение можно обозначить не только как прием юридической техники, но и как правовое средство. Парадокса в этом никакого нет, если учитывать, что имеется в виду средство не юридической техники, а совсем иной феномен — правовое (юридическое) средство. Речь, соответственно, идет не о синонимах (прием — средство), а об омонимах (исключения — технические приемы и исключения — юридические средства).

Подобное положение объясняется неразрывной взаимосвязью между юридической техникой, правотворчеством и правовым регулированием. Так, в ходе правотворчества создаются нормативные акты; лицо, осуществляющее правотворческую деятельность, использует прием юридической техники — исключение из правила в целях издания качественного нормативно-правового акта; данный акт (а точнее содержащиеся в нем исключения, равно как, конечно, и правила) выступает средством, с помощью которого государство выполняет правовое регулирование общественных отношений.

Таким образом, исключение в праве — закрепленное в нормах права и выражающееся в официально признанных формах, объективированное в специальных терминах предписание, выступающее в качестве юридического средства регламентации общественных отношений, подразумевающее дополнение или (и) изъятие из парного с исключением правила и создающее альтернативный последнему вариант регуляции, необходимый для достижения социально значимых целей.

Думается, теоретические выкладки научного исследования должны обязательно находить свое подтверждение на практике, в частности (это касается правовой науки) юридической практике. Одним из убедительных примеров, по нашему мнению, выступает процедура медиации. Последняя представляет собой «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» (п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 23 июля 2013 г.)¹ (далее — ФЗ № 193-ФЗ)).

Несмотря на относительно недолгое существование обозначенного нормативного акта, сама по себе процедура медиации не нова для российского законодательства. «Примирительные процедуры в России имеют глубокие исторические корни, в настоящее время они активно встраиваются в нормативную правовую систему» [2, с. 61].

Исключения из правил объективно необходимы для примирения сторон. Сама специфика человеческого общества изначально требовала (и требует по настоящее время) создания правил, определяющих сферу возможного и должного, разрешающих одни варианты поведения и одновременно пресекающих и запрещающих другие. Таким образом, вырисовывается следующая картина социальной регуляции. Правила ограничивают определенную часть интересов. Такого рода ограничения неизбежно вызывают противодействие тех, чьи интересы сужаются. Непременный конфликт правил с многочисленными личными интересами, равно как и противоречия, постоянно возникающие между последними, влечет ослабление общества, ставит под угрозу возможность самого его существования.

Соответственно для обеспечения целостности общества необходимы процедуры урегулирования конфликтов, при этом далеко не всегда (учитывая объективную детерминацию многообразия интересов) подобные процедуры должны носить репрессивный характер. Магистральная роль в данном случае принадлежит процедуре примирения. Именно восстановление и сохранение внутриобщинного мира априори выступало в качестве основной цели примирения участников конфликта [3, с. 55]. В качестве основного инструмента примирения как раз и выступали (и выступают) исключения. «Исключения в состоянии гармонизировать общественные отношения, ориентировать мотивацию людей на положительное поведение, учитывать и согласовывать разнообразные интересы людей, детерминированные объективными потребностями» [4, с. 85]. Подобное достигается за счет феноменальной способности исключения предлагать альтернативный правилу вариант поведения, не нарушающий при этом само правило.

Таким образом, исключения — это средства, использование которых позволяет согласовать общие и частные интересы или синтезировать последние и тем самым обеспечить (при наличии разума и доброй воли) примирение сторон.

Указанные качества исключений актуальны и в современный период относительно института досудебного примирения сторон (медиации). ФЗ № 193-ФЗ был принят в целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица — медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений (ч. 1 ст. 1).

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

Положения ФЗ № 193-ФЗ (речь идет о диспозитивности, оценочности, зависимости от усмотрения сторон) непосредственно корреспондируют с основными характеристиками исключений. Убедительным подтверждением служат, по нашему мнению, положения ч. 1 ст. 4 ФЗ № 193-ФЗ, согласно которой суд признает соглашение сторон о применении процедуры медиации без обращения в суд «за исключением случая, если одной из сторон необходимо, по ее мнению, защитить свои права».

Следует отметить прямую проекцию технического закрепления исключений в тексте ФЗ № 193-ФЗ. Так, ч. 1 и 4 ст. 5 указанного Закона содержат следующую формулировку: «За исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином». Если последняя составляющая фразы относится к упомянутой диспозитивности и зависимости от усмотрения, то предписание о предусмотренных законом случаях позволяет констатировать стандартный (хотя и не безупречный) прием закрепления исключения в тексте нормативного правового акта посредством законодательной оговорки [5, с. 30–36].

Одной из важных особенностей процедуры медиации являются сроки ее проведения. В ч. 1 ст. 13 ФЗ № 193-ФЗ закреплено правило относительно такого срока: «Сроки проведения процедуры медиации определяются соглашением о проведении процедуры медиации. При этом медиатор и стороны должны принимать все возможные меры для того, чтобы указанная процедура была прекращена в срок не более, чем в течение шестидесяти дней». Вместе с тем законодатель резонно предполагает, что на практике могут быть какие-либо непредвиденные нештатные обстоятельства, препятствующие осуществлению медиации в срок, установленный правилом. Здесь, как думается, находит свое отражение присущий исключениям как приему правотворческой техники опережающий эффект [6, с. 82–90]. Поэтому субъект законотворческого процесса, применяя термин «исключительный случай», абстрактно формулирует ситуацию, при которой допустимо продление медиационной процедуры. Так, согласно ч. 2 ст. 13 ФЗ № 193-ФЗ «в исключительных случаях в связи со сложностью разрешаемого спора, с необходимостью получения дополнительной информации или документов срок проведения процедуры медиации может быть увеличен по договоренности сторон и при согласии медиатора».

В свою очередь при конструировании ч. 3 ст. 13 ФЗ № 193-ФЗ использовался казуистический прием изложения материала — посредством термина «за исключением» четко определено событие, не подпадающее под общее правило: «Срок проведения процедуры медиации не должен превышать сто восемьдесят дней, за исключением срока проведения процедуры медиации после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, не превышающего шестидесяти дней».

На наш взгляд, по поводу ч. 2 и 3 исследуемой статьи можно сделать следующие выводы.

Указанные структурные компоненты ст. 13 ФЗ № 193-ФЗ созданы в результате использования технико-юридического приема — исключения, о чем недвусмысленно свидетельствует употребление нормативно-правовых терминов «исключительный случай» и «за исключением». Благодаря названному приему законодателю удалось достичь необходимой абстракции и требуемой конкрет-

ности в правовой регламентации проведения процедуры медиации. При этом необходимо признать, что нормы, содержащиеся в ч. 2 и 3 ст. 13 ФЗ № 193-ФЗ являются исключениями из правила, устанавливающего унифицированный стандарт срочности учреждаемой законом процедуры. Данные исключения выступают в качестве юридических средств, направленных на должное проведение и повышение эффективности процедуры медиации.

Библиографический список

1. *Муравьев И.А.* Законодательное исключение (теория, практика, техника): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 33 с.
2. *Мачучина О.А.* Этапы становления примирительных процедур в отечественной правовой системе // *Право и государство: теория и практика.* 2016. № 4 (136). С. 57–61.
3. *Мачучина О.А.* Генезис и развитие института примирения как способа разрешения конфликтов в обществе. Основные этапы // *История государства и права.* 2017. № 4. С. 55–58.
4. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2012. 348 с.
5. *Суменков С.Ю.* Законодательная оговорка как доминантный способ закрепления исключений из правил // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2017. № 6 (119). С. 30–36.
6. *Баранова М.В.* Исключение из правил как технико-юридическое средство опережающего правотворчества // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2017. № 6 (120). С. 82–90.

References

1. *Muraviyev I.A.* Legislative Exception (theory, practice, technique): extended abstract. dis.... cand. of law. Sciences. N. Novgorod, 2009. 33 p.
2. *Machuchina O.A.* Stages of the Establishment of Conciliation Procedures in the Domestic Legal System // *Law and the state: theory and practice.* 2016. № 4 (136). P. 57–61.
3. *Machuchina O.A.* Genesis and Development of the Institution of Conciliation as a Means of Settling Conflicts in Society. Main stages // *History of state and law.* 2017. № 4. P. 55–58.
4. *Sumenkov S.Yu.* Exceptions to the Law: Theoretical Foundations, Legal Assessment, System Analysis. Saratov: Publishing house FGBOU «Saratov State Law Academy», 2012. 348 p.
5. *Sumenkov S.Yu.* Legislative Clause as the Dominant Way of Fixing Exceptions to the Rules // *Bulletin of the Saratov State Law Academy.* 2017. №. 6 (119).
6. *Baranova M.V.* An Exception to the Rules as a Technical and Legal Means of Anticipatory Lawmaking // *Bulletin of the Saratov State Law Academy.* 2017. №. 6 (120). P. 82–90.

УДК 340.1

В.А. Катомина

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Введение: в статье проводится комплексный теоретический анализ юридической природы состязательности. Констатируется, что законодательная формализация состязательности — не единственное основание ее фактического претворения в жизнь. В юридической практике встречаются противоположные примеры. **Цель:** исследовать сущность идеи состязательности как юридической возможности сторон обосновать в рамках действующего законодательства свою позицию по конкретному юридическому факту; выявить достоинства и недостатки состязательной системы построения судебного процесса. **Методы:** диалектический материализм, анализ, системный подход, метод моделирования. **Результаты:** доказано, что в целом идея состязательности имеет демократическую природу и необходима в юридическом процессе. Состязательную форму судопроизводства можно охарактеризовать как рядок организации такой процессуальной деятельности, в которой стороны равноправны в получении и представлении доказательств, а орган правосудия (суд) независим от них. **Выводы:** Закрепление состязательности на законодательном уровне не является достаточным для того, чтобы эта идея нашла свое применение на практике. Необходимо, чтобы существовали определенные гарантии, направленные на обеспечение честности, справедливости состязания и его эффективности.

Ключевые слова: состязательность, юридический процесс, суд, доказательства, сторона юридического процесса.

V.A. Katomina

THE LEGAL NATURE OF THE ADVERSARIAL SYSTEM

Background: the article presents a comprehensive theoretical analysis of the legal nature of competition. The author notes that the legislative formalization of competition is not the only basis of its actual implementation. In the legal practice there are opposite examples. **Objective:** the author supposes to explore the essence of the idea of competitiveness as the legal capacity of the parties to justify under the current legislation their position on specific legal fact; to identify the advantages and disadvantages of the adversarial system and the structure of the judicial process. **Methodology:** in carrying out the research the following methods were applied: dialectical materialism, analysis, system approach and modeling method. **Results:** it is proved that the whole idea of the competition has a democratic nature and is required in the legal process. The adversarial form of justice can be described as the procedure for the organization of such procedural activities in which the sides are equal in obtaining and presenting evidence, and the judicial body (court) is independent from them. **Conclusions:** fixation of the competition at the legislative level is not sufficient to ensure that this idea has found its practical application. There must be certain safeguards to ensure integrity, fairness, competition and efficiency.

Key-words: competition, legal process, court, evidence, side the legal process.

В настоящее время в условиях поиска наиболее рациональных путей реформирования российской правовой системы с целью реальной защиты прав и

© Катомина Виктория Александровна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин (Пензенский государственный университет); e-mail: kvatv@mail.ru

© Katomina Victoria Alexandrovna, 2018

Candidate of law, associate Professor, associate Professor of the Department of state and legal disciplines (Penza State University)

свобод человека как высшей ценности общества с особой остротой встает вопрос о формировании эффективной судебной системы, служащей гарантом общественной стабильности, развития гражданского общества, построения правового государства и соблюдения прав и свобод человека. В новых экономических и социальных условиях, закономерно вызывающих множество правовых деликтов и конфликтных ситуаций, возрастает роль независимого и справедливого суда, предполагающего состязательный характер процесса. В связи с этим проблема состязательности весьма актуальна для современной правовой действительности. В наиболее общем виде она получила свое конституционное закрепление в п. 3 ст. 123 Конституции РФ. Однако законодательная формализация состязательности еще не является единственным основанием ее фактического претворения в жизнь. Судебная практика демонстрирует примеры обратного процесса. Поэтому комплексный теоретический анализ юридической природы состязательности — одна из задач правоведения.

В толковых словарях русского языка состязательность трактуется как соревнование в чем-либо, стремление отдельного лица превзойти кого-либо в определенном достижении (науке, искусстве, профессиональных качествах и т.д.) [1, с. 1241]. Следовательно, состязание, обсуждение чего-либо, отстаивание своего мнения, своей правоты — все это определенная деятельность по доказыванию. Она направлена на признание фактов и обстоятельств, на которые стороны ссылались как на основание своих требований и возражений.

В юридической литературе встречаются различные мнения на природу состязательности, суть которой у одних ученых-правоведов сводится к разделению функций обвинения, защиты и разрешения дела между судом и сторонами [2, с. 17; 3, с. 18–19], а у других — к равенству процессуальных статусов сторон [4, с. 38].

На наш взгляд, сущность идеи состязательности составляет юридическая возможность сторон обосновать в рамках действующего законодательства свою позицию по конкретному юридическому факту. Противоположность интересов побуждает стороны к совершению активных действий в рамках, предоставленных им процессуальных прав по отстаиванию своих требований и возражений. Решение данной задачи сторонами достигается в судебном процессе. Одной из правовых форм реализации состязательности выступают прения участников рассматриваемого в суде дела. В ходе прений субъекты процесса могут оперировать конкретными фактами, которые судом признаются в качестве доказательств. Именно через доказательства достигается тот или иной результат состязания сторон.

Содержание состязательности составляет предусмотренная действующим законодательством, деятельность субъектов юридического процесса. Деятельность участников — это относительно законченная часть процесса по реализации их законных интересов и достижению конкретной цели. При этом деяния сторон и суда совершаются на основании и в пределах субъективных прав и юридических обязанностей. Поэтому законные интересы и выступают объектом состязательности. На наш взгляд, через законные интересы выражаются реальные блага конкретного человека, которые являются одновременно и предметом судебного разбирательства. Следовательно, состязательность сторон формирует предпосылки для получения одним из субъектов процесса преимущества по отношению к другому субъекту. Такими выгодами могут быть подтверждение или опровер-

жение обвинения, применение или неприменение обеспечительных мер (арест имущества), удовлетворение либо отказ в удовлетворении заявленных требований, их размера, возмещения причиненного вреда, ущерба, собрание и представление доказательств либо исключение недопустимых доказательств и т.д.

Компетенция суда в процессе состязательности сторон заключается в осуществлении руководства процессом [5, с. 207]. В этой связи возникает объективная потребность в установлении роли суда по формализации концепции состязательности в юридической практике, а именно: возможна ли реализация состязательности за пределами судебного разбирательства или такая возможность отсутствует? В связи с этим важным теоретическим и эмпирическим основанием правильного ответа на поставленный вопрос является анализ модели юридического процесса, под которой понимается теоретический образ, конструкция, отображающая представление исследователя о явлении реального мира [6, с. 300]. Поэтому модель выражает содержание и форму юридического процесса. Именно вид процесса отражает наиболее характерные признаки состязательности как особого вида человеческой деятельности.

Конструирование модели процесса позволяет обобщить его признаки и выразить через логически непротиворечивые конструкции и понятия природу состязательности. Например, если за основу взять статус участников процессуальной деятельности, то можно получить два идеальных типа процесса — состязательный и розыскной.

Следующим шагом обобщения является учение о формах процесса. Строго говоря, всякая форма, с точки зрения идеальных типов, является смешанной. Поэтому речь можно вести лишь о преобладании признаков состязательности или розыска. Именно форма выражения процесса позволяет различать соответствующие ей типы процесса, которые обладают конкретными чертами: во-первых, для состязательного типа процесса характерно отделение обвинения от суда; во-вторых, обвинение и защита осуществляются сторонами; в-третьих, стороны обладают равными правами для отстаивания и оспаривания доказательств; в-четвертых, суд осуществляет руководство процессом и выносит решение по рассматриваемому юридическому факту [5, с. 149].

Таким образом, состязательный процесс способствует обеспечению сторонам равных условий участия в прениях и фактических возможностей для активной защиты своих законных интересов. Однако необходимо уточнить: состязательность не предполагает равноправие сторон в буквальном смысле слова, идентичность прав сторон. Речь идет об их функциональном равенстве, когда равны не столько права (в полном объеме они могут не совпадать), сколько процессуальные функции. Равенство функций не свидетельствует об их предметном совпадении — обвинение, защита и судебная функция строго разграничены. Оно заключается в одинаковой способности сторон эффективно добиваться своих целей [7, с. 18].

Принципиально и то, что в состязательном процессе достигается выделение самостоятельных функций — обвинения, защиты и правосудия. Указанное разделение фиксируется уголовным, гражданским и арбитражным процессуальными нормативно-правовыми актами и вытекает из самого понятия сторон юридического процесса, в связи с чем возложение на участников соответствующих их процессуальному статусу полномочий вполне закономерно.

Суд же осуществляет власть путем правосудия. На наш взгляд, функция правосудия — специально осуществляемая в установленном законом порядке, деятельность уполномоченного суда (судьи) по рассмотрению и разрешению юридического факта. В зависимости от результата разбирательства определяются конкретные правовые последствия для сторон.

Юридическая практика реализации концепции состязательности свидетельствует о том, что выявление судом истины по рассматриваемому делу не противоречит состязательности. Именно процессуальные особенности установления истины способствуют эффективному применению данного принципа и определяют не только юридическую природу рассматриваемого феномена, но и пределы деятельности суда и его роль.

По нашему мнению, задача суда в состязательном процессе заключается в правильном разрешении дела по существу. Эта цель достигается посредством осуществления справедливого правосудия. Суд создает равные возможности для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Суд не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Его решение должно основываться не на мнении той или другой стороны, а на самостоятельном анализе исследованных в суде доказательств, т.е. на объективной истине. Именно истина и справедливость служат основаниями эффективной реализации концепции состязательности в современной российской юридической практике. Сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, суд осуществляет руководство процессом. В соответствии с изложенным состязательную форму судопроизводства можно охарактеризовать как порядок организации такой процессуальной деятельности, в которой стороны равноправны в получении и представлении доказательств, а орган правосудия (суд) независим от них.

В целом анализ взглядов на идею состязательности позволяет подчеркнуть демократическую природу и необходимость существования этого явления в юридическом процессе. Оценивая идею состязательности с этой стороны, можно выявить следующие преимущества построения такой системы судебного разбирательства:

1. Состязательный процесс свойствен сторонам юридического процесса, ибо исход дела практически всегда зависит от усилий участников судебного разбирательства. Поэтому решение по делу зачастую следует рассматривать в качестве «справедливого итога» процессуальной борьбы сторон. Тяжущиеся больше кого бы то ни было заинтересованы в выяснении действительных обстоятельств дела. Спорящие, стремясь каждый к своей цели, стараются отыскать и представить суду все факты, подтверждающие собственную правоту и опровергающие заявление противника [8, с. 76].

2. В состязательном процессе каждый участник выполняет предусмотренную законом функцию и не выходит за пределы своей компетенции. Стороны обязаны доказать свои требования и возражения, а суд оценивает и исследует представленные доказательства. Поэтому задача суда ограничивается определением достаточности представленных доказательств и проверкой, правильно ли сделан им вывод из норм действующего права. Если же суд, не ограничиваясь этим, стал бы сам разыскивать фактические данные, доказательства, а затем делать применительно к ним выводы из действующего права, то он вошел бы в

положение стороны и в судебном решении должен был бы проверять свои собственные выводы, а процесс из состязательного превратился бы в розыскной.

3. Состязательность ведет к подавлению вмешательства суда в частные интересы сторон и побуждает их к проявлению личной инициативы и энергии. «Частная и в особенности семейная жизнь должна быть неприкосновенна, ибо если суду дать право самостоятельно производить в ней розыски, то граждане во многих случаях предпочтут не обращаться к суду, а разрешать споры другими способами: третейским судом, мировыми соглашениями, а иной раз даже прибегать к самоуправству» [8, с. 75].

4. Состязательность представляет собой экономически эффективный механизм, ибо такой тип судопроизводства выступает более дешевым вариантом для государства, нежели розыскной процесс.

В то же время, несмотря на всю привлекательность состязательной системы, она имеет ряд недостатков.

1. Концепция состязательности, будучи взятой в чистом виде, может быть «справедливой», но по сути своей имеет несправедливые последствия [8, с. 77]. Это может выражаться в манипулировании доказательствами недобросовестной стороной юридического процесса.

2. Для состязательного процесса характерны длительные сроки движения дел. Это связано с пассивностью суда в вопросах собирания доказательств. Медленный ход разрешения дела, во-первых, способствует тактике стороны, занимающей более слабую позицию, поскольку у нее есть время убедить оппонента прийти к примирению; во-вторых, пагубно влияет на сам механизм исследования фактических обстоятельств дела (например, свидетели по истечении долгого времени забывают существенные детали происшедшего).

3. Состязательность может быть полезна и целесообразна только тогда, когда обе стороны юридического процесса являются равносильными участниками судебного разбирательства, одинаково подготовленными и умелыми противниками. В противном случае состязательность приводит к торжеству более сильной стороны судебного процесса.

Тем не менее, мало провозгласить состязательность и закрепить ее на законодательном уровне. Необходимо, чтобы существовали определенные гарантии, направленные на обеспечение честности, справедливости состязания и его эффективности. Поэтому следует, во-первых, урегулировать вопросы оказания юридической помощи; во-вторых, обеспечить равный доступ к защите [9, с. 9]; в-третьих, установить ограничения на представление участниками судебного разбирательства доказательств — до завершения рассмотрения дела по существу судом первой инстанции [9, с. 8–9], а в исключительных случаях — судом апелляционной инстанции; в-четвертых, предусмотреть ответственность за нарушение правил состязательного процесса.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Морщакова Т.Г. Судебная реформа. Сборник обзоров / отв. ред. Ананиан Л.Л. М.: Изд-во ИНИОН АН СССР, 1990. 95 с.
3. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука, 2000. 223 с.
4. Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 220 с.

5. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. 468 с.
6. *Павлушина А.А.* Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития / под ред. В.М. Ведяхина. Самара: Изд-во ГОУ ВПО «Самарская государственная академия права», 2005. 480 с.
7. *Вишневецкая О.В.* Состязательная деятельность защитника на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 272 с.
8. *Афанасьев С.Ф.* Проблема истины в гражданском судопроизводстве: учебное пособие / под ред. И.М. Зайцева. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 1999. 136 с.
9. *Шишкин С.А.* Состязательность в судебном механизме защиты гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 23 с.

References

1. Big explanatory dictionary of Russian language / sost. and chief editor S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1536 p.
2. *Morshchakova T.G.* Judicial Reform. Collection of reviews / ed. ed: Ananian L. M.: Publishing house of the Institute, as USSR, 1990. 95 p.
3. *Smirnov A.V.* Models of the Criminal Process. SPb.: Science, 2000. 223 p.
4. *Shestakova S.D.* Adversarial Criminal Process. SPb.: The faculty of law. center Press, 2001. 220 p.
5. *Strogovich M.S.* Course of the Soviet Criminal Process. 2 vol. T. 1. M.: Nauka, 1968. 468 p.
6. *Pavlushina A.A.* Theory of the Legal Process: Results, Problems, Prospects / edited by V.M. Vedyakhin. Samara: Publishing house GOU VPO «Samara state Academy of law», 2005. 480 p.
7. *Vishnevskaya O.V.* Adversarial Activity of the Defender on Preliminary Investigation: diss. ... cand. of law. - Kazan, 2004. 272 p.
8. *Afanasiev S.F.* Problem of Truth in the Civil Procedure: textbook / under the editorship of I. M. Zaitsev. Saratov: Saratov state Academy of law, 1999. 136 p.
9. *Shishkin S.A.* Adversarial System in the Judicial Mechanism of Protection of Civil Rights: synop. diss. ... cand. of law. M., 1996. 23 p.

УДК 316.33

И.А. Смирнов

САМОКОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕГО СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Введение: развитие России как демократического государства предполагает необходимость модернизации системы внешнего и внутреннего социального контроля хозяйственных организаций, становления механизмов развития самоконтроля, фор-

© Смирнов Игорь Александрович, 2018

Преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования (Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации); e-mail: ior79fantom@mail.ru

© Smirnov Igor Alexandrovich, 2018

Lecturer of the Department of Humanities and Social Sciences of the Federal State Government Agency Military Educational Establishment of Higher Education (Saratov Military Winner of the Order of Zhukov Award, Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation)

мирования творческого, рационализаторского стиля трудового взаимодействия работников. **Цель:** анализ концептуальных подходов исследования самоконтроля работников, уточнение интегрированных принципов самоконтроля как подсистемы внутреннего социального контроля хозяйственной организации. **Методологическая основа:** социокультурный теоретико-методологический подход исследования внутренней среды, социального контроля хозяйственной организации. **Результаты:** в статье представляется дифференциация и анализ концепций, исследующих проблемы внутриорганизационного самоконтроля. Раскрываются направления изменений самоконтроля в контексте обновленных требований к труду. **Выводы:** внутриорганизационный самоконтроль — это процесс самооценки и самопроверки практик соблюдения (выполнения) правил, предписаний, норм функционирования индивидуумом, отдельными трудовыми группами, коллективом сотрудников организации в целом. Становление самоконтроля способствует росту творческой составляющей труда, позволяет сокращать аппарат формального внутреннего контроля организации, внедрять практики научной инновационной деятельности трудовых групп.

Ключевые слова: самоконтроль, внутренний контроль, инновационное развитие, трудовая деятельность.

I.A. Smirnov

SELF-CONTROL IN THE SYSTEM OF THE INTERNAL SOCIAL CONTROL OF THE ORGANIZATION

Background: the development of Russia as a democratic state presupposes the need to modernize the system of external and internal social control of economic organizations, the formation of mechanisms for the development of self-control, formation of the creative, labor-saving style of workers' interaction. **Objective:** the author of the article intends to analyze the conceptual approaches to the study of workers' self-control, the specification of integrated principles of the self-control as a subsystem of the internal social control of an economic organization. **Methodology:** in doing the research the following methods of studies were used: socio-cultural theoretical and methodological approach to the study of the internal environment, social control of the economic organization. **Results:** the article presents the differentiation and analysis of the concepts that investigate the problems of in-house self-control. The directions of changes in self-control are revealed in the context of updated requirements for work. **Conclusions:** the author states that in-house self-monitoring is a process of self-assessment and self-examination of practices of compliance (fulfillment) of rules, regulations, norms of functioning by an individual, individual labor groups, and a team of employees of the organization as a whole. The emergence of the self-control promotes the growth of the creative component of labor, allows to reduce the formal internal control apparatus of the organization, introduce practices of scientific innovation activities of labor groups.

Key-words: self-control, internal control, innovative development, labor activity.

Современная организация традиционно имеет жесткую систему внутреннего социального контроля, которая определяет включение в контролирующий процесс не только управленцев стратегического и оперативного уровней, но и служащих, осуществляющих непосредственную трудовую и служебно-трудовую деятельность. Сейчас динамично развиваются социально-трудовые отношения в военной организации, формируются демократические структуры нестратегического управления профессиональных групп. В результате трансформации

социально-трудовых отношений развиваются девиантные практики поведения военнослужащих, обновляются требования к системе внутреннего контроля. В современных условиях не только осознается необходимость конструирования процессов внутреннего социального контроля, но и обосновывается внедрение проектов социокультурного развития самоконтролирующего потенциала военнослужащих. Последнее приводит к необходимости исследования данных явлений, установления проблем развития самоконтроля, уточнения условий оптимальной его реализации.

Рассмотрим основные группы концепций, представляющих подходы к исследованию самоконтроля: регулятивные, внутриорганизационные, функциональные.

В рамках регулятивных концепций самоконтроль рассматривается как форма субъектной регуляции самостоятельной поведенческой практики. Данные теоретические конструкты прошли через все социологические теории, которые обосновывали стремление человека не только к самостоятельности, но и иным формам социальной самоактивности. Еще И. Кант подчеркивал, что человека необходимо охарактеризовать как автономного субъекта поведения и собственного самостоятельного действия. Человек, саморазвиваясь, сам контролирует себя. В результате он открывает «себя и того, что в нас» [1, с. 9–23].

Н.Н. Ярушкин представляет современный подход к исследованию механизмов саморегуляции поведения субъектов. В основе данного подхода лежит принцип взаимосвязи предпочтений личности, а также качества социально-экономических отношений с непосредственными процессами саморегуляции и самоорганизации человека. Данные процессы призваны определить predisposedness к адаптации или неадаптации человека, осуществляющего трудовую деятельность [2, с. 242–267]. Несложно заметить, что данный подход связывает самоконтроль с процессами предпочтения выбора того или иного метода преодоления субъектом трудностей в процессе собственной служебно-трудовой деятельности. При этом данное предпочтение определяется мотивами, ценностями, трудовыми ориентациями, социокультурными характеристиками человека. А.К. Осницкий, развивая данные идеи, акцентирует внимание на том, что саморегуляция поведения представляет основу потенциала самоконтроля. Саморегуляция деятельности — это регуляторный трудовой потенциал человека, его возможности осознания саморегулятивных практик на основе определенным образом структурированного комплекса знаний, навыков, ценностей, мотивов, переживаний. Структура трудового потенциала самоконтроля строится на пяти основных компонентах опыта личности: рефлексии, ценностях, мотивах, потенциале активности, способности операционализации, коммуникации, сотрудничестве. Структурные компоненты трудового потенциала самоконтроля, с одной стороны, характеризуют функции обеспечения осознанности, целенаправленности, активности, умелости трудовых действий субъектов с аналогичными действиями иных людей; с другой стороны, во взаимодействии и интеграции порождают важнейшие качества, которые определяют человека как субъекта самоконтроля: самостоятельность, ответственность, инициативность, независимость от внешней и внутренней среды организации [3, с. 142–167].

Таким образом, в рамках регулятивных концепций рассматривается проблема самоконтроля на абстрактном уровне, теоретические принципы самоконтроля, уточняются внешние, а также внутренние условия и факторы реализации са-

моконтроля как формы социального поведения субъектов труда. Становление самоконтроля работников здесь рассматривается в контексте развития внутриорганизационных саморегулирующих факторов: формирование горизонтальных служебно-трудовых связей и взаимоотношений, внедрение некоторых демократических норм и коррекция устава, становление самоконтролирующих традиций и ритуалов.

Сущностные основы самоконтроля представляются в рамках внутриорганизационных концепций. Рассмотрим данные концепции подробнее. Теоретиками организации уточняется сущностная первооснова самоконтроля в контексте трансформации социально-трудовых отношений организации. Доказывается, что парадигма самоконтроля базируется на теории «самости». Последняя представляет собой центр постижения всякой культуры труда, а также деятельности человека. В теории трудового взаимодействия, разработанной Г.Х. Мидом, «самость» рассматривается как некоторое сплетение практик трудовой интеграции. «Самость» человека проявляется в результате трудового взаимодействия индивида с другими субъектами, группами, обществом в целом, как активный самостоятельный результат интеграции внутренней мотивационной системы и внешних трудовых взаимодействий индивида. По сути теория «самости» — это концепция, где раскрываются две типовые основы социального трудового взаимодействия: тех, кто реализует практику глубокой, обязательной самостоятельности в процессе труда, и те, кто ее организует. При данном подходе «самость» создается, обуславливается процессом трудовой социализации [4, с. 83–99]. Одновременно «самость» предусматривает необходимость формирования мотива самостоятельной деятельности, а также ее самоконтроля. Здесь внутренний социальный контроль организации, с одной стороны, нацелен на выработку эффективных мер по урегулированию социально-трудовых процессов [5, с. 22–26]; с другой стороны, включает в себя систему самоконтроля, определяющую процесс, нацеленный на регулирование собственных действий актора труда. Самоконтроль создает условия и предполагает получения положительных практических результатов. Он обеспечивает не только стабильность, но и устойчивость творческого начала трудового процесса. Стремление индивида к самостоятельности и самоконтролю служит результатом двойственных процессов: 1) демократизации организационных отношений; 2) повышения предсказуемости развития трудовых отношений. Демократизация нужна для достижения устойчивости социально-экономического развития организаций различных форм и видов. Достижение предсказуемости необходимо для обеспечения соблюдения организационных норм, правил, процедур, обязанностей, регулирующих и ограничивающих трудовую активность и креативность деятельности субъектов [6, с. 177–193].

Становление самоконтроля расширяет формы внутриорганизационного социального контроля, усиливает формальные и неформальные ограничения контрольных действий управляющих [7, с. 52–55]. Расширение практик самоконтроля приводит к повышению эффективности деятельности менеджмента. Данный процесс способствует демократизации трудовых отношений, разрешению и сглаживанию противоречий, развитию кооперации социального субъекта и объекта организации. По мере развития организации утверждаются нормы самоконтроля, формируются практики самоконтролирующего взаимодействия менеджмента и служащих [8, с. 72–85.].

Классические формы жесткого административного внутреннего контроля не только неэффективны, но и деструктивны. Жесткий административный внутренний контроль формирует условия социально-трудовой напряженности, приводит к росту социально-экономических конфликтов в коллективах [9, с. 78–87], не только ограничивает реализацию творческих возможностей служащих, но и создает условия социально-трудовой нестабильности в трудовых коллективах. Становление же практик самоконтроля осуществляется во внутренней системе контроля организации. Поэтому как вся система внутреннего контроля, так и самоконтроль как ее отдельная подсистема, представляют собой процесс проверки, регулирования и мотивации, который стремится «противодействовать тенденции к отклонению от выполнения ролевых ожиданий» [10, с. 309–311].

Таким образом, в рамках концепции организации представляется системная доктрина самоконтроля. В исследованиях акцент делается на анализе трудовой деятельности. Доказывается, что именно изменение требований к трудовым процессам приводит к обновлению всей системы внутреннего организационного контроля, активизации творческой трудовой деятельности работников. Последнее и определяет процесс демократизации, трансформации системы внутриорганизационного контроля, развития форм самоконтроля. Самоконтроль является продуктом объективных демократических процессов в организации, а также результатом приспособления системы социального контроля к современным механизмам защиты прав, разрешения противоречий, связанных с трудовым сопротивлением работников.

Системная доктрина самоконтроля представлена в традициях функционального подхода. Самоконтроль здесь рассматривается как внутренний механизм самопроверки и возвращения актора к общественно значимой деятельности. Функциональные принципы социального контроля предлагается распространить также и на содержание самоконтроля: 1) соизмерение фактических результатов, а также запланированных целей [11, с. 122–126]; 2) самоидентификация субъектов с целью регулирования собственного поведения, а также трудового поведения иных членов организации [12, с. 46–52]; 3) реализация системы мер, определяющих социальную самооценку тех или иных действий, выявление нарушений норм, дальнейшее устранение наиболее типовых отклонений. Обосновываются инструменты развития социального контроля в целом и самоконтроля в частности: нормы, санкции, предписания [13, с. 285–335].

Социологи разделяют систему социального контроля на три базовые формы: внешний — централизованный; конкретизированный — децентрализованный; самоконтроль. При этом самоконтроль может рассматриваться самостоятельно или в рамках системы централизованного или децентрализованного социального контроля.

Таким образом, в рамках функциональной доктрины дается развернутое содержание самоконтроля. Доказывается, что самоконтроль с функциональных позиций представляет собой специфический процесс самопроверки и самокоррекции трудового поведения индивидов. Данный процесс осуществляется на основе лично значимых, а также разделяемых акторами ценностей, мотивационных принципов деятельности, формально провозглашаемых норм, процедур, ожиданий, освоенных и используемых субъектами в процессе реализации трудовой деятельности. Совершенствование самоконтроля, с одной стороны, служит результатом демократизации трудовых отношений в

организации; с другой стороны, способствует созданию условий активизации сознательности, социальной ответственности, добросовестности работников на разных уровнях хозяйствования.

Подводя итоги вышеизложенного, необходимо отметить, что рассмотренные концепции с различных позиций подходят к исследованию процесса самоконтроля. Интегрируя данные подходы, можно сделать ряд выводов, представить обобщенное содержание категории «самоконтроль».

Самоконтроль в современных условиях представляет собой процесс самооценки и самопроверки практик соблюдения (выполнения) правил, предписаний, норм функционирования индивидуумом, отдельными трудовыми группами, коллективом сотрудников организации в целом. Субъектами самоконтроля могут быть: индивид, группы работников, трудовой коллектив организации в целом; объектами самоконтроля могут выступать как элементы внутренней, так и внешней среды функционирования организации. Становление самоконтроля работников организации зависит от процессов трансформации трудовых отношений, внедрения демократических процессов в системе управления организации. Самоконтроль способствует росту творческой составляющей труда, позволяет сокращать аппарат формального внутреннего контроля организации, внедрять практики научной инновационной деятельности трудовых групп.

По сути самоконтроль является не только фактором адаптивного приспособления работников к обновляющимся требованиям организации, но и механизмом предотвращения социально-трудовых конфликтов как внутри трудовых коллективов, так и за их пределами.

Библиографический список

1. Кант И. О применении телеологических принципов в философии. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. 544 с.
2. Ярушкин Н.Н. Саморегуляция и самоорганизация социального поведения личности: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1998. 406 с.
3. Осницкий А.К. Регуляция деятельности и направленность личности. М.: Московский экономико-лингвистический институт, 2007. 231 с.
4. Козловски П. Культура постмодернизма. М.: Республика, 1997. 240 с.
5. Дыльнов Д.Г. Социальный контроль в условиях современного российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8. Вып. 1. С. 22–26.
6. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социальный контроль // Социология: в 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 177–193.
7. Кузьмин А.В. Общая и конкретизированная системы социального контроля хозяйственной организации // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. Т. 15. Вып. 3. 2015. № 3. С. 52–55.
8. Никифоров Г.С. Самоконтроль как механизм надежности человека-оператора. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 112 с.
9. Зигмунт О.А., Ветселс П. Институциональная теория аномии — эмпирическая проверка // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 78–87.
10. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.
11. Баландина Т.М., Кузьмин А.В. Внешний социальный контроль хозяйственной организации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 1 (46). С. 122–126.
12. Быченко Ю.Г., Баландина Т.М. Современная социологическая интерпретация общественного воспроизводства // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. Т. 15. Вып. 3. 2015. № 3. С. 46–52.

13. *Кравченко А.И., Тюрин И.О.* Социология управления. М.: Академический Проект; Трикста, 2004. 1136 с.

References

1. *Kant I.* On the Application of Teleological Principles in Philosophy. Works: In 6 vols. T. 4. Ch. 1. M.: Thought, 1965. 544 p.
2. *Yarushkin N.N.* Self-regulation and Self-organization of Social Behavior of the Individual: dis. ... dr. psychol. St. Petersburg, 1998. 406 p.
3. *Osnitsky A.K.* Regulation of Activities and Personality. Moscow: Moscow Institute of Economics and Linguistics, 2007. 231 p.
4. *Kozłowski P.* Culture of Postmodernism. M.: Republic, 1997. 240 p.
5. *Dylnov D.G.* Social Control in the Conditions of Modern Russian Society // *Izvestiya Saratov University. New episode. Ser. Sociology. Political science.* 2008. T. 8. Issue. 1. P. 22–26.
6. *Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I.* Social Control // *Sociology: in 3 vol. T. 3: Social institutions and processes.* Moscow: INFRA-M, 2000. P. 177–193.
7. *Kuzmin A.V.* General and Specific System of Social Control of an Economic Organization // *Proceedings of the Saratov State University. New episode. Series Sociology. Political science.* T. 15. Vol. 3. 2015. No. 3. P. 52–55.
8. *Nikiforov G.S.* Self-control as a Mechanism of Reliability of the Human Operator. Leningrad: Izd-vo LGU, 1977. 112 p.
9. *Zigmunt O.A., Vetsels P.* Institutional Theory of Anomie - Empirical Verification // *Sociological research.* 2015. № 4. P. 78–87.
10. *Parsons T.* About Social Systems. Moscow: Academic Project, 2002. 832 p.
11. *Balandina T.M., Kuzmin A.V.* External Social Control of the Economic Organization // *Bulletin of the Saratov State Social and Economic University.* 2015. No. 1 (46). P. 122–126.
12. *Bychenko Yu.G., Balandina T.M.* Modern Sociological Interpretation of Social Reproduction // *Izvestiya Saratov State University. New episode. Ser. Sociology. Political science.* T. 15. Vyp. 3. 2015. № 3. P. 46–52.
13. *Kravchenko A.I., Tyurina I.O.* Sociology of Management. M.: Academic Project; Triksta, 2004. 1136 p.

УДК 35.088.8

А.М. Пихтелёв

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОГО ТИПА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение: в современных условиях в России реализуется комплексная реформа военных структур, формируются новые военные организации, создаются войска национальной гвардии, обновляются стратегии, цели, задачи различных военных организаций. Возникает необходимость не только уточнения теоретической базы исследования организации военного типа, но и выявления универсальной ее сущности,

© Пихтелёв Алексей Михайлович 2018

Адъюнкт очной адъюнктуры кафедры гуманитарных и социальных наук (Саратовский военный Ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации); e-mail: pikhteleev.a@bk.ru

© Pikhteleev Aleksei Mikhailovich, 2018

Full time post graduate military student department of humanities and social sciences (Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation)

конкретизации общих и специфических черт. **Цель:** анализ теоретических подходов к исследованию военной организации, установление ее универсальных критериев. **Методологическая основа:** использованы общетеоретические методологические подходы: системный (системная парадигма Т. Парсонса), структурно-функциональный (функциональная парадигма Э. Дюркгейма). **Результаты:** на основе анализа различных парадигм организации уточнены недостатки традиционных концепций, представлен интегрированный подход к содержанию организации военного типа. **Вывод:** обосновано, что военная организация — это формальное объединение профессиональных групп индивидов, служебно-трудовая деятельность которых управляется, координируется и регулируется государством для реализации следующих специфических целей: защита социальных прав, собственности, свобод граждан, обеспечение обороны страны, а также безопасности населения, отдельных социальных групп, государства.

Ключевые слова: организация, военная организация, внешняя среда, внутренняя среда, труд, служебно-трудовая деятельность.

A.M. Pikhtev

ORGANIZATION OF THE MILITARY TYPE AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Background: in modern conditions, a comprehensive reform of military structures is being implemented in Russia, new military organizations are being formed, troops of the national guard are being created, the strategies, goals, tasks of various military organizations are being updated. Today there is a need not only to clarify the theoretical basis for the study of a military-type organization, but also to reveal its universal essence, to concretize its general and specific features. **Objective:** the author of the article supposes to analyze theoretical approaches to the study of military organization, the identification of its universal criteria. **Methodology:** general theoretical methodological approaches are used: system (system paradigm of T. Parsons), structural-functional (functional paradigm of E. Durkheim). **Results:** based on the analysis of various organizational paradigms, the shortcomings of traditional concepts are refined, an integrated approach to the content of a military-type organization is presented. **Conclusion:** the author of the article states that a military organization is a formal association of professional groups of individuals whose service and work activities are managed, coordinated and regulated by the state for the implementation of the following specific goals: protection of social rights, property, citizens' freedoms, defense of the country, separate social groups, the state.

Key-words: organization, military organization, external environment, internal environment, work, service-labor activity.

В научной литературе традиционно используется категория «организация», представляются различные ее типологии. Имеются практики использования различных критериев раскрытия термина «организация военного типа». Одновременно в условиях динамичного роста социальной среды, обостряются глобальные социально-экономические противоречия, изменяются содержание, роль и место организаций военного типа. Все чаще военная организация рассматривается как цель, механизм, средство решения не только военных, но и социальных проблем российского общества. Это вызывает необходимость более глубокого исследования данной проблемы, анализа сущности и содержания организации военного типа. В новых условиях требуется не только детализировать теоретическую базу

исследования данной организации, но и раскрыть ее универсальную сущность, конкретизировать общие, а также специфические черты.

В стратегическом плане важно уточнить методологическую базу междисциплинарного исследования военных организаций в рамках общих принципов служебно-трудовой деятельности структур российского общества. Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие теоретические задачи: 1) исследовать научные парадигмы, раскрывающие содержание организации, представляющие критерии выделения организации военного типа; 2) определить сущностное проявление военной организации в рамках различных концептуальных подходов, обосновать необходимость обновления теоретической основы данной организации; 3) представить относительно новый (интегрированный) подход к рассмотрению военной организации.

Парадигмы, раскрывающие сущность организаций военного типа, можно условно разделить на три группы: общетеоретические, функционально-деятельностные, социально-трудовые.

В рамках общетеоретического подхода обосновываются общие принципы построения организаций различного типа. Развиваются организационные принципы, разработанные А.А. Богдановым, суть которых состоит в том, что специфика всякой организации проявляется в процессе трудовой деятельности ее акторов. Здесь всякая организация — это синтезирующая, интегрирующая, дезорганизуемая трудовая социальная система. В этой связи формально организованные человеческие трудовые действия внешне проявляются как организационные системы. Последние условно можно разделить на техническую, культурную, общественную, военную, познавательную. Все перечисленные типовые конструкции необходимо рассматривать как проявление организационной модели [1, с. 275].

Данный общетеоретический подход развивает С. Фролов, который считает, что организация представляет собой специфическую социально-функциональную группу людей, вступающую в трудовые отношения. Социальная группа как организационная структура ведет формальную трудовую деятельность, ориентируется на достижение заранее разработанных целей, имеет преимущественно формализованные отношения, в результате профессиональной специализации, а также разделения трудовой деятельности. Поэтому организация должна рассматриваться как формальная социокультурная система, характеризующаяся комплексом деятельностно-трудовых отношений, определяющих ее типовые признаки. Каждый тип организации отличается особым положением, видом формальной трудовой деятельности, структуральными правилами, формами всеобъемлющей институциональной кластеризации «во времени и пространстве» [2, с. 242].

В контексте общесоциологических теорий содержатся типологические конструкции организационных систем общества. Доказывается, что типология организационных систем объективно базируется на основе общей характеристики деятельности элементов системы как социально-организационного конструкта. Можно сказать, что военная организация представляет собой формальный набор военных, социальных и экономических планов, реализуемых для достижения ее основной стратегической цели, военно-социальную систему, ориентирующуюся на военную защиту общества и государства. Ее деятельность, как и деятельность подавляющего большинства иных организаций, связана с внешней средой социума [3, с. 12]. Она заинтересована в положительной оценке групп людей внешнего

социума. Военная организация имеет не только военные, но и экономические, социальные, психологические цели внутреннего развития.

Таким образом, в рамках общего теоритического подхода рассматриваются общие принципы формирования организации, выявляются правила разграничения данных организаций на отдельные типы. Согласно данному подходу организация — это объединение людей, осуществляющих формальную социально значимую трудовую деятельность. Логичен вывод о том, что поскольку трудовая деятельность имеет различные виды и формы, то и организации имеют различные типовые функции.

Одновременно можно выделить недостатки общих теорий организации. При помощи данных теорий, анализируются особенности организации как функционально-деятельностной системы.

Исследуя функционально-деятельностные доктрины организации, можно заключить, что они представляют организацию как деятельностьную систему, характеризующуюся определенным уровнем и спецификой реализации трудового потенциала ее членов. Развитие организации осуществляется в результате планового совершенствования социально-экономических отношений, обновления характеристик различных форм материального и человеческого потенциалов (материального и человеческого факторов). Функционирование организации осуществляется в результате непосредственной служебно-трудовой деятельности ее акторов. Последнее определяется не только потенциалом, внутренними целями и задачами, но и условиями внешнего социально-экономического пространства, уровнем развития материальной базы общества, его технологического обеспечения.

По сути организация в рамках функционально деятельностного подхода — это, прежде всего, действующая функциональная система, имеющая определенный уровень формально-трудовой реализации деятельного потенциала ее членов [4, с. 46–51]. Реализация деятельного потенциала членов организации определяет ее типологические характеристики. Каждый тип характеризуется специфическими чертами нормативно-ценностного сознания работников, особенностями их убеждений, уровня морали, нравственности, видом мотивационной системы и форм «поведения людей» [5, с. 170]. Различные типы организаций выделяются исходя из функций, которые они реализуют в обществе. На основе данного подхода выделяются следующие типы организаций: 1) производственные (создающие и реализующие материальные ценности); 2) регулятивные (создающие условия оптимизации политических процессов, обеспечивающие формулирование, а также достижение общественно-политических целей); 3) социальные (сохраняющие ценности, традиции, обеспечивающие преемственность культуры, трансляцию и усвоение социально-экономического опыта); 4) интегративные (выявляющие и разрешающие социальные противоречия, конфликтные ситуации, мотивирующие деятельность активность населения, согласующие личные и общественные цели, задачи, интересы). Различные типы организаций имеют специфические деятельно-функциональные характеристики, нормы трудового взаимодействия, а также ценности, уровень трудовой самостоятельности, социально-экономической защищенности [6, с. 193–195].

Таким образом, в рамках функционально-деятельностного подхода выявляется сущность организации как деятельностной системы, имеющей следующие признаки: 1) ориентация на реализацию формальных деятельностных функций;

2) обеспечение определенного уровня развития и трудовой реализации потенциала ее членов. К интегративной группе организаций отнесены не только прокуратура, суды, государственные и муниципальные структуры, но и военные организации. Отличительные характеристики военной организации можно представить следующим образом: 1) ориентация на специфические функции военной защиты отечества от различного уровня вооруженного, социального, экономического и политического насилия; обеспечение прав, свобод, безопасности интересов граждан России и государства; 2) особенность организационных норм, стратегий поведенческого взаимодействия, целей и задач служебно-трудовой деятельности ее членов; 3) уникальный деятельностный потенциал военнослужащих.

Деятельностный потенциал военнослужащих рассматривается как характеристика деятельных профессиональных способностей акторов, уровень возможности саморазвития карьеры, накопления профессиональных способностей.

Выделяя недостатки функционально-деятельностной доктрины организации, следует отметить, что, во-первых, данные концепции выпускают из анализа культурно-трудового контекста организации. Исследователи не анализируют культурно-трудовую специфику отношений организационных систем; во-вторых, не раскрываются современные социальные характеристики организации, не определяются отличия организаций различного типа относительно трудовых и культурных особенностей функционирования их членов.

Социально-трудовые доктрины организации определяют организацию как систему, где осуществляется служебная, трудовая или служебно-трудовая деятельность. Всякая организация представляет собой бюрократическую структуру. Без бюрократическо-трудового проявления невозможен процесс военного, технического, экономического, социального развития. Трудовая организационная бюрократия имеет как положительные, так и отрицательные черты и проявления [7, с. 496–497]. В современных условиях организация складывается в результате объединения отдельных акторов в единое организационное целое — социально-трудовую коллективную группу, что предусматривает становление общих культурно-трудовых ценностей, норм, принципов, осмысление и понимание трудовых потребностей организационной системы определенного типа. Трудовая кристаллизация организаций — это результат формирования относительно стабильных форм трудового взаимодействия работников, военнослужащих, руководства, профессиональных структур. По сути трудовая кристаллизация организации и характеризует ее тип. В современных условиях военную службу предлагается рассматривать, как служебно-трудовую деятельность военнослужащих [8, с. 112–120]. При этом военная организация, с одной стороны, имеет специфические основы содержания трудовой деятельности, с другой стороны, существенные особенности процесса трудовой кристаллизации. В рамках данных концепций получили обоснование организационные структуры как организации военного типа. Доказывается тезис, согласно которому военная организация, прежде всего, характеризуется спецификой военно-профессионального труда [9, с. 85–90].

Р.Г. Смелик в этой связи доказывает, что служебно-трудовая деятельность военнослужащих обладает рядом отличительных черт. С одной стороны, служебно-трудовая деятельность военнослужащих является частью социально-го труда. Данная трудовая деятельность имеет аналогичные физиологические

элементы с иными формами социального труда. При этом служебно-трудовая деятельность военнослужащих не относится к производственной, коммерческой, социальной сфере. Основу военного труда составляют социальная потребность и общественная полезность его реализации [10, с. 129–133]. С другой стороны, служебно-трудовая деятельность военнослужащих проявляется через форматы целей и задач акторов, специфических средств, предметов, объекта и субъекта данной вида труда [11, с. 94–97]. Итогом военного труда является социальное благо или социальный товар. Ведь военнослужащие, как и военные организации, оказывают специфическую общественную военную услугу по обеспечению безопасности, защите общества и государства. В труде военнослужащих имеется общественная потребность. Одновременно данный труд осуществляется в рамках военной организации и имеет высокую общественную полезность. Военная организация обеспечивает национальную безопасность государства, и играет существенную роль в системе социального разделения труда. С третьей стороны, труд как служебно-трудовая деятельность военнослужащих имеет ярко выраженную социальную направленность. Ведь данная форма труда осуществляется в процессе военной деятельности, реализуется в результате взаимодействия военнослужащих с иными субъектами общества, а также с представителями государственной власти, муниципалитетов, общественными организациями [12, с. 184–188].

Специфика организации военного типа раскрывается через особенности служебно-трудовой деятельности ее членов. Труд военнослужащих рассматривается как один из элементов социального труда в обществе и характеризует военную организацию как специфическую социально-трудовую систему.

Социально-трудовой подход не лишен недостатков. Во-первых, он ориентирован на узкий контекст рассмотрения организации, определяет трудовые отношения как основной атрибут функциональной определенности типа организационных систем. Во-вторых, такой подход абстрагируется от анализа факторов, обеспечивающих возможность трудовой реализации организационных систем.

Подведем итог выше изложенного анализа, представим интегрированный подход на организацию военного типа.

Всякая организация как деятельностно-трудовая система — это объединение людей, осуществляющих формальную социально-значимую профессиональную трудовую деятельность. Организация имеет следующие универсальные проявления: 1) ориентация на реализацию формальных деятельностных функций; 2) наличие определенных норм, целей и задач; 3) обеспечение развития и трудовой реализации потенциала ее членов.

Можно выделить следующие (основные) типы организаций: производственные; регулятивные; социальные интегративные (в т.ч. и военные). Военная организация стратегически ориентируется на реализацию специфических функций, таких как защита прав и свобод граждан, обеспечение безопасности граждан и государства. Она имеет жесткую административную систему организационных норм, поведенческих стратегий, целей, задач, уникальный профессионально-деятельностный потенциал военнослужащих.

Военная организация — это вооруженное формирование, управленческо-регулирующая подсистема общества, обеспечивающая военную безопасность России. Военная организация планирует и реализует социальную трудовую деятельность, направленную на развитие внутренней, а также внешней ее среды.

Несложно заметить, что стратегическая перспектива развития военной организации определяет не только оптимизацию системы внутреннего и внешнего социального планирования, но и достижение социально-культурологического совершенствования военнослужащего, а также членов его семьи. В данном контексте важнейшей чертой современной военной организации является ее социальная ответственность.

В рамках военных организаций осуществляется военно-профессиональная трудовая деятельность, имеющая как общие, так и отличительные черты по отношению к другим формам труда. К общим характеристикам относятся следующие: осознанность (как и всякий труд, военный труд предполагает необходимость сознательного предварительного проектирования своих действий); целесообразность (военный труд предполагает определенное моделирование действий акторов); результативность (нацеленность на определенный результат, который можно оценить); полезность (имеется общественная потребность в осуществлении военного труда, служебно-трудовая военная деятельность осуществляется в рамках отдельных военных организаций); энергозатратность (реализация военной служебно-трудовой деятельности предполагает определенные затраты умственной и физической энергии человека). К специфическим характеристикам военно-профессиональной трудовой деятельности относятся: содержание труда (высокая трудоемкость служебной деятельности, повышенный риск, существенные ограничения прав военнослужащего и членов его семьи); этапы подготовки специалистов–профессионалов (военно-профессиональная деятельность нуждается в длительном этапе подготовки акторов, включающей формирование специфических мотивов, особенного профессионального потенциала для эффективного выполнения служебно-трудовых обязанностей в мирное, а также военное время); замкнутость (акторы замкнуты в пределах определенного организационного пространства, у них отсутствует возможность трудового совместительства).

Библиографический список

1. *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 кн. / под ред. Л.И. Абалкина. М.: Экономика, 1989. Кн. 2. 302 с.
2. *Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
3. *Хан Д.* Планирование и контроль: концепция контролинга / пер. с нем.; под ред. и с предисл. А.А. Турчака, Л.Г. Головача, М.Л. Лукашевича. М.: Финансы и статистика, 1997. 765 с.
4. *Быченко Ю.Г., Баландина Т.М.* Современная социологическая интерпретация общественного воспроизводства // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. Т. 15. Вып. 3. 2015. № 3. С. 46–51.
5. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: учебное пособие. М.: Дело, 2004. 400 с.
6. *Бергер П., Бергер Б.* Личностно-ориентированная социология. М.: Академический Проект, 2004. 608 с.
7. *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

8. *Смелик Р.Г.* Некоторые вопросы учета воинского труда и денежного довольствия военнослужащих // Вестник Омского университета. Сер.: экономика. 2003. № 3. С. 112–120.

9. *Ершов Д.О.* Социально-трудовое развитие курсантов военного института // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2015. № 1 (46). С. 85–90.

10. *Смелик Р.Г.* Анализ эффективности воинского труда: функционально-трудовой подход // Вестник Омского университета. Серия: экономика. 2004. № 4. С. 129–133.

11. *Баландина Т.М., Савенко А.А.* Комплексная модель мотивационного принуждения трудоспособного населения к реализации трудовой деятельности // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 4 (58). С. 94–97.

12. *Смелик Р.Г.* Воинский труд: теоретико-методологические основы // Вестник Сибирской государственной автомобильной дорожной академии. Сер.: экономика и управление. 2013. № 4 (32). С. 184–188.

References

1. *Bogdanov A.A.* Tectology. General Organizational Science: In 2 books. // Ed. L.I. Abalkin. Moscow: Economics. 1989. book 2. 302 p.

2. *Giddens E.* The Organization of Society: An outline of the theory of structure. Second edition. Moscow: Academic Project. 2005. 528 p.

3. *Khan D.* Planning and Control: Concept of Controlling. Translation from German // Ed. and with the forewords of A.A. Turchak, L.G. Golovach, M.L. Lukashovich. Moscow: Finance and Statistics. 1997. 765 p.

4. *Bychenko Yu.G., Balandina T.M.* Modern Sociological Interpretation of Social Reproduction // Izvestiya Saratov State University. New episode. Series Sociology. Political science. T. 15. Issue 3. 2015. № 3. P. 46 – 51.

5. *Zaslavskaya T.I.* Modern Russian Society: The Social Mechanism of Transformation: A Textbook. Moscow: Case. 2004. 400 p.

6. *Berger P., Berger B.* Personal-oriented Sociology. Moscow: Academic Project. 2004. 608 p.

7. *Weber M.* On Some Categories of Understanding Sociology // M. Weber. Selected works. Trans. from German, comp., total. Ed. and after. Yu.N. Davydov. Foreword. P.P. Gaidenko. Moscow: Progress. 1990. 808 p.

8. *Smilik R.G.* Some Issues of Accounting for Military Labor and Money Allowance for Servicemen // Bulletin of Omsk University. Series: the economy. 2003. № 3. P. 112 – 120.

9. *Ershov D.O.* Socially Labor Development of Cadets of the Military Institute // Bulletin of the Volga Academy of Civil Service. 2015. No. 1 (46). P. 85 – 90.

10. *Smilik R.G.* Analysis of the Effectiveness of Military Labor: the Functional-labor Approach // Bulletin of Omsk University. Series: the economy. 2004. № 4. P. 129 – 133.

11. *Balandina T.M., Savenko A.A.* Comprehensive Model of Motivational Coercion of the Able-bodied Population to Realize Their Work Activity // Bulletin of the Saratov State Social and Economic University. 2015. No. 4 (58). P. 94 – 97.

12. *Smilik R.G.* Military Labor: Theoretical and Methodological Basis // Bulletin of the Siberian State Automobile Road Academy. Series: economics and management. 2013. No. 4 (32). P. 184–188.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.7

Е.А. Отставнова

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Введение: обеспечение прав и свобод человека — основная задача российского государства. Особенно это касается лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, не имеющих постоянного места жительства и регистрации. Этот вопрос касается в основном граждан России, т.к. иностранные граждане, незаконно находящиеся на территории нашего государства, подлежат выдворению. Сложность вопроса заключается в отсутствии документов, удостоверяющих личность, в т.ч. и гражданства человека. Бездомные граждане России согласно Конституции РФ обладают всеми правами и свободами, закрепленными в гл. 2. Однако их реализация на практике зависит от наличия регистрации по месту жительства и документов. **Цель:** анализ российского законодательства в сфере обеспечения прав лиц без определенного места жительства и выявление проблем их реализации. **Методологическая основа:** диалектический, метод формальной логики, системно-структурный; частнонаучные методы: сравнительно-правовой, формально-юридический. **Результаты:** установлено, что в российском законодательстве отсутствуют гарантии реализации конституционных прав и свобод лиц, не имеющих постоянного места жительства. Отраслевое законодательство, направленное на обеспечение конкретных личных, политических, экономических, социальных и культурных прав устанавливает условиями их реализации либо наличие документа, удостоверяющего личность, либо наличие регистрации по месту жительства, которые у бездомных зачастую отсутствуют. Поэтому они нуждаются в сторонней помощи. Предложена схема реабилитации данной категории граждан, возвращения их к нормальному образу жизни. **Вывод:** необходимо принятие специального Федерального закона «О статусе лиц без определенного места жительства», в котором следует закрепить гарантии прав лиц без определенного места жительства, а также процесс их реабилитации.

Ключевые слова: лица без определенного места жительства, БОМЖ, место жительства, место регистрации, права человека, правовой статус, социальные права, политические права, законодательство.

E.A. Otstavnova

THE LEGAL STATUS OF PERSONS
OF NO FIXED ABODE IN RUSSIA

Background: ensuring human rights and freedoms is the main task of the Russian state. Particularly it is even more true for the people who have got in a difficult situation, who has not got a permanent place of living and registration. This issue concerns mainly Russian citizens, since the foreign citizens illegally staying on the territory of our state are subject to expulsion. The complexity of the issue is in the lack of identity documents, including the document of the person's citizenship. Homeless citizens of Russia, according to the Constitution of the Russian Federation, have all the rights and freedoms enshrined in Chapter II of the Russian Constitution. However, their implementation in practice depends on the availability of residence registration and documents. **Objective:** the author supposes to analyze the Russian legislation in the sphere of ensuring the rights of persons of no fixed abode and to identify the problems of their implementation. **Methodology:** to achieve the goal of this research the following methods were used: dialectical, formal logic, system-structural; private scientific: comparative legal, formal legal. **Results:** it was found out that the Russian legislation does not guarantee the realization of the constitutional rights and freedoms for persons who do not have permanent place of living. Sectoral legislation aimed at ensuring specific personal, political, economic, social and cultural rights sets out the conditions for their realization either the existence of an identity document or the existence of residence registration, which the homeless often lack. Therefore, they need assisted help. The scheme of rehabilitation of this category of citizens, their return to a normal way of life is suggested in the article. **Conclusions:** the author states that it is necessary to adopt a special Federal law "On the status of persons without a certain residence", which should consolidate the rights of persons without a certain residence, as well as the process of their rehabilitation.

Key-words: persons without a certain residence, homeless, place of residence, place of registration, human rights, legal status, social rights, political rights and legislation.

В России на сегодняшний день только по официальным данным проживают 3 млн чел., не имеющих постоянного места жительства, а проще говоря, бездомных [1]. К этой категории нельзя отнести лиц, которые ведут кочевой образ жизни (малочисленные северные народы, цыгане). В российском обществе устоялось мнение, что к этой группе граждан относятся лица, не имеющие жилья, проживающие на улицах, в подвалах, на чердаках, тепловых магистралях и т.д. Зачастую таких лиц уничижительно называют «бомжи», подразумевая, что они ведут асоциальный, девиантный образ жизни.

Появление значительного количества таких граждан многие ученые связывают с началом перестройки в 90-е гг., когда многие из них не смогли адаптироваться к новым условиям, с ростом преступности, мошенничеством в жилищной сфере. По оценкам специалистов, среди них количество тех, кто сознательно выбирает данный образ жизни в силу психологических причин, не превышает 2% [2, с. 20].

Несмотря на улучшение экономической и правовой ситуации в стране, проблема бездомности не перестает быть актуальной. Кроме того, бездомные являются гражданами Российской Федерации, следовательно, они должны обладать всеми правами и свободами, закрепленными за ними Основным Законом страны. Однако зачастую реализация данных прав зависит не только от факта

регистрации гражданина по месту жительства, но и от наличия документов, устанавливающих его личность. Такие документы у рассматриваемой категории лиц нередко утрачены. С другой стороны, некоторые лица могут быть гражданами иного государства, прибывшими в Россию и оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Тем не менее, государство и общество негативно относятся к ним, стараясь не замечать проблемы. Многих из них можно вернуть к нормальному образу жизни, если оказать поддержку в первые месяцы их жизни на улице.

Как известно, правовой статус лица подразумевает наличие у него определенных прав и обязанностей. И здесь следует различать среди исследуемой группы лиц граждан России и граждан иностранных государств, обладающих разным правовым статусом. Если лицо является иностранным гражданином и незаконно находится на территории России, оно подлежит выдворению. Проблема заключается в определении гражданства человека в силу утраты им документов.

Само понятие «гражданин без определенного места жительства» означает, что он не имеет регистрации по месту жительства в качестве собственника, по договору найма или поднайма, договору аренды или на иных основаниях, предусмотренных законодательством РФ, а также не имеет возможности проживать по месту регистрации по независящим от него причинам¹.

Если человек без определенного места жительства является гражданином России, то он обладает всеми правами и свободами, содержащимися в Конституции России, в т.ч. и политическими. Это вытекает из ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, где говорится, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина. Однако реализация их зачастую зависит от регистрации гражданина по месту жительства.

Так, право избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления характеризует принцип всеобщности, установленный как ст. 32 Конституции РФ, так и ст. 4 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 1 июня 2017 г.)². Он означает, что все граждане, достигшие возраста 18 лет, обладают активным избирательным правом. Однако в ст. 16 этого же Закона определено, что при составлении списка избирателей учитываются все граждане, проживающие на территории муниципального образования. Основанием для регистрации на территории муниципального образования является факт нахождения места жительства избирателей, участников референдума на соответствующей территории, который устанавливается на основании сведений, представляемых органами, осуществляющими регистрацию граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации. Избирательные участки образуются также в местах временного пребывания. Следовательно, гражданин России, имеющий регистрацию по месту жительства, но не имеющий возможности проживать в данном жилом помещении, а также, лица, находящиеся в учреждениях социального типа, могут быть внесены в список избирателей и при наличии паспорта или документа его заменяющего — голосовать. Проблема

¹ См.: ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения: утв. Приказом Ростехрегулирования от 30 декабря 2005 г. № 532-ст) (в ред. от 17 октября 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253; 2017. № 23, ст. 3227.

заключается в отсутствии документов. Наоборот лица, имеющие паспорт, но не имеющие регистрации, не находящиеся в день голосования в социальном учреждении, вообще не имеют возможности проголосовать.

Однако ст. 64 указанного Закона в июне 2017 г. была дополнена положением о том, что при проведении выборов Президента РФ, выборов в органы государственной власти субъекта РФ, референдума субъекта РФ избиратель, который будет находиться в день голосования вне места своего жительства, вправе подать в избирательную комиссию заявление о включении в список избирателей. В избирательную комиссию он должен обратиться лично и предъявить паспорт. Представляется, что данное положение распространяется и на лиц без определенного места жительства при наличии у них паспорта.

Что касается пассивного избирательного права, то ситуация здесь еще сложнее. Без наличия паспорта кандидату на выборную должность невозможно подтвердить свою личность, необходимый для избрания возраст, гражданство. А при имеющемся документе, но без регистрации по месту жительства отсутствует возможность подтверждения ценза оседлости для кандидата в Президенты РФ, высшего должностного лица субъекта России.

Статья 32 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину России равный доступ к государственной гражданской службе. Однако Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2017 г.) установлено, что при заключении служебного контракта гражданин, кроме прочих документов, обязан предъявить паспорт и свидетельство о постановке физического лица на учет в налоговом органе по месту жительства на территории Российской Федерации³. То есть право на доступ к государственной гражданской службе также зависит от наличия регистрации.

В наибольшей степени исследуемой категорией граждан может быть реализовано право на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ). Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (в ред. от 3 ноября 2015 г.)⁴ предусматривает одним из требований, предъявляемых к обращению, указание почтового или электронного адреса, что вполне логично. Им может быть почтовое отделение или адрес электронной почты при возможности доступа к сети Интернет.

Конечно, говорить о реализации лицами без определенного места жительства политических прав пока не приходится не только исходя из ущемляющего их права законодательства, но и в силу их асоциального образа жизни и отсутствия интереса с их стороны к вопросам государственного значения. Государство попросту не замечает наличие этой группы граждан.

Личные права и свободы человека государством гарантируются каждому независимо от гражданства или места жительства.

Одним из таких прав является право на свободу передвижения. Федеральный закон от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (в ред. от 3 апреля 2017 г.)⁵ обязывает граждан регистриро-

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215; 2017. № 31, ч. I, ст. 4824.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19, ст. 2060; 2015. № 45, ст. 6206.

⁵ См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 32, ст. 1227; 2017. № 15, ч. I, ст. 2140.

ваться по месту жительства или пребывания в целях обеспечения необходимых условий для реализации гражданином Российской Федерации его прав и свобод, а также исполнения им обязанностей перед другими гражданами, государством и обществом. Однако в нем же указано, что регистрация или отсутствие таковой не может служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан. То есть если человек не имеет возможности зарегистрироваться по причине отсутствия жилья, он не ограничивается в своих конституционных правах.

Среди экономических прав следует выделить право на свободу труда, закрепленного ст. 37 Конституции РФ. Трудовой кодекс РФ (далее — ТК РФ)⁶ устанавливает прямой запрет на необоснованный отказ от заключения трудового договора, в т.ч. в зависимости от отсутствия регистрации по месту жительства или пребывания. То есть лица без определенного места жительства имеют идентичные права в сфере труда, как и граждане, имеющие жилье.

Культурные права гарантируются каждому человеку независимо от места жительства⁷. Однако в наибольшей степени рассматриваемая категория граждан нуждается в реализации социальных прав и свобод.

Статья 24 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (в ред. от 1 июля 2017 г.) устанавливает, что «назначение, перерасчет размера, выплата и организация доставки пенсии по государственному пенсионному обеспечению производятся органом, определяемым Правительством Российской Федерации, по месту жительства лица, обратившегося за пенсией»⁸. Приказом Минтруда России от 28 ноября 2014 г. № 958н «Об утверждении перечня документов, необходимых для установления страховой пенсии, установления и перерасчета размера фиксированной выплаты к страховой пенсии с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии, назначения накопительной пенсии, установления пенсии по государственному пенсионному обеспечению (в ред. от 4 октября 2016 г.) определен перечень документов, необходимых для установления страховой пенсии, в котором четко указано, что «при отсутствии места жительства на территории Российской Федерации необходим документ, подтверждающий место пребывания на территории Российской Федерации, а при отсутствии места жительства и места пребывания на территории Российской Федерации — документ, подтверждающий место фактического проживания на территории Российской Федерации»⁹. Следовательно, пенсионное обеспечение напрямую зависит от места проживания гражданина.

Оказание медицинской помощи не зависит от наличия регистрации по месту жительства или пребывания, поскольку Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2017 г.)¹⁰ предоставляет гражданам право выбора медицинской организации и врача. Однако ст. 41 Конституции РФ закрепляет, что медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; 2017. № 31, ч. 1, ст. 4805.

⁷ См., например: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; 2017. № 31, ч. 1, ст. 4765.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51, ст. 4831; 2017. № 27, ст. 3945.

⁹ Российская газета. 2015. 16 янв.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6724; 2017. № 31, ч. 1, ст. 4765.

здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет бюджетных средств и страховых взносов. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2016 г.)¹¹ застрахованными лицами считает граждан России, иностранных граждан, постоянно проживающих в Российской Федерации, лиц без гражданства и признанных беженцами, если они работают по трудовому договору, самостоятельно обеспечивают себя работой, несовершеннолетних до 18 лет, безработных, признанных таковыми в законном порядке, и т.д. Также в этом списке числятся неработающие граждане. Однако в Законе не указывается, кто входит в их число. Представляется, что это пенсионеры, инвалиды и другие лица. Страхователями для работающих граждан являются их работодатели, для неработающих — органы государственной власти субъектов РФ. ТК РФ запрещено прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от места жительства, в т.ч. наличия или отсутствия регистрации по месту жительства или пребывания. То есть такие лица имеют равные трудовые права со всеми гражданами России. Однако при устройстве на работу требуются документы, которые лица без определенного места жительства не могут предоставить. Например, страховое свидетельство государственного пенсионного страхования, которое оформляется территориальным органом Пенсионного фонда. Оформить его можно лишь имея постоянное место жительства¹². Этот же документ требуется при выборе или замене страховой медицинской организации¹³. Поэтому получение медицинского полиса лицами анализируемой категории затруднено, несмотря на то, что другим Письмом Минздрава России от 2 мая 2017 г. № 28-4/10/2-29 «По вопросу обеспечения лиц без определенного места жительства полисами обязательного медицинского страхования и оказания им медицинской помощи» запрещен отказ в оформлении и выдаче полиса обязательного медицинского страхования при отсутствии регистрации по месту пребывания или по месту жительства. Письмом установлено, что полис выдается лицу при предъявлении необходимых документов, в т.ч. — СНИЛС¹⁴. В Письме же Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 28 марта 2012 г. № 1135/30-1 «О порядке регистрации лиц без определенного места жительства в качестве застрахованных лиц в системе обязательного медицинского страхования» говорится о том, что для получения страхового полиса лицами без определенного места жительства, не имеющих документов, удостоверяющих личность, учреждениями социальной помощи могут предоставляться ходатайства об этом в территориальный фонд обязательного медицинского страхования¹⁵.

Статья 65 ТК РФ при заключении трудового договора требует также предъявления документов воинского учета для военнообязанных граждан. Регистрацию

¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 49, ст. 6422; 2017. № 1, ч. I, ст. 34.

¹² См.: Федеральный закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» (в ред. от 28 декабря 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 14, ст. 1401; 2016. № 27, ч. I, ст. 4183.

¹³ См.: Приказ Минздравсоцразвития России от 28 февраля 2011 г. № 158н «Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования» (в ред. от 11 января 2017 г.) // Российская газета. 2011. 5 марта; 2017. 3 февр.

¹⁴ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и снятие с воинского учета осуществляют Территориальные органы Министерства внутренних дел по месту жительства граждан¹⁶.

Признание лица безработным, оказание государственных услуг в сфере занятости населения, получение в связи с этим пособия напрямую зависят от его места жительства. Федеральный закон от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2017 г.) гласит, что в Регистре получателей государственных услуг в сфере занятости населения — физических лиц — должна содержаться информация о месте жительства гражданина или его месте пребывания. Граждане, которым назначена страховая пенсия, но желающие возобновить трудовую деятельность, могут обратиться в службу занятости по месту жительства и предъявить необходимые документы. В то же время Законом запрещено распространение информации дискриминационного характера, ограничивающей права граждан, в т.ч. в зависимости от места жительства¹⁷. Не совсем ясно, распространяются ли данные положения на лиц без определенного места жительства. В какое отделение службы занятости они могут обратиться, не имея регистрации по месту жительства?

Можно констатировать, что российское законодательство не гарантирует лицам без определенного места жительства право на труд, на социальное обеспечение, на бесплатную медицинскую помощь. В последнем случае они приравниваются к иностранным гражданам, которым может быть оказана лишь скорая медицинская помощь в случае угрозы их жизни¹⁸. Поэтому многие из них страдают многочисленными хроническими заболеваниями. Получив медицинскую помощь, они снова попадают на улицу, что отрицательно сказывается на их здоровье.

Некоторые подзаконные акты регулируют порядок оказания помощи таким лицам. Например, Постановление Правительства от 5 ноября 1995 г. № 1105 «О мерах по развитию сети учреждений социальной помощи для лиц, оказавшихся в экстремальных условиях без определенного места жительства и занятий»¹⁹ предусматривает создание сети учреждений социальной помощи для лиц, оказавшихся в экстремальных условиях без определенного места жительства и занятий. Такие решения принимаются органами исполнительной власти субъектов РФ самостоятельно и финансируются из его бюджета. Необходимо отметить, что не все субъекты РФ могут выделить необходимые финансовые средства для этого и зачастую они не заинтересованы в подобных мероприятиях.

В России в настоящее время отсутствует государственная политика в отношении лиц, не имеющих постоянного места жительства. Помощь им предоставляется в основном благотворительными организациями. При этом отсутствует комплексный подход к данной проблеме. Организованные пункты питания, ночлежки и т.д. помогают людям выжить в сложной ситуации, но не вернуться к нормальной жизни, стать полезными членами общества.

¹⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2006 г. № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» (в ред. от 27 июня 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 49, ч. 2, ст. 5220; 2017. № 27, ст. 4052.

¹⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17, ст. 1915; 2017. № 31, ч. I, ст. 4784.

¹⁸ См.: Постановление Правительства РФ от 6 марта 2013 г. № 186 «Об утверждении Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 10, ст. 1035.

¹⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 46, ст. 4454.

На сегодняшний день необходима продуманная государственная политика, направленная на реабилитацию лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, без постоянного места жительства. Можно предложить следующую схему данного процесса. Во-первых, специальные учреждения для таких лиц должны существовать во всех крупных городах, чтобы на первоначальном этапе они могли получить ночлег, питание, медицинскую помощь и помощь юристов в восстановлении утраченных документов. Также следует организовать общежития для лиц, не имеющих постоянного места жительства и их дальнейшее трудоустройство. Однако все это не должно финансироваться исключительно из средств федерального и регионального бюджетов. Граждане, получившие такую помощь, должны будут в дальнейшем выплатить, затраченные на их реабилитацию средства из своей заработной платы. Актуальность предлагаемых мер продиктована статистикой, которая говорит о том, что большинство таких людей пребывают в трудоспособном возрасте от 30 до 50 лет. При этом 31% имеют среднее специальное образование, 53% — среднее, а 7% — даже высшее. И лишь каждый пятый из них не хочет работать [3]. Необходимо учитывать и тот факт, что не все из них захотят вернуться к нормальной жизни и воспользоваться такой возможностью. В основном это те, кто уже несколько лет ведет подобный образ жизни. Но, люди, впервые столкнувшиеся с проблемой, будут иметь шанс на достойное человеческое существование в соответствии с целью нашего государства, провозгласившего себя в Конституции социальным. Кроме того, даже небольшая часть из них способна будет принести пользу российскому обществу и обеспечить себе достойный уровень жизни.

Следует поддержать идею принятия Федерального закона «О статусе лиц без определенного места жительства», в котором закрепить данные положения.

Библиографический список

1. Жизнь без адреса и крыши над головой // Российская газета. 2013. 9 окт.
2. *Акутина К.И.* Бездомность: основные проблемы и пути решения // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 6. С. 20–23.
3. *Игнатова О.* Не от хорошей жизни // Российская газета. 2016. 25 мая.

References

1. Life Without an Address and a Roof Over Your Head // the Russian newspaper. 2013. 9 oct.
2. *Akutina K.I.* Homelessness: Problems and Solutions // Humanitarian scientific researches. 2013. N 6. P. 20–23.
3. *Ignatova O.* Not from Good Life // the Russian newspaper. 2016. May 25.

УДК 342.97

А.С. Киселев

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ
ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В ХОДЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЕТВИ ВЛАСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в настоящее время ввиду реализации государственных программ приобретает актуальность анализ состояния современных информационных технологий в исполнительных органах власти Российской Федерации. **Цель:** рассмотреть проблемы и особенности развития электронного правительства в России; определить понятие «электронное правительство» и его значение в российской политико-правовой системе, выявить специфические черты и признаки электронного правительства. **Методология:** применены формально-логический, описательный, сравнительный, статистический методы. **Результаты:** обосновано, что перевод услуг в электронный вид способствует экономии бюджету страны. Установлено, что специфической чертой функционирования электронного правительства является прямая связь с органами исполнительной власти как субъекта, представляющего услуги в электронной форме. Разработаны предложения по поддержке развития электронного правительства в России. **Вывод:** при создании в России «электронного правительства» особую важность приобретают разработки механизмов государственного правового регулирования использования новейших информационных технологий, компьютерной обработки информации, перевода административных процессов в электронную сферу, применения единых стандартов управления для органов власти.

Ключевые слова: электронное правительство, электронное государство, государственное управление, информационное общество, исполнительная власть, органы власти, модернизация государства.

A.S. Kiselev

PROBLEMS AND PECULIARITIES OF E-GOVERNMENT
DEVELOPMENT IN THE COURSE OF MODERNIZATION
OF THE EXECUTIVE BRANCH OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: at the present moment due to the state programs implementation the analysis of the state of modern information technologies in the Executive authorities of the Russian Federation is becoming more relevant. **Objective:** the author of the article supposes to consider the problems and peculiarities of the development of e-government in Russia; to define the concept of “e-government” and its importance in the Russian political and legal system, to identify the specific features and characteristics of e-government. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were applied: formal-logical, descriptive, comparative and statistical methods ones. **Results:** the author proved that the transfer

© Киселев Александр Сергеевич, 2018
Соискатель кафедры теории и истории государства и права (Институт права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»); e-mail: pain068@yandex.ru
© Kiselev Alexander Sergeevich, 2018
Applicant for a degree, Theory and history of state and law department (Institute of law and national security, “Tambov state University named after G. R. Derzhavin”)

of services in the electronic form contributes to the economy of the country's budget. It is established that the specific feature of the e-government functioning is a direct link with the Executive authorities as a subject of services in the electronic form. Proposals for supporting the development of the e-government in Russia have been worked out. Conclusion: it is stated that creation of Russia's "electronic government", the development of mechanisms of the state legal regulation of the use of the advanced information technology, computer information processing, transformation of administrative processes into electronic sphere, the application of common standards of control for the authorities is taking on particular importance.

Key-words: *e-government, public administration, information society, executive power, bodies of power, modernization of the state.*

Создание электронного правительства — процесс модернизации государственных структур за счет перевода взаимодействия исполнительных органов государственной и муниципальной власти в электронный формат, обеспечения открытости деятельности органов власти и сокращения бюрократического аппарата. В российской научной среде популярна следующая трактовка, разделяемая некоторыми отечественными учеными: «Электронное правительство» — это схема внутреннего и внешнего функционирования государственных органов исполнительной власти на основе использования возможностей сети «Интернет», информационных и телекоммуникационных технологий с целью оптимизации предоставляемых ими услуг.

Следует учитывать, что определения «электронное государство» и «электронное правительство» часто отождествляются. Однако существует точка зрения, согласно которой «электронное государство — это способ организации государственной власти, основанный на использовании информационно-коммуникационных технологий. В данном случае под электронным государством понимается комплексная система, включающая деятельность исполнительных органов власти (электронное правительство), представительных органов власти (электронный парламент) и судебных органов власти (электронное правосудие), основанная на информационных технологиях и новых способах управления» [1, с. 82].

Соответственно автор рассматривает «электронное государство» как наиболее широкое понятие, представленное в виде комплекса, объединяющего информационно-управленческие функции всех ветвей власти в государстве.

Согласно исследованию Н.Н. Ковалевой на сегодняшний день государственные программы «Электронное государство» и «Электронное правительство» применяются и осуществляются на разных этапах практически в каждой стране мира: «Одним из направлений данных программ является создание «электронного правительства», которое дает возможность органам исполнительной власти использовать новые технологии, чтобы предоставить людям более удобный доступ к правительственной информации и услугам, повысить качество этих услуг и в большей мере обеспечить возможность участия в работе демократических институтов» [2, с. 127–131].

Закономерным является вопрос о необходимости внедрения программ «электронного правительства». В.В. Путин в ежегодном послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2015 г. говорил, что «нужно добиться сбалансированности бюджета и макроэкономической устойчивости и финансовой не-

зависимости страны» [3]. Это представляется возможным, поскольку перевод услуг в электронный вид экономит десятки миллионов рублей бюджета страны.

К примеру, согласно оценке экономического эффекта от использования сервисов электронного правительства, в Самарской области, данной Д.Е. Беспаловой и С.А. Морозовой, следует, что «функционирование электронного правительства приносит немалую выгоду как органам исполнительной власти, участвующим в предоставлении услуг, так и гражданам. Если направлять на дополнительное оказание услуг высвободившиеся средства от перехода с обычной формы предоставления услуг и бумажной формы межведомственного взаимодействия на электронную, то становится возможным оказывать на 35% больше услуг органами исполнительной власти и на 50% — органами власти, осуществляющими межведомственное взаимодействие» [4, с. 57].

Рентабельность электронных сервисов выражается не только в снижении затрат и времени на оказание услуг государственными и муниципальными органами власти, но и в удобстве для граждан. Так, М.С. Лазарева отмечает, что «обращение к государственным услугам в электронном виде набирает популярность среди жителей Алтайского края» [5, с. 23]. На данный момент во всех регионах Российской Федерации действуют порталы государственных и муниципальных услуг, востребованность которых с каждым годом возрастает. С.А. Овчинников, Н.А. Русакова и М.Д. Земсков выделяют основные преимущества электронного правительства для граждан: «Широкое развитие самообслуживания и возможность контроля (за процессом оказания государственных услуг в электронной форме), а также более четкое понимание государственных услуг» [6, с. 139]. Таким образом, реализация электронного правительства как механизма оказания услуг выгодна как для аппарата государственного управления, так и для граждан и организаций.

При создании в России «электронного правительства» важное значение приобретают механизмы государственного регулирования с использованием новейших информационных технологий, компьютерной обработки информации, перевода управленческих процессов в электронную сферу, применение единых стандартов управления для органов власти, создание сервисов поиска, обработки, хранения и использования государственно значимой информации.

Рассматривая электронное правительство как развивающуюся систему управления исполнительной ветви власти с применением информационно-коммуникационных технологий, следует обозначить стадии развития. Е.Г. Дьякова выделяет следующие стадии развития электронного правительства:

- 1) зарождение «электронного правительства» (появляются электронные страницы и официальные сайты органов власти);
- 2) повышенная (создаются архивы, появляются ленты новостей, размещаются образцы официальных документов);
- 3) интерактивная (оказываются некоторые виды государственных услуг (отправка налоговых деклараций, электронные заявления на выдачу документов в электронном виде);
- 4) транзакционная (переход к оказанию полного спектра всех видов государственных услуг «24 часа в сутки 7 дней в неделю»), т.е. бесперебойная работа портала государственных услуг;
- 5) сетевое государство (подразумевает интеграцию административных структур) [7, с. 33].

В тексте Федеральной программы «Электронная Россия» отмечалось: «На момент вступления постановления в силу некоторыми федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации успешно реализовывались программы и проекты по созданию государственных информационных систем, обеспечивающих автоматизированный сбор, обработку и хранение данных, необходимых для качественного и эффективного выполнения возложенных на них функций. Имелся опыт успешного обмена данными в электронном виде между ведомствами, а также между государственными органами, населением и организациями. Многими органами государственной власти были созданы сайты в сети Интернет, на которых размещалась нормативная правовая, справочная и новостная информация, связанная с деятельностью этих органов»¹. Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что внедрение информационных технологий не всегда приводило к улучшению качества услуг и повышению эффективности работы органов власти. Решение некоторых вопросов в работе с населением по-прежнему требовало личного обращения в органы власти и представления запроса в письменном виде. Соответственно, в процесс оказания государственных услуг в электронном виде вмешивался бумажный документооборот.

Самой главной проблемой развития электронного государства в России в начале 2000-х гг. являлось отсутствие нормативной базы, регулировавшей применение информационных технологий в органах исполнительной власти. В связи с этим позднее были приняты следующие нормативные документы: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212), Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 27 октября 2008 г. № 367-СФ), Распоряжение Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. № 1519-р «О внесении изменений в план перехода на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде федеральными органами исполнительной власти»; Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (утверждены Правительством РФ 14 мая 2015 г.) и др.

В качестве приоритетов всех стратегий развития можно назвать следующие: создание единого проекта формирования электронного правительства; разработка нормативной базы электронного правительства; внедрение программ по информатизации процессов управления исполнительных органов власти в субъектах РФ и оказание услуг в электронном виде.

В рамках реализации Федеральной целевой программы «Электронная Россия» был создан Общероссийский государственный информационный центр (ОГИЦ)², одной из основных задач которого было оснащение программно-техническим оборудованием федеральных центров и обеспечение функционирования техно-

¹ Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной программе «Электронная Россия! (2002–2010 годы)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 5, ст. 531.

² См.: Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 23 марта 2009 г. № 41 «Об утверждении требований к технологиям, форматам, протоколам информационного взаимодействия, унифицированным программно-техническим средствам подсистемы удостоверяющих центров общероссийского государственного информационного центра» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 24. 15 июня.

логий взаимодействия органов власти на основе компьютерного оборудования, специализированных государственных программ и высокоскоростного сетевого подключения.

Об итогах реализации программы можно судить по следующим показателям: произошло подключение региональных органов власти к центральной узловой сети межведомственного документооборота в Администрации Президента РФ; разработаны курсы по созданию и эксплуатации государственных электронных систем взаимодействия с гражданами и организациями; сформирована зона обслуживания вызова экстренных служб через единый номер «112» на базе диспетчерских служб; произведено подключение государственных органов власти к единой защищенной системе межведомственного электронного документооборота (МЭДО); созданы сегменты корпоративных сетей во многих регионах страны.

Коэффициент эффективности изменений в целом оценивается положительно. Созданы сайты и порталы, осуществляющие некоторые виды услуг в электронной форме, предусмотренные программой. Тем не менее, отмечались некоторые серьезные затруднения. Финансирование проектов осуществлялось не всегда своевременно и не в полном объеме. Проведение долговременных конкурсных процедур ставило поставщиков в жесткие временные рамки, в результате чего сроки выполнения работ сокращались и реализацию мероприятий приходилось откладывать на несколько месяцев.

Еще одной проблемой стало ведение работ, базирующихся на применении различных технических подходов по информатизации исполнительных органов власти в регионах. Причиной тому стало отсутствие четкой координации деятельности заказчиков, представленных государственными органами власти, и исполнителей, осуществляющих реализацию программы в субъектах РФ [8; 9; 10].

По итогам программы отмечалось, что на 2010 г. на портале «Госуслуги» в электронной форме оказалось свыше 400 видов федеральных услуг и порядка 2000 услуг в регионах, подключены 62 субъекта РФ, был осуществлен перевод 10 федеральных ведомств на интерактивное взаимодействие через электронный документооборот. В 2017 г. к порталу были прикреплены 30 министерств, 60 ведомств. С января 2017 г. стала возможной оплата госпошлины на определенные виды услуг со скидкой 30% [11].

В целях совершенствования работы портала считаем необходимым: публиковать на региональных порталах государственных услуг информацию по разъяснению пошаговых действий заказа государственных услуг, адресной и контактной информации служб и специалистов, оказывающих консультационные и иные вспомогательные услуги; осуществлять государственный контроль и мониторинг соответствия деятельности региональных и муниципальных органов власти по выполнению регламента оказания услуг и качества их предоставления; составлять ежегодную рейтинговую таблицу регионов РФ по аналогии с рейтингом ООН развития электронного правительства в государствах мира.

Процесс создания электронного правительства в России должен носить комплексный характер и охватывать правительственные структуры, ведомства, агентства, а также органы исполнительной власти в субъектах РФ. Соответственно, система «электронного правительства» в целях унификации и единообразия принципов работы должна быть единой для всей страны.

Уровень развития и использования информационных прикладных систем по-прежнему считается низким. В основном эта проблема имеет место в конкретных органах исполнительной власти в регионах РФ. Так, к примеру, согласно сводным данным программы «Информационное общество 2011–2020 гг.» проверка воспроизводимости ретроспективных электронных изданий показала, что около 28% электронных изданий имеют проблемы при воспроизведении из-за постоянной смены программных и аппаратных средств, требующихся для их использования. Это означает, что, даже имея хорошее компьютерное оснащение, необходимо бесперебойное и надежное функционирование программных систем, обеспечивающих работу государственных учреждений и оказывающих услуги в электронной форме.

В заключение отметим, что в условиях посткризисной обстановки государственная политика в области развития электронных услуг требует оперативного реагирования государственных органов исполнительной власти на текущие проблемы социально-экономического характера, взвешенной оценки возможностей и продуманного подхода действий при реализации проектов регионального уровня в каждом из субъектов РФ.

Библиографический список

1. Приходько Л.В. Зарубежный опыт внедрения и использования системы «электронный суд» // Государство и право. 2007. № 9. С. 82–86.
2. Ковалева Н.Н. Соотношение терминов «электронное государство» и «электронное правительство» // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6. С. 127–131.
3. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 3 декабря 2015 г. // Парламентская газета. 2015. 4–10 дек.
4. Беспалова Д.Е., Морозова С.А. Методика оценки экономического эффекта от использования сервисов электронного правительства // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 1 (31). С. 53–57.
5. Лазарева М.С. Совершенствование государственного управления путем внедрения электронного правительства // Системное управление. 2015. № 4 (29). С. 23–25.
6. Овчинников С.А., Русакова Н.А., Земсков М.Д. Экспертные оценки затрат и выгод инвестиций в электронное правительство // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 2 (46). С. 135–140.
7. Дьякова Е.Г. Готовы ли к «электронному правительству» «электронные граждане»? // Социум и власть. 2011. № 4. С. 32–36.
8. Барбаков Г.О., Устинова О.В. К проблеме внедрения «Электронного правительства» // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 26 (381). С. 109–113.
9. Волошина М.А. О проблеме повышения качества предоставления электронных государственных услуг и формировании электронного правительства в Российской Федерации // Проблемы права. 2015. № 6 (54). С. 85–88.
10. Чурсин М.А., Кузнецов В.В. Анализ проблем реализации концепции электронного правительства на региональном уровне // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2015. № 3. С. 40–42.
11. Шадрина Т. В сети дешевле // Российская газета (федеральный выпуск). 2016. 20 нояб.

References

1. *Prihodko L.V.* Foreign Experience of Implementation and Use of «Electronic court» System // State and law. 2007. No. 9. P. 82–86.
2. *Kovaleva N.H.* Correlation of Terms «Electronic state» and «Electronic government» // Vestnik of Saratov State Academy of law. 2011. No. 6. P. 127–131.
3. The Message of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation from December 3, 2015 // the parliamentary newspaper. 2015. 4–10 Dec.
4. *Bespalova D.E., Morozova S.A.* Methodology for Assessing the Economic Effect of the Use of E-government Services // Northern region: science, education, culture. 2015. No. 1 (31). P. 53–57.
5. *Lazarev M.S.* Improvement of Public Administration by Introducing E-government System Management. 2015. No. 4 (29). P. 23–25.
6. *Ovchinnikov S.A., Rusakova N.A., Zemskov M.D.* Expert Assessment of the Costs and Benefits of Investments in E-government // Bulletin of Saratov state socio-economic University. 2013. No. 2 (46). P. 135–140.
7. *Dyakova E.G.* Are «E-citizens» Ready for «E-government»? // Society and power. 2011. No. 4. P. 32–36.
8. *Barbakov G.O., Ustinova O.V.* On the Problem of «Electronic government» Introduction. Bulletin of Chelyabinsk state University. 2015. No. 26 (381). P. 109–113.
9. *Voloshina M.A.* On the Problem of Improving the Quality of Electronic Public Services and the Formation of E-government in the Russian Federation // Problems of law. 2015. No. 6 (54). P. 85–88.
10. *Chursin M.A., Kuznetsov V.V.* Analysis of Problems of Implementation of E-government at the Regional Level // Vestnik of the Voronezh Institute of Economics and social management. 2015. No. 3. P. 40–42.
11. *Shadrina T.* It Is Cheaper in the Network // Rossiyskaya Gazeta (Federal issue). 2016. 20 Nov.

УДК 342.922.3

Ю.В. Соболева

ОБЩИЕ НАЧАЛА В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ КОММЕРЧЕСКИХ И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

Введение: социально ориентированную деятельность могут осуществлять не только некоммерческие, но и коммерческие организации. Однако нормативное регулирование в России осуществляется только в отношении социально ориентированных некоммерческих организаций. **Цель:** разработать единый подход к регулированию статуса социально ориентированных коммерческих и некоммерческих организаций на основе анализа существующих моделей правового регулирования деятельности таких организаций в мировой практике и в России. **Методологическая основа:** правовой анализ категорий «социальное предпринимательство», «модели правового регулирования статуса социально ориентированных организаций», совокупность методов формальной логики, диалектического и системно-структурного методов исследования. В соответствии с последним при изучении любого объекта или явления анализируются его особенности как структурного элемента, входящего в более общее понятие. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно необходимости создания в Российской Федерации единого закона «Об организациях, осуществляющих социально ориентированную деятельность». **Вывод:** в целях совершенствования административного законодательства о социально ориентированных организациях в Российской Федерации необходима модель регулирования деятельности общественной пользы, которая характеризуется наличием единого нормативного акта и в отношении коммерческих, и в отношении некоммерческих организаций.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации, социальное предпринимательство, административно-правовое регулирование статуса социально ориентированных организаций, зарубежный опыт правового регулирования статуса организаций общественной пользы.

© Соболева Юлия Викторовна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: j.soboleva@mail.ru; k_ap@ssla.ru

© Soboleva Yuliya Viktorovna, 2018

Candidate of law, Associate professor of the Department of administrative and municipal law (Saratov State Law Academy)

* Статья опубликована по заданию Министерства образования и науки РФ № 29.8125.2017/8.9 на выполнение государственного проекта в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания по теме «Механизм государственного регулирования применения мер административного принуждения к негосударственным организациям».

Yu. V. Soboleva

GENERAL PRINCIPLES OF THE ADMINISTRATIVE LEGAL
REGULATION OF THE ACTIVITIES OF SOCIALLY ORIENTED
PROFIT AND NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Background: the socially oriented activity could be exercised not only by non-profit organizations, but also by profit organizations. At the same time the legal regulation in Russia covers the socially oriented non-profit organizations only. **Objective:** the authors suggest the consistent approach to the regulation of the status of the socially oriented profit and non-profit organizations on the basis of the existing models of the legal regulation of such organizations analysis in global practice and in Russia. **Methodology:** the legal analysis of the categories “the social business”, “the models of the legal regulation of the status of socially oriented organizations”, the system of formal logic methods, dialectic, systematic and structured research methods. According to the last the authors analyze the attributes of any object or phenomena such as the structural element included into more general term. **Results:** the authors argued the position about the necessity of the making the single law “On the socially oriented organizations”. **Conclusion:** in order to develop administrative legislation concerning socially-oriented organizations in the Russian Federation it is necessary to work out the model of the social benefit activity regulation which should be characterized by the single regulatory act covering both the profit and non-profit structures. This necessity is argued by the purpose of the administrative legislation developing regulating the socially oriented organizations in the Russian Federation.

Key-words: socially oriented non-profit organizations, social business, administrative legal regulation of the status of the socially oriented organizations, foreign experience of the legal regulation of the status of the social benefit organizations.

В Российской Федерации нормативно урегулированной является только деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций. В отношении социального предпринимательства соответствующие правовые акты так и не были приняты. Статья 31.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 14 ноября 2017 г.) определяет, что социально ориентированные некоммерческие организации, оказывающие общественно полезные услуги надлежащего качества, могут быть признаны исполнителями общественно полезных услуг, что дает им право на приоритетное получение мер господдержки¹. В соответствии с Указом Президента РФ от 8 августа 2016 г. № 398 «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» (в ред. от 1 июля 2017 г.) к таким направлениям, например, относится деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; по организации отдыха и оздоровления детей; медико-социальное сопровождение лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями, и лиц, нуждающихся в паллиативной помощи, и др.²

Социально ориентированную деятельность могут осуществлять не только некоммерческие, но и коммерческие организации. На современном этапе развития российского общества в сознании как рядовых граждан, так и многих предпри-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 145; 2017. № 47, ст. 6846.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 33, ст. 5164; 2017. № 27, ст. 4023.

нимателей и руководителей непосредственно самих социально ориентированных организаций, отсутствует сложившееся, сформированное представление о социальном предпринимательстве, его роли и значении в жизни общества, о характере взаимоотношений с органами власти и бизнесом. Причинами являются крайне низкая информированность россиян о социальном предпринимательстве, отсутствие его правовой основы [1, с. 145].

Рассматриваемый в науке термин «социальное предпринимательство», не получив своего закрепления в российском законодательстве, широко используется в зарубежной практике. В США понятия «социальный предприниматель» и «социальное предприятие» стали популярны примерно в 90-е гг. XX в. [2, с. 112]. В 2011 г. социальное предпринимательство было впервые названо в этой стране четвертым сектором экономики³.

В Великобритании термин «социальный предприниматель» стал употребляться в 60-х гг. XX в., а для социальных предприятий закреплена отдельная организационно-правовая форма — «компания общественной пользы». Критерием социального предпринимателя является то, что он может распределять между акционерами только 35% прибыли, остальную он обязан направлять на решение социальных задач [1, с. 142].

В Российской Федерации в 2014 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект о поддержке социального предпринимательства, который давал определение понятию «социальное предпринимательство», а также перечень видов деятельности, под него подпадающий⁴. Изменения предлагалось внести в Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в ред. от 31 декабря 2017 г.)⁵. Это предложение так и не было реализовано. Государство сконцентрировалось на поддержке только некоммерческого сектора. Однако и здесь в адрес законодательного регулирования высказывается критика. Предлагаются следующие направления развития административного законодательства в части взаимодействия социально ориентированных организаций с соответствующими органами исполнительной власти: разработка четкого перечня видов социально ориентированной деятельности; установление государственного органа, в компетенцию которого входят вопросы присвоения и лишения такого статуса, а также контроль за данной деятельностью; разработка исчерпывающего перечня критериев для признания некоммерческой организации социально ориентированной; установление срока, на который присваивается статус, а также оснований для его лишения, обязанности публичной отчетности организаций [3, с. 47].

Социологические опросы населения также подтверждают данные выводы, демонстрируя высокий уровень помогающего поведения, но низкий процент участия в деятельности организаций и слабую осведомленность о них. Так, в ноябре 2017 г. Исследовательской группой ЦИРКОН был проведен опрос 1006 респондентов, проживающих в г. Москве, посвященный отношению москвичей к некоммерческим организациям как к поставщику социальных услуг. По данным

³ См.: *Осина Д.* Место под солнцем: станет ли социальное предпринимательство четвертым сектором российской экономики? URL: <http://www.nb-forum.ru>. (дата обращения: 27.02.2018).

⁴ См.: Проект Федерального закона № 624513-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», внесен в Государственную Думу РФ 16 октября 2014 г. URL: <http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/> (дата обращения: 12.03.2018).

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 31, ст. 4006; 2018. № 1, ч. 1, ст. 89.

исследования, 72% опрошенных воспринимают организации, наряду с государством, как полноправного субъекта решения социальных проблем. Кроме того, 77% респондентов отметили, что за последние 2–3 года им приходилось помогать незнакомым людям. При этом из них только 9% делали это в рамках мероприятий и акций некоммерческих организаций, у которых нет особых конкурентных преимуществ перед социальными услугами, оказываемыми государством. На то, что они обязательно бы воспользовались только услугами государства, указали 51% респондентов. А с утверждением, что государственные учреждения лучше знают потребности людей, чем некоммерческие организации и бизнес, согласились только 39% опрошенных⁶.

В мировой практике существует несколько моделей правового регулирования статуса социально ориентированных некоммерческих организаций (4 модели): рамочное законодательство, отдельные законы, законы о налогообложении и разрозненное законодательство [3, с. 38].

Так, рамочное законодательство специально определяет статус общественно полезной организации в рамках закона о некоммерческих организациях. В некоторых государствах принят отдельный закон по статусу социально ориентированных организаций (в Венгрии, Польше и Латвии). В других — их статус определен в налоговом законодательстве (Эстония, Германия и Нидерланды). Недостаток такого подхода состоит в том, что в определенных правовых системах нельзя в налоговом законодательстве установить требования к деятельности организаций. Четвертый вариант развития законодательства о социально ориентированных организациях состоит в регулировании комплексом законов (о налогообложении, государственных грантах, гуманитарной помощи, пожертвованиях), но это может привести к непоследовательности применения всей концепции (Хорватия) [3, с. 38–39].

Таким образом, в Российской Федерации на сегодняшний день действует первая модель регулирования, используемая в мировой практике, а именно рамочный закон «О некоммерческих организациях», который в части закрепления статуса социально ориентированных организаций требует доработки. В нем упоминаются льготы по уплате налогов и сборов, но в Налоговом кодексе РФ нет ни одной соответствующей коррелирующей статьи, что фактически означает отсутствие налоговых льгот. Социальное предпринимательство вообще законодательством не урегулировано, хотя такая практика существует⁷, приносит пользу обществу и при условии должного нормативного закрепления могла бы развиваться в т.ч. в направлении реализации некоторых публичных полномочий, передаваемых негосударственным организациям. В связи с этим предлагается еще одна модель регулирования деятельности общественной пользы, которая характеризуется наличием единого нормативного акта и в отношении коммерческих, и в отношении некоммерческих организаций. Целесообразность такой модели обусловлена тем, что на сегодняшний день грани между коммерческими и некоммерческими организациями стираются.

⁶ См.: Результаты социологического опроса «Изучение отношения жителей г. Москвы к деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций». URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/19d/izuchenie-otnosheniya-zhiteley-goroda-moskvy.pdf> (дата обращения: 02.03.2018).

⁷ См., например: Фонд «Наше будущее». URL: <http://www.nb-fund.ru/>; Агентство стратегических инициатив. URL: <http://asi.ru/> (дата обращения: 21.03.2018).

Запрет на распределение прибыли в некоммерческой организации является не системообразующим или квалифицирующим признаком для таких организаций, а скорее одним из ограничений, на них налагаемых. А основная цель деятельности организации в большей степени представляет собой декларацию (хотя и обязательную к провозглашению учредителями при создании ими юридического лица в конкретной организационно-правовой форме), нежели характеризует организацию с содержательной стороны как коммерческую или некоммерческую [4, с. 15].

Кроме того, если создать в Российской Федерации единый закон «Об организациях, осуществляющих социально ориентированную деятельность», предусмотрев в нем налоговые льготы для коммерческих организаций и государственную поддержку для некоммерческих, то в результате брать на себя часть передаваемых публичных функций на взаимовыгодных условиях были бы заинтересованы и те и другие, а граждане могли бы выбирать — чьими услугами им выгоднее воспользоваться. Коммерческие организации, опасаясь потерять статус социального предпринимателя, боролись бы за качество своих услуг, а некоммерческие — в целях получения государственной поддержки, также совершенствовали бы свои программы. При этом граждане получали бы качественную реализацию своих прав, а государство путем сотрудничества с социальными предпринимателями могло бы экономить бюджетные средства.

Кроме того, в научной литературе социальное предпринимательство рассматривается как способ социально-экономической деятельности и коммерческих и некоммерческих организаций, при котором применение инновационных приемов осуществления предпринимательства сочетается с достижением устойчивой самоокупаемости в целях обеспечения решения социальных проблем [5, с. 94].

Необходимо отметить, что в проекте закона «Об организациях, осуществляющих социально ориентированную деятельность» требуется закрепить положение о том, что предоставляться налоговые льготы и субсидии должны всем без исключения организациям, признанным в установленном законом порядке социально ориентированными и входящим в соответствующие реестры на определенный законом срок при положительной оценке эффективности их деятельности. Это позволит исключить элемент усмотрения при выборе адресата такой поддержки, который существует на сегодняшний день в отношении финансирования социально ориентированных некоммерческих организаций в России. В законе также необходимо отразить, что такую государственную поддержку могут получить только негосударственные организации.

Таким образом, предлагается следующая Концепция проекта Федерального закона «Об организациях, осуществляющих социально ориентированную деятельность», который должен включать в себя следующие главы:

Глава 1. Общие положения.

Глава 2. Социально ориентированные коммерческие организации.

Глава 3. Социально ориентированные некоммерческие организации.

Глава 4. Контроль и надзор за соблюдением законодательства социально ориентированными организациями.

Глава 5. Заключительные положения.

Библиографический список

1. *Полтавская М.Б.* Социальное предпринимательство как идея и как процесс: взгляд некоммерческих организаций // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3 (29). С. 136–150.
2. *Гришина Я.С.* Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2. С. 111–121.
3. *Милославская Д.И., Шумбурова О.В., Иванова Н.В.* Статус организаций общественной пользы в законодательстве различных стран // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 33–52.
4. *Степанов Д.И.* В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 13–60.
5. *Плетень А.С.* Социальное предпринимательство в современной России: законодательное регулирование и основные направления государственной поддержки // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (71). С. 94–101.

References

1. *Poltavskaya M.B.* Social Entrepreneurship as an Idea and as a Process: a View of Non-Profit Organizations // Bulletin of Volgograd State University. Ser. 7, Philosophy, Sociology and social technologies. 2015. No. 3 (29). C.136-150.
2. *Grishina Ya.S.* Comparative-legal Study of Social Entrepreneurship in the Countries of America and Europe // Bulletin of Perm University. Juridical sciences. 2012. № 2. P. 111–121.
3. *Miloslavskaya D.I., Shumburova O.V., Ivanova N.V.* Status of Public Benefit Organizations in the Legislation of Different Countries // Issues of state and municipal management. 2015. № 1. P. 33–52.
4. *Stepanov D.I.* In Search of a Criterion for Distinguishing Legal Entities into Two Types and the Principle of Isolation of Non-profit Organizations // Journal of Civil Law. 2007. № 3. P. 13–60.
5. *Pleten S.A.* Social Entrepreneurship in Modern Russia: Legislative Regulation and Main Directions of State Support // Actual Problems of Russian Law. 2016. No. 10 (71). P. 94–101.

УДК 342.92

Ю.В. Гаврилкина

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСПЕКЦИЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: актуальность вопросов правовой организации региональных государственных инспекций обусловлена тем, что административно-правовое регулирование их формирования характеризуется несогласованностью нормативно-правовых

© Гаврилкина Юлия Владимировна, 2018
Соискатель кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: yulya.gavrilkina@mail.ru
© Gavrilkina Yulia Vladimirovna, 2018
Post-graduate degree-seeking student from Department of administrative and municipal law (Saratov State Law Academy)

актов федерального и регионального уровней, непоследовательностью регламентации вопросов взаимодействия государственных инспекций субъектов РФ и других субъектов публичного управления. **Цели и задачи исследования:** рассмотреть отдельные правовые вопросы организации региональных государственных инспекций; осветить актуальные проблемы их организационно-правового статуса. **Методы:** общие и частные научные методы познания объективной действительности, к которым относятся анализ, синтез, абстрагирование, формально-юридический метод, а также иные методы научного познания. **Результаты:** сформулирована авторская позиция о целесообразности утверждения детально регламентированных положений о государственных инспекциях субъектов РФ, в которых были бы закреплены общие задачи, функции и задачи государственной инспекции, порядок взаимоотношения инспекции с федеральными и региональными органами государственной власти, а также разграничены функции отделов государственных инспекций. **Вывод:** для унификации правовой организации государственных инспекций субъектов РФ требуется разработка типовой структуры региональной государственной инспекции единого образца.

Ключевые слова: государственные инспекции, субъекты РФ, государственный контроль и надзор, органы исполнительной власти, контрольно-надзорные органы.

Yu. V. Gavrilkina

ADMINISTRATIVE-LEGAL ORGANIZATION OF THE STATE INSPECTIONS' SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: the topicality of the questions of the regional state inspections legal organization is stipulated by the fact that administrative and legal regulation of their formation is characterized by the discrepancy of regulatory legal acts at the federal and regional levels, incoherence of the regulation interaction of the subjects of the Russian Federation state inspections with the other subjects of the public administration. **Objective:** the author of the article supposes to consider certain legal issues of the regional state inspections' organization, to cover all the points of their organizational and legal status. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were applied: general and specific scientific methods of cognition of objective reality which include analysis, synthesis, abstraction, formal legal method, as well as other methods of scientific cognition. **Results:** the author argues the position concerning the advisability of the provisions of the state inspection of constituent entities of the Russian Federation approval which lays down the general tasks, functions and tasks of the state inspection and the order of the interrelation of federal and regional public bodies of power and also delineated the functions of departments of the state inspection. **Conclusion:** in order to harmonize the legal organization of the state inspections of the subjects of the Russian Federation it is required to work out a single sample model structure of the regional state inspection.

Key-words: state inspection, the subjects of the Russian Federation, the state control and supervision, executive bodies, control and supervisory bodies.

Особое место в системе органов исполнительной власти занимают органы власти субъектов РФ, предназначенные для осуществления государственного контроля и надзора в установленной сфере хозяйственной деятельности. Области контроля и надзора, в которых функционируют государственные инспекции, весьма разнообразны. Каждая из них характеризуется специальными призна-

ками, что требует специализации органов контроля и надзора. Как правило, во многих субъектах РФ существуют инспекции в жилищной и строительной сферах, инспекции по контролю и надзору за техническим состоянием транспорта и иных сферах.

Исследование административно-правовой организации государственных инспекций субъектов РФ актуально ввиду необходимости оптимизации системы государственного управления на региональном уровне. Организация управления всегда предполагает создание определенной системы государственных органов, что проявляется в необходимости урегулирования статуса управленческих субъектов и их взаимоотношений. В юридической науке имеет место позиция, согласно которой реализация управленческой компетенции требует организационного обеспечения органа управления, правовой организации деятельности его подразделений, юридического закрепления его организационной структуры, форм, методов и процедур функционирования [1, с. 312–313].

Современное правовое регулирование статуса государственных инспекций субъектов РФ отличается наличием большого объема нормативных актов, закрепляющих принципы функционирования и компетенцию отдельных инспекций. Однако в настоящее время не выработано законодательного определения государственной инспекции субъекта РФ. Отсутствует и нормативно-правовой акт, определяющий единые организационно-правовые основы их деятельности на региональном уровне.

Важным звеном системы государственной власти выступают органы исполнительной власти субъектов РФ. Одним из принципов организации управления в субъектах РФ является самостоятельное осуществление региональными органами государственной власти принадлежащих им полномочий¹. Однако самостоятельность субъектов РФ в организации системы органов государственной власти не является абсолютной. Основы конституционного строя обязывают субъектов РФ при формировании органов исполнительной власти учитывать разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, принцип разделения властей, принцип признания человека, его прав и свобод высшей ценностью, которую обязаны защищать не только Российская Федерация, но и ее субъекты. Соответственно, в системе органов исполнительной власти субъектов РФ функционируют государственные инспекции, осуществляющие полномочия, предоставленные субъектам РФ. Указанные государственные инспекции не входят в систему федеральных органов государственной власти, а являются самостоятельными органами исполнительной власти субъектов РФ или подразделениями региональных органов исполнительной власти — министерств (главных управлений, управлений) соответствующих субъектов РФ. Так, государственная жилищная инспекция субъекта РФ входит в систему его органов исполнительной власти. Это вытекает из содержания Положения о государственном жилищном надзоре, согласно которому государственный жилищный надзор осуществляется уполномоченными органами исполнительной власти субъектов РФ в порядке, установленном высшим исполнительным органом государственной власти субъек-

¹ См.: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005; 2017. № 1, ст. 46.

екта РФ, с учетом требований, предусмотренных Положением². В частности, региональный государственный жилищный надзор на территории Саратовской области осуществляет государственная жилищная инспекция Саратовской области, которая является органом исполнительной власти субъекта РФ. Она создается постановлением Правительства области, которое утверждает положение об инспекции, ее структуру и штатную численность³.

Градостроительный кодекс РФ устанавливает, что государственный строительный надзор осуществляется органами исполнительной власти субъектов РФ, уполномоченными на осуществление регионального государственного строительного надзора⁴. Например, Инспекция государственного строительного надзора Удмуртской Республики является исполнительным органом государственной власти Удмуртской Республики, уполномоченным на осуществление государственного строительного надзора, а также на осуществление контроля и надзора в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости на территории Удмуртской Республики. Координация и контроль деятельности Инспекции осуществляются Министерством строительства, архитектуры и жилищной политики Удмуртской Республики⁵.

Административно-технический надзор в сфере обеспечения чистоты и порядка, благоустройства на территории Нижегородской области осуществляет Инспекция административно-технического надзора и ее должностные лица. Положение об Инспекции, структура и численность работников Инспекции подлежат утверждению Правительством Нижегородской области. Инспекция входит в систему органов исполнительной власти области и подчиняется Правительству Нижегородской области⁶.

Изучение существующей системы государственных инспекций субъектов Федерации позволяет сделать вывод о наличии ряда общих признаков, отличающих региональную государственную инспекцию как самостоятельный элемент механизма государства, обладающий специфическими контрольно-надзорными функциями. Эти признаки характеризуют особенности правового статуса данного государственного органа и его административно-правовую организацию.

Во-первых, государственная инспекция субъекта РФ представляет собой орган исполнительной власти, созданный для осуществления ее функций и обладающий полномочиями государственно-властного характера. Полномочиями государственно-властного характера обладают все государственные инспекции, что связано с конституционным принципом единства государственной власти на всей территории Российской Федерации. Единство государственной власти

² См.: Постановление Правительства РФ от 11 июня 2013 г. № 493 «О государственном жилищном надзоре» (в ред. от 20 июня 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 25, ст. 3156; 2016. № 26, ст. 4064.

³ См.: Постановление Правительства Саратовской области от 12 мая 2005 г. № 152-П «Вопросы государственной жилищной инспекции Саратовской области» // Неделя области. 2005. 18 мая.

⁴ См.: Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (в ред. от 18 июня 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1, ч. 1, ст. 16; 2017. № 25, ст. 3595.

⁵ См.: Постановление Правительства Удмуртской Республики от 22 декабря 2014 г. № 537 «Об Инспекции государственного строительного надзора при Министерстве строительства, архитектуры и жилищной политики Удмуртской Республики» // Официальный сайт Главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики. URL: <http://www.udmurt.ru> (дата обращения: 12.01.2015).

⁶ См.: Постановление Правительства Нижегородской области от 8 июля 2009 г. № 474 «Об утверждении положения об Инспекции административно-технического надзора Нижегородской области» // Правовая среда. 2009. 29 окт.

означает единство принципиальных целей и направлений деятельности всех государственных органов, обусловленное обязанностью признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, как того требует ст. 2 Конституции РФ. Однако принцип единства власти не означает прямое подчинение всех органов власти субъектов РФ соответствующим федеральным органам, поскольку каждый из уровней власти действует в пределах своей компетенции. Следует согласиться с мнением И. Изензее о том, что распределение компетенции не исключает общегосударственного единства, а дифференцирует его, формируя относительно самостоятельные общности, которые остаются взаимосвязанными в пределах целостного единства [2, с. 15].

Во-вторых, государственные инспекции субъектов РФ специально созданы для осуществления контрольно-надзорных функций государственной власти. Это проистекает из определения государственной инспекции как контрольно-надзорного органа государственной исполнительной власти, призванного вести борьбу с нарушениями законов, способствовать укреплению и строжайшему соблюдению государственной дисциплины [3, с. 11, 13]. Функция государственных инспекций состоит в наблюдении за исполнением специальных правил и норм, установленных уполномоченными органами. Выполняя собственные задачи и функции, государственные инспекции используют для этого соответствующие формы и методы правового воздействия. Государственные инспекции субъектов РФ наделены властными полномочиями, в т.ч. возможностью применения в случае необходимости мер административного принуждения [4, с. 45].

В-третьих, государственная инспекция субъекта РФ наделена полномочиями по осуществлению контроля и надзора за соблюдением законодательства в строго определенной сфере деятельности. Любой орган государственной власти имеет собственную сферу деятельности, поскольку представляет собой звено государственного аппарата, участвующее в осуществлении определенных функций государства и обладающее специфической компетенцией.

В-четвертых, государственная инспекция субъекта РФ осуществляет контроль и надзор за соблюдением законодательства в пределах определенных территориальных границ. Для каждого из государственных органов имеет значение установление границ территории, в рамках которых тот или иной орган может осуществлять государственно-властные полномочия. Любой государственный орган исполнительной власти имеет территориальный масштаб деятельности [5, с. 97]. Являясь государственным органом, инспекция действует лишь на территории конкретного субъекта РФ.

Исходя из перечисленных признаков, государственная инспекция субъекта РФ может быть определена как орган исполнительной власти, осуществляющий функцию контроля и надзора за соблюдением законодательства в установленной сфере деятельности на территории субъекта РФ и наделенный в связи с этим государственно-властными полномочиями.

Административно-правовое регулирование организации государственных инспекций субъектов РФ отличается несогласованностью нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней, непоследовательностью регламентации вопросов взаимодействия государственных инспекций и иных управленческих субъектов. Существенной проблемой является бессистемность регионального законодательства, недостаток полноты регулирования. В частности, отмечается отсутствие нормативно закреплённого порядка взаимодействия

ряда государственных инспекций субъектов РФ с другими контрольными и надзорными органами, осуществляющими свою деятельность на территории соответствующего субъекта, а также со смежными инспекциями. Недостатки в координации деятельности ведомственных органов контроля и надзора и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти приводят к увеличению числа проверок подконтрольных субъектов, что вызывает негативную реакцию к проверяющим органам [6, с. 210].

Перечень государственных инспекций, которые устанавливаются органами исполнительной власти субъектов РФ, законодательно не регламентирован. В результате, несмотря на объективную необходимость, в некоторых субъектах отсутствуют государственные инспекции, что не способствует эффективной защите прав и законных интересов граждан и организаций. Так, отмечается, что постоянные изменения нормативно-правового регулирования в жилищно-коммунальной сфере актуализируют деятельность уполномоченных органов по надзору и контролю за соблюдением жилищного законодательства, приводят к необходимости создания государственных жилищных инспекций в субъектах РФ, где такие органы не были созданы. Создание государственных жилищных инспекций во всех субъектах РФ позволит обеспечить нормальное функционирование сферы жилищно-коммунального хозяйства в целом [7, с. 310–312].

По замечанию А.Ю. Мартынова, наименование и компетенция государственных инспекций субъектов РФ носит бессистемный характер, поскольку зависит исключительно от воли того или иного субъекта РФ. Система исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации напоминает разрозненную систему федеральных органов исполнительной власти, существовавшую до 2004 г. Такое положение дел не позволяет им эффективно функционировать, что было доказано на федеральном уровне [8, с. 121].

Решение означенных проблем видится в создании типовой структуры региональной государственной инспекции единого образца. Необходимо утверждение детально регламентированных положений о государственных инспекциях субъектов РФ, в которых были бы закреплены общие задачи, функции и задачи государственной инспекции, порядок взаимоотношения инспекции с федеральными и региональными органами государственной власти, четко разграничены функции отделов государственных инспекций.

В нормативных правовых актах федерального уровня надлежит закрепить перечень государственных инспекций субъектов РФ, создание которых является обязательным, а также примерную схему их построения. Наличие таких инспекций объективно необходимо для реализации полномочий региональными органами исполнительной власти по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Представляется, что они должны входить в подчинение соответствующих министерств, что согласуется с идеей централизации структуры органов исполнительной власти и трехуровневой системой подчинения, при которой министерства подчиняются правительству субъекта РФ, а инспекции и управления — его министерствам [9, с. 137–147].

Библиографический список

1. Аллиулов Р.Р. Правовые нормы в механизме государственного управления // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 6. С. 308–318.

2. *IzenZee I., Kirchhoff P.* Государственное право Германии. Т. 1. М.: Институт государства и права РАН, 1994. 628 с.

3. *Студеникина М.С.* Государственные инспекции в СССР. М.: Юридическая литература, 1987. 112 с.

4. *Здир Я.А.* Государственные инспекции в СССР. М.: Госюриздат, 1960. 134 с.

5. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М.: Норма, 2016. 352 с.

6. *Попова О.И.* Надзорная и контрольная деятельность государственных инспекций труда в Российской Федерации: проблемы и практика // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 209–210.

7. *Якименко О.Ю.* Правовое регулирование деятельности государственной жилищной инспекции в Российской Федерации // Молодой ученый. 2012. № 3. С. 310–312.

8. *Мартынов А.Ю.* Административный надзор в России: теоретические основы построения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2010. 183 с.

9. *Лебедева Е.А.* О совершенствовании системы управления в Калужской области // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 137–147.

References

1. *Alliulov R.R.* Legal Norms in the Mechanism of State Management // Social-humanitarian knowledge. 2004. No. 6. P. 308–318.

2. *IzenZee I., Kirchhoff P.* State Law of Germany. Vol.1. М.: Institute of state and law of Russian Academy of Sciences, 1994. 628 p.

3. *Studenikina M.S.* State Inspection in the USSR. Moscow: Legal literature, 1987. 112 p.

4. *Zdir J.A.* State Inspection in the USSR. Moscow: Gosyurizdat, 1960. 134 p.

5. Administrative Law of the Russian Federation: textbook for bachelors / under the editorship of A. Yu. Sokolov. М.: Norma, 2016. 352 p.

6. *Popova O.I.* Supervisory and Control Activity of the State Labor Inspections in the Russian Federation: Problems and Practice // Business in law. 2008. No. 1. P. 209–210.

7. *Yakimenko O.Yu.* Legal Regulation of Activity of the State Housing Inspectorate in the Russian Federation // Young scientist. 2012. No. 3. P. 310–312.

8. *Martynov A.Yu.* Administrative Supervision in Russia: Theoretical Basis of Construction. М.: YUNITI-DANA, Zakon I pravo, 2010. 183 p.

9. *Lebedeva E.A.* On the Improvement of the Management System in the Kaluga Region // Journal of Russian law. 2010. No. 6. P. 137–147.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 340.111.52

А.В. Габов

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ: ТРАДИЦИОННАЯ КАТЕГОРИЯ ПРАВА В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Введение: правосубъектность является одной из базовых категорий для любой правовой системы, что понятно: через этот элемент происходит во многом разделение на объекты и субъекты, последние наделяются определенными возможностями для реализации различных интересов. В силу исключительной важности этой категории она традиционно является предметом интереса теоретиков права, а также специалистов различных отраслей юридических знаний. Современный период характеризуется значительными изменениями в общественном развитии, совершенствованием технологий искусственного интеллекта, требующими переосмысления многих традиционных категорий права, в т.ч. и категорий правосубъектности. **Цель:** приглашение к дискуссии о новых подходах к пониманию категории «правосубъектность» на современном этапе. **Методологическая основа:** использовалась вся совокупность традиционно применяемых для осуществления такого рода работ методов. **Результаты:** аргументированы положения о том, что в современный период наблюдается существенное изменение субъект-объектной парадигмы в праве; ставится вопрос о пределах для появления новых субъектов права. **Выводы:** от решения вопроса о субъекте права зависят многие конкретные правовые решения в ближайшем и далеком будущем.

Ключевые слова: субъект права, субъект правоотношения, правосубъектность, правоспособность, робот, субъект-объектная парадигма, антропоцентризм, признаки субъекта права.

A. V. Gabov

LEGAL PERSONALITY: TRADITIONAL CATEGORY OF LAW IN THE MODERN ERA

Background: legal personality is one of the basic categories for every legal system and it is clear: by means of this element there takes place the division into objects and subjects. The latter are charged with the certain opportunities for the realization of various interests. Due to the exceptional importance of this category, it has traditionally been a subject of interest for legal authors, as well as specialists in various branches of the legal knowledge. The modern period is characterized by the significant changes in the social development, the development of artificial intelligence technologies requiring rethinking of many traditional

---

© Габов Андрей Владимирович, 2018

Доктор юридических наук, профессор, заместитель директора (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации); e-mail: gabov@izak.ru

© Gabov Andrei Vladimirovich, 2018

Doctor of law, professor, deputy director (Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence attached to the Government of the Russian Federation)

categories of law, including the categories of legal personality. Objective: the purpose of the article is to invite researchers to the discussion about new approaches to understanding the category of legal personality at the present stage. Methodology: in doing the research in order to achieve the purpose of the work and the presentation of the material, the author used the entire set of methods traditionally used to carry out of this kind of work. Results: the author of the article argues the provisions concerning significant changes in the subject-object paradigm in law. The question about the limits for the emergence of the new subjects of law is posed. Conclusions: the author states that many specific legal decisions depend upon the solution of the “subject of law” in the near and far future.

Key-words: *subject of law, subject of legal relationship, legal personality, legal capacity, robot, subject-object paradigm, anthropocentrism, features of the subject of law.*

Право вообще и современное право в особенности *антропоцентрично*: оно создано человеком и для человека, существует только потому, что оно имеет полезность для человека, и только в таких формах, которые в соответствующий период времени востребованы (необходимы) людьми.

Антропоцентризм в праве чаще всего связывают с эпохой Возрождения, указывая, что он был «парадигмой учений этого времени» [1, с. 37]. Такая позиция является следствием перенесения в право результатов философских исследований. Философы указывали, что во времена, предшествующие эпохе Возрождения, «субъекту как человеческому существу не находилось места»; в античность акцент делался на космос, а в средние века внимание уделялось Богу¹. И лишь в эпоху Возрождения случился «поворот к проблемам человеческого бытия» [2, с. 15]. Характеризуя ее, философы пишут: «Гуманизм прокладывает путь к новой, обмирщенной антропологии, привлекая внимание к внутреннему миру человеческой личности, а через это — к новой трактовке человеческого достоинства, места человека во Вселенной» [3, с. 26–27]. Человек объявляется благородным живым существом, ради которого одного построен Богом этот восхитительный механизм мира [3, с. 131], для человека нет никакой непреодолимой трудности или раз и навсегда данного порядка, который он не мог бы перестроить в соответствии с его видением истинного блага [4, с. 71].

Однако такой подход вовсе не означает, что до эпохи Возрождения антропоцентризм *в праве* был менее выражен. Возможно, до определенного времени он и был менее осознаваем и воплощен в философских и иных идеях. Но на то и отличие права от философии: вторая имеет дело с мировоззрением, определенными установками относительно того, как устроен мир, что является первичным, главным (Бог, природа, человек и др.); право же — вещь практическая, имеющая дело с потребностями и интересами. И это понятно: аксиомой является социальность права, то, что оно результат сознательной волевой деятельности людей, имеющей конкретную и практическую цель: *порядок*. Е.А. Лукашева справедливо отмечает, что «потребность в появлении норм порождена выделением человека из животного царства и осознанием им своего отношения к себе, что в свою очередь порождает отношение к подобным себе — другим людям. Эти отношения — обособление и индивидуализация — являются предпосылкой воз-

¹ Ильин А.Н. Антропология субъекта // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 1. Философия. Политология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin/> (дата обращения: 03.07.2017).

никновения социального регулирования, а затем и его перехода к более высокой стадии» [5, с. 95].

Отмеченную мысль можно попытаться интерпретировать следующим образом: право изначально имеет дело с разделением на деятеля (того, *кто* может своим осознанным поведением (действием/бездействием) менять окружающую реальность), на саму изменяемую реальность (то, *что* подвергается изменению) и последствия деятельности. Позитивное право изначально рационально, какими бы ни были его объяснения; в его основе всегда лежит четкое разделение на субъекты, взаимодействующие между собой, и объекты, вне зависимости от того, используются эти понятия² или более простые («человек», «кто-нибудь» в Законах XII таблиц) или очень конкретные понятия («сторона», «отец», «сын», «женщина», «агнат», «наследник» и пр. в том же источнике). Причина этой рациональности — вынужденная — необходимость освоения внешнего к человеку пространства для целей выживания, необходимость урегулирования различных отношений между членами социума, которых следовало бы наделить свойством (возможностью) участвовать в различных отношениях публичного или частного характера. По справедливому мнению В.В. Соколова, «многотысячелетняя история культуры свидетельствует, что с самого ее начала жизнь потребовала воздействия человека на противостоящую ему природу, сначала живую, органическую, а затем и неживую, неорганическую» [6, с. 342].

Иначе говоря, некто (нечто), не являющееся для философа субъектом (к примеру, человек, как не обладающий свободной волей (в философском значении этого понятия), поведение которого предопределено), для целей права — субъект. Субъект необходим праву потому, что без него права нет.

Различные эпохи исторического развития предоставляют нам примеры, если так можно выразиться, *различной степени антропоцентричности*. К примеру, человек *мог переносить* часть собственной субъектности на различные сверхъестественные явления (на Бога, духов и т.д.), полагая, что есть *нечто*, что является причиной самого человека, признавая *первичность субъектности* этого *нечто* по отношению к человеку и его поступкам, внешнему миру в целом (предопределение). Приведем выдержку из Э. Роттердамского для характеристики некоторых таких идей: «Самым суровым изо всех мне кажется суждение тех, которые говорят, что свободная воля — это пустое слово и что она не имеет и не имела никакого значения ни у ангелов, ни у Адама, ни у нас, ни до благодати, ни после благодати, но и добро и зло творит в нас Бог, и все, что происходит, происходит по чистой необходимости» [7, с. 237]. Далее, определенный социум может считать неизбежной (необходимой), справедливой частью собственного правопорядка идею о том, что *не все люди* обладают полной субъектностью (или субъектностью вообще), и к некоторым из них всегда или в определенный промежуток времени *можно относиться как к объектам* (рабы, жители открытых испанцами территорий Нового Света («индейцы») в определенный промежуток времени [8], военнопленные, крепостные, эксплуататоры и представители «имущих классов» в первые годы Советской власти³ и пр. категории). Может иметь место и идея, обратная только что высказанной: *все люди* рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах (Всеобщая декларация прав человека 1948 г.). Чело-

² В философии понятие «субъект» оформилось в поздний период — в Новое время.

³ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.

век, общество могут исходить из *абсолютного антропоцентризма*, говоря о том, что он «объективный и неизбежный признак, и «все живое» на планете лишь в той мере подлежит «уважению», в какой это отвечает интересам человека» [9, с. 115], из представления о человеческом всесилиии и преобразовании природы и самого себя [10, с. 29], а могут признавать естественные (и сверхестественные) ограничения такому подходу, в том числе *иначе* интерпретируя вопрос о правах человека⁴.

Выстраивание субъект-объектной реальности (признание *кого-либо* субъектом, равно как и признание *кого-либо, чего-либо* объектом) — это результат сознательной деятельности человека: степень антропоцентричности правопорядка на определенном историческом этапе развития определяет сам человек и никто иной. Именно человек *является первичным и главным субъектом*, т.е. тем, кто имеет возможность разделять все остальные явления в мире в логике «объект — субъект», и именно он наделяет тех или иных представителей растительного или животного мира, иные организмы, природные объекты, созданные человеком искусственные (антропогенные) объекты или вымышленные объекты свойством субъекта. Все эти субъекты вторичны по отношению к человеку. Что касается вторичных субъектов, «разбег» возможностей создателей зависит от многих факторов: сложившихся культурных и религиозных традиций, практических потребностей человеческого общества, уровня развития техники и технологий, понимания рисков создания и функционирования искусственных объектов (артефактов).

В правовых исследованиях, предметом которых был субъект права, предлагались совершенно различные толкования этого вопроса.

Высказывались идеи о том, что субъект права есть произвольный продукт правопорядка. Г.Ф. Шершеневич, определяя субъекта права, писал, что этот «тот, кому объективное право присваивает в юридическом отношении субъективное право», со ссылками на ряд авторов, указывал, что «субъект права есть искусственный продукт творчества объективного права», что субъект права — это свойство человека, созданное объективным правом [11, с. 173]. В современных исследованиях также высказывается точка зрения о том, что субъект права — это *социально-правовая реальность*; что для права не имеют значения физические свойства человека или организационный, имущественный, людской субстрат юридического лица, а *важны лишь их правовые свойства, качества, собственно и определяющие их как субъектов права* [12, с. 120].

Помимо объяснения субъекта права как производной объективного права через правовое качество, предпринимались попытки найти иные содержательные признаки, качества, наличие которых предопределяет решение вопроса о субъектности, объяснить содержание (сущность) субъектности. В самом общем виде мысль исследователей сводилась к следующему: для того чтобы участвовать в правоотношениях, люди и организации должны обладать определенными качествами, совокупность которых и образует понятие «субъект права» [13, с. 134]. Соответствующие объяснения, в частности, можно встретить в работах советских правоведов П.И. Стучки, С.Н. Братуся, А.В. Мицкевича и других, которые пытались найти отличие от подхода к правосубъектности в буржуаз-

⁴См., например: Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 29.05.2017).

ном и социалистических правопорядках, обосновывали детерминированность признания лица или организации социально-экономическими причинами и отчасти политическими причинами [14, с. 49, 194–195; 15, с. 16; 16, с. 8–11; 17, с. 293], искали «сущностные» отношения, которые скрываются за понятием лица» [15, с. 15]. Крайняя форма таких поисков — это опирающееся на идеи европейских философов, которых относят к структуралистам⁵, о *поглощении субъекта структурой*, отрицание субъекта [18, с. 386–406].

Однако найти какое-то универсальное объяснение субъекта *права вне правовой реальности* до настоящего времени не удалось. Исследования, в которых были предприняты попытки найти некую совокупность признаков, которые объясняют содержание понятия «субъект права», в реальности не имели практического «выхода» в виде каких-то границ для конструкторской деятельности законодателя. Не произошло за долгое время существования человечества и другое: не появилось универсального объяснения субъекта права, приемлемого для всех правопорядков. По существу *вопрос о субъекте права, правосубъектности остался на усмотрение каждого конкретного правопорядка* или нескольких правопорядков, представители которых договорились о каких-то общих подходах по всем, нескольким или отдельным вопросам. Хорошая практического порядка иллюстрация этих тезисов — провал (по крайней мере, на данный момент) попыток прийти к *единому пониманию прав человека* и попыток создания единого общемирового суда по правам человека (в литературе его называют по примеру ЕСПЧ — всемирным судом по правам человека (world court of human rights) или ВСПЧ⁶).

Следует отметить, что в вопросе объяснения правосубъектности различные правопорядки радикально далеко друг от друга не отстоят. Причины этого заключаются в том, что *до настоящего времени более явного и понятного актора, кроме как человек, не появилось* [19]. Поэтому до сих пор наиболее простой, практически обоснованной классификацией субъектов (а по сути, самым обыкновенным объяснением правосубъектности) является разделение всех субъектов права на *людей* (иногда вместо этого слова используют слова «лицо», «индивид», «индивидуальный субъект права») и *их организации*⁷ с приоритетом в отношении первого субъекта — человека (лица, индивида). Этот антропоцентричный подход хорошо иллюстрируют слова С.С. Алексеева о том, что социальной предпосылкой правосубъектности служит свобода воли человека [20, с. 379]. В отечественном праве такая классификация (объяснение) правосубъектности едва ли не преобладающая в воззрениях теоретиков: абсолютное большинство исследований и учебников по теории государства и права дают именно такое понимание (во многом соответствующее философскому пониманию субъект-

⁵ См.: Козырева О.А. Проблема субъекта в философии М. Фуко и ее интерпретация Ж. Делезом. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/45082/1/philosophy21_2016_52.pdf (дата обращения: 10.07.2017).

⁶ См.: Ulfstein Geir. Do We Need a World Court of Human Rights? URL: <http://ulfstein.net/wp-content/uploads/2012/08/UlfsteinWorldCourt2008.pdf> (дата обращения: 08.07.2017).

⁷ Под словом «организация» здесь подразумевается весь спектр, от семьи, рода и до политической организации общества в виде государства.

объектной парадигмы⁸) вопроса о субъекте права [16, с. 5; 14, с. 133; 20, с. 379; 17, с. 292; 21, с. 360; 22, с. 341].

И такая ситуация имеет место во многих зарубежных правовых системах. К примеру, в американском праве для идентификации субъекта права используется понятие «*person*», его объяснение в словарях весьма схоже с нашими: *an individual person or incorporated group having certain legal rights and responsibilities* [23, с. 368]; для человека используется понятие «*natural person*» или часто — просто «*person*»⁹, а для иных случаев субъектности — «*fictitious person*» («*such a corporations*») [23, с. 331]. При этом для описания прав, часто используется конструкция «*Every*» — любой, каждый. Схожая ситуация в праве ФРГ, это подтверждает анализ Конституции ФРГ 1949 г.¹⁰, в которой часто используется конструкция «*Jeder*» (каждый в переводе с немецкого; отсюда знакомы нам конституционный оборот «каждый имеет право...»); также активно используются слова: «*Mensch*» и производные от него («*Alle Menschen*» — все люди), «*Deutsch*» и производные от него («*Alle Deutschen*» — все немцы), к примеру, в ст. 9 (Art. 9): «*Alle Deutschen haben das Recht, Vereine und Gesellschaften zu bilden*» (все немцы имеют право создавать союзы и общества); помимо указанных «*Vereine und Gesellschaften*» не забыты и «*juristische Personen*» (юридические лица)¹¹. Как видно, обе модели отличает *максимальная абстрагируемость от каких-либо качеств субъекта*. Некоторые модусы возможны в тех правовых системах, которые основываются на идеях социализма, а также находящихся в ситуации формального или фактического транзита от социализма, здесь оттенков субъектности может быть значительно больше. К примеру, в Конституции КНР [24, с. 1–3] мы встречаем и указание не только на граждан, но и на «*трудящихся предприятий, находящихся в государственной собственности и в экономических коллективах города и деревни*» («*working people in state-owned enterprises and in urban and rural economic collectives*» (ст. 42) [24, с. 1–16]), коллективные экономические организации («*collective economic organizations*» (ст. 17) [24, с. 1–11]). Специфика может быть связана не только с вопросами социально-экономического строя, но и с политическими, историческими и культурными факторами. К примеру, в той же Конституции КНР специально регулируется (ст. 50) статус «*зарубежных китайцев*» («*Chinese nationals residing abroad*»), «*китайцев-репатриантов*»

⁸ Вопрос, конечно, в том, кого из субъектов считать первичным. В философских исследованиях можно встретить такую точку зрения: «Субъект-объектная парадигма предполагает тройное понимание субъекта. Первым, прежде всего исторически, выступает коллективный субъект — племенной, этнический, национально-государственный. В пределах последнего образуются различные групповые социальные субъекты — сословные, классовые, производственные. Наконец, онтологически наиболее четкий индивидуальный субъект — непосредственный творец философом, как и многих других явлений духовной культуры». Для права же такая постановка вопроса несколько неуместна: она справедлива в части источника объективного права, но она вряд ли приемлема для сферы регулируемых таким правом частных отношений, где первична именно воля индивидуального субъекта.

⁹ К примеру, в Конституции Калифорнии (Sec. 2, посвященной основным правам) читаем: «*Every person may freely speak, write and publish his or her sentiments on all subjects, being responsible for the abuse of this right*». URL: (http://leginfo.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=CONS&division=&title=&part=&chapter=&article=I) (дата обращения: 09.07.2017).

¹⁰ См.: URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/gg/GG.pdf> (дата обращения: 09.07.2017).

¹¹ Эти лица согласно ст. 19 Конституции (Art 19) также обладают основными правами (*Grundrechte*), которыми пользуются люди («*Die Grundrechte gelten auch für inländische juristische Personen...*»), но только в том случае, если эти права по своей сущности могут быть применимы к таким лицам («*soweit sie ihrem Wesen nach auf diese anwendbar sind*»).

(«*returned overseas Chinese*») и «членов семей зарубежных китайцев» («*the family members of Chinese nationals residing abroad*») [24, с. 1–18].

Тем не менее, при всем текстуальном отличии, попытках как-то наполнить понятие субъекта дополнительным содержанием, *какого-то принципиального отличия между правопорядками в части объяснения субъектности, как уже указывалось выше, нет*: субъект — это человек (наделенный какими-то качествами или без такой дополнительной атрибуции), или организация, имеющая какой-то дополнительный статус (юридическое лицо) или нет.

Объяснение вопроса о субъекте права через дихотомию «человек — группа (организация)» в российской теории права мало что способно дать как с практической точки зрения, так и для теоретического осмысления вопроса о субъекте права.

Во-первых, *организации бывают разные*, в частности, во многих из них нет коллективной воли и ответственности, они не действуют как целое, где есть одна коллективная воля, поглощающая все индивидуальные субъектности. Такое поглощение чаще всего используется для определенного структурирования вопросов ответственности *между целым* (организацией как субъектом) *и частями, составляющими ее людской субстрат* (участники, учредители, работники и пр.) и может объясняться в форме различных частных теорий, доказывающих: а) либо то, что если целое поглощает частное, то и ответственность частного либо вовсе исключена, либо есть какое-то исключение из правил (юридическое лицо — как корпоративный щит, корпоративная вуаль (маска), теория персонифицированного имущества и пр. объяснения), либо б) обратное этому утверждению: наличие деликтоспособного общего не исключает ответственности его структурных элементов по долгам общего (как в народной поговорке о том, что «бьют не по паспорту»), а потому долги общего могут взыскиваться с частного, причем в некоторых случаях вплоть до окончательного погашения солидарно (пример — русская круговая порука, институт «снятие корпоративной вуали (маски)»). Далее. Организации бывают частные, созданные для решения каких-то частных вопросов (корпорация), но и есть такие, которые наделены по отношению к иным субъектам регулирующими (публичными, властными) функциями. Соответственно специфика различных коллективных субъектов должна найти свое отражение в праве в виде признания не единого коллективного субъекта (организации), что, строго говоря, лишено практического смысла.

Во-вторых, в дихотомии «человек (лицо, индивид) — организация» невозможно объяснить полную или частичную субъектность *не людей*, а представителей растительного или животного мира, иных организмов, природных объектов, созданных человеком искусственных (антропогенных) объектов, или вымышленных объектов, тогда как в реальности *их субъектность всегда присутствует в той или иной форме в каждой правовой системе*.

Для целей решения соответствующих проблем возникает идея *лица юридического*, под которым подразумевается в широком смысле *все*, что противостоит человеку как лицу физическому («все лица в юридическом смысле, которые не суть человеческие существа» [25, с. 17] или «*всякое отвлеченное понятие, которому присваиваются права и обязанности*» [26, с. 50]).

Такая идея, если она не замыкается на другой идее — организации (или, точнее, смыкается с ней) позволяет квалифицировать в качестве субъекта права бесконечное множество явлений действительности: наследственные массы [27,

с. 43], реки и пр. Так, в Новой Зеландии одна из рек — Whanganui River — была признана после долгой борьбы за это коренных жителей островов — маори, юридическим лицом на основании специального закона — Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Bill¹². В тексте соответствующего закона это выглядит так: «Te Awa Tupua *is a legal person and has all the rights, powers, duties, and liabilities of a legal person*».

С точки зрения классической советской модели субъекта права описанная ситуация, правовое решение — абсурд, с точки зрения народа маори — нормальность. И, тем не менее, понимая, что в основе таких решений лежат исторические и культурные различия, думается, что за такими решениям в основе основ лежат рациональные соображения и вопрос чаще всего упирается *исключительно в практическую плоскость*; как выразился один из интернет-пользователей, комментируя информации о новом правовом статусе Whanganui River: «*If that means there are better legal ways to protect the rivers and our precious water, then great...*»¹³.

Именно так — *в силу практических соображений* — вопрос о субъекте в общем плане (за кем вообще существующий правопорядок признает субъектность) переходит иную плоскость: общее понятие субъекта начинает утрачивать свое значение, правовой мир наполняется разными конкретными субъектами, существование которых практически оправдано, права которых необходимо признавать: гражданин (или подданный), неродившийся ребенок (зачатый при жизни наследодателя и родившийся живым), юридическое лицо (как организация, признаваемая государством), Церковь, государство и его отдельные части, международные организации, народ в целом, нация, борющаяся за независимость, и т.д.

Такой дифференциации субъектов в большей степени способствуют эволюция общественных отношений, государства и соответствующее развитие внутреннего права каждой страны: *для целей участия в определенных правоотношениях* появляются специальные субъекты, наделенные совокупностью определенных (не свойственных другим субъектам) прав и обязанностей и ответственности. Примеров таких субъектов — бесчисленное множество. В современном российском праве это: работодатель и работник (в трудовом праве); супруги, родители в семейном праве; субъекты научной и (или) научно-технической деятельности в законодательстве о науке и государственной научно-технической политике; государственный служащий во всех его видах (военнослужащий, судья и т.д.); подозреваемый, обвиняемый в уголовно-процессуальном законодательстве; осужденный в уголовно-исполнительном праве и прочие субъекты.

Говоря иначе, общие вопросы правосубъектности переходят в вопрос *о правоспособности применительно к участию в различных правоотношениях*. Более того, сама правосубъектность начинает, как правило, рассматриваться в рамках вопроса о структуре правоотношения *в разделе о субъекте правоотношения* [22, с. 342; 28, с. 18]. А в некоторых работах между правосубъектностью и правоспособностью просто ставят знак равенства, не вдаваясь в какие-либо детали [17, с. 292]. Указанная позиция имеет право на существование и, в общем, вполне объяснима (хотя, думается, что правосубъектность и правоспособность все-таки

¹² URL: <http://www.legislation.govt.nz/bill/government/2016/0129/latest/DLM6830851.html> (дата обращения: 28.05.2017).

¹³ URL: http://www.nzherald.co.nz/nz/news/article.cfm?c_id=1&objectid=11818858 (дата обращения: 28.05.2017).

следует разделять; это как бы две стороны одного явления: когда мы говорим о правосубъектности, мы говорим о том, что некто или нечто может иметь права в рамках данного правопорядка в принципе, а через категорию «правоспособность» мы описываем то, может ли лицо и как пользоваться данной возможностью в конкретных правоотношениях). Однако часто в реальной действительности неразличение в вопросе о правосубъектности и правоспособности тонов и полутонов приводит к тому, что вопрос о правосубъектности полностью «сливается» с вопросом о гражданской право-дееспособности, что объяснимо: именно в рамках гражданского законодательства содержится понятие «лицо», говорится о юридических лицах (о которых нет ни слова в Конституции РФ). Такое «слияние» имеет крайне пагубные последствия: мы начинаем думать, что субъекты в нашем праве — это лица, которые делятся на лиц физических (граждан, иностранцев и лиц без гражданства), юридических (т.е. тех, которые прошли государственную регистрацию и запись о которых есть в ЕГРЮЛ) и публично-правовые образования (Российская Федерация в целом, ее субъекты и муниципальные образования). Эту красивую и стройную картину мира, правда, портит одно обстоятельство: *она существует только в умах ее создателей*, в реальности же и мир субъектов гражданского права, а уж тем более мир субъектов права вообще — более обширен.

При таком взгляде общие вопросы правосубъектности становятся уделом теоретико-правовых исследований, дискурсом специалистов конституционного права, которые обсуждают правовые проблемы общетраслевого характера и обязанности человека и гражданина; в крайнем случае, такие вопросы «закрываются» положениями гражданского законодательства о лицах, поскольку вопросы, к примеру, о такой значительной группе субъектов, как юридические лица, традиционно исчерпываются гражданско-правовым регулированием (считается, что его более чем достаточно для объяснения вопроса о юридическом лице). В результате вопрос о правосубъектности чаще «уходит» из проблемного дискурса, перемещается из центральных вопросов в отраслевую плоскость с соответствующим уровнем решения возникающих проблем; вопрос переходит из спора о субъектах в спор о правах и обязанностях субъектов, споры о качестве и эффективности регулирования отношений субъектов и прочие аспекты.

Актуальны ли в этом случае *вопросы правосубъектности* для дальнейшего теоретического осмысления? Представляется, что *более чем актуальны*. Об этом пишут и теоретики права, которые касаются в своих исследованиях вопроса о субъекте права [18, с. 58; 12, с. 7–11].

Думается, что слова об актуальности в данном случае — это не дежурный методологического свойства реверанс, обязательное слово, которое должно быть использовано для того, чтобы подчеркнуть важность того или иного исследования, ценность тех или иных авторских рассуждений, значимость выводов исследования. Напротив, есть очень четкое представление о том, что мы сейчас в плане развития науки и техники находимся в такой точке, когда нам необходимо новое осмысление субъекта — междисциплинарное, не абстрактно-теоретическое, а такое, которое будет иметь очень ясные последствия как в ближайшем, так и в отдаленном будущем.

Человечество впервые подошло к такой грани, когда оно, спасаясь от непредсказуемости природных явлений, создало такую искусственную среду, накопило столько знаний, что способно выстроить новую реальность, которая будет неподконтрольна человеку, а антропоцентризм может смениться совсем иной ситуацией: *подчинение человека созданной им реальности*. И это — уже не выводы из произведений фантастов прошлого и настоящего, это как раз новая реальность, требующая осмысления. И лучшие умы современности, которые чувствуют эту новую реальность, говорят о проблеме, практически не скрывая опасения. К примеру, *Илон Маск* в интервью, данном на World Government Summit в Дубае в 2017 г., на вопрос о том, какие советы он бы дал представителям правящих кругов относительно того, как подготовиться к будущему, сказал: «Первым советом было бы — уделять самое пристальное внимание развитию искусственного интеллекта. Нам надо очень внимательно следить за тем, как мы внедряем искусственный интеллект, и следить, чтобы увлечённые работой ученые не заходили слишком далеко. Поскольку разработчики иногда так погружаются в работу, что забывают контролировать последствия своих действий. То есть, я считаю, что это вопрос общественной безопасности. Правительства должны следить за искусственным интеллектом и убедиться, что он не представляет опасности для населения»¹⁴.

Что же произошло, почему адепты инновационного развития вдруг заговорили о каких-то ограничениях в этой области? В этой связи следует вновь вернуться в лоно философии. В философско-правовом плане *мы уходим от того утилитарного взгляда на мир, в котором человек — единственный субъект, разумный, рациональный, а все остальное — это мир объектов*, мир, присвоенный человеком или подлежащий неизбежному присвоению, как только это позволят технические возможности. Как правильно отмечают исследователи, сегодня *«уже мало кого смущает взгляд на мир, в котором человек не является единственным субъектом»* [29, с. 72]. Указанная мысль на самом деле очень глубока, она вовсе не исчерпывается тем, что в качестве субъектов права мыслимо нечто иное, кроме как люди их коллективы (организации). Последнее и так понятно и реализуется в разных правовых системах, основываясь на соответствующих традициях (см. выше пример с присвоением статуса юридического лица реке в Новой Зеландии).

Вопрос в другом: никогда ранее признание *иного* субъектом не вело к такой неопределенности в судьбе самого человечества. Так, признание домашних животных (или животных вообще) субъектами права не перевернуло бы наших представлений о порядке вещей в мире, более того, для кого-то это бы стало просто признанием фактического состояния дел, было бы понятно и что делать с ответственностью: здесь часть недостающей правосубъектности восполнялась бы хозяином такого домашнего животного. В общем, для кого-то экзотика, для

¹⁴ *Илон Маск*. Интервью, данное на World Government Summit в Дубае. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0Nbs6QRClqQ>. Перевод материала см. на следующем ресурсе: URL: <https://petrimazepa.com/interviewfromdubai.html> (дата обращения: 25.06.2017).

кого-то само собой разумеющееся дело, но в целом — ничего такого, что выходило за грани нормальности¹⁵.

Другое дело — новая реальность, как-то: роботы, электронные юридические лица, искусственный интеллект, *т.е., то, что не находится под полным контролем человека и лишь выполняет команды, следуя определенным программам, а само производит программы, программирует других роботов, контролирует их функционирование и работу других роботов и людей.* Это другая ситуация. Первое ее следствие — резкое сокращение потребности в человеческом материале (в физическом и умственном труде и его результатах). Но это только первые последствия, есть и более отдаленные: полная замена нынешнего субъекта искусственным элементом, возможно с конкуренцией между ними, которая еще непонятно, чем закончится. Это-то и пугает уже некоторых нынешних наших (наиболее прозорливых) современников. *Илон Маск* в указанном интервью констатировал эту опасность так: «Думаю, один из самых беспокоящих вопросов будущего — это искусственный интеллект. *Я говорю не об ограниченном искусственном интеллекте, к которому, например, отношу автомобильный автопилот. Он ограничен выполнением определенной функции. Я говорю о глубоком, общем искусственном интеллекте — это когда у вас есть искусственный интеллект, который значительно умнее, чем самый умный человек на земле. И я думаю, что это опасная ситуация*»¹⁶. И для такого рода опасений уже есть почва: вот фрагмент одного из информационных сообщений лета 2016 г.: «Инженер из Калифорнийского университета в Беркли Александр Ребен создал робота, *который может причинить вред человеку и примет это решение самостоятельно.* Создание исследователя — первый яркий пример того, как робот может нарушить один из трех законов, которые были сформулированы писателем-фантастом Айзеком Азимовым в рассказе „Хоровод”»¹⁷. К самому сообщению можно отнестись и скептически, в конечном итоге, никакого иного подтверждения ему нет, однако в нем есть ключевые слова, описывающие риски развития искусственного интеллекта: *«примет это решение самостоятельно».* Иначе говоря, речь идет о том, что *иное*, созданное человеком, уже в самом ближайшем будущем будет *само* принимать решение и *само* же его реализовывать.

¹⁵ Вопрос о правосубъектности животных и иных живых существ, кроме человека только на первый взгляд является для нашего права вполне решенным. Применительно к животным ст. 137 ГК РФ, казалось бы, однозначно фиксирует, что речь идет об объектах. Однако обратим внимание на то, что та же самая статья говорит о том, что «при осуществлении прав не допускается жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности». Указание на обязательность соблюдения принципа (или принципов) гуманности видим и в специальном законодательстве (см. ст. 12 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17, ст. 1462 и ст. 2 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 30, ст. 3735). Но ведь принцип гуманизма применяется в социальных отношениях, т.е. отношениях между людьми. На это четко указывает и значение слова «гуманизм» в толковых словарях: «гуманность, человечность в общественной деятельности, в отношении к людям». Уголовный кодекс РФ содержит специальную ст. 245, которая устанавливает ответственность за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье. Статью эту ведь можно читать и так: УК за животными признает право на такое обращение, которое не влечет гибели и увечья. Вот такая странная история: то ли чистый объект, то ли для кого-то объект, а для кого-то (или в каких-то обстоятельствах) — субъект, а в случае с домашними животными и объект и субъект одновременно.

¹⁶ *Илон Маск.* Интервью, данное на World Government Summit в Дубае.

¹⁷ *Евтушенко А.* Восстание машин началось. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2016/06/21/8318627/wild-wild-robot.shtml> (дата обращения: 10.07.2017).

По существу *это то, что можно назвать волей, причем автономной волей в правовом смысле*. Риски такого развития кратно возрастают, если мы посмотрим на то, как активно развиваются т.н. бионические роботы, т.е. роботы, внешне схожие с человеком и иными живыми существами.

Попытки предвидеть новую реальность, наложить на нее право уже есть. 2016–2017 гг. смело можно назвать периодом повышенного интереса к этим вопросам [30, с. 19–27; с. 157–170; 31, с. 28]. Сравнительно недавно был «вброшен» проект закона о признании роботов субъектами права (причем идея не была российской, к сожалению, в очередной раз, поскольку ранее с такой инициативой выступили депутаты Европейского парламента, подготовив соответствующий текст¹⁸). Не будем говорить о некоторой иронии, которую он вызвал у отдельных представителей юридического сообщества, до сих пор уверенных в том, что использование искусственного интеллекта в юридической деятельности — это все еще не более чем фантастические сюжеты из *Айзека Азимова* или *Фредрика Чиландера* с его замечательным рассказом «Судебный процесс». В этом произведении судят лицо (человека), который причинил вред роботу. В процессе же практически все его участники (кроме самого подсудимого) — судья, прокурор, присяжные — в конце рассказа оказываются человекоподобными роботами [32, с. 404–412]. Гораздо интереснее агрессивная реакция на него, равно как и скепсис: *юристы не верят, что их можно заменить*. Приведем суждение из одного блога: «В последнее время часто попадаются статьи о том, что юристов могут заменить роботы. Обычно ссылаются на Сбербанк, который якобы уже это сделал. Не знаю, что там сделал Сбербанк, но робот не может заменить юриста среднего или высокого уровня по определению, так как юрист такого уровня решает вопросы на которые нет ответа»¹⁹. Это неверие есть и неверие в искусственный интеллект как субъект права будущего, в том, что это вообще когда-либо произойдет. С нашей точки зрения, к этому будущему следует готовиться уже сегодня, в т.ч. и в рамках юридической науки. Попытка от него отгородиться, сказав, что «это не про нас», «а без нас не обойдутся все равно» — это всего лишь наивная попытка не замечать грядущую эру. Между тем она в реальности очень близка: банки работают над внедрением *роботов-юристов*, выполняющих рутинную юридическую деятельность, реальностью стали *роботы-полицейские*²⁰ (причем их количество планируется только увеличить (в Дубае — до 25% от всех полицейских к 2030 г.)), т.е. часть правоохранительной сферы уже обходится без человека (здесь можно, кстати, вспомнить и системы автоматической фиксации правонарушений на дорогах).

Осмысление новой реальности не заключается в поиске ответов на примитивные вопросы: субъект ли робот или объект. На самом деле при погружении в проблему становится очевидным, что здесь придется разбираться с базовыми вопросами. Первый из них таков: *антропоцентризм в праве все еще актуален?* Если волей может (предположим) обладать иное — то это иное может само начать воспроизводить собственную реальность, создавать собственных субъектов,

¹⁸ URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+COMPARL+PE-582.443+01+DOC+PDF+V0//EN> (дата обращения: 13.07.2017).

¹⁹ URL: https://zakon.ru/blog/2017/07/03/robot_yurist (дата обращения: 09.07.2017).

²⁰ URL: <http://www.arabianbusiness.com/videos/video-robocop-becomes-reality-in-dubai-677533.html> (дата обращения: 20.07.2017); URL: <http://www.arabianbusiness.com/dubai-s-first-robot-cop-goes-on-duty-at-burj-khalifa-676443.html> (дата обращения: 20.07.2017).

по своему автономному усмотрению формировать субъект-объектную реальность. Здесь, кстати, начинаются вопросы и о праве вообще, и об отдельных его важнейших, системообразующих институтах. Относительно существующего права хорошо сказал Г.Ф. Шершеневич: «Правовые нормы имеют своей задачей определить поведение человека относительно других людей» [33, с. 36].

Если мы допускаем иную правосубъектную реальность, возникает неизбежный вопрос: *в ней тоже право или нечто иное?* Проблема эта очевидна, исходя из анализа правовых текстов, описывающих новую реальность, уже сегодня. Вот, к примеру, определение «интернета вещей» в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»²¹: «Концепция вычислительной сети, соединяющей вещи (физические предметы), оснащенные встроенными информационными технологиями для *взаимодействия друг с другом или с внешней средой без участия человека*». Окончание приведенного фрагмента показывает, что предполагается процесс взаимодействия вещей (аналог отношений?) без какого-либо участия человека.

Допущение иной правосубъектной реальности существенно изменит представление об институте ответственности. В ситуации, когда робот — объект, выводы более-менее понятны: отвечать должен тот, кто является владельцем робота. А если мы признаем такого робота субъектом? Кто будет покрывать убытки? При нынешних условиях развития науки и технологий такое представить проблематично, ибо *разделение субъектности человека и робота* привело бы только к попыткам ухода реального субъекта — человека от ответственности. Но представим себе, что через некоторое время появляется такая программа-робот, которая может функционировать, не находясь под постоянным вмешательством человека-оператора, сама принимает решение и осуществляет сделку, иное действие, т.е. формирует волю и изъясняет ее вовне. Достаточно ли этого факта для того, чтобы признать лицо субъектом, а не объектом? И если достаточно, то насколько самостоятельным субъектом, надо ли создавать специальную процедуру наделения и прекращения субъектности? Сохранять ли субсидиарность ответственности какого-либо иного субъекта по долгам робота и в каком объеме?

Другой вопрос: *каковы пределы усмотрения в части наделения иного субъектностью?* В наше правосознание прочно вошла мысль о том, что субъект права — это то, что признается в качестве субъекта позитивным правом. Говоря иначе, *сегодня нас в принципе ничего не сдерживает в том, чтобы признать субъектом права вообще все, что угодно*. Основание для этого одно: мы все равно понимаем, что в реальности основным субъектом права является человек, а потому если что, *мы всегда увидим сквозь маску этого нечто, что мы признали для чего-то субъектом права человека, в интересах которого это нечто действует*. Однако в новой реальности ситуация меняется. Встает вопрос о том, что впервые, как никогда ранее, важно использовать ограничения для того, чтобы *иное* обрело правосубъектность и находилось под контролем человека. Отсюда возникает вопрос о выработке критериев для возникновения субъектности *иного*, о необходимости (отсутствии необходимости) специального порядка возникновения правосубъектности *иного* и пр.

²¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.

Но если роботы — субъекты — это хоть и ближайшее, но все-таки будущее, есть вопросы, которые уже сегодня вызывают самый живой интерес, а именно преобразование самого человека с использованием различных технологий, в т.ч. технологий преобразования генома. Уже упоминавшийся Илон Маск не без основания указал относительно этой ситуации: «Мы... уже в определенном смысле киборги»²². Результаты науки в части коррекции генома, возможностей выбора наилучшего сочетания генов таковы, что мы стоим на пороге того, что можно назвать *генетической сегрегацией*²³. Ее результатом будет то, что ранее стихийные процессы биологической эволюции будут поставлены под управление человека. В связи с этим философы говорят о выходе за пределы человека, о *пост-человеке* [34, с. 252].

Вот почему возникает вопрос: если эти технологии (а они явно будут недешевыми), будут доступны только обеспеченным слоям населения, не получим ли мы не просто разделение на богатых и бедных, а разделение, которое будет *генетически предопределено*, а потому неустранимо никакими социальными лифтами?²⁴ Тут, конечно, появляется много вопросов социально-экономического характера, они не есть предмет нашего исследования, для права же вопрос ясный и простой: **останется ли место в законе (обычно — в Конституции) для того, кого мы называем «каждый», «every», «jeder»?** Того *каждого*, которому согласно ст. 17 нашей Конституции принадлежат от рождения основные права и свободы человека. Не будет ли эта декларация действительно только декларацией и не более того, нормой, не просто не наполненной реальным содержанием, а прикрытием совершенно иной реальности? Научно-технический прогресс не просто ставит эти вопросы, он способен привести к полному изменению нашего сложившегося взгляда на субъект права и права человека в особенности. Этот прогресс ведет к тому, что перед нами «в полный рост» возникают вопросы *неравенства* в праве, которые мы считали давно решенными. Задача права была ясна: установить формальное равенство, дать тем самым равные, как минимум,

²² ««Our aim is to raise the number of robots to 25 percent of the police force by 2030,» said Brigadier Khaled al-Razooqi, head of Smart Services at Dubai police». URL: <http://www.arabian-business.com/dubai-s-first-robot-cop-goes-on-duty-at-burj-khalifa-676443.html> (дата обращения: 20.07.2017).

²³ Возникновение такого рода рисков уже отчасти учтено в праве, но, как это чаще всего принято в отношении явлений новых и непонятных с точки зрения результата, — путем запрета. Об этом указывают и Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, принятая в 1997 г. на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, и ст. 11 Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины, заключенной в 1997 г. Устанавливается, что запрещена «любая форма дискриминации в отношении лица по признаку его генетического наследия». Отметим также, что в литературе и статьях в периодических изданиях активно используется термин «генетическая дискриминация» (см.: Бегтин И. Генетическая дискриминация // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/08/08/652204-geneticheskaya-diskriminatsiya> (дата обращения: 10.07.2017).

²⁴ Многие вопросы, связанные с влиянием современных медицинских и генетических технологий находятся в фокусе внимания исследователей. См., например: Салькова А. Америка отредактирует людей. URL: https://www.gazeta.ru/science/2017/02/15_a_10526801.shtml (дата обращения: 13.07.2017); Reardon Sara. Gene-editing summit supports some research in human embryos. URL: <https://www.nature.com/news/gene-editing-summit-supports-some-research-in-human-embryos-1.18947> (дата обращения: 13.07.2017); Doudna Jennifer. Perspective: Embryo editing needs scrutiny. URL: https://www.nature.com/nature/journal/v528/n7580_supp/full/528S6a.html (дата обращения: 13.07.2017); Cyranoski David, Reardon Sara. Embryo editing sparks epic debate. URL: <https://www.nature.com/news/embryo-editing-sparks-epic-debate-1.17421> (дата обращения: 13.07.2017); Lanphier Edward, Urnov Fyodor, Ehlen Haecker Sarah, Werner Michael, Smolenski Joanna. Don't edit the human germ line. URL: <http://www.nature.com/news/don-t-edit-the-human-germ-line-1.17111> (дата обращения: 13.07.2017) и другие научные работы и статьи в периодических изданиях.

стартовые возможности для всех — для того самого каждого. Если же каждый исчезает, то *что нам делать с неравенством* в его новом проявлении?

К предыдущему сюжету близок еще один, частично затронутый выше, *вопрос о поглощении субъекта структурой*. Эти вопросы стали активно обсуждаться в XX в. в работах европейских философов, которых относят к структуралистам²⁵. В самом общем виде проблему можно поставить следующим образом: *сохраняется ли в современном мире довлеющих структур субъектность?* При ее решении была высказана даже идея о смерти *субъекта*. Для такого вывода вполне много оснований, на самом деле, технологии (в т.ч. манипулирования сознанием) сегодня таковы, что говорить о классической свободе выбора в его декартианском понимании очень сложно. В.А. Лекторский так пишет о современности: «Сам человек начинает выглядеть как биологический организм плюс совокупность используемых им технологий... принципиальную границу между субъектом технологического действия и самими технологиями провести невозможно. А если учесть тот факт, что биологический организм сам во все большей степени становится объектом технологического воздействия, то от человека остается только лишь совокупность разного рода технологий и техник» [34, с. 254].

Вопрос о влиянии различных структур на человека имеет прямое отношение к праву. Учитывая приведенный выше сюжет о генетическом неравенстве, он более чем актуален. Обострим его: есть ли разница в ответственности (ее размере, пределах) между представителем улучшенного человеческого слоя и представителем иного слоя, из числа тех, у которых нет средств для своего улучшения? Должно ли быть в праве какое-то разделение возможностей и ограничений для них, надо ли новое неравенство, уже не только экономическое элиминировать правовыми средствами (какая-нибудь, обновленная теория слабой стороны в правоотношениях и пр.)? Много вопросов с тем же авторским правом: если *автор умер*, как провозгласили структуралисты, если авторский текст сегодня — это сложная ткань иных текстов, то, что нам делать с авторским правом? Отменять его полностью? Если нет, то как тогда трансформировать? Если отменять, то, как тогда правовыми средствами стимулировать творчество? На все эти вопросы только еще предстоит найти адекватные ответы.

Многие из обозначенных вопросов, проблемных зон с очевидностью приводят нас к пониманию того, что сложившееся представление о субъекте права *уже значительно трансформировано* с момента формирования основных доктрин, положенных в основу современного российского законодательства; эта трансформация продолжается и даже ускоряется (роботы-субъекты в современном дискурсе — хороший пример); в современный период наблюдается существенное изменение субъект-объектной парадигмы в праве. Причем, речь уже не идет об ответе на вопросы о том, что заставляет создавать новых субъектов, чего не хватает в правовом режиме объекта права настолько, что заставляет нас признавать правосубъектность иного? Речь идет о необходимости серьезного и продуманного изменения подходов к определению субъекта права.

Ответы на вопрос о том, что есть субъект права, это не решение какой-то частной проблемы, это ответ на один из фундаментальных вопросов, который предопределяет многие конкретные правовые решения в ближайшем и далеком будущем.

²⁵ См.: Козырева О.А. Проблема субъекта в философии М. Фуко и ее интерпретация Ж. Делезом. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/45082/1/philosophy21_2016_52.pdf (дата обращения: 10.07.2017).

Библиографический список

1. *Луковская Д.И.* Личность и право в истории правовой мысли // История государства и права. 2007. № 11. С. 36–40.
2. *Печерских Н.А.* Субъект, собственник, хозяин. СПб.: Наука, 2015. 196 с.
3. *Горфункель А.Х.* Философия эпохи Возрождения. М.: ЛЕНАНД, 2017. 368 с.
4. *Жданов П.С.* Ренессансное мировоззрение и новоевропейская политико-правовая традиция // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 69–77.
5. *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 384 с.
6. *Соколов В.В.* Субъект-объектная парадигма, ее роль в осмыслении мировоззренческого и историко-философского процесса // История философии: вызовы XXI века / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с.
7. *Роттердамский Эразм.* Диатриба, или рассуждение о свободе воли // Философские произведения / отв. ред. В.В. Соколов. М.: Наука, 1987. 702 с.
8. *Паниотова Т.С.* Встреча культур: диспут о конкисте, справедливых войнах и «рабстве по природе» // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 148–162.
9. *Копылов М.Н.* О правовом содержании понятия «экологическая безопасность» // Правоведение. Известия высших учебных заведений. 2000. № 1. С. 113–120.
10. *Лекторский В.А.* Возможно ли пост-человеческое будущее? // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / отв. ред. Г.Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2012. 496 с.
11. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: учебное пособие: в 2 т. Т. 2. Вып. 2–4. М.: Юридический колледж МГУ, 1995. 362 с.
12. *Архипов С.И.* Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 469 с.
13. *Мицкевич А.В.* Правовые отношения // Теория государства и права / под ред. Г.Н. Манова. М.: БЕК, 1996. 308 с.
14. *Стучка П.И.* Курс советского гражданского права. Т. 1: Введение в теорию гражданского права. 2-е изд. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. 230 с.
15. *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1950. 367 с.
16. *Мицкевич А.В.* Субъекты советского права. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1962. 212 с.
17. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт, 1999. 429 с.
18. *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
19. *Танимов О.В.* Юридическое лицо — классическая фикция в праве // Юридический мир. 2013. № 5. С. 45–47.
20. *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. 576 с.
21. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник. М.: Юридическая литература, 1996. 431 с.
22. Теория государства и права / В.В. Лазарев, С.В. Липень. 5-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2015. 521 с.
23. *Gifis. Steven H.* Law Dictionary. 4th ed. 1996. 643 p.
24. Laws and regulations of the People's Republic of China in Common Use. Compiled by the Legislative Affairs Office of the State Council // China Legal Publishing House. Peking, 2010. P. 1–37.
25. *Кавелин К.* Права и обязанности по имуществам и обязательствам. В применении к русскому законодательству. Опыт систематического обозрения. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1879. 442 с.

26. *Пахман С.* О задачах предстоящей реформы акционерного законодательства. Речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета, 30 августа 1861 года. Харьков: Университетская Типография, 1861. 159 с.

27. *Габов А.В.* Краткий исторический обзор становления института юридического лица в отечественном праве // Юридические лица в российском гражданском праве: в 3 т. / отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. Т. 1: Общие положения о юридических лицах. М.: ИЗИСП, ИНФРА-М, 2015. 384 с.

28. *Никищанкова М.А.* К вопросу о соотношении понятий «субъект права» и «субъект правоотношения» // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: материалы научно-практической конференции. Самара, 28 февраля 2003 г. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2003. С. 18–21.

29. *Пелипенко А.А.* Исторические этапы и уровни эволюции субъектности / Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 2006. С. 569–586.

30. *Архипов В.В., Наумов В.В.* Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. 2017. № 1. С. 19–27.

31. *Ястребов О.А.* Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Правоведение. 2017. № 3. С. 189–202.

32. *Чиландер Фредрик.* Судебный процесс // Цвет надежд — зеленый. М.: МИР, 1982. С. 404–412.

33. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: Лекции профессора Московского университета Г.Ф. Шершеневича, читанные в Московском Коммерческом Институте в 1909/10 г. М., 1911. 652 с.

34. *Лекторский В.А.* Современные технологии и человеческие ценности / Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / отв. ред. Г.Л. Белкина. М., ЛЕНАНД, 2012. 496 с.

References

1. *Lukovskaya D.I.* Personality and Law in the History of Legal Thought // History of state and law. 2007. № 11. P. 36–40.

2. *Pecherskikh N.A.* Subject, Owner, Master. St. Petersburg: Nauka, 2015. 196 p.

3. *Gorfunkel A.Kh.* Philosophy of the Renaissance. 3-e Izd., M., LENAND, 2017. 368 p.

4. *Zhdanov P.S.* Renaissance Worldview and the New European Political and Legal Tradition // Journal of Russian Law. 2014. № 5. P. 69–77.

5. *Lukasheva E.A.* Personality, Law, Civilizations: the Normative-value Masurment. Moscow: Norm: INFRA-M, 2014. 384 p.

6. *Sokolov V.V.* The Subject-object Paradigm, Its Role in Understanding the Worldview and Historical-philosophical Process / History of philosophy: the challenges of the XXI century / Otv. Ed. N.V. Motroshilov. Moscow: “Canon +” RPII “Rehabilitation, 2014. 368 p.

7. *Erasmus of Rotterdam.* Diatribe, or Reasoning About Free Will / Philosophical works / отв. ed. V.V. Sokolov. Moscow: Nauka, 1987. 702 p.

8. *Paniotova T.S.* Meeting of Cultures: Dispute on Conquest, Just Wars and “Slavery by Nature” // Culture and Civilization. 2015. № 6. P. 148–162.

9. *Kopylov M.N.* On the Legal Content of the Concept of “Environmental Security” // Jurisprudence. News of higher educational institutions. 2000. № 1. P. 113–120.

10. *Lectorsky V.A.* Is the Post-human Future Possible? // Man and His Future: New Technologies and Human Capabilities / Otv. ed. G.L. Belkin. Moscow: LENAND, 2012. 496 p.

11. *Shershenevich G.F.* General Theory of Law: Textbook in 2 volumes. T. 2. Issue. 2–4. M., “Publishing house” Juridical College of the Moscow State University “, 1995. 362 p.

12. *Arkhipov S.I.* Subject of Law: Ttheoretical Research. SPb. : Publishing house of R. Aslanov “Legal Center Press”, 2004. 469 p.

13. *Mitskevich A.V.* Legal Relations / Theory of State and Law. Ed. prof. G.N. Manova. M., Publishing House BEK, 1996. 308 p.
14. *Stuchka P.I.* The Course of Soviet Civil Law. Volume one. Introduction to the Theory of Civil Law. Second edition. M., State socio-economic publishing house, 1931. 230 p.
15. *Bratus S.N.* Subjects of Civil Law. M., State Publishing House of Legal Literature, 1950. 367 p.
16. *Mitskevich A.V.* Subjects of Soviet law. M., State Publishing House of Legal Literature, 1962. 212 p.
17. *Cherdantsev A.F.* Theory of State and Law: A Textbook for High Schools. M., Yurayt, 1999. 429 p.
18. *Chestnov I.L.* Postclassical Theory of Law. SPb., Publishing House "Alef-Press", 2012. 650 p.
19. *Tanimov O.V.* Legal Entity - a Classic Fiction in the Law // The legal world. 2013. №. 5. P. 45–47.
20. *Alekseev S.S.* General Theory of Law: Textbook. 2-e Izd., Rev. and additional. M.. TK Velbi, Publishing House, 2008. 576 p.
21. *Marchenko M.N.* Theory of State and Law. M., 1999. 431 p.
22. Theory of State and Law / V.V. Lazarev, S.V. Lipen. 5-e Izd., Rev. and additional. M., Publisher Yurayt, 2015. 521 p.
23. *Gifis. Steven H.* Law Dictionary. 4th ed. 1996. 643 p.
24. Laws and Regulations of the People's Republic of China in Common Use. Compiled by the Legislative Affairs Office of the State Council // China Legal Publishing House. Peking, 2010. P. 1–37.
25. *Kavelin K.* Rights and Obligations on Property and Liabilities. In Application to the Russian Legislation. Experience systematic survey. S.-Petersburg: Typography of M.M. Stasyulevich, 1879. 442 p.
26. *Pakhman S.* On the Tasks of the Forthcoming Reform of the Joint-stock Legislation. Speech written for utterance in the solemn meeting of the Imperial Kharkov University, August 30, 1861. Kharkov, In the University Printing House, 1861. 159 p.
27. *Gabov A.V.* A Brief Historical Overview of the Establishment of the Institution of Legal Entity in the Domestic Law / Legal Persons in Russian Civil Law: monograph: in 3 volumes/ chief. Ed. A.V. Gabov, O.V. Gutnikov, S.A. Sinitsyn. V.1: General provisions on legal entities. M: ILCL, INFRA-M, 2015. 384 p.
28. *Nikischenkova M.A.* On the Question of the Relationship Between the Concepts of "Subject of Law" and "Subject of Legal Relationship" / The problem of legal personality: modern interpretations. Materials of scientific-practical. Conf. Samara, February 28, 2003 2-e Izd., Rev. and additional. Samara: Samar. Humanit. Acad., 2003. P. 18–21.
29. *Pelipenko A.A.* Historical Stages and Levels of Evolution of Subjectivity / Subject in Time of Social Life: Historical Fulfillment of the Space-time Continuum of Social Evolution / Chief. ed. E.V. Saiko; Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. M., Science, 2006. P. 569–586.
30. *Arkhipov V.V., Naumov V.B.* Information and Legal Aspects of the Formation of Legislation on Robototronics // Information law. 2017. № 1. P. 19–27.
31. *Yastrebov O.A.* Discussion About the Prerequisites for Assigning Robots Legal Status of "Electronic Persons" // Jurisprudence. 2017. № 3. P. 189–202.
32. *Chilander Fredrik.* Litigation // Color of Hope is Green. Moscow: Mir, 1982. P. 404–412.
33. *Shershenevich G.F.* General Theory of Law. Lectures of Professor of Moscow University G.F. Shershenevich, delivered in the Moscow Commercial Institute in 1909/10 academic year. Edited by the author Stud. Commissions of the Society of Mutual Cooperation. Moscow, 1911. 652 p.
34. *Lectorsky V.A.* Modern Technologies and Human Values / Man and His Future: New Technologies and Human Capabilities / Chief. ed. G.L. Belkina. M., LENAND, 2012. 496 p.

УДК 347.447.86

В.А. Вятчин

О СОСТОЯНИИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ И ВЗЫСКАНИЯ НЕУСТОЙКИ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ РОССИИ

Введение: настоящая статья посвящена исследованию состояния ныне действующего гражданского законодательства России, регламентирующего возмещение убытков и взыскание неустойки. Посредством внесения Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ изменений в ГК РФ, касающихся возмещения убытков и взыскания неустойки, законодателю удалось устранить отдельные недостатки, имеющиеся в правоприменении названных мер ответственности. Актуальность проведенного в данной статье исследования обусловлена тем, что ряд недостатков в нормах, регламентирующих возмещение убытков и взыскание неустойки, продолжает существовать и в настоящее время. **Цель:** рассмотреть проблемные вопросы законодательного толкования таких мер гражданско-правовой ответственности, как возмещение убытков и взыскание неустойки, а также внести конкретные предложения, направленные на совершенствование применения этих мер на практике. **Методы исследования:** эмпирические методы — сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы — формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и метод аналитического толкования правовых норм. **Результаты:** проведя в статье системный анализ состояния действующего законодательства России, регламентирующего возмещение убытков и взыскание неустойки, автор вносит конкретные и обоснованные предложения, направленные как на совершенствование законодательства о возмещении убытков и взыскании неустойки, так и на применение норм, касающихся гражданско-правовой ответственности на практике. **Вывод:** устранение законодателем недостатков, содержащихся в ГК РФ, будет способствовать разрешению споров, касающихся места и роли убытков и неустойки в системе ответственности и исключит в правоприменении подмену закона т.н. сложившейся судебной практикой.

Ключевые слова: законодательство, меры гражданско-правовой ответственности, возмещение убытков, взыскание неустойки, гражданское право, договор, правоприменение.

V.A. Vyatchin

ON THE STATE OF DAMAGES AND PENALTY RECOVERY REGULATION IN THE MODERN LAW OF RUSSIA

Background: this article deals with the research of the status of the current civil legislation of Russia regulating damages and penalty recovery. By means of the changes made by the Federal law No. 42-FL dated 08 March, 2015 concerning damages and penalty recovery, the legislator was able to eliminate some shortcomings in the law enforcement of

© Вятчин Владимир Анатольевич, 2018

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин (Астраханский филиал ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»); e-mail: vyatchin.vladimir51@mail.ru

© Vyatchin Vladimir Anatolievich, 2018

Candidate of law, associate professor, head of the civil law disciplines department (Astrakhan branch of Saratov State Academy of Law)

the mentioned measures' liability. Timeliness of the conducted research is stipulated by the fact that a number of deficiencies in the rules regulating punitive damages and execution of penalty remain uncontested currently. Objective: the author of the article supposes to consider problematic issues of the legal interpretation of such measures of civil liability as punitive damages and execution of penalties, and to make specific proposals aimed at improving the application of these measures in practice. Methodology: in doing the research the following methods of study were used in the article: empirical methods - comparisons, descriptions, interpretations, theoretical methods - formal and dialectical logic, private-scientific methods: legal-dogmatic and the method of analytical interpretation of legal norms. Results: relying on the system-oriented approach of the current legislation of Russia regulating punitive damages and execution of penalties carried out in the article the author makes specific and justified proposals aimed at improving the legislation on punitive damages and execution of penalties and on applying norms relating to civil liability in practice. Conclusions: the author of the article states that elimination of the shortcomings contained in the Labor code of the Russian Federation will contribute to the resolution of disputes concerning the place and role of punitive damages and execution of penalties in the system of liability and it will exclude substitution of the so-called established practice out of law enforcement.

Key-words: *legislation, measures of civil liability, compensation of damages, recovery of penalties, civil law, contract, law enforcement.*

Возмещение убытков и взыскание неустойки принято относить к основным мерам (формам) гражданско-правовой ответственности [1, с. 552; 2, с. 430–432; 3, с. 542–551]. Под мерами гражданско-правовой ответственности в теории права принято понимать закрепленные в законодательстве дополнительные обременения в основном имущественного характера (санкции), которые в силу закона и (или) договора возлагаются при наличии правонарушения, как правило, на виновное или ответственное за это правонарушение лицо. При этом следует отметить, что в юридической литературе возмещение убытков, хотя об этом прямо и не говорится в законе, называют всеобщей или универсальной мерой гражданско-правовой ответственности [4, с. 17–19; 5, с. 83–85; 6, с. 8–11; 7, с. 221–223].

В частности, М.И. Брагинский отмечает, что «если неустойка может применяться, тогда, когда об этом прямо указано в законе или договоре, то обязанность возместить убытки наступает в силу общей нормы закона» [8, с. 243].

В правоприменении также не ставится под сомнение и главенствующая роль возмещения убытков среди мер ответственности. Так, Высший Арбитражный Суд РФ в Информационном письме от 15 мая 1997 г. № 14 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров» указал, что отсутствие в договоре условий об ответственности за его нарушение само по себе не служит основанием к изменению договора, т.к. в любом случае за нарушение условий договора всегда существует ответственность в виде возмещения убытков¹.

С недавних пор это положение, сформулированное на основании судебной практики, нашло свое закрепление в ст. 393 ГК РФ, где законодатель прямо установил, что если иное не установлено законом, использование кредитором других способов защиты прав, предусмотренных законом или договором, не

¹ См.: Сборник информационных писем Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. М., 2003. Ч. 1. С. 220.

лишает его права требовать от должника возмещения убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства.

Возмещение убытков в полном размере, по действующим нормам гражданского права, теперь означает, что в результате их взыскания с должника, кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом.

Однако, как показывает анализ правоприменительной практики арбитражных судов, из всех мер гражданской ответственности, предусмотренных за нарушения обязательств, возмещение убытков применяется крайне редко. Только в 4–7% случаях нарушений обязательств кредиторы защищают свои права путем предъявления должнику требований о возмещении причиненных убытков, предпочитая обратиться в суд за взысканием неустойки или банковских процентов². Такое положение дел с применением на практике норм ГК РФ, регламентирующих возмещение убытков, вряд ли можно объяснить только традициями советского гражданского права.

Как объективно отмечает один из разработчиков части первой ГК РФ В.В. Витрянский, «нормы об убытках в действующем законодательстве изложены в большей степени декларативно, а не конкретно, как например нормы о неустойке, хотя и там не обошлось без недостатков» [9, с. 13–25].

Законодатель, пишет также В.А. Хохлов, занимая сугубо прокредиторскую позицию в гражданском праве, взыскание убытков обусловил рядом фактически трудноисполнимых условий [10, с. 37].

Как разъяснил в Постановлении от 22 марта 2005 г. Высший Арбитражный Суд РФ, при предъявлении иска о взыскании убытков истец должен не только обосновать размер убытков, возникших у него в связи с нарушением ответчиком своих обязательств, но и предоставить доказательства, подтверждающие причинную связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением и убытками³.

Исполнить такие требования законодателя и судов о доказывании убытков и их размера весьма проблематично для кредитора. Предлагаемые рядом авторов в научных публикациях формулы расчета убытков также не привнесли позитива в решение этой проблемы [11, с. 40–47].

Такое положение дел обусловило внесение законодателем существенных изменений в нормы об убытках в 2015 г. Теперь законодательство прямо предусматривает, что если иное не регламентировано законом, иным правовым актом или договором, при определении убытков принимаются во внимание цены, существовавшие в том месте, где обязательство должно было быть исполнено в день добровольного удовлетворения должником требований кредитора, а если требование добровольно удовлетворено не было, то в день предъявления иска. При этом размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. Вместе с тем суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен в заседании с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убыт-

²См.: Статистические показатели деятельности арбитражных судов за период 2006–2010 годы // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 3; 2008. № 4; 2009. № 3; 2012. № 2.

³См.: Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2005. № 11. С. 14.

ков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства (п. 5 ст. 393 ГК РФ).

Таким образом, законодатель прекратил многолетнюю практику судов всех уровней, выносивших решения об отказе во взыскании убытков по причине недоказанности их размера в судебном заседании кредитором-истцом. Теперь сам суд, руководствуясь новыми принципами гражданско-правовой ответственности, а именно справедливостью и соразмерностью, обязан непосредственно устанавливать с учетом всех обстоятельств дела размер подлежащих возмещению убытков.

Еще одной новеллой стала регламентация в Законе правил о возмещении убытков при прекращении договора. Так, в случае, если неисполнение или ненадлежащее исполнение должником договора повлекло его досрочное прекращение и кредитор заключил взамен его аналогичный договор, кредитор вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой на сопоставимые товары, работы и услуги по условиям договора, заключенного взамен прекращенного договора. Если же кредитор не заключил аналогичный договор взамен прекращенного договора, но в отношении предусмотренного прекращенным договором исполнения существует текущая цена на сопоставимые товары, работы или услуги, кредитор вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и текущей ценой. При том, что текущей ценой признается цена, взимаемая в момент прекращения договора за сопоставимые товары, работы или услуги в месте, где должен был быть исполнен договор, а при отсутствии текущей цены в указанном месте — цена, которая применялась в другом месте и могла служить разумной заменой с учетом транспортных и иных дополнительных расходов (пп. 2, 3 ст. 393 ГК РФ).

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что суть возмещения убытков по ныне действующему законодательству заключается в том, чтобы в результате применения этой меры гражданско-правовой ответственности во-первых, кредитор получил все причитающееся ему по сделке в полной мере и по справедливости и во-вторых, при этом ответственность должника должна быть соразмерной нарушению имущественных прав кредитора. Однако ответ на вопрос — каким образом в полной мере соблюсти баланс интересов кредитора и должника при помощи возмещения убытков — уже в скором времени может дать только правоприменительная практика.

Представляется, что окончательно данные проблемы должны быть решены путем детального регулирования порядка и способа определения размера убытков и процедуры их установления в суде. Следовательно, необходимо также дополнительное включение в ГК РФ нормы, посвященной определению размера убытков, подлежащих возмещению при нарушении обязательств, как это и было изначально предусмотрено в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [12].

Также обращает на себя внимание тот факт, что в Законе наряду с понятием «убытки» часто используются понятия «вред», «ущерб», которые не являются равнозначными и строго определенными и поэтому допускается их смешивание как в законодательстве, так и в правоприменении. В литературе предложено эти понятия различать следующим образом: вред есть родовое понятие отрицательных имущественных и неимущественных последствий правонарушения;

ущерб — это натурально-вещественная форма выражения вреда; убытки — денежная оценка вреда [13, с. 58].

Так, убытки в законе порой называются вредом, и, наоборот, вред называют убытками. Например, в ст. 16 ГК РФ речь идет о возмещении убытков, причиненных гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействий) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в т.ч. путем издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, а в ст. 1069 ГК РФ речь ведется уже о возмещении вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействий) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в т.ч. в результате издания не соответствующих закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления. Возникает вполне резонный вопрос к законодателю: зачем в двух совершенно одинаковых в правовом смысле нормах ГК РФ надо противопоставлять категории «убытки» и «вред»? Зачем вообще нужны практически две одинаковые нормы в Кодексе?

В ГК РФ присутствуют также нормы, в которых законодателем неоправданно понятие «убытки» смешивается (или подменяется) с такими понятиями, как «расходы» и «имущественные потери». Так, например в п. 2 ст. 1056 и п. 3 ст. 1058 ГК РФ, хотя и ведется речь об ответственности лиц безосновательно отменивших публичное обещание награды или публичный конкурс, тем не менее в качестве санкции называется не возмещение убытков как мера гражданской ответственности, а только возмещение расходов, которые с очевидностью никак нельзя отнести к мерам гражданско-правовой ответственности. Для сравнения. В п. 1 ст. 401 ГК РФ прямо прописано, что лицо, не исполнившее обязательство, несет ответственность при наличии вины, кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности. Получается, что либо за односторонний необоснованный отказ от обязательств по публичному конкурсу и публичному обещанию награды вообще нет ответственности, что недопустимо, либо она все же есть, но названа юридически неправильно и точно как «возмещение расходов».

В Законе, к сожалению, также, не содержится легального определения такого понятия, как «имущественные потери». Из смысла и самого содержания ст. 406 ГК РФ трудно понять, являются ли имущественные потери заранее определенными убытками, способом обеспечения исполнения обязательств, отступным или какой-то совсем новой, самостоятельной правовой категорией в гражданском праве?

Представляется, что для правоприменения крайне необходимо сейчас, по меньшей мере, разъяснение Верховного Суда РФ о правовом смысле имущественных потерь среди гражданско-правовых категорий.

Как уже отмечалось, размер причиненных нарушением обязательства убытков не всегда может быть определен, а в ряде случаев их размер не удовлетворяет в полной мере интерес кредитора. Иногда следует принять и превентивные меры для стимулирования должника надлежащим образом исполнить обязательство. В таких ситуациях становится очевидным и необходимым применение неустойки, которая является самой часто применяемой и эффективной мерой защиты прав кредиторов.

Следует отметить, что в настоящее время не утратили и выявленные О.С. Иоффе преимущества и достоинства неустойки как меры гражданско-правовой ответственности, которые сводятся к следующему:

во-первых, убытки взыскиваются лишь тогда, когда они реально причинены, между тем как, несмотря на правонарушение, они могут и не возникнуть. При отсутствии условия о неустойке подобные правонарушения не влекли бы для совершившего их лица никаких отрицательных имущественных последствий;

во-вторых, для взыскания убытков необходимо доказать не только их размер, но и то, что кредитор принял все возможные меры для их устранения. При взыскании неустойки кредитор освобожден от обязанности доказывать как размер убытков, так и принятие мер к их устранению;

в-третьих, убытки — величина неопределенная, они выявляются лишь после окончания правонарушения, тогда как неустойка есть величина, точно фиксированная, заранее установленная законом или договором и наперед известная обоим участникам обязательства;

в-четвертых, когда устанавливаются длительно действующие обязательства, их нарушение чаще всего сводится не к полному отказу от их исполнения, а к ненадлежащему исполнению, выражающемуся в просрочке, качественных дефектах и т.д. В момент самого правонарушения такого обязательства убытки либо не наступают, либо не получают осязаемого выражения. Вопрос об их компенсации может быть поставлен лишь по истечении более или менее значительного времени, тогда как взыскание неустойки возможно за сам факт конкретного правонарушения [14, с. 158–159].

Все перечисленные преимущества и достоинства обуславливают частое и достаточно эффективное использование неустойки в разных видах договоров в качестве меры гражданско-правовой ответственности. В то же время периодически возникающие в экономике России неблагоприятные явления, как-то: кризис неплатежей, дефолт, инфляция, экономические санкции и т.п. повлекли за собой то, что правоприменение норм о неустойке частично девальвировало действующий закон. Так, вопреки п. 1. ст. 330 ГК РФ кредитор при взыскании неустойки обязывался доказывать наличие у него убытков от нарушения должником обязательства, а суды были обязаны уменьшать размер неустойки в случае их несоразмерности последствиям нарушения обязательства, что противоречило закону⁴.

Вопреки закону судебными инстанциями был даже сформулирован новый принцип гражданского права «недопущения одновременного применения двух мер гражданской ответственности за одно правонарушение, если законом или договором не предусмотрено иное»⁵.

В настоящее время наметилась тенденция критически переосмыслить указанные подходы как в законодательстве так и в правоприменении. В частно-

⁴ См. п. 1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ «Обзор практики применения арбитражными судами ст. 333 ГК РФ от 14 июля 1997 г.» // Сборник информационных писем Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. М., 2003; п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О практике применения положений ГК РФ о процентах за пользование чужими денежными средствами» от 8 октября 1998 г. № 13/14 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 2.

⁵ Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 19 апреля 2001 г. № 6243/98; от 21 сентября 1999 г. № 4896/98 // Сборник судебно-арбитражной практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. М., 2002.

сти, в новой редакции ст. 333 ГК РФ закреплено правило, согласно которому суд вправе уменьшить неустойку, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, причем если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, то суд может уменьшить неустойку только при условии заявления должника о таком уменьшении. Ко всему уменьшение неустойки, определенной договором и подлежащей уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, допускается только в исключительных случаях, а именно если будет доказано, что взыскание неустойки в предусмотренном договором размере может привести к получению необоснованной выгоды кредитором.

Вроде бы все понятно и логично выстроено, но опять возникает вопрос: что означает понятие «необоснованная выгода»? Как определить, является выгода обоснованной или необоснованной и почему неустойка как мера ответственности за нарушение договорного обязательства может трансформироваться в новую правовую категорию необоснованной выгоды, при том, что штрафная, а в ряде случаев исключительная и даже альтернативная неустойка могут превышать размер убытков, которые как известно носят чисто компенсационный, восстановительный характер. Получается, что эти виды неустоек потенциально в предпринимательских договорах заведомо попадают в категорию необоснованной выгоды? А это прямо противоречит положениям не только ст. 394 ГК РФ, но в целом и основным принципам гражданской ответственности, чего не должно быть в законодательстве не при каких обстоятельствах. Здесь требуется официальное толкование понятия «необоснованная выгода» в Законе.

Принимая во внимание роль и значение неустойки в системе правовых средств, среди мер гражданской ответственности и способов защиты гражданских прав становится очевидной необходимость новой комплексной законодательной регламентации норм данного субинститута гражданского права. Для этого, прежде всего, представляется необходимым:

а) определение максимального предела подлежащей взысканию за нарушение обязательства неустойки. Причем вполне оправдано при неисполнении обязательства взыскание штрафной неустойки, а при ненадлежащем исполнении обязательства взыскание всякой другой неустойки (зачетной, альтернативной, исключительной), но в любом случае с установлением максимального размера подлежащей взысканию неустойки (например, не свыше стоимости подлежащего исполнению главного обязательства, как это предусмотрено в Законе РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 1 мая 2017 г.)⁶ и других законодательных актах);

б) установление границ судебного усмотрения при снижении размера подлежащей взысканию неустойки (редукция), как договорной, так и законной, исходя из принципов разумности, добросовестности, справедливости (например, подлежащая уплате неустойка не может быть снижена судом до несоизмеримо, по сравнению с суммой основного долга по нарушенному основному обязательству, мизерного размера);

в) разрешение вопроса о возможности совокупного применения неустойки с другими мерами ответственности, когда это предусмотрено законом или до-

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 140; 2017. № 18, ст. 2665.

говором, и прежде всего с банковскими процентами на тех же условиях, что и применение неустойки и возмещение убытков (п. 1 ст. 394 ГК РФ);

г) установление права выбора кредитором приоритета, когда за нарушение обязательства Законом предусмотрено альтернативное применение нескольких мер гражданско-правовой ответственности и в императивной форме исключено их совокупное применение;

д) истолкование понятия «необоснованная выгода» применительно ко взысканию неустойки, предусмотренной в предпринимательском договоре (п. 2 ст. 333 ГК РФ), и определение в Законе соотношения этой правовой категории с понятием «неосновательное обогащение» (п. 1 ст. 1102 ГК РФ), наличествующим в действующем законодательстве;

е) закрепление непосредственно в Законе, а именно в ст. 330 ГК РФ возможности взыскания неустойки не только при нарушении обязательств, но и при нарушении других как относительных, так и абсолютных гражданских прав, в частности вещных, корпоративных, наследственных, личных неимущественных и, прежде всего, интеллектуальных прав.

Следует согласиться с высказанным в литературе мнением о неудачности отдельных формулировок касающихся неустойки [15, с. 22]. Так, в п. 1 этой нормы ст. 330 ГК РФ значится, что «по требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков», тогда как правильнее было бы указать, что «неустойка подлежит уплате независимо от наличия убытков у кредитора». В п. 2 этой же статьи прописано, что «кредитор не вправе требовать уплаты неустойки, если должник не несет ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства». Правильно было бы указать, что «если должник не несет ответственность за нарушение обязательства, то неустойка не подлежит уплате».

Представляется, что устранение законодателем всех вышеперечисленных недостатков, содержащихся в ГК РФ, способствовало бы и разрешению теоретических споров, касающихся определения места и роли убытков и неустойки в системе мер ответственности, и исключило бы в правоприменении подмену закона т.н. «сложившейся судебной практикой».

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 3 т. 3-е изд., перераб. и доп. /под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 1998. Т. 1. 632 с.
2. Гражданское право: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1998. Т. I. 816 с.
3. Гражданское право: учебник. Ч. 1 / под ред. В.П. Мозолина А.И. Масляева. М.: Юристъ, 2005. 719 с.
4. *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 310 с.
5. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. 215 с.
6. *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. 456 с.
7. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.
8. *Брагинский М.И.* Общее учение о хозяйственных договорах. Минск: Наука и техника, 1967. 260 с.

9. *Витрянский В.В.* Некоторые основные положения Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации об обязательствах // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 13–25.
10. *Хохлов В.А.* Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 1997. 320 с.
11. *Латынцев А.В., Латынцева О.В.* Расчет убытков в коммерческой деятельности. М.: Лекс-Книга, 2002. 239 с.
12. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / под ред. В.Ф. Яковлева. М.: Спарк, 2009. 38 с.
13. *Смирнов В.Т., Собчак А.А.* Общее учение о деалектных обязательствах в советском гражданском праве: учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 152 с.
14. *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.
15. *Гаврилов Э.А.* Некоторые предложения по совершенствованию раздела III ГК РФ. «Общая часть обязательственного права» // Хозяйство и право. 2010. № 6. С. 20–26.

References

1. Civil law. Textbook. Part I, the edition 3rd revised and added / under the editorship of A.P. Sergeev, Y.K. Tolstoy. M.: Avenue, 1998 V. 1, 632 p.
2. Civil law. Volume I. Textbook, edit. by prof. E.A. Sukhanov. 2nd prod., M.: Publishing house of «БЕК», 1998. 816 p.
3. Civil law / Textbook. Volume I/ V.P. edit. by V.P. Mozolin, A.I. Maslyaev. M.: «Lawyer», 2005. 719 p.
4. *Ioffe O.S.* Responsibility on the Soviet Civil Law. L.: Publishing house of the Leningrad University, 1955. 310 p.
5. *Bratus S.N.* Legal Responsibility and Legality. M.: Legal literature, 1976, 215 p.
6. *Tarkhov V.A.* Responsibility on the Soviet civil law. Saratov, 1978. 456 p.
7. *Gribanov V.P.* Implementation and Protection of the Civil Rights. M.: Statute, 2000. 411 p.
8. *Braginsky M.I.* The General Doctrine about Economic Contracts. Minsk, 1967. 260 p.
9. *Vitryansky V.V.* Some Basic Provisions of the Concept of Development of the Civil Legislation of the Russian Federation on Obligations // Magazine of Russian law, 2010 No. 1. P. 13–25.
10. *Khokhlov V.A.* Responsibility for the Breach of Contract in Civil Law. Tolyatti, 1997. 320 p.
11. *Latyntsev A.V., Latyntseva O.V.* Calculation of Damages in the Commercial Activity. M.: 2002. 239 p.
12. The Concept of Development of the Civil Legislation of the Russian Federation / edited by V.F. Jakovlev. Moscow: Spark, 2009. 38 p.
13. *Smirnov V.T., Sobchak A.A.* The General Doctrine in Dialect Obligations in the Soviet Civil Law. L.: Publishing house of the Leningrad University, 1983. 152 p.
14. *Ioffe O.S.* Liability Law. M.: Legal literature, 1975. 880 p.
15. *Gavrilov E.A.* Some Suggestions for Improvement of the Section III of the Civil Code of the Russian Federation. «The General Part of Liability Law»/ Economy and law. 2010. No. 6. P. 20–26.

УДК 349.41

Е.В. Менис

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ И ПОРЯДКЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

Введение: В современной отечественной правовой системе институт договора аренды земельных участков стал комплексным правовым институтом, выступающим необходимой юридической основой для регулирования отношений, возникающих в сфере оборота земельных участков как особой разновидности недвижимого имущества. **Цель:** исследовать особенности правового регулирования заключения договора аренды земельного участка по итогам торгов (аукциона). **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты:** на основе анализа теоретических работ и судебной практики аргументирована авторская позиция о наличии правовых особенностей заключения договора аренды земельного участка по итогам торгов. **Выводы:** заключение договора аренды земельного участка регламентируется целой группой отраслей законодательства: гражданским, земельным, градостроительным, административным. Форма договора в большинстве случаев является письменной, а порядок и процедуры, предшествующие его заключению, зависят от целей заключения договора аренды земельного участка.

Ключевые слова: договор аренды, торги, земельный участок, собственность, компетенция, гражданский оборот, государственная регистрация.

E.V. Menis

ON THE QUESTION OF THE FORM, STATE REGISTRATION AND ON PROCEDURE OF THE CONCLUSION OF THE LAND LEASE CONTRACT

Background: in the modern internal legal system the institute of land lease has become an integrated legal institute which forms the necessary legal basis for regulating relations arising in the sphere of the land turnover as a special kind of real estate. **Objective:** the author of the article supposes to investigate the peculiarities of legal regulation of the conclusion of the land lease contract based on the results of bidding (auction). **Methodology:** in doing the research the following methods of study were applied: dialectical method of scientific cognition, systematic, formal-legal, comparative-legal research methods. **Results:** basing on the analysis of the theoretical works and judicial practice the author argues and reasons the position on availability of special aspects of the conclusion of the conclusion of the land lease contract on the basis of bidding. **Conclusions:** the author states that the conclusion of the land lease contract is regulated by a certain group of branches of law: civil, land, town-planning, and administrative. The form of a contract in most cases should be written, and the order and procedures prior to its conclusion depend on the objectives of the land lease contract.

Key-word: lease agreement, auction, land, property, competence, civil turnover, state registration.

В современной отечественной правовой системе институт договора аренды земельных участков стал комплексным правовым институтом, выступающим необходимой юридической основой для регулирования отношений, возникающих в сфере оборота земельных участков как особой разновидностью недвижимого имущества. Земельный фонд Российской Федерации в большей степени находится в государственной и муниципальной собственности и вопрос об эффективности его использования неоднократно становился одним из центральных в ходе обсуждения направлений развития территорий отдельных субъектов РФ и острой необходимости совершенствования законодательства, регулирующего оборот недвижимости. В условиях совершенствования рыночных механизмов вовлечения земельных участков в гражданский оборот договор аренды земельного участка является одним из наиболее востребованных гражданско-правовых договоров, которые облачают в правовую форму отношения временного владения и пользования земельными участками.

Основанием для возникновения права аренды земельного участка выступает сложный юридический состав, включающий в себя как акт государственного органа или органа местного самоуправления, так и договор аренды. Например, заключение договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности по итогам торгов, возможно исключительно в результате наступления определенных обстоятельств и наличия ряда юридических фактов. В большинстве случаев договоры аренды земельных участков заключаются на торгах, которые проводятся в форме аукциона.

Ученые часто критически оценивают аукцион и выдвигают предложения отдать предпочтение конкурсу как способу заключения договора аренды [1, с. 17; 2, с. 12–13], однако на уровне федерального законодательства приоритетной формой предоставления государственных и муниципальных земель является аукцион. В п. 8 ст. 39.11 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) сформулирован закрытый перечень оснований, наличие которых исключает возможность выставления земельного участка на аукцион. Так, земельный участок не может являться предметом аукциона, если: его границы подлежат уточнению; на него не зарегистрировано право государственной или муниципальной собственности (за исключением случаев, если такой участок образован из земель или земельного участка, государственная собственность на которые не разграничена); в отношении него не определены предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции (за исключением случаев, если в соответствии с разрешенным использованием земельного участка не предусматривается возможность строительства зданий, сооружений) и т.д. Несоблюдение какого-либо из этих условий может повлечь за собой признание торгов недействительными¹.

Кроме решения уполномоченного органа о проведении аукциона по продаже права на заключение договора аренды, факта надлежащего извещения об этом общественности и признания одного из участников победителем, необходимо наличие письменно оформленных документов. Результаты аукциона оформляются протоколом, который составляет организатор аукциона в двух экземплярах, один из которых передается победителю аукциона, а второй остается у организатора аукциона. Договор аренды земельного участка направляется для подписания

¹ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 5 мая 2006 г. по делу № А35-12133/05-С27. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

арендатору и если в течение 30 дней со дня направления победителю аукциона проектов указанных договоров они не были им подписаны и представлены в уполномоченный орган, организатор аукциона предлагает заключить указанные договоры иному участнику аукциона, который сделал предпоследнее предложение о цене предмета аукциона по цене, предложенной победителем аукциона.

Из анализа судебной практики можно сделать следующий вывод: акт государственного органа или органа местного самоуправления служит основанием для заключения договора аренды, однако сам по себе арендных правоотношений не порождает. Например, в одном из споров суд кассационной инстанции отклонил как несостоятельную ссылку подателя жалобы на то, что постановление Администрации служит основанием для последующего принятия решения о предоставлении участка для строительства и предусматривает предоставление земельного участка в аренду сроком на 49 лет. Между тем постановление Администрации не является актом, который предусмотрен законом в качестве основания для возникновения гражданских прав и обязанностей по аренде земельного участка и содержит лишь указание на возможность предоставления Обществу в будущем участка сроком на 49 лет².

Аналогичный вопрос возникает и при прекращении договора аренды. Судебная практика подтверждает, что издание акта соответствующего органа публичной власти само по себе не влечет расторжение договора аренды. В одном из споров положения оспариваемого акта органа публичной власти об обязанности органа власти субъекта РФ обеспечить расторжение договора аренды были признаны судом не противоречащими нормам ст. 450, 619 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), но принятие постановления не влечет расторжение указанного договора и иной порядок расторжения договора не устанавливает. Правительство субъекта РФ как высший исполнительный орган субъекта РФ вправе давать указание подчиненным органам власти субъекта РФ по осуществлению расторжения договора.

Таким образом, право арендатора государственного или муниципального имущества не может быть прекращено путем принятия соответствующим органом ненормативного акта об отмене ранее принятого акта, служащего основанием для возникновения права аренды или издания ненормативного акта о передаче этого же предмета в аренду иному лицу.

Особенность правового регулирования договора аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, заключается в том, что он регулируется нормами гражданского, земельного, административного права, а правоотношения по приобретению на праве аренды земельных участков являются межотраслевыми [3, с. 167]. Е.С. Разина, рассматривая нормотворческие полномочия органов местного самоуправления в сфере организации и проведения торгов, а также разграничивая их компетенцию, обращает внимание на необходимость учитывать положения п. 5 ч. 10 ст. 35 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2017 г.)³. Принятие по данным вопросам соответствующих актов

² См.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 марта 2010 г. по делу № А13-8978/2009. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822; 2018. № 1, ч. I, ст. 47.

исполнительными органами муниципальной власти правомерно рассматривать как превышение полномочий, а также как основание для признания подобных актов недействующими [4, с. 28]. Это значит, что к случаям заключения особых видов договоров аренды земельных участков применяется ряд специальных законов. Например, актуальными представляются нормы специального закона, которыми урегулированы порядок и основания заключения договора аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Дальневосточного региона, с гражданами Российской Федерации. Граждане имеют возможность приобрести гектар земли в пользование либо путем заключения договора безвозмездного пользования земельным участком (с возможностью последующего бесплатного приобретения), либо путем заключения договора аренды на срок до 49 лет, в т.ч. и в отношении предоставленного земельного участка из состава земель лесного фонда. Данная мера направлена на стимулирование землепользования в ряде субъектов РФ, где необходимы трудовые ресурсы и в данном случае правовые инструменты, предусмотренные в законе (в частности и договора аренды), служат реализации публичных интересов.

Заключение договора аренды сопровождается возникновением ряда вопросов относительно применения законодательства об аренде земельных участков [5, с. 94–100]. Один из таких вопросов — вопрос о необходимости государственной регистрации договора аренды и дополнительных соглашений в случае изменения существенных условий договора аренды. Ответ на этот вопрос следует искать не только в законодательных актах, но и в судебной практике. До недавнего времени суды исходили из того, что требования, предъявляемые к форме договора, распространялись и на дополнительное соглашение к этому договору. Так, например, в Постановлении Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 июля 2012 г. по делу № А24-246/2012, отказывая в удовлетворении требований о взыскании арендной платы, руководствуясь п. 9 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 февраля 2001 г. № 59, суд указал, что рассматриваемый в настоящем споре договор аренды недвижимого имущества заключен на срок более года и зарегистрирован в установленном законом порядке, следовательно, и вносимые в него изменения по правилам п. 1 ст. 452 ГК РФ также подлежат государственной регистрации.

В других делах Высший Арбитражный Суд РФ по-иному трактует положения ГК РФ об аренде. В п. 14 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 отмечается, что если судами будет установлено, что собственник передал имущество в пользование, а другое лицо приняло его без каких-либо замечаний, соглашение о размере платы за пользование имуществом и по иным условиям пользования было достигнуто сторонами и исполнялось ими, то в таком случае следует иметь в виду, что оно связало их обязательством, которое не может быть произвольно изменено одной из сторон (ст. 310 ГК РФ), и оснований для применения судом положений ст. 1102, 1105 этого Кодекса не имеется. В силу ст. 309 ГК РФ пользование имуществом должно осуществляться и оплачиваться в соответствии с принятыми на себя стороной такого соглашения обязательствами.

До недавнего времени в судебной практике при рассмотрении споров относительно необходимости государственной регистрации договора аренды земельного участка большое внимание уделялось срокам заключения договора.

Позиция Высшего Арбитражного Суда РФ по данному вопросу заключалась в том, что срок действия договора аренды здания (сооружения), определенный с 1-го числа какого-либо месяца текущего года по 30-е (31-е) число предыдущего месяца следующего года, в целях применения п. 2 ст. 651 ГК РФ признается равным году. Однако при разрешении споров, связанных с регистрацией таких договоров, возникает проблема, поскольку 30-е число месяца не всегда является его последним днем и в таком случае срок действия договора аренды здания (сооружения), определенный с 1-го числа какого-либо месяца текущего года по 30-е число предыдущего месяца (если в месяце 31 день) следующего года, фактически составляет менее года. Суды же при разрешении споров иногда занимают прямо противоположные позиции.

Анализируя порядок заключения договоров аренды земельного участка, необходимо отметить, что заключение договора аренды земельного участка, находящегося в частной собственности, а также в государственной или муниципальной, отличается тем, что во втором случае договор аренды заключается только по итогам аукциона (торгов).

Договор аренды земельного участка, находящегося в частной собственности, заключается при достижении потенциальными сторонами договора согласия по всем существенным условиям. В дальнейшем порядок заключения договора не отличается от порядка заключения любого другого договора аренды.

Заключению договора аренды земельного участка, находящегося в государственной (муниципальной) собственности, предшествует проведение специализированных торгов. В зависимости от целей заключения договора торги (аукцион) проводятся в соответствии с земельным либо с градостроительным законодательством.

В юридической науке высказывается мнение о необходимости введения специальных торгов по продаже права заключения договора аренды только для субъектов малого и среднего предпринимательства [6, с. 9–10].

Для участия в аукционе, проводимом в целях продажи права аренды земельного участка, требуется перечислить задаток, а также предоставить следующие документы: заявку на участие в аукционе по установленной в извещении о проведении аукциона форме с указанием банковских реквизитов счета для возврата задатка; копии документов, удостоверяющих личность заявителя (для граждан); надлежащим образом заверенный перевод на русский язык документов о государственной регистрации юридического лица в соответствии с законодательством иностранного государства, если заявителем является иностранное юридическое лицо; документы, подтверждающие внесение задатка.

В соответствии со ст. 39.12 ЗК РФ указанный перечень документов является закрытым, и организатор аукциона не может истребовать других документов. Иную информацию о заявителе, содержащуюся в едином государственном реестре юридических лиц и едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, организатор аукциона получает с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия в федеральном органе исполнительной власти, осуществляющем государственную регистрацию юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей. Подача документов для аукциона может быть осуществлена не позднее чем за 5 дней до проведения аукциона по продаже земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, либо аукциона на право

заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

Поданная заявка может быть возвращена заявителю в случае подачи заявки на участие в аукционе лицом, которое в соответствии с ЗК РФ не имеет права приобрести земельный участок в аренду. Информация о субъектах, не имеющих права приобрести земельный участок на указанном праве, является разрозненной и содержится в различных статьях ЗК РФ, нормативных актах земельного законодательства, а также в актах судебной практики. В частности, в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда № 11АП-8360/2016 указывалось на то, что Комиссией по проведению аукционов Департамента было отказано в допуске к участию в аукционе Ульяновскому областному государственному унитарному предприятию бюро технической инвентаризации (протокол от 28 января 2016 г. № 02.04-05-2016) на основании подп. 3 п. 8 ст. 39.12. ЗК РФ как не имеющему права приобретения земельных участков с разрешенным использованием «отдельно стоящие индивидуальными жилые дома и дома коттеджного типа на одну семью». Запрет на участие в аукционе по продаже права на заключение договора аренды установлен и для заявителя, если информация о его учредителях (участниках), членах коллегиальных исполнительных органов, лицах, исполняющих функции единоличного исполнительного органа, содержится в реестре недобросовестных участников аукциона.

Согласно ст. 39.12 ЗК РФ в случае признания аукциона несостоявшимся, договор аренды земельного участка заключается с лицом, подавшим единственную заявку на участие в аукционе, которая соответствует указанным в извещении о проведении аукциона требованиям и условиям аукциона либо с заявителем, признанным единственным участником аукциона либо с участником, единственным принявшим участие в аукционе. При этом заключение такого договора является обязанностью как для уполномоченных органов, так и для указанных лиц.

В соответствии с ранее действовавшими правилами организации и проведения торгов по продаже находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков или права на заключение договоров аренды таких земельных участков, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 11 ноября 2002 г. № 808, организатор торгов в случае признания их несостоявшимися имел право объявить о повторном проведении торгов. Ранее действовавший порядок проведения аукционов по продаже земельных участков либо права на заключение договора аренды земельного участка для жилищного строительства предусматривал возможность заключения соответствующего договора только с единственным участником аукциона в случае признания аукциона несостоявшимся по причине присутствия менее двух участников.

Как указывает Е.Л. Ковалева, утвержденный подход представляется более целесообразным, поскольку заключению договора с единственным лицом предшествует процедура уведомления неограниченного круга потенциальных участников аукциона, и проведение повторного аукциона не гарантирует появление новых участников. Она также отмечает, что в целях предотвращения злоупотреблений на практике предусмотрено, что в данном случае договор купли-продажи земельного участка заключается по начальной цене предмета аукциона, а размер ежегодной арендной платы или размер первого арендного платежа по договору аренды земельного участка определяется в размере, равном начальной цене предмета аукциона [7].

По итогам аукциона оформляется протокол в двух экземплярах: один передается победителю аукциона, второй — организатору. Кроме того, протокол о результатах аукциона размещается на официальном сайте в течение одного рабочего дня со дня подписания данного протокола.

Уполномоченный орган направляет победителю аукциона или единственному принявшему участие в аукционе его участнику три экземпляра подписанного проекта договора купли-продажи или проекта договора аренды земельного участка в 10-дневный срок со дня составления протокола о результатах аукциона. При этом договор купли-продажи земельного участка заключается по цене, предложенной победителем аукциона, или в случае заключения указанного договора с единственным принявшим участие в аукционе его участником по начальной цене предмета аукциона, а размер ежегодной арендной платы или размер первого арендного платежа по договору аренды земельного участка определяется в размере, предложенном победителем аукциона, или в случае заключения указанного договора с единственным принявшим участие в аукционе его участником устанавливается в размере, равном начальной цене предмета аукциона. Не допускается заключение указанных договоров ранее, чем через 10 дней со дня размещения информации о результатах аукциона на официальном сайте.

При проведении аукциона в целях предоставления земельного участка в аренду для комплексного освоения территории одновременно с договором аренды земельного участка лицу, с которым заключается указанный договор, направляются также два экземпляра проекта договора о комплексном освоении территории, подписанного представителем уполномоченного органа [8, с. 72–77]. В случае, если лицо, признанное по итогам аукциона победителем, уклоняется от заключения договора аренды земельного участка, сведения о нем, наряду со сведениями, предусмотренными п. 27 ст. 39.12 ЗК РФ, включаются в реестр недобросовестных участников аукциона.

Сведения, внесенные в реестр недобросовестных участников аукциона, исключаются из него по истечении 2-х лет со дня их внесения в реестр недобросовестных участников аукциона. В случае предоставления земельного участка субъекту в аренду без проведения торгов в соответствии со ст. 39.14 ЗК РФ должен быть соблюден следующий порядок:

1) подготовка схемы расположения земельного участка в случае, если земельный участок предстоит образовать, и не утвержден проект межевания территории, в границах которой предстоит образовать такой земельный участок;

2) подача в уполномоченный орган гражданином или юридическим лицом заявления о предварительном согласовании предоставления земельного участка в случае, если земельный участок предстоит образовать или границы земельного участка подлежат уточнению в соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (в ред. от 3 апреля 2018 г.)⁴. В случае, если земельный участок, на котором расположено здание, сооружение, предстоит образовать или границы такого земельного участка подлежат уточнению, с заявлением о предварительном согласовании предоставления земельного участка в уполномоченный орган может обратиться любой правообладатель здания, сооружения, помещения в здании, сооружении;

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29, ч. I, ст. 4344; 2018. № 15, ч. I, ст. 2031.

3) принятие решения о предварительном согласовании предоставления земельного участка в случае, если земельный участок предстоит образовать или его границы подлежат уточнению;

4) обеспечение заинтересованным гражданином или юридическим лицом выполнения кадастровых работ в целях образования земельного участка в соответствии с проектом межевания территории, со схемой расположения земельного участка или с проектной документацией лесных участков либо кадастровых работ, необходимых для уточнения границ земельного участка, в случае, если принято решение о предварительном согласовании предоставления земельного участка;

5) осуществление государственного кадастрового учета земельного участка или государственного кадастрового учета в связи с уточнением границ земельного участка, а также государственной регистрации права государственной или муниципальной собственности на него, за исключением случаев образования земельного участка из земель или земельного участка, государственная собственность на которые не разграничена;

6) подача в уполномоченный орган гражданином или юридическим лицом заявления о предоставлении земельного участка;

7) заключение договора аренды земельного участка, принятие уполномоченным органом решения о предоставлении земельного участка в собственность бесплатно, в постоянное (бессрочное) пользование.

Для заключения договора аренды в целях развития застроенной территории, комплексного освоения территории проводится аукцион в соответствии с нормами градостроительного законодательства.

В соответствии с требованиями ст. 46.3 Градостроительного кодекса РФ (далее — ГрК РФ) для участия в аукционе заявители должны представить в установленный в извещении о проведении аукциона срок следующие документы:

1) заявка на участие в аукционе по установленной форме с указанием реквизитов счета для возврата задатка в случае установления органом местного самоуправления требования о внесении задатка для участия в аукционе;

2) документы, подтверждающие внесение задатка в случае установления органом местного самоуправления требования о внесении задатка для участия в аукционе;

3) документы об отсутствии у заявителя задолженности по начисленным налогам, сборам и иным обязательным платежам в бюджеты любого уровня или государственные внебюджетные фонды за прошедший календарный год, размер которой превышает 25% балансовой стоимости активов заявителя по данным бухгалтерской отчетности за последний завершенный отчетный период.

При проведении аукционов на право заключения договора об освоении территории в соответствии со ст. 46.7 ГрК РФ также требуется предоставить документы, подтверждающие статус строительной организации, документы, подтверждающие успешный ввод объектов капитального строительства в эксплуатацию. Таким образом, перечень документов при проведении аукциона на право осуществления работ по застройке территории отличается от перечня документов для проведения аукциона по продаже права аренды земельного участка. Это, по нашему мнению, объясняется тем, что развитие территории имеет важное социальное значение, а неисполнение сторонами договора своих

обязанностей влечет более серьезные негативные последствия, по сравнению с договором аренды, заключаемым для текущей деятельности.

Перечень оснований, по которым заявитель не допускается к участию в аукционе, ограничен: непредставление определенных ч. 10 ст. 46.3 ГрК РФ необходимых для участия в аукционе документов или предоставление недостоверных сведений; непоступление задатка на счет, указанный в извещении о проведении аукциона, до дня окончания приема документов для участия в аукционе в случае установления органом местного самоуправления требования о внесении задатка для участия в аукционе; несоответствие заявки на участие в аукционе требованиям, указанным в извещении о проведении аукциона.

В остальном порядок проведения аукциона не отличается от аукциона, проводимого в соответствии с земельным законодательством.

Таким образом, заключение договора аренды земельного участка регламентируется целой группой отраслей законодательства: гражданским, земельным, градостроительным, а также административным.

Форма договора в большинстве случаев является письменной, а порядок и процедуры, предшествующие его заключению, зависят, по нашему мнению, от целей заключения договора аренды земельного участка.

Библиографический список

1. *Румянцев Ф.П.* Правовое регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 56 с.
2. *Пантин Е.В.* Правовое обеспечение целевого рационального использования земель сельскохозяйственного назначения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с.
3. *Чаркин С.А.* Земельные правоотношения как межотраслевая правовая категория. М.: Юрайт, 2012. 237 с.
4. *Разина Е.С.* Муниципальные земельные торги: продажа земельных участков или права на заключение договоров аренды земельных участков // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 6. С. 25–28.
5. *Анисимов А.П., Козлова М.Ю., Рыженков А.Я.* Актуальные проблемы проведения торгов по продаже земельных участков (права их аренды) в Российской Федерации // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 18. С. 94–100.
6. *Бериев Т.В.* Правовое регулирование договора аренды земельных участков, заключаемого с субъектами малого и среднего предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 198 с.
7. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / автор комментария к ст. 39.12 Е.Л. Ковалева / С.А. Боголюбов, А.И. Бутовецкий, Е.Л. Ковалева и др. / под ред. С.А. Боголюбова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 784 с.
8. *Анисимов А.П.* Предоставление земельных участков в аренду для комплексного освоения в целях жилищного строительства // Аграрное и земельное право. 2008. № 4. С. 72–77.

References

1. *Rumyantsev F.P.* Legal Regulation of Agricultural Land Turnover: Questions of Theory and Practice: extended abstract thesis ... doctor of law. M., 2011. 56 p.
2. *Pantin E.V.* Legal Provision of the Target Rational Use of Agricultural Land: extended abstract thesis... cand. of law. M., 2013. 24 p.
3. *Charkin S.A.* Land Legal Relations as an Inter-branch Legal Category. M., 2012. 237 p.

4. *Razin E.S.* Municipal Land Biddings: Sale of Land Plots or Rights to Conclude Lease Land Contracts // *State Power and Local Self-government*. 2013. No. 6. P. 25–28.

5. *Anisimov A.P., Kozlova M.Yu., Ryzhenkov A.J.* Actual Problems of Tendering on Sale of Land Plots (rights for their lease) in the Russian Federation // *Bulletin of the Kalmyk University*. 2013. No. 18. P. 94–100.

6. *Beriev T.V.* Legal Regulation of Land Lease Contract Concluded with Small and Medium-sized Businesses: thesis... of cand. of law. M., 2011. 198 p.

7. The Commentary to the Land Code of the Russian Federation (article by article) / author of the commentary to article 39.12 E.L. Kovaleva / S.A. Bogolubov, A.I. Bukovetskiy, E.L. Kovalev, etc. / under the editorship of S.A. Bogolyubov. 2nd ed. M.: Prospekt, 2017. 784 p.

8. *Anisimov A.P.* Granting of the Land Plots in Rent for Complex Development for the Purpose of Housing Construction // *Agrarian and land law*. 2008. No. 4. P. 72–77.

УДК 347.91

Т.М. Цепкова, О.А. Бахарева

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЛИШЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ И ЕГО ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Введение: в некоторых случаях лишение родительских прав становится единственно возможным способом обеспечить ребенку право на полноценное воспитание, защитить детей от домашнего насилия, поскольку атмосфера, в которой воспитывается ребенок, создает угрозу его жизни и здоровью. Исполнение решений о лишении родительских прав судебными приставами-исполнителями подчас сопряжено с немалыми трудностями, вызванными нежеланием родителей расставаться со своими детьми, нахождением ребенка у других лиц, состоянием здоровья ребенка. **Цель:** исследование порядка принудительного исполнения судебными приставами-исполнителями решений о лишении родительских прав. **Методологическая основа:** использовалась совокупность методов общенаучного, частнонаучного познания, в т.ч. методы формально-логического, системного анализа синтеза и сравнительно-правовой метод. **Результаты:** проанализированы особенности исполнения решений по делам о лишении родительских прав. **Вывод:** лишение родительских прав является крайней мерой ответственности в семейных правоотношениях, поэтому важно не только вынести правильное решение, но и своевременно его исполнить.

Ключевые слова: исполнительное производство, лишение родительских прав, судебный пристав-исполнитель, дети, родители, решение суда, принудительное исполнение решения суда.

Т.М. Tsepkova, O.A. Bakhareva

EXECUTION OF THE DECISION OF THE CASES ON DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS AND ITS LEGAL CONSEQUENCES

Background: in some cases, deprivation of parental rights becomes the only possible way to ensure a child his/her right to full education, to protect children from domestic violence because the atmosphere in which the child is brought up poses a threat to the life and the

---

© Цепкова Татьяна Митрофановна, 2018
Кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_gp@ssla.ru
© Бахарева Ольга Александровна, 2018
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_gp@ssla.ru

© Tsepkova Tatyana Mitrofanovna, 2018
Candidate of law, Professor of the Civil procedure department (Saratov State Law Academy)
© Bakhareva Olga Aleksandrovna, 2018
Candidate of law, associate professor of the Civil procedure department (Saratov State Law Academy)

health of a child. Execution of decisions of the deprivation of parental rights by bailiffs and executor of justice meets a lot of difficulties caused by the reluctance of parents to part with their children, to let the child stay with other people or the state of the child's health. Objective: the authors of the article intend to research the procedure for compulsory enforcement by bailiffs the decisions on deprivation of parental rights. Methodology: the set of methods of general scientific, private scientific knowledge as well as formal-logical, system analysis, synthesis and comparative-legal methods were applied. Results: the special aspects of execution of decisions on cases of deprivation of parental rights were revealed. Conclusion: depriving of parental rights is an extreme measure of family and legal responsibility, so it is important not only to adjudicate in a case, but to enforce the decision in a timely manner.

Key-words: enforcement proceedings, deprivation of parental rights, bailiff, children, parents, court decision, compulsory execution of a court decision.

Лишение родительских прав является исключительной мерой наказания для родителей и одновременно — гарантией защиты детей от домашнего насилия. Вместе с тем лишение родительских прав иногда проходит формально и в нем не содержатся ссылки на то, что с родителями проводилась профилактическая работа. Сам факт вынесения законного и обоснованного решения суда еще не означает, что реальная защита прав ребенка достигнута, поскольку для этого еще необходимо его исполнение.

В соответствии с п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (в ред. от 26 декабря 2017 г.)¹ в судебном решении о лишении родительских прав необходимо обязательно указать, куда передается ребенок на воспитание и кому. Это может быть другой родитель, орган опеки и попечительства, опекун либо попечитель, если назначен в установленном законом порядке. При лишении родительских прав обоих родителей, когда опекун (попечитель) не назначен, ребенок передается судом на попечение органа опеки и попечительства. Если иск предъявлен в отношении нескольких детей, то в резолютивной части решения необходимо указать в отношении каждого ребенка, у кого отбирается ребенок, какой ребенок и кому он присуждается.

Формулировки резолютивной части судебного решения должны быть четкие, понятные и полные [1, с. 500], т.к. в противном случае могут возникнуть затруднения в ходе исполнения решения суда, поскольку в исполнительный лист должно быть дословно перенесено содержание резолютивной части судебного решения.

Решение суда, вступившее в законную силу, направляется в орган ЗАГСа по месту регистрации рождения ребенка, который вносит изменения в актовую запись о рождении ребенка (п. 5 ст. 70 Семейного кодекса РФ (в ред. от 29 декабря 2017 г.) (далее — СК РФ²)). Последствием лишения родительских прав является изменение семейно-правового статуса родителя и его детей. В актовой записи о рождении ребенка сведения о родителях остаются прежними. В документах, которые удостоверяют личность родителей, никаких записей о лишении их родительских прав не делается. В результате лицо, лишенное родительских прав, может использовать права, которые ему уже не принадлежат. Поэтому в документе, удостоверяющем личность родителя, лишенного родительских прав,

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7; 2018. № 4.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16; 2018. № 1, ч. 1, ст. 22.

целесообразно предусмотреть это и законодательно оформить соответствующую запись.

Исполнение решений по делам о лишении родительских прав характеризуется наличием принудительной формы исполнения, сопряжено с отображением ребенка у родителей в ходе исполнительного производства по исполнительному листу, выданному на основании судебного решения.

Особенности исполнения решений по делам о лишении родительских прав связаны с психологическим состоянием родителя (родителей), самого ребенка, который запуган родителями и боится их. Родители, лишённые родительских прав, пытаются удержать, спрятать своих детей. Поэтому для того чтобы не травмировать ребенка, целесообразно подготовиться к исполнению судебного решения, тактично, умело и своевременно произвести его исполнение. При оформлении ребенка в детское воспитательное учреждение необходимо заранее собрать необходимые документы, если ребенку требуется медицинская помощь, направить его в детскую больницу, санаторий, профилакторий, дом отдыха.

Судебный пристав, возбуждая исполнительное производство, извещает должника, у которого находится ребенок, запрашивает у взыскателя, его представителя информацию о ребенке, о месте жительства или пребывания ребенка. При известности места нахождения ребенка судебный пристав-исполнитель совершает исполнительные действия и применяет меры принудительного исполнения. Если возникает необходимость, то сведения о должнике запрашиваются в государственных органах, у операторов сотовой связи. В случаях, если неизвестно место нахождения ребенка, проводится его розыск (п. 4 ст. 65 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 7 марта 2018 г.)³).

Согласно п. 2 ст. 79 СК РФ, п. 1 ст. 109.3 Федерального закона «Об исполнительном производстве» принудительное исполнение решений, проходящее с отображением ребенка и передачей его другому лицу, проводится с обязательным участием органа опеки и попечительства и лица, которому передается ребенок, а в необходимых случаях — с участием детского психолога, врача, педагога, переводчика, иных специалистов и представителя органов внутренних дел [2, с. 19–20] при оказании судебному приставу-исполнителю физического противодействия лицом, которое удерживает ребенка, высказывает угрозы применения насилия, причинения вреда здоровью ребенка (ст. 62, Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

Участие органов опеки и попечительства в исполнении решения суда о лишении родительских прав обеспечивает безболезненное для ребенка его отображение и передачу лицу, указанному в решении суда, либо решает вопросы дальнейшего воспитания ребенка. Представители органа опеки и попечительства, оказывая помощь судебному приставу-исполнителю, помогают не допустить физического насилия над ребенком, нейтрализовать негативное воздействие на его психику, успокоить его, подобрать нужное слово, убедить родителей в целесообразности устройства детей в детское учреждение [3, с. 25].

Присутствие родителя, не лишённого родительских прав, в качестве законного представителя ребенка является обязательным, поскольку при нахождении

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41, ст. 4849; 2018. № 11, ст. 1583.

рядом знакомых лиц ребенок сможет вести себя непосредственно и не бояться незнакомых людей.

Согласно пп. 3, 4 ст. 33 Федерального закона «Об исполнительном производстве» исполнение требований, которые указаны в исполнительном документе и обязывают должника совершить действия (передать ребенка, не чинить препятствий в его устройстве и т.п.), осуществляется по месту совершения этих действий, а в случае отсутствия сведений о месте нахождения ребенка исполнительные действия совершаются по последнему известному месту нахождения ребенка, должника.

При необходимости судебный пристав-исполнитель вправе привлечь переводчика и специалиста для разъяснения вопросов, которые могут возникнуть в ходе исполнения дел данной категории.

Имеют место случаи, когда один из родителей, который не желает передавать ребенка, скрывает его, прячет у родственников и знакомых. В результате возникают трудности с принудительным изъятием ребенка. Поэтому требуется дополнить ст. 109.3 Федерального закона «Об исполнительном производстве» пунктом о том, что отобрание ребенка, находящегося у других лиц, осуществляется на основании решения суда, которое выносится по заявлению взыскателя или судебного пристава-исполнителя и подлежит немедленному исполнению.

Наиболее успешно в подобного рода делах немедленное исполнение решения о лишении родительских прав с отобранием ребенка. Замедление исполнения такого решения может привести к значительному ущербу для ребенка, его сокрытию у других лиц, поэтому целесообразно предусмотреть в ст. 211 Гражданского процессуального кодекса РФ⁴ обязательное немедленное рассмотрение и этой категории дел.

В результате лишения родительских прав возникают неблагоприятные гражданско-правовые последствия, лишения имущественного права или ограничение правоспособности у лиц, которые родительских прав лишены. Они теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав. Однако у родителей остается обязанность содержать своих несовершеннолетних детей. Перечень средств и доходов, на которые должны быть направлены алименты, устанавливается на федеральном уровне⁵.

На родителя, лишённого родительских прав, суд может возложить ответственность за вред, причиненный его несовершеннолетним ребенком в течение 3-х лет после лишения родительских прав, если поведение ребенка, повлекшее причинение вреда, явилось следствием ненадлежащего осуществления родительских обязанностей (ст. 1075 Гражданского кодекса РФ⁶).

Родители в результате лишения родительских прав не смогут получать содержание (алименты) в случае своей нетрудоспособности и нуждаемости от своих

⁴ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 7 марта 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2018. № 11, ст. 1583.

⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 18 июля 1996 г. № 841 (в ред. от 9 апреля 2015 г.) «О перечне заработной платы и иного дохода, из которого производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 31, ст. 3743; 2015. № 1, ст. 2372.

⁶ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 5 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410; 2017. № 50, ч. 3, ст. 7550.

совершеннолетних детей на основании п. 5 ст. 87 СК РФ; лишаются в случае смерти сына (дочери) права на наследование по закону на основании п. 1 ст. 71 СК РФ.

Одна из целей лишения родительских прав — прекращение общения родителей и детей, отрицательного воздействия их на ребенка. Но это становится невозможным, если они продолжают проживать в одном жилом помещении [4, с. 123], поскольку расселение ребенка и одного из родителей, лишённого родительских прав, вызывает трудности при нахождении жилого помещения в собственности этого родителя, сохранения брачных отношений между супругами и других факторов. При нахождении жилого помещения в домах государственного или муниципального фонда на основании договора социального найма либо на праве собственности ребенку и (или) другому родителю, не лишённому родительских прав, по решению суда родитель (родители) может быть выселен из занимаемого жилого помещения без предоставления другого жилого помещения, если совместное проживание родителя (родителей) и ребенка вредит его интересам, т.к. после лишения родительских прав они не считаются более членами семьи своих детей (ч. 2 ст. 91 Жилищного кодекса РФ (далее — ЖК РФ))⁷. Труднее защитить права ребенка, если дети и родители проживают в квартире или доме, принадлежащем им на праве общей собственности, или собственником жилого помещения является сам родитель, лишённый родительских прав. В такой ситуации ввиду невозможности проживания совместно с родителем, лишённым родительских прав, ребенок переселяется ко второму родителю, проживающему отдельно, к опекуну (попечителю) либо в специализированное детское учреждение, при этом за ребенком сохраняется право собственности на жилое помещение, принадлежащее ему и родителю на праве общей собственности и права пользования жилым помещением, принадлежащим только родителю на праве собственности (п. 4 ст. 71 СК РФ). В целях обеспечения прав и интересов ребенка поэтому целесообразно предусмотреть в законодательстве положение о том, что вопрос о выселении родителя из жилого помещения, не принадлежащего ему на праве собственности на основании ч. 2 ст. 91 ЖК РФ, решать одновременно с лишением его родительских прав, а не в отдельном производстве.

В Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (в ред. от 7 марта 2018 г.), устанавливаются основания возникновения права на дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей, и лица, обладающего такими правами. При этом в случае возникновения у родителей, лишённых родительских прав, предусмотренных законом прав на дополнительные меры государственной поддержки, не учитываются дети, в отношении которых данные лица были лишены родительских прав⁸.

При лишении родительских прав изменения в жизни ребенка и родителей затронули и сферу гражданства. Так, гражданство ребенка не изменяется при изменении гражданства его родителей, лишённых родительских прав. В случае

⁷ См.: Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1, ч. 1, ст. 14; 2018. № 1, ч. I, ст. 69.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 1, ч. 1, ст. 19; Российская газета. 2018. № 50.

изменения гражданства ребенка не требуется согласие его родителей, лишенных родительских прав⁹.

Статья 3 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (в ред. от 7 марта 2018 г.) устанавливает единую систему государственных пособий гражданам, имеющим детей, в связи с их рождением и воспитанием, обеспечивающую гарантированную государством материальную поддержку материнства, отцовства и детства¹⁰, которая не распространяется на лиц, лишенных родительских прав, а государственные пособия им не назначаются.

Согласно ст. 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» в случае ухода за ребенком, рожденным матерью, лишенной родительских прав в отношении предыдущих детей, ежемесячное пособие по уходу за ребенком выплачивается в размерах, установленных законом, без учета детей, в отношении которых она была лишена родительских прав. Все компенсационные выплаты прекращаются в случае лишения родителя, осуществляющего уход за ребенком-инвалидом, родительских прав на основании подп. «з» п. 9 Постановления Правительства РФ от 4 июня 2007 г. № 343 «Об осуществлении ежемесячных компенсационных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за инвалидом I группы (за исключением инвалидов с детства I группы), а также за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет»¹¹.

Лица, лишенные родительских прав, не могут в будущем быть приемными родителями, а также усыновителями на основании Постановления Правительства РФ от 18 мая 2009 г. № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан»¹². В п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» (в ред. от 17 декабря 2013 г.) разъяснено, что, поскольку родительские права и обязанности возникают у усыновителей в результате усыновления, а не происхождения от них детей, судом может быть решен вопрос об отмене усыновления, а не о лишении или ограничении родительских прав¹³.

Дети, в отношении которых оба родителя лишены родительских прав, приобретают статус детей, оставшихся без попечения родителей. Сведения о них передаются в государственный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

Таким образом, лишение родительских прав как мера ответственности в семейных правоотношениях влечет за собой целый комплекс последствий материального и нематериального характера. Для их эффективной реализации судьям в резолютивной части решения необходимо четко указать, кому на воспитание

⁹ См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22, ст. 2031; 2017. № 31, ч. 1, ст. 4792.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1929; Российская газета. 2018. № 50.

¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 24, ст. 2913; 2016. № 24, ст. 3536.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 21, ст. 2572; 2018. № 3, ст. 552.

¹³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 6; 2014. № 2.

передается ребенок, а судебным приставам-исполнителям, в свою очередь, учитывать особенности исполнения решений по данной категории дел. Именно от их совместной деятельности во многом зависит будущее детей.

Библиографический список

1. Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (Исковое производство) / под ред. И.К. Пискарева. М.: Городец, 2005. 512 с.
2. Богданова Т.В. Защита прав и интересов несовершеннолетних в исполнительном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 26 с.
3. Нечаева А.М. Отобрание детей у родителей // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 23-28.
4. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации. М.; Владимир: Атлас, 2008. 324 с.

References

1. Features of Consideration and Resolution of Certain Categories of Civil Cases (Litigation) / Ed. I.K. Piskareva. M.: Gorodets, 2005. 512 p.
2. Bogdanova T.V. Protection of the Rights and Interests of Minors in Enforcement Proceedings: extended abstract. dis. ... cand. law Saratov, 2014. 26 p.
3. Nechaev A.M. The Removal of Children from Parents // The Russian Justice. 2010. No 7. P. 23-28.
4. Bespalov Yu.F. Family-legal Status of the Child in the Russian Federation. M., Vladimir: Atlas, 2008. 324 p.

УДК 347.9

И.Ю. Захарьяцева

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ УЧАСТНИКОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ*

Введение: современная научная дискуссия о сущности добросовестности требует межотраслевого подхода к изучению данного правового явления как в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве, так при исполнении судебных актов. Принципиальное значение добросовестность субъектов права имеет при исполнении социально важных судебных решений, в частности, при исполнении судебных актов по делам о защите экологических прав. **Цель:** теоретическая разработка вопросов содержания добросовестности как презумпции и принципа в исполнительном производстве, анализ практической реализации добросовестности при исполнении судебных актов по делам о защите экологических прав, а также выработка практических рекомендаций по совершенствованию российского законодательства в исследуемой области. **Методологическая основа:** диалектический и формально-

© Захарьяцева Иветта Юрьевна, 2018
Кандидат юридических наук, доцент кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ivetta4@mail.ru
© Zakhariyascheva Ivetta Yurievna, 2018
Candidate of law, associate professor of Arbitration Procedure Department (Saratov State Law Academy)

* Статья написана при поддержке РФФИ (проект № 17-03-00509 РГНФ).

юридический методы, а также метод системного анализа. В исследовании активно используются материалы правоприменительной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов. **Результаты:** аргументирована авторская позиция, касающаяся понимания добросовестности как принципа исполнительного производства (на примере исполнения судебных актов по делам о защите экологических прав). **Вывод:** в целях повышения уровня правосознания и правовой культуры лиц, допустивших загрязнение окружающей среды, необходимо правовое закрепление принципа добросовестности, в т.ч. в законодательстве об исполнительном производстве.

Ключевые слова: добросовестность, презумпция, принцип, исполнительное производство, исполнение судебных актов по делам о защите экологических прав.

I.Yu. Zakhariyasheva

GOOD FAITH OF PARTICIPANTS OF EXECUTIVE PROCEEDING IN CASES OF ENVIRONMENTAL RIGHTS PROTECTION

Background: modern scientific discussion about the essence of good faith requires an inter-branch approach to the study of this legal phenomenon both in the civil procedural and arbitration procedural law, as well as in the fulfillment of judicial acts. **Objective:** theoretical development of the issues of the good faith content as the presumption and principle in the executive proceedings, the analysis of the practical implementation of good faith in the fulfillment of judicial acts in cases of environmental rights protection, and the development of practical recommendations for the improvement of the Russian legislation. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were applied: dialectical and formal-legal methods, as well as the method of system analysis. Materials of the law enforcement practice of courts of general jurisdiction and arbitration courts were also used in the research. **Results:** the author's position concerning the understanding of good faith as a principle of executive proceedings (by the example of fulfillment of judicial acts in cases of environmental rights protection) is reasoned. **Conclusions:** in order to increase the level of legal awareness and legal culture of persons who permitted pollution of the environment, it is necessary to establish the principle of good faith, including in the legislation on executive proceedings.

Key-words: good faith, presumption, principle, enforcement, fulfillment of judicial acts in cases of protection of environmental rights.

К постановке проблемы добросовестности в исполнительном производстве. Анализ действующего законодательства позволяет констатировать, что правовая категория «добросовестность», закрепляемая либо как принцип, либо как презумпция эксплицитно носит межотраслевой характер. Такое общеправовое значение напрямую проявляется в нормативном закреплении добросовестности в различных отраслях и частного, и публичного права. Так, Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) устанавливает, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно¹. Добросовестность в гражданском праве призвана обеспечить стабильность гражданского оборота и установить пределы осуществления гражданских прав участниками договорных отношений, в то время как, к примеру, в налоговом — гарантирует

¹ См.: Гражданский кодекс РФ: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2018. № 1, ч. 1, ст. 43.

защиту налогоплательщиков от произвола и превышения должностных полномочий налоговых органов [1, с. 173].

Гражданский процессуальный кодекс РФ² (далее — ГПК РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс РФ³ (далее — АПК РФ), определяя круг прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, также предусматривают, что пользование всеми принадлежащими процессуальными правами должно осуществляться добросовестно (ст. 35 ГПК РФ и ст. 41 АПК РФ). Толкование указанных норм позволяет сделать вывод о том, что в гражданском праве принцип добросовестности рассматривается в широком смысле как должное добросовестное поведение участников гражданского оборота при реализации прав и выполнении обязанностей. В процессуальном праве можно констатировать узкое понимание принципа добросовестности, объективное содержание которого включает в себя лишь добросовестное поведение при реализации процессуальных прав.

Рассуждая о принципе добросовестности в процессуальном праве, следует отметить, что добросовестное поведение лиц, участвующих в деле, подразумевает добросовестное взаимодействие не только самих лиц, участвующих в деле, но и добросовестное поведение по отношению к суду. При этом, как правило, процессуальное взаимодействие лиц, участвующих в деле, и суда завершается вынесением судебного акта по результатам рассмотрения и разрешения дела⁴. Вместе с тем вступление в законную силу судебного решения как итогового судебного акта порождает возникновение новых общественных отношений, связанных с исполнением судебных актов. Признать возникновение нового правоотношения позволяет нам «процессуальная аксиома» процессуальной науки о том, что процессуальные правоотношения всегда возникают между судом, с одной стороны, и сторонами того или иного судебного производства (иными участниками процесса), с другой стороны. При исполнительном производстве, как верно подчеркивал М. К. Юков, происходит замена одного государственного органа другим, существенно отличающегося от суда по своей природе [2, с. 584–585]. В связи с этим представляется логичным поставить вопрос: присущи ли презумпция или принцип добросовестности исполнительному производству?

Исполнимость — обязательное свойство законной силы судебного решения. Согласно ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 5 февраля 2014 г.) вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов РФ являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации⁵.

Верховный Суд РФ, трактуя понятие добросовестности, отмечает, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует ис-

² См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 7 марта 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2018. № 11, ст. 1583.

³ См.: Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012; 2018. № 1, ч. 1, ст. 5.

⁴ В данном случае мы подразумеваем, что судебный акт вынесен по результатам рассмотрения дела в суде первой инстанции, что не исключает обжалование и пересмотр дела в вышестоящих инстанциях и, как следствие, возникновение иных процессуальных правоотношений.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос Федерации. 1997. № 1, ст. 1; 2014. № 6, ст. 551.

ходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в т.ч. в получении необходимой информации⁶.

Применительно к исполнению судебных актов можно утверждать, что взыскатель ожидает от должника действий по добровольному исполнению судебного акта, именно тогда поведение должника можно расценивать как добросовестное. То есть при добровольном исполнении судебных актов должник (лицо, против которого состоялось решение) действует добросовестно, осуществляя должное поведение при выполнении своей обязанности — исполнить решение суда. «Представляя» в исполнительном производстве добросовестность как презумпцию, необходимо сопоставить сущность такой допускаемой презумпции с общим пониманием презумпции в праве. Определение правовой презумпции в научной литературе, к примеру, было дано в работах В.К. Бабаева как закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом [3, с. 3]. Отталкиваясь от такого определения, отметим, что добросовестность должника является неоспоримой презумпцией, под которой следует понимать «обобщение, возведенное в закон в ранг непререкаемой истины» [4, с. 55]. Однако говорить о добросовестности должника возможно лишь при добровольном исполнении судебного акта, ведь именно тогда она является непререкаемой истиной: «исполнил решение — действовал добросовестно». То есть данное предположение не требует какого-либо опровержения — поведение и действия должника безальтернативно — либо решение суда исполнено добровольно, либо нет. Вместе с тем, рассуждая о добросовестности как о презумпции, следует понимать, что презумпция должна представлять общее предположение, обобщающее наличие или отсутствие юридических фактов как при добровольном, так и при принудительном исполнении судебных актов. Такое понимание приводит нас к простейшему силлогизму: при добровольном исполнении должник действовал добросовестно, при принудительном исполнении характерно недобросовестное поведение должника, т.е. происходит «отчуждение» добросовестности при принудительном исполнении судебного акта. Однако добросовестное поведение должника может иметь место и при принудительном исполнении судебного акта, что будет проявляться в различных действиях должника (выполнение требований судебного пристава — исполнителя, несовершение действий по сокрытию имущества, отсутствие надуманного обжалования действий судебного пристава-исполнителя и т.д.). Таким образом, в правоотношениях, связанных с исполнительным производством, добросовестность нельзя расценивать как презумпцию.

Продолжая дискуссию о сущности добросовестности в исполнительном производстве, отметим, что добросовестность как принцип не закреплена в законодательстве об исполнительном производстве. Так, Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 7 марта 2018 г.)⁷ (далее — Закон об исполнительном производстве) предусматривает, что исполнительное производство осуществляется на принципах законности,

⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41, ст. 4849; 2018. № 11, ст. 1583.

своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения, уважения чести и достоинства гражданина, неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения (ст. 4). В теории исполнительного права ученые, в частности О. В. Исаенкова, упоминают о существовании следующих доктринальных принципах исполнительного права: принципа равенства перед законом; принципа государственного языка исполнительного производства; принципа диспозитивности исполнения для взыскателя; принципа справедливости удовлетворения требований взыскателей [5, с. 43].

Вместе с тем необходимо обратить внимание на позицию Конституционного Суда РФ. В Постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П Конституционный Суд РФ обращает внимание на то обстоятельство, что обязанность субъектов гражданско-правовых отношений добросовестно выполнять свои договорные обязанности основывается на общеправовом принципе «*pacta sunt servanda*», а также на гарантировании неприкосновенности собственности, свободы экономической деятельности и свободы договора, судебной защиты нарушенных прав; она предполагает в целях восстановления нарушенных прав кредиторов возможность взыскания по долгам за счет имущества должников. Следовательно, принцип добросовестности исполнения гражданско-правовых обязанностей, взятый в системе с принципами неприкосновенности собственности (кредитора), свободы договора и судебной защиты нарушенных прав, позволяет обращать взыскание на имущество должников. Исходя из смысла п. 29 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 сентября 2005 г. № 96 публичный порядок основывается на принципах равенства сторон гражданско-правовых отношений, добросовестности их поведения, соразмерности мер гражданско-правовой ответственности последствиям правонарушения с учетом вины⁸.

При этом, на наш взгляд, отталкиваясь от понимания добросовестности как принципа исполнения гражданско-правовых обязанностей и надлежащего поведения сторон гражданско-правовых отношений, последний следует рассматривать в широком значении, включая в него принцип надлежащего поведения при исполнении судебного решения. Связано это с тем, что исполнительное производство, осуществляемое в порядке, установленном федеральным законом, предусматривает возможное активное поведение должника, как-то: 1) возможность добровольного исполнения после получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства (ст. 30 Закона об исполнительном производстве); 2) извещение подразделения судебных приставов о перемене своего адреса (ст. 28 Закона об исполнительном производстве) и т.д. Как показывает правоприменительная практика, должник может активно содействовать исполнению и работе службы судебных приставов исполнителей (к примеру, предоставляя финансово-бухгалтерскую документацию о наличии дебиторской

⁸ См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 декабря 2005 г. № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 3. Аналогичная позиция отражена также в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 апреля 2013 г. № 16497/12. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.12.2017).

задолженности⁹), что позволяет говорить о добросовестном поведении должника даже в ходе принудительного исполнения судебного акта.

И, наоборот, можно отметить способы недобросовестного поведения должника в исполнительном производстве. В процессуальной науке под злоупотреблением процессуальными правами понимается недобросовестное процессуальное поведение, представляющее нарушение такого условия осуществления права, как добросовестность [6, с. 32]. В судебной практике, по мнению А.В. Юдина, встречаются злоупотребления процессуальным правом, сводящиеся к тому, что лица подают необоснованные заявления об отсрочке или рассрочке исполнения судебного постановления, изменения способа и порядка его исполнения. Для саботирования исполнения судебного акта недобросовестные должники прибегают к злоупотреблениям в виде обжалования действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя [7, с. 331–339]. Действительно, наиболее ярким примером злоупотребления правами, предоставленными должнику в исполнительном производстве, является «надуманное» обжалование действий (бездействия) и ненормативных правовых актов судебного пристава-исполнителя. В связи с этим следует согласиться с мнением, согласно которому такое поведение сторон в судопроизводстве следует рассматривать как «процессуальное сутяжничество» [8, с. 52]. К сожалению, констатировать факт такого злоупотребления при рассмотрении жалобы на действия судебного пристава-исполнителя в административном порядке или при рассмотрении заявления судом практически невозможно. Однако количество судебных решений об удовлетворении заявлений должников при оспаривании действий (бездействия) должных лиц службы судебных приставов — исполнителей составляет не более 4%, что позволяет сделать вывод об известной мере недобросовестности участников исполнительного производства¹⁰.

Выше мы обратили внимание на проявление добросовестности должника в исполнительном производстве. Вместе с тем следует признать, что взыскатель (как и иные лица, участвующие в исполнительном производстве) также должен действовать добросовестно при реализации своих прав и выполнении обязанностей. Рассуждая о добросовестности в исполнительном производстве, отметим, что добросовестное поведение служит неотъемлемым атрибутом служебного поведения гражданского служащего, в т.ч. и должностных лиц службы судебных приставов-исполнителей. Данная обязанность прямо следует из ст. 18 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2017 г.), согласно которой гражданский служащий обязан исполнять должностные обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне¹¹.

Сказанное позволяет выдвинуть гипотезу о необходимости понимания добросовестности как принципа гражданского процессуального, арбитражного

⁹ См.: Информационное сообщение о положительном опыте обращения взыскания на дебиторскую задолженность // Официальный сайт ФССП России. URL: <http://fssprus.ru/analysis19/> (дата обращения: 01.12.2017).

¹⁰ Интересно отметить что по данным статистики, за 9 месяцев 2017 г. из 56 221 заявления, связанного с обжалованием в рамках исполнительного производства, судами удовлетворено 2 438 заявлений. Подробнее об этом см.: Сведения о вступивших в законную силу решениях судов, арбитражных судов о признании незаконными действий (бездействия) должностных лиц территориальных органов Федеральной службы судебных приставов и их структурных подразделений за 9 месяцев 2017 года // Официальный сайт ФССП России. URL: <http://fssprus.ru/2464150/> (дата обращения: 01.12.2017).

¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215; 2018. № 1, ч. 1, ст. 7.

процессуального права и исполнительного права. Представляется, что принцип добросовестности должен быть унифицирован в указанных отраслях права. Связано это с тем, что гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство определяет не только меру возможного, но и должного поведения лиц, участвующих в деле. В связи с этим в нормах ГПК РФ и АПК РФ по аналогии с ГК РФ необходимо закрепить принцип добросовестности в широком смысле, изложив ст. 35 ГПК РФ и ст. 41 АПК РФ в следующей редакции: «Лица, участвующие в деле, при осуществлении процессуальных прав и при исполнении процессуальных обязанностей должны действовать добросовестно». В Законе «Об исполнительном производстве» также целесообразно закрепить норму о том, что исполнительное производство должно осуществляться в т.ч. на принципе добросовестности участников исполнительного производства.

Принцип добросовестности при исполнении судебных актов по делам о защите экологических прав. Гарантируя судебную защиту прав и законных интересов, государство должно взять на себя и обязанность по обеспечению действительной защиты данного права путем фактического исполнения судебного акта. Реализация данной обязанности, как уже указывалось, обеспечивается принудительным исполнением судебных актов, актов других органов и должностных лиц в порядке, установленном Законом об исполнительном производстве.

Е.Г. Стрельцова отмечает, что сумму важнейших обязанностей государства в области защиты права предопределяет конституционное положение о социальном государстве и, для того чтобы социальная защищенность были реальной, ее необходимо обеспечивать в ходе судебной защиты и исполнения. Очень важна в этом аспекте позиция указанного автора, согласно которой социально ориентированный процесс должен предусматривать эффективную возможность защиты для а) незащищенных слоев населения; б) защиты всеобщих социальных прав, гарантируемых государством; в) общественных интересов [9, с. 195].

Ярким примером судебной защиты общественных интересов могут служить дела о защите экологических прав. Экологические требования, или требования в области охраны окружающей среды, представляют собой определенные обязательные предписания, правила, предъявляемые к субъектам, ведущим хозяйственную и иную деятельность, где общим и основным требованием является обязанность субъектов указанной деятельности соблюдать законодательство в области охраны окружающей среды, предусматривать мероприятия по охране окружающей среды [10, с. 113]. Согласно ст. 78 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 31 декабря 2017 г.) компенсация вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется добровольно либо по решению суда или арбитражного суда¹². Иски о возмещении вреда окружающей среде предъявляются в суд органами исполнительной власти (например, Управлениями Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзора)) либо прокуратуры. Как свидетельствует правоприменительная практика судов общей юрисдикции, такие иски предъявляются в защиту государственных интересов Российской Федерации¹³,

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133; 2018. № 1, ч. 1, ст. 87.

¹³ См., например: Решение Шилловского районного суда Рязанской области от 25 мая 2017 г. по делу № 2-216/2017; Решение Белгородского районного суда Белгородской области от 6 августа 2015 г. по делу № 2-1205/2015; Решение Камызякского районного суда Астраханской области

интересов субъектов РФ¹⁴ или муниципальных образований¹⁵, либо в защиту интересов неопределенного круга лиц¹⁶. В отдельных делах при предъявлении иска о возмещении вреда окружающей среде указывается на то, что иск заявлен как в интересах Российской Федерации, так и в защиту неопределенного круга лиц¹⁷. В судебно-арбитражной практике иски о возмещении вреда окружающей среде также встречаются довольно часто¹⁸.

Особенность предмета требования (возмещение вреда окружающей среде) и целевая направленность данных исков (защита государственных либо общественных интересов) объективно определяют и выгодоприобретателя по делам о возмещении вреда окружающей среде — это не конкретное лицо (гражданин или организация), а само государство и общество в целом. Исполнение таких судебных актов имеет колоссальное значение для общества и государства. Однако, как отмечают специалисты, на практике мы нередко наблюдаем, что даже вынесенные решения суда остаются без исполнения либо их исполнение затягивается, ухудшая экологическую обстановку [11, с. 29]. Сложность исполнения решений по делам о возмещении вреда окружающей среде связана также с тем, что зачастую суд, удовлетворяя требование о возмещении вреда, в соответствии со ст. 1082 ГК РФ¹⁹ исходя из альтернативы обязать лицо, ответственное за причинение вреда, возместить вред в натуре или возместить причиненные убытки.

В частности, из проанализированных нами 50 дел, рассмотренных арбитражными судами и судами общей юрисдикции, по 40 делам судами вынесены решения о возмещении вреда окружающей среде в денежной форме.

В остальных случаях суды обязали возместить вред окружающей среде в натуре путем восстановления нарушенного состояния земельного участка (почвы) посредством разработки проекта восстановительных работ и проведения комплекса работ²⁰ либо проведения рекультивации земельного участка в це-

---

от 7 сентября 2016 г. по делу № 2-1030/2016; Решение Кандалакшского районного суда Мурманской области от 23 января 2012 г. по делу № 2-38/2012. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.12.2017).

¹⁴ См., например: Решение Клепиковского районного суда Рязанской области от 21 июля 2016 г. по делу № 2-393/2016. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.12.2017).

¹⁵ См., например: Решение Чамзинского районного суда Республики Мордовия от 26 апреля 2016 г. по делу № 2-261/2016; Решение Хостинского районного суда города Сочи Краснодарского края от 26 июня 2017 г. по делу № 2-1263/2017. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.12.2017).

¹⁶ См., например: Решение Невинномысского городского суда Ставропольского края от 18 января 2016 г. по делу № 2-8/2016; Решение Центрального районного суда г. Волгограда от 17 февраля 2012 г. по делу № 2-3864/2012; Решение Бологовского городского суда Тверского области от 17 мая 2017 г. по делу № 2а-357/2017; Решение Правобережного районного суда г. Липецка от 27 января 2017 г. по делу № 2-502/2014; Решение Волжского районного суда г. Саратова от 23 мая 2017 г. по делу № 2-2319/2017; Решение Марксовского городского суда Саратовской области от 19 февраля 2016 г. по делу № 2-165/16. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.12.2017).

¹⁷ См., например: Решение Энгельского районного суда Саратовской области от 18 октября 2016 г. по делу № 2-1-7553/2016; Решение Шовгеновского районного суда Республики Адыгея от 11 августа 2016 г. по делу № 2-434/2016. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.12.2017).

¹⁸ Необходимо отметить, что АПК РФ в отличие от ГПК РФ не содержит прямого указания на предъявления исков в защиту государственных интересов или неопределенного круга лиц. Несмотря на то, что данная законодательная конструкция отсутствует в АПК РФ, иски о возмещении вреда, также исходя из предмета заявленных требований и выгодоприобретателя, предъявляются в защиту государственных или общественных интересов.

¹⁹ См.: Гражданский кодекс РФ: часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 5 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410; 2017. № 50, ч. 3, ст. 7550.

²⁰ См.: Решение Невинномысского городского суда Ставропольского края от 19 января 2016 г. по делу № 2-8/2016; Решение Шиловского районного суда Рязанской области от 25 мая 2017 г.

лях приведения его в состояние, отвечающее требованиям законодательства об охране окружающей среды²¹; запрета использования пастбища в качестве пашни и обязанности проведения восстановительных работ²²; обязанности соблюдения сбрасывания в водный объект установленных нормативов допустимой концентрации загрязняющих веществ и прекращения использования водного объекта без получения разрешения на сброс сточных вод²³; возложения обязанности по устранению несанкционированной свалки на территории городского поселения²⁴; возложения обязанности по освобождению самовольно занятой береговой полосы путем сноса возведенного объекта²⁵. Исполнение обязанности возмещения вреда путем обязанности совершения действия либо воздержания от их совершения осуществляется за счет обязанного по решению суда причинителя вреда (должника).

Решение об исполнении обязанности возместить причиненный вред окружающей среде представляет собой акт государственно-властного принуждения, реализуемый в целях защиты как публичных интересов (государственных и общественных), так и законного интереса каждого индивида, имеющего конституционное право на благоприятную окружающую среду. По словам К.И. Комиссарова, «принуждение — это собственно «правовая» форма реализации норм поведения» [12, с. 291]. По делам о возмещении вреда окружающей среде государство определяет фактическую реализацию норм поведения обязанного лица, определяя в принудительном (императивном) порядке предписания должнику по восстановлению надлежащего состояния окружающей среды.

Исследование реальной возможности исполнения указанных решений позволяет предположить, что при исполнении судебных актов по делам о возмещении вреда окружающей среде добросовестность лица, на которое возложена обязанность по совершению самостоятельных действий, имеет принципиальное значение. Если отдельные действия, связанные с исполнением судебного акта, могут быть совершены судебными приставами-исполнителями (к примеру, освобождение участка от построек), то некоторые из них в силу своей специфики должно совершить само обязанное лицо (к примеру, сам должник обязан разработать проект рекультивации или иной проект восстановительных работ и осуществить работы с этим проектом).

Приведенный пример исполнения судебных актов по делам о защите экологических прав, как представляется, в полной мере подтверждает существование и необходимость законодательного закрепления принципа добросовестности в

по делу № 2-216/2017. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.12.2017).

²¹ См.: Решение Хостинского районного суда города Сочи Краснодарского края от 26 июня 2017 г. по делу № 2-1263/2017; Решение Аткарского городского суда Саратовской области от 18 февраля 2016 г. по делу № 2-84/2016; Решение Арбитражного суда Республики Дагестан от 28 июня 2017 г. по делу № А15-4636/2016; Решение Арбитражного суда Московской области от 17 апреля 2017 г. по делу № А41-12294/17. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.12.2017).

²² См.: Решение Новоселицкого районного суда Ставропольского края от 19 апреля 2016 г. по делу № 2-214/16. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.12.2017).

²³ См.: Решение Чамзинского районного суда Республики Мордовия от 4 мая 2016 г. по делу № 2-261/2016. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.12.2017).

²⁴ См.: Решение Бологовского городского суда Тверской области от 17 мая 2017 г. по делу № 2а-357/2017; Решение Советского районного суда Саратовской области от 7 июля 2017 г. по делу № 2А-1-425/17; Решение Марковского городского суда Саратовской области от 19 февраля 2016 г. по делу № 2-165/16. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.12.2017).

²⁵ См.: Решение Волжского районного суда г. Саратова от 23 мая 2017 г. по делу № 2-2319/2017. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 01.12.2017).

исполнительном производстве. Исполнение судебных актов по делам о защите экологических прав (в частности, по делам о возмещении вреда окружающей среде) как наиболее глобальной категории дел, напрямую связанной с социальной защищенностью общества и государства, в своей первооснове должно базироваться на принципе добросовестности. При добросовестном поведении обязанного лица обеспечивается фактическое исполнение судебного акта, связанного с исполнением судебного акта о возмещении вреда окружающей среде в натуре. И первым шагом на пути повышения уровня правосознания и правовой культуры лиц, допустивших загрязнение окружающей среды, должно стать именно законодательное закрепление принципа добросовестности в законодательстве об исполнительном производстве.

Библиографический список

1. *Ермаков А.Н., Захарьяцева И.Ю.* Добросовестность налогоплательщика в правоприменительной практике // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3 (116). С. 172–177.
2. *Юков М.К.* Самостоятельность норм, регулирующих исполнительное производство // Краткая антология уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / под ред. В.В. Яркова. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004. С. 579–586.
3. *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969. 24 с.
4. *Левенталь Я.Б.* К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1949. № 6. С. 54–64.
5. Исполнительное производство: учебник для академического бакалавриата и магистратуры / С. Ф. Афанасьев [и др.]; под ред. С.Ф. Афанасьева, О.В. Исаенковой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 365 с.
6. *Юдин А.В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. 47 с.
7. *Юдин А.В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 360 с.
8. *Балашов А.Н.* Принцип добросовестности в административном судопроизводстве // Основополагающие вопросы публичного управления в современной России: сб. науч. тр. по материалам VII Саратовских правовых чтений «Право, наука, образование: традиции и перспективы» (Междунар. научно-практ. конф.) (Саратов, 29–30 сентября 2016 г.) / под ред. А.Ю. Соколова; [ред. кол.: А. Ю. Соколов и др.]. Саратов: «ИП Коваль Ю.В.», 2016. С. 51–54.
9. *Стрельцова Е.Г.* Исполнительное производство как завершающий этап защиты права // Актуальные проблемы гражданского процессуального права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Александра Тимофеевича Боннера / отв. ред. С.М. Михайлов, А.И. Щукин. М.: Проспект, 2017. С. 193–201.
10. Экологическое право: учебное пособие / Е. Н. Абанина, Д.А. Агапов, О. Ю. Ганюхина [и др.]; под ред. Л. А. Тимофеева; О. Ю. Ганюхиной. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. 276 с.
11. *Глухова Е.О., Клименко С.А.* Возмещение вреда природе за экологические правонарушения: законодательство и практика реализации // Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и европейского союза: состояние и эффективность: материалы III Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей: сборник научных статей. Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 27–30.

12. *Комиссаров К.И.* Применение норм гражданского процессуального права // Краткая антология уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / под ред. В.В. Яркова. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004. С. 288–307.

References

1. *Ermakov A.N., Zakhariyasheva I.Yu.* Good Faith of a Taxpayer in the Law Enforcement Practice // Messenger SGUA. 2017. № 3 (116). P. 172–177.
2. *Yukov M.K.* Independence of the Rules Governing Enforcement Proceedings / Brief Anthology of the Ural Procedural Thought: 55 years of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law Academy / ed. V.V. Yarkov. Ekaterinburg: Publishing Humanitarian University, 2004. P. 579–586.
3. *Babaev V.K.* Presumptions in the Soviet law: Abstract of the dis. ... cand. of law. Sverdlovsk, 1969. 24 p.
4. *Levental Ya.B.* On the Question of Presumptions in the Soviet Civil Procedure // Soviet state and law. 1949. № 6. P. 54–64.
5. Executive proceeding: a textbook for academic baccalaureate and magistracy / S.F. Afanasyev [and others]; Ed. S.F. Afanasyeva, O.V. Isayenkova. 3rd ed., advanced and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2016. 365 p.
6. *Yudin A.V.* Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings: Extended abstract. dis. ... doct. of law. St. Petersburg, 2009. 47 p.
7. *Yudin A.V.* Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings. St. Petersburg: Published. house S.-Petersburg. state. University, 2005. 360 p.
8. *Balashov A.N.* Principle of Good Faith in Administrative Legal Proceedings / Fundamental issues of public administration in modern Russia: Sat. sci. tr. on the materials of the VII Saratov Legal Readings “Law, Science, Education: Traditions and Prospects” (International Scientific and Practical Conference) (Saratov, September 29–30, 2016), ed. A.Y. Sokolova; [ed. col. : A.Y. Sokolov, etc.]. - Saratov: “IP Koval Yu.V.”, 2016. P. 51–54.
9. *Streltsova E.G.* Executive Proceeding as the final stage of the law / Actual problems of civil procedural law protection : a collection of materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of Dr. Alexander Timofeevich Bonner, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation / otv. Ed. SM Mikhailov, AI Shchukin. Moscow: Prospekt, 2017. P. 193–201.
10. Environmental Law: A Training Manual / E.N. Abanina, D.A. Agapov, O.Y. Ganyukhina [and others]; Ed. L.A. Timofeeva; O.Y. Ganyukhina. Saratov: Publishing house of Saratov State Law Academy, 2014. 276 p.
11. *Glukhova E.O., Klimenko S.A.* Compensation of Harm to Nature for Environmental Offenses: Legislation and Practice of Implementation / Legal institutions and methods of environmental protection in Russia, CIS countries and the European Union: state and effectiveness: materials of the III International Scientific- practical conference of teachers, practical staff, students, undergraduates, graduate students, applicants. Collection of scientific articles. - Saratov: Saratov Spring, 2017. P. 27–30.
12. *Komissarov K.I.* Application of the Norms of Civil Procedural Law / Brief Anthology of the Ural Procedural Thought: 55 years of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law Academy / Ed. V.V. Yarkov. Ekaterinburg: Publishing Humanitarian University, 2004. With. 288–307.

УДК 347.91

Д.В. Малыхин

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СООТНОШЕНИЯ ДИСПОЗИТИВНОСТИ И ИМПЕРАТИВНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Введение: законодатель уменьшает долю императивного регулирования в гражданском процессуальном праве, что в отдельных случаях негативно влияет на эффективность правосудия и требует своего исследования. **Цель:** исследование значения и основных направлений императивного регулирования, поиск баланса между императивным и диспозитивным в гражданском процессуальном праве. **Методологическая основа:** общенаучные (материалистическая диалектика, анализ, синтез, системный и структурный подходы и др.) и частнонаучные (формально-юридический, конкретно-социологический, системно-структурный, историко-правовой, формально-логический, системно-логический, метод правового прогнозирования и др.) исследовательские методы. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно значения и содержания императивного регулирования и теоретических основ его соотношения с диспозитивным. **Выводы:** основные направления императивного регулирования в силу их значения претворяют в жизнь важные идеи функционирования гражданского процесса, которые должны рассматриваться в качестве принципов отрасли и учитываться в ходе законотворческой деятельности.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, метод правового регулирования, соотношение диспозитивного и императивного регулирования, инициатива сторон, судебное усмотрение.

D.V. Malykhin

THEORETICAL BASIS OF THE RATIO OF DISPOSABILITY AND IMPERATIVENESS IN THE CIVIL PROCEDURAL LAW

Background: the article deals with the problem of the theoretical basis of disposability and imperativeness in the Civil procedural law. The law-maker reduces the share of mandatory regulation in the Civil procedural law, which in some cases negatively affects the effectiveness of justice and requires its study. **Objective:** the author of the article supposes to study the meaning and the main directions of mandatory regulation, to find the balance between the imperative and the dispositive in the Civil procedural law. **Methodology:** in doing the research the author applied the following methods of study: general scientific (materialistic dialectics, analysis, synthesis, system and structural approaches, etc.) and private-scientific (formal-legal, concrete-sociological, system-structural, historic-legal, formal-logical, system-logical, method legal forecasting, etc.). **Results:** the author's position concerning the meaning and content of the imperative regulation and the theoretical foundations of its relationship with the dispositive one is argued. **Conclusions:** the author states that the main directions of the mandatory regulation, by virtue of their significance,

© Малыхин Дмитрий Валерьевич, 2018

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: e.a.sushko@mail.ru

© Malykhin Dmitry Valerievich, 2018

Candidate of law, Associate professor of Civil Procedure Department (Saratov State Law Academy)

implement important ideas of the functioning of the civil procedure, which should be considered as principles of the branch and taken into account in the course of lawmaking.

Key-words: *civil procedural law, method of legal regulation, ratio of dispositive and mandatory regulation, initiative of the parties, judicial discretion.*

Последние изменения гражданского процессуального права характеризуются уменьшением доли императивного регулирования. Совершение многих процессуальных действий ставится в зависимость от инициативы лиц, участвующих в деле, или усмотрения суда, что в отдельных случаях порождает определенный дисбаланс и требует исследования соотношения диспозитивности и императивности в гражданском процессуальном праве.

В правовой науке можно встретить различные по своим основаниям классификации норм права на императивные и диспозитивные, которые, как представляется, отражают различные стороны этих явлений в праве: по степени категоричности содержащихся в норме требований; по степени детальности правовой регламентации общественных отношений; по характеру содержащихся в диспозиции предписаний; по особенностям сочетания с иными (индивидуально-определенными) способами регламентации содержания общественных отношений; по характеру обязательности норм.

Диспозитивные предписания в науке гражданского процессуального права в большинстве случаев исследовались учеными в их традиционном, «узком» понимании. Анализ их взглядов позволяет обобщить, что все диспозитивные действия в науке гражданского процессуального права в зависимости от формы их осуществления классифицируются на три группы: диспозитивные действия материально-правовой направленности (материальная диспозитивность) — отказ от иска, признание иска, мировое соглашение (ст. 39 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14 октября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.)¹ (далее — ГПК РФ)) и др.; распорядительные действия, в которых раскрывается механизм движения гражданского процесса (формальная диспозитивность) — возбуждение гражданского судопроизводства (ст. 4 ГПК РФ), возвращение искового заявления по инициативе истца (ч. 1 ст. 135 ГПК РФ), апелляционное обжалование (ст. 320 ГПК РФ) и др.; диспозитивные действия, существование которых никак не сказывается на механизме движения процесса (формальная диспозитивность) — заявлять отводы (ст. 19 ГПК РФ); право изменить территориальную подсудность соглашением сторон (ст. 32 ГПК РФ); право истца давать согласие на замену ненадлежащего ответчика (ст. 41 ГПК РФ) и др.

Важно, что именно предписания первых двух групп большинством ученых традиционно рассматриваются в качестве нормативной основы выражения принципа диспозитивности в гражданском процессуальном праве. Но и здесь позиции ученых нельзя назвать едиными. Последнее связано с выводом о том, что когда лицо в судебном процессе реализует свои возможности по распоряжению актом процесса, будет задействована категория правовой диспозитивности материального, но не процессуального права. По этому поводу М.А. Рожкова указывает, что процессуальные действия, направленные на получение судебной защиты, подчинены императивно-установленному порядку, который лицо

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2017. № 31, ч. I, ст. 4772.

вынуждено соблюдать в целях достижения желаемого результата, а правовая свобода участников процесса заключается только в возбуждении процесса, в придании ему движения [1, с. 29].

Следует заметить, что в общей теории права исследование диспозитивности осуществлялось в рамках учения о методе правового регулирования и учения о норме права. Представители общей теории права преодолели ограниченность традиционного для цивилистических отраслей права понимания сущности диспозитивных норм. По мнению М.И. Байтина, диспозитивная норма представляет свободу усмотрения в выборе по взаимному согласию определенного варианта не только использования прав, но и исполнения обязанностей, противное ведет к ее смешению с управомочивающей нормой, классифицируемой по форме выражения диспозиции [2, с. 224]. Ученые указывают на необходимость преодоления стереотипа — диспозитивные нормы присущи в основном отраслям частного права.

Однако необходимо учитывать, что публичное право характеризуется таким признаком, как *jus publikum privatorum pactis mutari non protest*, т.е. нормы публичного права не могут изменяться соглашением отдельных лиц. В публичном праве, в частности гражданском процессуальном праве, нормы обладают меньшей степенью диспозитивности, устанавливают минимальную свободу усмотрения субъектам правоотношений в реализации своих прав и обязанностей. Действует разрешительный тип правового регулирования — «запрещено все, кроме того, что прямо разрешено законом». Последний определяет то, что степень свободы волеизъявления субъекта относительно совершения процессуального действия может существовать лишь в рамках установленной законодателем модели поведения и не может выходить за ее пределы (остальное запрещено). Широкая свобода частных лиц в выборе варианта поведения не будет обеспечивать решение публичных (общественных, государственных) задач, которые стоят перед гражданским судопроизводством, поэтому она существует только в форме, определенной (ограниченной) законодателем.

Категории императивности ни в общей теории права, ни в науке гражданского процессуального права учеными не уделялось столь значительного внимания, как категории диспозитивности. Но однозначно необходимо исходить из того, что любое юридическое предписание, являясь государственно-властным велением, обладает определенной императивностью, но степень ее проявления различна.

Этимологическое значение слова императивный (лат. *imperativus*) — не допускающий выбора [3, с. 178]. Под императивными нормами в общетеоретической правовой науке понимаются: «категорические, строго обязательные веления, не допускающие отступлений и иной трактовки предписания» [4, с. 214].

Представляют интерес выводы, полученные в науке гражданского права, где императивные нормы неоднократно были предметом специальных исследований. По этому поводу было принято Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах», полностью посвященное анализу императивных норм гражданского права: критериям определения императивности норм; разъяснению особенностей толкования их содержания и применения². В науке гражданского права императивную норму определяют как установленную государством в правовых актах норму, отклоне-

² См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.

ние от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой аналогичной либо высшей юридической силы [5, с. 9].

Как представляется, категории «диспозитивность» и «императивность» отражают свойства правового предписания в целом, которые качественно отличают его от отдельно взятых в его содержании способов правового регулирования. Они характеризуют степень его воздействия на волю субъектов, определяемую наличием свободы волеизъявления относительно его реализации или соответственно необходимости его реализации в регулировании общественных отношений. Поэтому гражданскому процессуальному праву не свойственны предписания, которые возможно изменить соглашением сторон правоотношения (одной из которых является суд). Существующие правила с этой точки зрения можно разделить на два вида: условием реализации первых является инициатива (усмотрение) стороны (сторон) правоотношения, вторые реализуются в правоотношениях в силу прямого указания закона. Так, в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»³ указывается, что решения, перечисленные в ст. 211 ГПК РФ, подлежат немедленному исполнению в силу императивного предписания закона, в связи с чем указание в решении об обращении их к немедленному исполнению не зависит от позиции истца и усмотрения суда.

В настоящее время, в т.ч. в целях уменьшения количества нагрузки на судей, в качестве основных тенденций развития гражданского процессуального законодательства отмечается упрощение гражданского судопроизводства, с одной стороны, за счет расширения количества дел, рассматриваемых в порядке приказного и упрощенного производства, с другой — посредством расширения сферы диспозитивного регулирования и уменьшения доли императивного. Законодатель все чаще к отношениям, ранее регулируемым в императивном порядке, применяет диспозитивное регулирование, предоставляя лицам, участвующим в деле, или суду усмотрение в реализации тех или иных предписаний. Указанный подход позволяет не совершать отдельные процессуальные действия при отсутствии соответствующей инициативы (такой необходимости не имеется). Так, мировой судья обязан составлять мотивированное решение суда по рассмотренному им делу в случае поступления от лиц, участвующих в деле, соответствующего заявления. Ранее это процессуальное действие он осуществлял в силу прямого указания закона.

Следует учитывать, что необходимость реализации конкретного процессуального предписания, т.е. его императивность, определяется (детерминируется) его значением для создания возможности реализации иных процессуальных предписаний и достижения целей правового регулирования в гражданском судопроизводстве (упорядочения процессуальных отношений в целях достижения задач гражданского судопроизводства). Нереализация императивного предписания всегда будет ставить под сомнение результаты правосудия, свидетельствовать об отсутствии возможности выполнения задач гражданского судопроизводства. Именно в этом смысле необходимо говорить о том, что императивные предписания создают каркас отрасли, определяют пределы реализации диспозитивных правил.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

Все указанное порождает необходимость выработки критериев соотношения императивного и диспозитивного регулирования в гражданском процессуальном праве, исследования основных направлений и значения императивного регулирования в целях обеспечения, в т.ч. системного совершенствования гражданского процессуального законодательства. Важно найти баланс между диспозитивностью и императивностью в гражданском процессуальном праве, поскольку первая обеспечивает необходимую активность сторон, учет частных интересов и особенностей дела, а вторая обеспечивает качество правосудия и стабильное достижение его целей. Дисбаланс между этими началами приведет либо к излишней формализации судопроизводства, либо к потере качеств и гарантий процессуальной формы, присущей правосудию. Среди основных направлений императивного регулирования возможно выделить следующие: обеспечение содействия участникам судопроизводства в реализации их процессуальных прав и обязанностей (реализация мер содействия); обеспечение интересов слабой стороны в процессе (реализация мер юридического выравнивания); обеспечение информирования участников судопроизводства (реализация мер информирования); обеспечение обоснованности совершения процессуальных действий и др. В настоящее время в науке гражданского процессуального права указанные направления императивного регулирования прямым образом не связываются ни с принципами гражданского процессуального права, ни с основаниями отмены постановлений суда и являются неизученными. Поэтому все законопроектные предложения (которых достаточно много) относительно упрощения производства за счет уменьшения доли императивного регулирования должны быть с указанной точки зрения научно обоснованными.

Одним из новых подвидов искового производства является упрощенное производство. Такое упрощение было осуществлено за счет исключения действия целого ряда императивных предписаний, касающихся как осуществления содействия сторонам в реализации их процессуальных прав, так и их информационного обеспечения, суд фактически не определяет для сторон обстоятельства, имеющие значение для дела, подлежащие доказыванию; не распределяет обязанности по доказыванию; не разъясняет сторонам их процессуальные права и обязанности, последствия совершения и несовершения процессуальных действий; не участвует в обмене доказательствами; не извещает стороны; не устанавливает личность сторон; не проводит судебное заседание и, соответственно, не доводит до сторон содержание доказательств; не составляет мотивированное решение; не осуществляется протоколирование и др.

В полной мере не ясно, каким образом в упрощенном производстве будут действовать императивные нормы, обеспечивающие интересы слабой стороны: правила о языке гражданского судопроизводства; привлечение несовершеннолетних от 16 до 18 лет, а также граждан, ограниченных в дееспособности к участию в деле в соответствии с п. 3 ст. 37 ГПК РФ; назначение адвоката ответчику, место жительства которого неизвестно в качестве представителя; извещение о начавшемся процессе и участие в нем лица, в интересах которого дело начато по заявлению лиц, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц; приостановление производства по делу в случае признания стороны недееспособной или отсутствия законного представителя у лица, признанного недееспособным, и др.

Отсутствуют императивные нормы, обязывающие суд даже в определении о принятии искового заявления к производству разъяснять такие ключевые моменты, как правовые последствия непредставления доказательств в суд и другой стороне в установленные судом сроки. Как представляется, именно эти моменты объясняется низкая эффективность упрощенного производства в гражданском процессе.

Вносимые Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 30⁴ законопроектные предложения также во многом продолжают идею уменьшения доли императивного регулирования в гражданском процессуальном праве, освобождая суд от «несвойственных» функций.

Можно предположить, что этот дисбаланс возможно компенсировать участием в процессе профессиональных субъектов (представителей, имеющих юридическое образование) и использованием в судопроизводстве информационных технологий, именно это предлагают авторы законопроекта. Однако такой подход может повлиять на доступность правосудия.

Следует констатировать, что основные направления императивного регулирования претворяют в жизнь очень важные основополагающие идеи функционирования гражданского судопроизводства, которые могут претендовать на рассмотрение и их закрепление в качестве самостоятельных принципов гражданского процессуального права. Такой подход исключит возможность «случайного» нивелирования императивных гарантий в ходе законотворческой деятельности и нуждается в дальнейшей научной разработке.

Библиографический список

1. Рожкова М.А. Основные понятия арбитражного процессуального права. М.: Статут, 2003. 400 с.
2. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2001. 416 с.
3. Зенович Е.С. Словарь иностранных слов и выражений. М.: Олимп, 1997. 784 с.
4. Байтин М.И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. 400 с.
5. Михайлов А.В. Роль императивных норм в правовом регулировании отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. 26 с.

References

1. Rozhkova M.A. Basic Concepts of the Arbitration Procedural Law. Moscow: Statute, 2003. 400 p.
2. Baitin M.I. The Essence of Law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov: SGAP, 2001. 416 p.
3. Zenovich E.S. Dictionary of Foreign Words and Expressions. M.: Olimp, 1997. 784 p.
4. Baitin M.I. Questions of the General Theory of State and Law. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2006. 400 p.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Mikhailov A.V.* The Role of Mandatory Norms in the Legal Regulation of Relations Between Persons Engaged in Entrepreneurial Activities, or with Their Participation. Extended abstract. dis. ... cand. law. Kazan, 2001. 26 p.

УДК 347.9

Е.Г. Потапенко

**ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ
СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПРАВА
(В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА)**

Введение: развитие цивилистического процессуального законодательства и права основано на определенных закономерностях и процессах, выявление и подробное изучение которых необходимо как с теоретической, так и практической точки зрения. **Цель:** разработка обоснованной концепции специализации цивилистического процессуального права, выявление ее форм и методов, а также роли в общем процессе развития права. **Методы:** метод материалистической диалектики, а также набор общенаучных (логический, исторический, системно-структурный) и частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-юридический) методов, позволяющих обеспечить получение достоверных знаний. **Результаты:** на примере цивилистического процессуального права аргументирована авторская позиция относительно объекта, форм и методов специализации как процесса развития права. **Вывод:** специализация цивилистического процессуального права есть необходимый процесс развития его содержания, осуществляемый как в форме правотворчества, так и в форме правоприменительной, правоинтерпретационной деятельности.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, специализация права, конкретизация права, специальные нормы, развитие цивилистического процесса, дифференциация гражданского судопроизводства.

E.G. Potapenko

**CONCEPT, FORMS AND METHODS OF LAW SPECIALIZATION
(IN THE CONTEXT OF STUDYING THE SPECIALIZATION
OF CIVIL PROCEDURAL LAW)**

Background: the development of the civil procedural legislation and law is based on certain rules and processes. Their identification and detailed study are necessary from both the theoretical and practical points of view. **Objective:** the author supposes to develop a motivated concept of the specialization of the civil procedural law, the identification of its forms, methods and role in the overall development of law. **Methodology:** in doing the

© Потапенко Евгений Георгиевич, 2018

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского); e-mail: egpotapenko@gambler.ru

© Potapenko Evgeniy Georgievich, 2018

Candidate of law, associate professor of civil law and procedure department (Saratov State University)

research the author used the method of materialistic dialectic, a set of general scientific methods (logical, historical, system-structural) and specific scientific methods (comparative law method, formal legal method) which allow the acquisition of reliable knowledge. Results: the author's position on the object, forms and methods of specialization as a process of development of law is reasoned on the example of civil procedural law. Conclusions: specialization of the civil procedural law is a necessary process of development of its content, carried out both in the form of law-making, and in the form of law-enforcement, law-interpretative activity.

Key-words: *civil procedural law, specialization of law, specification of law, special rules, development of civil process, differentiation of civil proceedings.*

В самом общем смысле под специализацией понимается процесс усиления особенностей, специфики какой-либо сферы. Процесс специализации может проявляться в различных сферах общественной жизни: экономической, политической, правовой, в сфере управления. По этому критерию можно выделить экономическую, правовую, политическую и иные разновидности процесса специализации. Так, например, широко известен термин разделения (специализации) труда, под которым понимается концентрация работника на выполнении отдельной операции. «Специализация как объективная тенденция российского законодательства отражает идентичный прогрессивный процесс в различных социальных сферах нашего общества и направлена на учет особенностей, специфики и многогранности внутрифедеративных общественных отношений...» [1, с. 80].

В юридической науке термин «специализация» используется достаточно широко и, как правило, более или менее единообразно. С.С. Алексеев видел суть указанного процесса в том, «что в праве происходит и усиливается «разделение труда», в результате которого отдельные нормы и их комплексы все более дифференцируются на выполнении тех или иных операций, конкретизируются их содержание и одновременно осуществляется интеграция правового материала» [2, с. 52]. Развитие и усложнение экономических отношений создают необходимость изменения содержания системы права. Те отношения, которые могли быть урегулированы одной или несколькими нормами, теперь требуют комплексного правового регулирования, которое возможно за счет специализации правовых норм. Таким образом, специализация всегда связана с увеличением нормативного материала. Что касается непосредственного объекта специализации в правовой сфере, то, как нам представляется, им является первичный элемент права — норма. Специализация направлена на создание специальных норм, т.е. норм, содержащих особое правило в отношении отдельной группы правоотношений. И.Н. Сенякин в качестве цели правовой специализации называет необходимость наиболее полного охвата всех особенностей современных общественных процессов, возникающих в силу их постоянного развития и динамики [3, с. 322]. Данная цель очень близка к цели самого права и в значительной степени обобщена ученым для иллюстрации важности процесса специализации.

В литературе довольно часто в качестве объекта специализации указывают действующее законодательство. Так, например, В.Ф. Попондопуло, рассматривая вопрос о понятии коммерческого законодательства, указывает, что «специализация коммерческого законодательства заключается в правовом регулировании предпринимательских отношений и отношений, связанных с публичной органи-

зацией предпринимательской деятельности» [4, с. 52]. При этом очевидно, что при специализации речь в данном случае идет не о форме, а о содержании, т.е. специализации правил правового регулирования.

Если при определении непосредственного объекта специализации исследователи более или менее солидарны, то вот в отношении видов, форм и методов специализации единообразный подход в литературе отсутствует. Среди видов специализации в праве необходимо различать предметную и функциональную специализации. При предметной специализации права появляются нормы, содержащие особые правила регулирования отдельной группы правоотношений (или их отдельного этапа). Данная норма включается в комплекс правовых норм во главе с основной нормой, регулирующей соответствующий вид правоотношений. То есть при предметной специализации видоизменяются сами правила правового регулирования общественных отношений в силу их специфичности. О такой специализации пишет, например, С.С. Алексеев, говоря о «разделении труда» в праве [2, с. 52]. И.Н. Сенякин, называя в качестве специфичного признака специальных норм их производность от общих постановлений [1, с. 19], также имеет в виду предметную специализацию. Данному виду специализации посвящены исследования и в отраслевых науках [5]. Сложность современных общественных отношений не позволяет осуществлять их правовое регулирование посредством единичных правовых предписаний, что выступает необходимостью комплексного правового воздействия и объективной причиной усложнения системы права. Иначе говоря, юридические нормы существуют и действуют по большей части не поодиночке, не каждая сама по себе, а в комплексах, ассоциациях, в составе целых правовых институтов и более обширных подразделений — отраслей права [6, с. 63]. Развитие общественных отношений объективно требует усложнения регулятивного воздействия на них, учет множества ранее нерегламентированных их вариантов, многообразия жизненных ситуаций. В современной действительности ни одна отдельно взятая правовая норма не способна осуществить должное регулятивное воздействие на поведение субъектов и обеспечить общественно-полезное развитие той или иной жизненной ситуации, аккумулирующей множество связей и отношений. Всегда необходима «поддержка» других норм, так или иначе участвующих в регулировании данной ситуации и охраняющих ее от нежелательного развития [7, с. 63].

Функциональная специализация связана не столько с предметом правового регулирования (т.е. общественными отношениями), сколько со специфической структуры российского права и наличием между элементами системно-функциональных связей. С этой точки зрения, нормы воздействуют не только на внешний объект, находящийся за пределами системы, но и друг на друга. В рамках такого внутрисистемного взаимодействия нормы несут дополнительную функциональную нагрузку. Так, например, А.В. Баранов на основе функционального назначения выделяет в особую систему т.н. системоопределяющие специализированные нормы, которые, по сути, формируют систему права, обеспечивают его единство. К таким нормам автор справедливо относит декларативные нормы (нормы-начала), нормы-принципы, определительно-установочные нормы (закрепляющие цели и задачи правового регулирования), нормы-дефиниции [8, с. 6–10].

Таким образом, при исследовании специализации в праве следует учитывать не только специализацию предметную при воздействии правовой нормы на предмет правового регулирования, но и функциональную при взаимодействии

норм в рамках системы права. Следует отметить, что процесс специализации имеет место не только на внутрисистемном уровне. Так, о своего рода правовой специализации можно говорить и при характеристике международного правового взаимодействия, когда развитие отдельно взятой национальной правовой системы направлено на углубление специфики в регулировании внутрисистемных общественных отношений. В этом смысле национальная правовая система специализируется на регулировании внутрисистемных общественных отношений, подчеркивая их особенности. Правовая специализация в данном случае противопоставляется международной правовой универсализации.

В литературе выделяют следующие формы процесса специализации: дифференциация; конкретизация и детализация [1, с. 51]. С.С. Алексеев указывал на дифференциацию, конкретизацию и интеграцию как формы специализации права [2, с. 53]. В данном случае речь идет только о специализации предметной. Дифференциация правового регулирования представляет собой процесс его деления, разветвления, увеличения общего количества правовых норм, приобретения структурным элементом права все более специфических, своеобразных свойств. На основе дифференциации осуществляется процесс конкретизации правового регулирования, суть которого заключается в более подробном регулировании отдельных элементов и сторон данных общественных отношений. Правовая специализация — это объективный процесс, вызванный обогащением, расширением предмета правового регулирования, а также углублением знаний о нем. Изначально этот процесс протекает как определенная реакция на изменения в общественной жизни и приводит к усложнению структуры права, т.е. к появлению новых правовых норм, направленных на правовую регламентацию этих изменений.

Вместе с тем следует учитывать, что не все указанные формы неизменно свидетельствуют о процессе предметной специализации. Так, например, дифференциация не есть неизменная форма специализации. Дифференциация может приводить не к образованию специальной нормы, а к возникновению дублирующих норм. Интеграция также не всегда выступает формой специализации. Нормы в рамках системы права связаны многочисленными внутрисистемными связями, которые проявляются в т.ч. при реализации права. Определенная жизненная ситуация требует применения общей и специальной норм во взаимосвязи (например, норма гражданского законодательства, являясь общей, применяется совместно со специальной нормой земельного законодательства). Однако такое совместное применение не образует самостоятельного структурного элемента в системе права, а создает условную функциональную связку для реализации применительно к конкретной жизненной ситуации. В данном случае интеграция носит многовариантный характер и основана на внутрисистемных функциональных связях, которые вступают в действие в зависимости от внешних условий реализации — специфики регулируемого правоотношения. Кроме того, органичность есть свойство самой системы права, обеспечиваемое функциональной взаимосвязанностью его элементов, их непротиворечивостью. Поэтому о функциональной интеграции следует вести речь не только и не столько при специализации, сколько о правотворчестве в целом. Недаром современные исследователи довольно часто говорят о необходимости плановости и системности правотворчества [9, с. 13], т.е. интегрированность новой нормы (вне зависимости специальная она или нет)

является необходимым процессом для всего правообразования, а не только специализации.

Таким образом, остаются две по количеству, но одна по сути форма специализации права — конкретизация и детализация. На наш взгляд, конкретизация (детализация) выступает все-таки не формой, а методом специализации. Не случайно, говоря о формах, исследователи указывают на этапы процесса специализации, считая, что сам процесс проходит стадии дифференциации и конкретизации. Вместе с тем формой всего процесса специализации не может быть лишь его этап. Кроме того, сам процесс дифференциации может не свидетельствовать об осуществляемой специализации.

Под конкретизацией правовых норм обычно понимают осуществляемую государственными и иными уполномоченными органами деятельность по уменьшению объема понятий юридической нормы на основе расширения их содержания, результаты которой фиксируются в определенных правовых актах [10, с. 34]. Конкретизация относится к категории, относительно которой в юридической науке нет общепризнанного понимания. И.А. Глотова называет конкретизацию норм в праве и рассматривает ее в значении приема юридической техники для целей нормотворчества и как правовое явление, обеспечивающее процесс построения системы права в целом или отдельной отрасли» [11, с. 7]. М.Ш. Гамидов, напротив, рассматривает конкретизацию нормы права более узко и понимает под ней «техничко-юридический метод уточнения содержания нормы права, реализуемый уполномоченным субъектом путем правотворческого, правоприменительного либо интерпретационного расширения (или сужения) объема отдельных признаков или элементов структуры для достижения их определенности, обеспечивающей объективное соответствие целей и результатов правореализации, а также ограничивающей дискреционность поведения адресатов» [12, с. 11].

Не приводя многочисленные подходы к пониманию конкретизации правовых норм, представляется необходимым обратиться к двум проблемам. Во-первых, приводит ли конкретизация к образованию специальных норм; во-вторых, какие формы внешнего проявления имеет конкретизация. Первый вопрос важен постольку, поскольку позволяет сделать вывод о том, является ли конкретизация методом специализации. Второй вопрос поможет нам сделать вывод относительно форм осуществления самой специализации.

Рассматривая конкретизацию как правовое явление, Э.К. Утяшов выделяет следующие ее признаки. Во-первых, правоконкретизация выступает объективной потребностью эффективного правового регулирования. Во-вторых, она носит волевой характер, что выражается в деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц. В-третьих, ее объектом выступают юридические нормы, содержащие понятия высокого уровня общности и абстрактности, объем (логический) таких норм определяется объемом понятий, которые в них используются. В-четвертых, результаты конкретизирующей деятельности фиксируются в определенной правовой форме и приобретают юридически обязательный характер [13, с. 13]. Указанные признаки характеризуют конкретизацию довольно узко, как некую операцию по уточнению смысла абстрактной нормы в рамках правоприменительной деятельности.

Более широкого подхода придерживается М.В. Залоило, рассматривающий конкретизацию как объективно-субъективный процесс, заключающийся в пере-

воде абстрактных юридических норм в более определенные правила, развитие посредством уточнения, детализации, дополнения. При этом автор выделяет три формы конкретизации — правотворчество, правореализацию, правоинтерпретацию [14, с. 8–9].

Однако в последнее время наметилась тенденция еще более широкого понимания конкретизации. Такое понимание связано с тем, что «конкретизация нормы права отнюдь не влечет за собой ликвидацию или изменение генерализующей нормы, а наоборот, расширяет либо частично сужает ее содержание, не затрагивая при этом формы, содержания или функции конкретизируемой нормы, то есть не изменяя ее» [15, с. 59]. Таким образом, в процессе конкретизации правило правового регулирования, содержащееся в правовой норме, уточняется применительно к отдельному виду правоотношения. При этом конкретизирующая норма, как правило, получает привязку к норме основной и применяется зачастую совместно с ней. Дальнейшая конкретизация может привести к отпочкованию специальных норм и образованию отдельного института или даже отрасли права.

Очевидно, говоря о конкретизации как логической операции, некоторые вышеуказанные авторы дают ей весьма узкие теоретические характеристики. Обосновать наличие такой конкретизации в правотворчестве не представляется возможным. В противном случае конкретизация попросту оказывается тождественной любому изменению правовой нормы, с чем вряд ли можно согласиться. Но как только требуется обосновать данные теоретические характеристики эмпирическими примерами, то они же вынуждены прибегать к действующему законодательству и специальным нормам права. Таким образом, в результате конкретизации появляются специальные нормы, которые часто называются еще конкретизированными. В отличие от конкретизации специальные нормы не являются необходимым результатом ни дифференциации, ни интеграции правовых норм. Последние категории, на наш взгляд, отражают несколько иные правовые процессы. Сам процесс конкретизации достаточно просто проиллюстрировать на примере отражения конституционных положений в отраслевом законодательстве. Так, например, нормы, содержащиеся в ч. 1 ст. 6 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.)¹ и ст. 6 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.)², появились в результате конкретизации нормы ч. 2 ст. 19 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок по сост. на 21 июля 2014 г.)³ применительно к судопроизводству в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

Говоря о формах конкретизации, следует отметить, что бесспорной формой конкретизации выступает правотворческая деятельность, на существование которой указывают практически все современные авторы. Помимо правотворчества, в качестве форм конкретизации права называют также правоприменительную и правоинтерпретационную деятельность. Как представляется, толкование способно приводить к изменению содержащегося в норме правила. Не случайно А.Ф. Черданцев связывал конкретизацию именно с интерпрета-

¹ См.: Парламентская газета. 2002. № 140–141; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31, ч. 1, ст. 4772.

² См.: Парламентская газета. 2002. № 220–221; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31, ч. 1, ст. 4809.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

ционной деятельностью, указывая, что конкретизация как процесс выведения более конкретных положений из более общих норм — это сам процесс толкования и ничего более [16, с. 38]. Проводя соотношение между толкованием права по объему и конкретизацией, Ю.А. Гаврилова отмечает, что в реальной юридической практике нельзя четко разграничить процессы толкования и конкретизации, поэтому конкретизация смысла и требований нормы представляет и цель, и средство толкования, а оно, в свою очередь, является не методом, а официальным результатом состоявшейся конкретизации [17, с. 47]. Таким образом, правоинтерпретационная деятельность также может выступать формой конкретизации и, соответственно, специализации в праве.

Не столь однозначен ответ на вопрос о правоприменительной деятельности как форме конкретизации, хотя изначально процесс конкретизации изучался именно в рамках судебной деятельности [18; 19]. На наш взгляд, что правоприменительная деятельность может являться формой выражения конкретизации права уже в силу того, что в процессе правоприменения осуществляется толкование правовых предписаний. К такому выводу можно прийти и при анализе работ сторонников правоприменительной конкретизации. М.Л. Давыдова, рассматривая содержательные аспекты конкретизации и сопоставляя правотворческую и правоприменительную конкретизацию, приходит к выводу, что правоприменительная конкретизация, следовательно, по форме является толкованием, а по содержанию — правотворчеством [20, с. 14]. Достаточно обоснованной видится возможность конкретизации права в рамках правоприменения в двух случаях: во-первых, при казуальном толковании в рамках правоприменительной деятельности; во-вторых, при рассмотрении судебного правоприменения в качестве правотворческого процесса при прецедентном значении результатов судебной деятельности.

Таким образом, специализация права осуществляется при помощи конкретизации правовых норм в форме правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности. Данный вывод служит основой для определения специфики реализации метода и форм специализации в рамках отдельных отраслей права, в т.ч. цивилистического процессуального права.

Библиографический список

1. *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики / под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. 194 с.
2. *Алексеев С.С.* Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.
3. *Сенякин И.Н.* Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. 504 с.
4. *Попондопуло В.Ф.* Коммерческое (предпринимательское) право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 800 с.
5. *Гончаров Д.Ю.* Специализация норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: историческая ретроспектива // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 109–121.
6. *Алексеев С.С.* Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
7. *Петров Д.Е.* Отрасль права / под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. 192 с.

8. Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы права в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2. С. 5–11.
9. Белоусов С.А. Правотворчество и законодательный дисбаланс: диалектика взаимосвязи // Вестник Воронежского государственного ун-та. Сер.: Право. 2014. № 3. С. 11–16.
10. Рабинович И.М., Шмелева Г.Г. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) // Правоведение. 1985. № 6. С. 31–39.
11. Глотова И.А. Конкретизация норм трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 34 с.
12. Гамидов М.Ш. Конкретизация норм права: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 203 с.
13. Утяшов Э.К. О необходимости конкретизации норм правового режима военного положения // Вопросы экономики и права. 2015. №8. С. 13–16.
14. Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 21 с.
15. Власенко Н.А. Конкретизация в праве: природа и пути исследования // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы междунар. симпоз. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2008. С. 57–68.
16. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск: М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Свердл. юрид. ин-т, 1972. 191 с.
17. Гаврилова Ю.А. Конкретизация правовых норм и толкование права по объему // Вестник ВолГУ. 2007. Сер. 5. Вып. 9. С. 40–48.
18. Безина А.К., Лазарев В.В. Конкретизация права в судебной практике // Советская юстиция. 1968. № 2. С. 6–7.
19. Безина А.К., Лазарев В.В. Правоконкретизирующая деятельность судов и ее роль в развитии советского права // Вопросы социалистической законности в деятельности административных и хозяйственных органов (по материалам Татарской АССР). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. С. 93–107.
20. Давыдова М.Л. Формальные и содержательные аспекты понятия «правотворческая конкретизация» // Новая правовая мысль. 2014. № 4 (63). С. 11–15.

References

1. *Senyakin I.N.* Specialization and Unification of Russian Legislation. Problems of Theory and Practice / edited by M. I. Baitin. Saratov: publishing house of Saratov University, 1993. 194 p.
2. *Alekseev S.S.* Structure of the Soviet law. Moscow: Legal literature, 1975. 264 p.
3. *Senyakin I.N.* Federalism as a Principle of Russian Legislation. Saratov: Publishing house GOU VPO «Saratov state law Academy», 2007. 504 p.
4. *Popondopulo V.F.* Commercial (business) Law: textbook. 3rd ed., reviewed and amended M.: Norma, 2008. 800 p.
5. *Goncharov D.Yu.* Specialization of Criminal Law and Criminal Procedure: Historical Retrospective // Journal of Russian law. 2005. No. 11. P. 109–121.
6. *Alekseev S.S.* Law: ABC — theory — philosophy. Experience of complex research. M.: Statut, 1999. 712 p.
7. *Petrov D.E.* Branch of Law / edited by M.I. Baitin. Saratov: Publishing house GOU VPO «Saratov State Law Academy», 2004. 192 p.
8. *Baranov A.V.* System Originating Specialized Rule of Law in the Mechanism of legal Regulation // Vestnik of Tomsk State University. 2011. No. 2. P. 5–11.
9. *Belousov S.A.* Law-making and Legislative Imbalance: the dialectic of relations // Bulletin of VSU. Series: Right. 2014. No. 3. P. 11–16.

10. *Rabinovich I.M., Shmelev G.G.* Specification of Legal Norms (theoretical problems) // Jurisprudence. 1985. No. 6. P. 31–39.
11. *Glotova I.A.* Specification of Labor Law: extended abstract dis. ... cand. of law. Ekaterinburg, 2015. 34 p.
12. *Gamidov M. Sh.* Specification of the Law: dis. ... cand. of law. N. Novgorod, 2010. 203 p.
13. *Utesov K.E.* On the Necessity of Clarifying the Rules of the Legal Regime of Martial law // Questions of economy and law. 2015. No. 8. P. 13–16.
14. *Zaloilo M.V.* Concept and Forms of Specification of legal norms: extended abstract dis. ... cand. of law.. Moscow, 2011. 21 p.
15. *Vlasenko N.A.* Concretization in Law: Nature and Ways of Research // Concretization of Legislation as a Technical and Legal Acceptance of Non-legislative, Interpretative, Law Enforcement Practice: materials of international law. International Symposium. / under the editorship of V.M. Baranov. H. Novgorod, 2008. P. 57–68.
16. *Cherdantsev A.F.* Questions of Interpretation of the Soviet law. Sverdlovsk: Ministry of the higher and secondary special education of the RSFSR. Sverdlovsk law institute. 1972. 191 p.
17. *Gavrilova Yu.A.* Specification of Legal Norms and Interpretation of Law by volume // Vestnik Volgu. Series 5. Vol. 9. 2007. P. 40–48.
18. *Betina A.K., Lazarev V.V.* Concretization of Law in Judicial Practice // the Soviet justice. 1968. No. 2. P. 6–7.
19. *Betina A.K., Lazarev V.V.* Law Concretizing Activity of the Courts and Their Role in the Development of the Soviet Law// Questions of socialist legality in the activities of administrative and economic bodies (on materials of the Tatar ASSR). Kazan: Izd-vo Kazanskogo UN-TA, 1968. P. 93–107.
20. *Davydova M.L.* Formal and Substantial Aspects of the Concept of «Law-making Specification» // New legal idea. 2014. No. 4 (63). P. 11–15.

УДК 347.9

Д.П. Васильев

РАЗГРАНИЧЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ МЕЖДУ СУДАМИ ОБЩЕЙ И АРБИТРАЖНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Введение: *подведомственность является одним из важнейших институтов арбитражного и гражданского процессуального права, а ее правильное определение влияет на эффективность осуществления судебной защиты. Цель:* изучение понятия судебной компетенции, поиск наиболее адекватного подхода к определению методов, применяемых для разграничения компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции, а также практические аспекты их реализации. **Методологическая основа:** общенаучные методы познания (анализ и синтез, обобщение и аналогия), а также специальные методы (сравнительно-правовой, метод

© Васильев Денис Павлович, 2018

Аспирант кафедры гражданского права и процесса (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина (филиал) РАНХиГС в г. Саратове); e-mail: dvasilyev9321@yandex.ru

© Vasilyev Denis Pavlovich, 2018

Post-graduate student of Civil law and procedure department (Volga management Institute named after P. A. Stolypin (branch) of Ranepa in the city of Saratov)

технико-юридического анализа, лингвистический и иные методы исследования). **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно понятия «судебная компетенция», сформулированы предложения по изменению действующего законодательства в целях устранения коллизий, возникающих при применении норм, регламентирующих судебную компетенцию. **Выводы:** необходимо отказаться от термина «подведомственность» и исключить из процессуального законодательства правовые последствия ее несоблюдения. Применительно к арбитражным судам и судам общей юрисдикции целесообразно использовать понятие «компетенция», которая должна применяться исходя из совокупности существующих критериев, в т.ч. вида судопроизводства, характера спорного правоотношения, субъектного состава участников.

Ключевые слова: судебная компетенция, арбитражный суд, суд общей юрисдикции, подсудность, метод определения компетенции.

D.P. Vasilyev

DISTRIBUTION OF POWERS BETWEEN COURTS OF GENERAL AND ARBITRATION JURISDICTION

Background: jurisdiction is one of the most important institutions of civil and arbitration procedural law and its correct definition makes an impact upon the effectiveness of the court protection. **Objective:** the author of the research supposes to study the concept of the judicial competence, to find the most appropriate approach to determining the methods used for the distribution of powers between courts of arbitration and courts of general jurisdiction, as well as practical aspects of their implementation. **Methodology:** in the research the following scientific methods were used: general scientific methods of cognition (analysis and synthesis, generalization and analogy) and special methods (comparative legal method, method of technical and legal analysis, linguistic and other methods of study). **Results:** the author's position on the notion of judicial competence is argued. Proposals for changing existing legislation in order to eliminate conflicts arising from the application of the rules governing judicial competence are set forth. **Conclusions:** the author states that it is necessary to abandon the term "jurisdiction" and exclude from the procedural law the legal consequences of non-compliance. In relation to the arbitration courts and courts of general jurisdiction it is evident to use the concept of "competencies" that should be applied depending on the totality of existing criteria, including the type of proceedings, the nature of legal relationship, subjective set of participants.

Key-words: jurisdiction, arbitration court, court of general jurisdiction, method of determining competence.

Определение компетенции того или иного судебного органа на протяжении многих лет остается одним из актуальнейших вопросов процессуалистики, поскольку ни проводимая судебная реформа, ни научные исследования однозначного ответа на него не дали. Говоря о компетенции юрисдикционного органа, необходимо отметить, что она выступает одним из важных компонентов конституционного права на судебную защиту.

В соответствии со ст. 47 Конституции РФ¹ государством гарантируется право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Данное положение перекликается со ст. 8 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., согласно которой каждый человек

¹См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом², а также ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод о справедливом публичном разбирательстве дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона³.

Согласно ст. 4 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе» (в ред. от 5 февраля 2014 г.) суды общей и арбитражной юрисдикции относятся к федеральным судам⁴. Так, систему федеральных арбитражных судов составляют: арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов РФ и специализированные арбитражные суды.

Систему федеральных судов общей юрисдикции образуют: верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды. Вместе с тем компетенция данных судов законодательно не закреплена. Глава 4 Арбитражно-процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ) называется «Компетенция арбитражных судов», но понятие компетенции не дает, а из содержания отдельных норм можно сделать вывод о том, что в данной главе речь идет о подведомственности и подсудности⁵. Что касается ГПК РФ⁶, то в нем термин «компетенция» не используется, а непосредственно указывается только на подведомственность и подсудность дел судом общей юрисдикции.

Таким образом, действующим законодательством компетенция рассматривается как совокупность подведомственности и подсудности рассмотрения дел. Подобного мнения придерживается и процессуальная наука [1, с. 19]. Однако необходимо отметить, что Верховный Суд РФ предлагает отказаться от термина «подведомственность» и использовать только термин «компетенция»⁷. На наш взгляд, данный подход наиболее правильный, но следует законодательно закрепить понятие «компетенция» в процессуальном законодательстве.

Ввиду отсутствия законодательного закрепления рассмотрим данное понятие на основании доктринальных исследований. Если обратиться к непосредственному толкованию обозначенного термина, то следует отметить, что согласно Энциклопедическому словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона компетенция — это определенная область государственных задач, возложенных законом на данное учреждение, которая определяется основаниями тройкого рода:

- 1) родом дел, предоставляемых учреждению;
- 2) пространством действия власти;

² См.: Российская газета. 1995. № 67.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

⁴ См.: Собр. законодательства Российской Федерации. 1997. № 1, ст. 1; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2014).

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2017).

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2017).

⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 30 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации”». URL: http://www.vsrfl.ru/Show_pdf.php?Id=11612 (дата обращения: 20.10.2017).

3) взаимным отношением высших и низших учреждений одной и той же отрасли управления или суда (иерархическая компетенция) [2].

По мнению Е.В.Васьковского, компетенция — круг деятельности целого ряда судебных учреждений, и во избежание столкновений между ними каждому отведен определенный круг деятельности, в границах которого ему предоставлено право и вместе с тем вменено в обязанность совершать определенные действия [3, с. 445].

Ю.К. Осиповым компетенция определяется как совокупность установленных законом властных полномочий органов государства, которые в то же время являются их обязанностями [4, с. 11].

Как справедливо заметил Д.Х. Валеев, определяя компетенцию арбитражных судов, что поскольку положения гл. 3 АПК РФ позволяют говорить о компетенции арбитражного суда как о круге дел, подведомственных арбитражным судам и подлежащих рассмотрению в конкретном арбитражном суде в соответствии с правилами подсудности, следует сделать вывод о том, что возможно определить только компетенцию конкретного арбитражного суда, т.к. неотъемлемым составляющим понятия компетенции арбитражного суда является круг дел, подсудных арбитражному суду [5, с. 52]. Аналогичным образом можно определить и компетенцию суда общей юрисдикции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что компетенцию суда образует совокупность полномочий по разрешению определенного в законе круга дел. В процессуальной науке высказывается мнение об использовании различных правил разграничения компетенции применительно к конкретному виду судопроизводства [6, с. 53]. В частности, для некоторых дел в законе использован такой метод определения их подведомственности суду, как полное перечисление категорий дел, составляющих тот или иной вид производства [7, с. 53]. Другой метод основан на критериях разграничения подведомственности дел, в качестве которых традиционно выступают субъектный состав участников спорного правоотношения и характер материального правоотношения.

Если обратиться к первому методу, основанному на перечислении, то в качестве примера можно привести ст. 27 АПК РФ, согласно которой только арбитражный суд компетентен рассматривать дела о несостоятельности (банкротстве), о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности и др. Однако специфика процедуры банкротства позволяет разрешать отдельные вопросы и судам общей юрисдикции. Например, согласно п. 10 ст. 16 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. от 29 июля 2017 г.)⁸ разногласия по требованиям кредиторов или уполномоченных органов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом и, следовательно, разрешению в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса РФ⁹.

Что касается разграничения компетенции по рассмотрению дел о защите деловой репутации между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, то здесь хотелось бы обратить на внимание на следующие особенности, сформу-

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2017).

⁹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ.: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 3. С. 12–48.

лированные судебной практикой. Как указано в ст. 27 АПК РФ, к компетенции арбитражных судов относится рассмотрение дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности независимо от субъектного состава участников спорных отношений.

В частности, гражданин А., являясь председателем совета директоров компании, направил обращение в адрес полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе, в котором указал, что гражданин З. возглавляет рейдерскую группу по захвату компании в интересах общества как хозяйствующего субъекта. В связи с этим гражданин З. обратился в арбитражный суд с иском к А. о признании недействительными и порочащими деловую репутацию истцов сведений, изложенных в обращении А. Принимая данное дело к рассмотрению, Арбитражный суд Архангельской области исходил из того, что, поскольку оспариваемые сведения относятся к экономической деятельности общества и служебной деятельности гражданина З., являющегося заместителем генерального директора по коммерческим вопросам общества, касаются вопроса производственно-хозяйственной деятельности общества, следовательно, данный спор подведомствен арбитражному суду¹⁰.

Наряду с этим разграничение по делам о защите деловой репутации определяется в зависимости от того, к какой сфере деятельности истца относится возникший спор. Если сторонами спора о защите деловой репутации являются юридические лица или индивидуальные предприниматели, выступающие субъектами предпринимательской и иной экономической деятельности, такой спор будет предметом рассмотрения в арбитражном суде, в противном случае, он относится к компетенции судов общей юрисдикции.

К примеру, коллегия адвокатов должна обращаться с иском к интернет-компаниям о признании не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию истца и адвокатов — членов данного адвокатского образования текстовых сообщений поисковой системы в суд общей юрисдикции, поскольку коллегия адвокатов является некоммерческой организацией, основанной на членстве и действующей на основании заключаемого ими учредительного договора, и не преследует целей извлечения прибыли¹¹.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что существующие методы по разграничению компетенции применяются в совокупности.

Вместе с тем необходимо отметить, что в процессуальной науке отсутствует единое мнение о правовых последствиях обращения в некомпетентный суд. Так, одни ученые считают, что при правильном разрешении дела по существу нарушение компетенции не затрагивает интересы государства и отдельных граждан [7, с. 90], а прекращение производства по неподведомственным делам вышестоящими судами, без обращения внимания на то, как было разрешено дело по существу, нельзя признать нормальным, поскольку таким образом превращается в ничто вся проделанная судом работа [8, с. 185].

Другие авторы отмечают ошибочность данного мнения [9, с. 158], указывая, что эта ситуация способна вызвать не только своеобразный «юрисдикционный торг» между судами различных подсистем, когда разные суды предлагают нео-

¹⁰ См.: Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10. С. 21–35.

¹¹ См.: Там же. С. 21–35.

динаковое решение сходных правовых вопросов, но и злоупотребление правом на судебную защиту со стороны недобросовестных лиц, сознательно обращающихся за разрешением их спора в ненадлежащие по подведомственности суды [10, с. 45–47].

Наиболее правильную позицию, на наш взгляд, занимает Верховный Суд РФ, который считает необходимым исключить понятие «неподведомственность» из процессуального законодательства, внося соответствующие изменения в ныне действующие процессуальные кодексы (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ¹²). В частности, ст. 33 ГПК РФ предлагается дополнить ч. 2¹, которая бы предусматривала, что если при рассмотрении дела в суде выяснилось, что оно подлежит рассмотрению арбитражным судом, суд передает дело в арбитражный суд, к подсудности которого оно отнесено законом¹³.

Данное предложение продиктовано практической целесообразностью, поскольку в настоящее время определение подведомственности рассмотрения дел превалирует над реализацией права на судебную защиту, увеличивает общие сроки разрешения дела по существу, т.к. необходимо прекратить производство по делу в рамках одной судебной системы и возбудить в другой. Возможность передачи дела между различными системами судов положительно отразится на арбитражном и гражданском процессе.

В заключение необходимо отметить следующее:

1. Следует отказаться от термина «подведомственность» и исключить из процессуального законодательства правовые последствия ее несоблюдения.

2. Применительно к арбитражным судам и судам общей юрисдикции целесообразно использовать понятие «компетенция», которое должно применяться исходя из совокупности существующих критериев, в т.ч. вида судопроизводства, характера спорного правоотношения, субъектного состава участников.

Библиографический список

1. *Ивкина А.А.* Компетенция арбитражных судов в сфере защиты интеллектуальных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 31 с.
2. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. VA (10). Вальтер — Венути / под ред. К.К. Арсеньева, Е.Е. Петрушевского. СПб.: Типолиитография И.А. Ефрона, 1892. 488 с.
3. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с. (Классика гражданского процесса.).
4. *Осинов Ю.К.* Подведомственность юридических дел : учебное пособие. Свердловск: Уральский рабочий, 1973. 123 с.
5. Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. Д.Х. Валеев и М.Ю. Челышев. М.: Статут, 2010. 572 с.
6. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ОАО «Издательский Дом “Городец”», 2007. 784 с.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1391; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2017).

¹³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 30 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации”». URL: http://www.vsrfl.ru/Show_pdf.php?Id=11612 (дата обращения: 20.10.2017).

7. *Банченко-Любимова К.С.* Пересмотр судебных решений в порядке надзора. М.: Госюриздат, 1959. 104 с.

8. *Курьлев С.В.* Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Т. XXII / [редкол.: И. Б. Марткович (отв. ред.), С. В. Курьлев, В.А. Шкурко]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1957. Серия юридическая. Вып. 3. С. 159–216.

9. *Москвин С.С.* Банченко-Любимова К.С. Пересмотр судебных решений в порядке надзора. М.: Госюриздат, 1959. 104 с.: [Рецензия] // Правоведение. 1960. № 4. С. 155–158.

10. *Чудиновских К.А.* Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 410 с.

References

1. *Ivkina A.A.* Competence of Arbitration Courts in the Sphere of Protection of Intellectual Property Rights: extended extract ... dis. cand. of law. M., 2016. 31 p.

2. Encyclopedic dictionary F.A. Brockhaus and I.A. Efron. That VA (10). Walter – Venuti / ed. by K.K. Arseniev, E. E. Petrushevskii. – SPb.: The Lithographic Printing House Of I.A. Efron, 1892. 488 p.

3. *Vaskovsky E.V.* Course of Civil Procedure : Subjects and Objects of a procedure, procedural relationship and action. M.: Statute, 2016. 624 p. (Classics of civil procedure.).

4. *Osipov Yu.K.* Jurisdiction of Legal Affairs. Sverdlovsk: Ural worker, 1973. 123 p.

5. Arbitration Procedure: textbook / Executive edited by D. Kh. Valeev, and M.Y. Chelyshev. M.: Statute, 2010. 572 p.

6. Civil Procedure: the textbook / ed. by M.K. Treushnikov. 2nd ed., rev. and amend. M.: JSC «Publishing House «Gorodets»», 2007. 784 p.

7. *Banchenko-Lyubimova K.S.* Review of Judicial Decisions under the Supervisory Procedure. M.: Gosyurizdat, 1959. 104 p.

8. *Kurylev S.V.* Forms of Protection and Enforcement of Subjective Rights and the Right to Claim // Proceedings of the Irkutsk state University A.A. Zhdanov. T. XXII / [redkol.: I.B. Martkovich (resp. ed.), S.V. Kurylev, V.A. Shkurko]. Irkutsk : Publishing house of ISU, 1957. 216 p. (legal series ; vol. 3). P. 159–216.

9. *Moskvin S.S.* Banchenko-Lyubimova K.S. Review of Judicial Decisions under the Supervisory Procedure. Gosyurizdat, 1959. 104 p.: [Review] // Jurisprudence. 1960. No. 4. P. 155–158.

10. *Chudinovskikh K.A.* Jurisdiction in the Civil and Arbitration Procedural Law. SPb.: Legal center Press, 2004. 410 p.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.100.7

Ю.В. Францифоров

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ САНКЦИИ КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Введение:** уголовно-процессуальные санкции, являясь важным и необходимым элементом каждой юридической нормы, призваны разрешать и преодолевать противоречия в уголовном судопроизводстве путем воздействия на поведение всех участников уголовного процесса при производстве по уголовному делу. **Цель:** исследование воздействия уголовно-процессуальных санкций на общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства, которые обусловлены мерами государственного принуждения в отношении участников уголовного процесса, при появлении противоречий, приносящих вред законным интересам личности, обществу или государству. **Методологическая основа:** анализ положений материалистической философии, основанный на диалектическом взгляде на порядок и условия общественного и государственного развития, взаимодействия социальных процессов в уголовном судопроизводстве, в основе которых лежат противоречия противодействий сторон, обусловленные различными интересами и целями. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно того, что противоречия в уголовном процессе выступают в качестве особого механизма внутреннего самодвижения уголовного дела и в то же время они являются основным источником развития уголовно-процессуального законодательства, устанавливающего порядок производства по уголовному делу. **Выводы:** противоречия в уголовном процессе обусловлены соотношением единства и борьбы противоположностей в интересах участников уголовного судопроизводства и решением вопроса о виновности обвиняемого, а также защиты интересов лиц, потерпевших от преступления. Важным средством разрешения противоречий в уголовном процессе выступают процессуальные санкции.*

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальные санкции, участники уголовного процесса, противоречия в уголовном судопроизводстве.*

Yu. V. Frantsiforov

CRIMINAL PROCEDURE SANCTIONS AS A MEANS OF CONFLICT RESOLUTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Background: criminal procedural sanctions, being the most flexible and essential element of every legal norm are intended to resolve the contradictions in the criminal proceedings by influencing the behavior of parties to criminal proceedings during pre-trial and trial proceedings in a criminal case. **Objective:** the author of the article intends to study the impact of the criminal procedural sanctions on public relations in the sphere of criminal proceedings which are due to the measures of state coercion against participants of the criminal process, in the event of contradictions, prejudicial to the interests of individuals, society or the state. **Methodology:** the methodological basis of the research is the analysis of the provisions of the materialistic philosophy related on a dialectical view on the procedure and conditions for social development and of the interrelatedness and interdependence of social processes in the criminal proceedings, which are based on the contradictions associated with the counter-parties of the criminal process – the prosecution and defense stipulated by opposite interests and objectives. **Results:** the author's position regarding the fact that the contradictions in the criminal process act as a kind of mechanism of inner self-movement of the criminal case and at the same time is argued. They are a source of development of criminal procedural legislation defining the procedure for criminal cases. **Conclusions:** controversies in criminal proceedings objectively express the relationship between unity and struggle of opposing interests of parties to criminal proceedings when the question of the guilt of an accused and at the same time – the question of the protection of legitimate interests of persons or legal entities, victims of the crime. One of the means of conflict resolution in criminal proceedings is the procedural sanctions.

Key-words: criminal procedural law, criminal procedural sanctions, participants in the criminal process, the contradictions in the criminal proceedings.

Рассмотрение вопроса о санкциях в уголовно-процессуальном праве обусловлено высоким теоретическим и практическим интересом ученых, связанным с исследованием возможностей уголовно-процессуальных норм, призванных разрешать, преодолевать противоречия в уголовном судопроизводстве и оказывать воздействие на поведение участников уголовного процесса в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу.

Уголовно-процессуальное право в качестве системы необходимо-определенных норм служит важным государственным механизмом уголовно-процессуального регулирования правоотношений в сфере уголовного процесса. Связь уголовно-процессуального права с государством выражается его публичным содержанием, обусловленным государственной волей общества, связанной с охраной государственных интересов и возможностью применения процессуального принуждения [1, с. 381].

Так, особенностью уголовно-процессуального права, характеризующегося централизованным механизмом уголовно-процессуального регулирования как особого регулятора социальных отношений является его властный характер.

Таким образом, основным свойством уголовно-процессуального права следует считать механизм процессуального регулирования как системы правовых средств, направленных на преодоление препятствий на пути удовлетворения интересов участников правоотношений [2, с. 621].

По мнению Р.О. Халфиной, особенность права в качестве нормативной системы, воздействующей на поведение лиц и общественных организаций, позволяет обществу видеть реальные противоречия, находить пути их разрешения и вести борьбу с проявлениями, тормозящими развитие общества [3, с. 30].

Уголовно-процессуальное право в качестве регулятора общественных отношений в сфере уголовного процесса имеет различные рычаги воздействия на социальную среду. Один из них — профилактический — направлен на разрешение противоречий на ранних этапах развития, не позволяющий противодействию сторон перейти в самую острую их форму — конфликт; другой — государственно-регулятивный, обусловленный мерами процессуального принуждения, при появлении таких противоречий, которые причиняют вред уголовно-процессуальным отношениям при производстве по уголовному делу.

Юридическая форма урегулирования противоречивых интересов сторон позволяет остановить развитие противоречия незаконным способом, избранным правонарушителем, преодолеть его вредные последствия на основе предусмотренных Законом норм права [4, с. 245].

Взаимодействие таких профилактических и государственно-регулятивных свойств уголовно-процессуального права обусловлено необходимостью разрешения социальных противоречий, посредством правовых норм, выражающих государственную волю, с целью защиты прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства. Так, появление противоречий в уголовно-процессуальном праве вызвано противодействием сторон, которые имеют различный процессуальный статус, наделяющий участника уголовного судопроизводства мерой полномочий и процессуальной ответственности, требуемых для преодоления противоречий.

Противоречия, вызванные противодействием сторон, характеризуются различными интересами и целями участников противоборствующих сторон обвинения и защиты, которые обусловлены как необходимостью уголовного преследования, так и защитой лиц от незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Наиболее острой формой противоречий является конфликт, для разрешения которого предназначены меры процессуального принуждения.

Таким образом, для разрешения и преодоления конфликта применяются меры уголовно-процессуального принуждения, которые служат важным элементом механизма уголовно-процессуального регулирования, обеспечивающего требуемое воздействие на участников уголовного процесса, вызванное обязанностью органов предварительного расследования, прокурора и суда применять такие меры. Как верно заметил В.И. Ленин, право не может существовать без такого механизма, который способен принуждать всех граждан к соблюдению юридических норм [5, с. 99]. Однако предупредительные меры перерастания противоречий между участниками процесса в конфликт — это меры пресечения и иные меры процессуального принуждения, которые избираются не только в отношении подозреваемого и обвиняемого, но и свидетеля, потерпевшего и иных участников уголовного судопроизводства. Такое процессуальное принуждение со стороны следователя, дознавателя и суда связано с лишением или ограничением личной свободы, а также временным отстранением от должности и ограничением права собственности.

Мерами предупреждения против недопущения появления конфликта выступают меры уголовно-процессуального принуждения при производстве

следственного действия, предназначенного для собирания, проверки и оценки доказательств. При обыске применимо проникновение в жилище против воли его владельца и проживающих в нем граждан, а также вскрытие дверей и сейфов при отказе владельца выполнить требование следователя по их открытию. Нежелание подчиняться законным указаниям следователя, осуществляющего обыск, или противодействие владельца требованиям следственно-оперативной группы могут быть пресечены всеми законными способами, в т.ч. и при помощи специальных средств [6, с. 138–139]. Так, меры процессуального принуждения требуются тогда, когда предупредительные или профилактические меры не дали необходимого результата. В том случае, когда авторитет закона и меры убеждения в необходимости добросовестного выполнения своего гражданского долга не вполне достаточны, тогда прибегают к средствам, призванным исполнить правовые предписания, необходимые при производстве по уголовному делу [7, с. 8].

Уголовно-процессуальное принуждение вызвано не только применением уголовно-правовых санкций, но и обеспечением нормальной уголовно-процессуальной деятельности [8, с. 5], связанной с защитой потерпевших, их имущества, чести и достоинства.

Таким образом, уголовно-процессуальные санкции, направленные на разрешение противоречий, вызваны требованием предупреждения и пресечения преступной деятельности обвиняемых (подозреваемых); собиранием, проверкой и оценкой доказательств; обеспечением процесса расследования, судебного разбирательства и участия в нем обвиняемого; исполнением приговора; возмещением вреда, причиненного преступлением.

По мнению В.А. Михайлова, цели уголовного процесса, обусловленные помощью мер уголовно-процессуального принуждения, имеют различную природу, однако всегда следует помнить о предостережении от необоснованного преувеличения роли и возможностей мер уголовно-процессуального принуждения при производстве по уголовному делу [9, с. 9]. Так, гарантиями от чрезмерных действий органов предварительного расследования в отношении санкций к участникам уголовного судопроизводства служат установленные в УПК РФ основания избрания мер принуждения.

Анализ условий и оснований применения мер уголовно-процессуального принуждения, установленных в ст. 111 УПК РФ, позволяет судить о том, что эти нормы не имеют всеобъемлющего значения, поскольку в ч. 1 ст. 115 УПК РФ выражено только основное назначение меры принуждения, а основания наложения ареста на имущество не указаны, что позволяет судить о непоследовательности законодателя, заключающейся в отождествлении таких понятий, как «основание» и «цель». В ст. 97 УПК РФ установлено, что меры пресечения применяются при достаточном основании полагать, что лицо, скрывающееся от органов предварительного расследования или суда, может продолжать заниматься преступными деяниями, угрожать участникам уголовного процесса, мешать осуществлению обязанностей органов предварительного расследования и судьи, в т.ч. и при обеспечении исполнения приговора или передачи лица иностранному государству для уголовного преследования в рамках ч. 5 УПК РФ. Однако в данных нормативных требованиях выделены указания на цель — не допустить возможность того, чтобы обвиняемый «продолжал заниматься преступной деятельностью», и на основание — избрание меры пресечения «при наличии достаточных оснований полагать».

В процессуальной литературе существуют различные мнения по обоснованию избрания мер процессуального принуждения. В одном случае избрание мер уголовно-процессуального принуждения вызвано требованием установления в ходе собирания доказательств фактических данных, в другом случае меры принуждения связывают с получением данных о событии не процессуальным путем [10, с. 84]. Однако данные меры не являются средством собирания доказательств, т.к. сами доказательства служат таким аргументом, который позволяет говорить о необходимости избрания мер процессуального принуждения.

По мнению В.М. Корнукова, наличие оснований не свидетельствует о необходимости применения мер принуждения, поскольку они способствуют ограничению прав личности; их применение возможно лишь тогда, когда это вызвано необходимостью [11, с. 47].

Исследование оснований для избрания мер пресечения позволяет говорить о целесообразности введения в ст. 97 УПК РФ такого основания, которое обусловлено тяжестью совершенного преступления, т.к. отсутствие информации о том, что лицо может скрыться от органов предварительного расследования и противодействовать производству по уголовному делу, не позволит избрать ему меру пресечения даже при совершении им особо тяжкого преступления, которое может свидетельствовать о степени опасности лица для общества.

Однако санкции, связанные с мерами пресечения и иными мерами процессуального принуждения, обусловленные необходимостью производства по уголовному делу, не являются единственной мерой преодоления и разрешения противоречий при производстве по уголовному делу.

Важное место в деле разрешения противоречий занимают правосстановительные санкции, способные реализоваться помимо воли обязанного лица и способствовать восстановлению прав и законных интересов участников процесса. Особенностью таких санкций служат меры принуждения в выполнении обязанностей, которые ранее были предписаны правонарушителю. Вместе с тем, поскольку обязанность осуществляется под принуждением, то лицо претерпевает такой правовой урон, который не менее значителен, чем при реализации карательных санкций, поскольку несет на себе негативную оценку поведения этого лица со стороны государства [12, с. 63–64].

Правосстановительными санкциями, способствующими разрешению противоречий в уголовном процессе, служат меры, вызванные отменой или изменением незаконного акта; принудительным исполнением обязанности; возмещением имущественного вреда; конфискацией имущества, добытого преступным путем.

Вместе с тем противоречия в уголовном судопроизводстве разрешаются отменой или изменением незаконного акта, обеспечивая восстановление правопорядка и охрану прав участников уголовного процесса путем аннулирования созданных незаконным актом правоотношений и вытекающих из них прав и обязанностей [13, с. 109]. В процессуальной литературе имеют место разные суждения в отношении применения санкций в виде отмены или изменения незаконного акта. Так, по мнению О.Э. Лейста, отмену незаконного акта следует рассматривать как особую форму уголовно-процессуального принуждения [14, с. 128]. В.М. Ковалев отмену или изменение незаконного акта относит к мерам восстановления законности, не связанным с юридической ответственностью [15, с. 139]. З.Ф. Коврига рассматривает эту санкцию как проявление ответственности независимо от вины [16, с. 76]. Н.А. Громов отмену незаконного

акта, принятого в результате добросовестного заблуждения, видит не в качестве санкции, а как меру восстановления законности [17, с. 66].

Рассмотрение различных точек зрения в отношении правосстановительной санкции, в частности, отмена или изменение незаконного акта, приводят к выводу о том, что эта санкция служит отрицательной государственной оценкой противоправных действий, предъявляемой компетентному должностному лицу, в сфере уголовного судопроизводства, не принявшего меры к устранению возникшего противоречия.

Правом применения санкций, связанных с отменой или изменением незаконного акта, обладают такие участники уголовного судопроизводства, как руководитель следственного органа, прокурор и судья.

Способом разрешения противоречий в уголовном судопроизводстве выступает принудительное исполнение лицом обязанности, которое связано с личностным воздействием, направленным на выполнение уголовно-процессуальной обязанности. Принудительное исполнение обязанности среди правосстановительных санкций служит эффективным средством защиты нормативных предписаний, т.к. ее применение обусловлено достижением такого результата, который изначально был предусмотрен нормой права [18, с. 162]. Так, возможностью применения к правонарушителю правосстановительных санкций в принудительном порядке, вызваны требования таких норм, неисполнение которых приведет к причинению особого вреда при производстве по уголовному делу. Этими нормами являются такие следственные действия, как освидетельствование лица (ст. 179 УПК РФ), обыск и выемка орудий преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для собирания доказательств (ст. 182, 183 УПК РФ), привод участника уголовного судопроизводства (ст. 111, 112 УПК РФ). Также способом разрешения противоречия служат правосстановительные санкции, обусловленные необходимостью возмещения имущественного вреда, в виде гражданского иска и наложения ареста на имущество.

Гражданский иск служит важным средством обеспечения прав лица в уголовном процессе. Ученые-процессуалисты, гражданский иск представляют как требования лица, понесшего материальный вред от преступления, к тем лицам, которые несут имущественную ответственность за незаконные действия, в т.ч. возмещение такого вреда, рассматриваемого и разрешаемого судом совместно с уголовным делом [19, с. 6; 20, с. 72; 21, с. 6; 22, с. 3]. Так, гражданский иск направляется суду, а не ответчику, поскольку требование истца адресованы государственному органу, гарантирующему возмещение имущественного ущерба, связанного с правосстановительными мерами, которым является суд общей юрисдикции (ст. 2, 45, 46 Конституции РФ). В частности, наложение ареста на имущество в рамках разрешения противоречий между обвиняемым и потерпевшим в уголовном процессе обусловлено обеспечением исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, полученного в результате совершенного преступления (ст. 115 УПК РФ), которое служит основанием возникновения имущественных правоотношений, урегулированных нормами уголовно-процессуального права [23, с. 9–10].

Однако уголовно-процессуальное законодательство не содержит достаточных требований для основания наложения ареста на имущество. Такие основания установлены ст. 156 УПК Беларуси, ст. 170 УПК Казахстана, ст. 142 УПК Кыр-

гызстана и ст. 205 УПК Молдовы. Вполне обстоятельно эти основания выражены в Модельном УПК для государств — участников СНГ, где установлено, что наложение ареста на имущество может применяться органами, ведущими уголовный процесс, лишь в том случае, когда собранные по уголовному делу материалы дают достаточные основания полагать, что лицо, у которого находится имущество, могут скрыть, испортить или издержать имущество, на которое может быть обращено взыскание¹.

Между тем имеющиеся доказательства причинения вреда, совершенного преступлением, и доказательства, определяющие невозможность исполнения приговора в части гражданского иска, могут служить основанием для избрания такой праввосстановительной санкций, как наложение ареста на имущество. При этом в постановлении о возбуждении ходатайства необходимо указывать, на какое имущество следует наложить арест и где оно находится, поскольку средством обеспечения прав потерпевшего является конфискация имущества, добытого преступным путем.

Конфискация имущества, исключенная из числа дополнительных наказаний, предусмотренных УК РФ, обрела новую юридическую природу. Так, конфискация имущества вызвана принудительным безвозмездным изъятием и обращением в собственность государства денег, ценностей и иного имущества, полученного в результате совершения тяжких и особо тяжких преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, а также орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих лицу, совершившему преступление.

В частности, когда имущество, полученное в результате совершения преступления, либо доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит только та часть имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него; имущество (указанное в ч. 1 и 2 ст. 104.1 УК РФ), переданное осужденным другому лицу, подлежит конфискации, если лицо, принявшее ее, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий.

Таким образом, конфискация имущества в качестве механизма праввосстановительных санкций в уголовном процессе — это не наказание, а мера уголовно-процессуального регулирования, вызванная гарантиями защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, поскольку призвана восстановить справедливость, защитить общество от противоправных деяний, а также последствий его проявления.

Противоречия в уголовном судопроизводстве следует определять в качестве такого механизма движения уголовного дела, а также источника развития уголовно-процессуального закона, предусматривающего установленный порядок производства по уголовному делу. Такие противоречия в уголовном процессе обусловлены соотношением между единством и борьбой противоположных интересов участников уголовного процесса, при решении вопроса о виновности обвиняемого и одновременно вопроса о гарантиях защиты законных интересов лица, потерпевшего от преступления [24, с. 10].

¹ См.: Модельный УПК для государств участников СНГ // Информационный бюллетень. 1996. № 10. С. 1–373.

Огромное значение уголовно-процессуальных санкций как средств разрешения противоречий в уголовном судопроизводстве вызвано их широкими возможностями по оказанию воздействия на поведение участников уголовного процесса в качестве предупредительной меры, способствующей разрешению противоречий на ранних этапах развития, и властно-регулятивной меры, связанной с уголовно-процессуальным принуждением при появлении противоречий, причиняющих вред интересам личности, обществу или государству.

Библиографический список

1. Францифоров Ю.В. Противоречия уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 569 с.
2. Малько А.В. Механизм правового регулирования // Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ. 1997. 672 с.
3. Халфина Р.О. Диалектические противоречия, право // Государство и право. 1988. № 1. С. 29–34.
4. Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 367 с.
5. Ленин В.И. Пол. собр. соч. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 33. 341 с.
6. Безлепкин Б.Т. Меры процессуального принуждения // Комментарий к УПК РФ. М.: ТК Велби, 2004. 944 с.
7. Громов Н.А., Полунин С.А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М.: Городец, 1998. 152 с.
8. Смирнов В.В. Арест как мера пресечения, применяемая следователем. Хабаровск: Изд-во Хабаровской ВШ МВД СССР, 1987. 96 с.
9. Михайлов В.А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации. М.: Институт защиты предпринимателя, 1997. 644 с.
10. Смирнов А.В. Достаточность фактических оснований уголовно-процессуальных решений // Правоведение. 1983. № 5. С. 84–87.
11. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. 214 с.
12. Понарин В.Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе России. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1994. 189 с.
13. Столмаков А.И. Правосстановительные санкции в уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1982. № 5. С. 109–111.
14. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М.: Госюриздат, 1962. 238 с.
15. Ковалев В.М. Проблемы уголовно-процессуальной ответственности // Вопросы юридической ответственности и совершенствования законодательства в свете новой Конституции СССР. Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1979. 165 с.
16. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. 168 с.
17. Громов Н.А., Полунин С.А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. М.: Городец, 1998. 152 с.
18. Понарин В.Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе России. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1994. 189 с.
19. Альперт С.А. Защита в советском уголовном процессе прав и законных интересов лиц, понесших имущественный ущерб от преступления. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1984. 36 с.
20. Божьев В.П. Гражданский иск в уголовном деле, применение гражданского процессуального права // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 72–76.
21. Гуреев П.П. Гражданский иск в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1961. 95 с.

22. *Куцова Э.Ф.* Гражданский иск в уголовном процессе. М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. 215 с.

23. *Безлепкин Б.Т.* Имущественные правоотношения на стадии предварительного расследования. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1976. 40 с.

24. *Францифоров Ю.В.* Противоречия уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 74 с.

References

1. *Frantsiforov Y.V.* Contradictions of the Criminal Proceedings: Dis.... doc.of law. Nizhny Novgorod, 2007. 569 p.

2. *Malko A.V.* Mechanism of Legal Regulation / / Theory of state and law / ed. N.I. Matuzov and A.V. Malko. M.: Jurist. 1997. 672 p.

3. *Khalfina R.O.* Dialectical Contradictions, Law // State and law. 1988. No. 1. P. 29–34.

4. *Yatselenko B.V.* Contradictions of the Criminal Procedure Regulation: diss...doc. of law. M., 1997. 367 p.

5. *Lenin V.I.* Complete Works. M: Publishing house of political literature, 1974. Vol. 33. 341 p.

6. *Bezlepkin B.T.* Measures of Procedural Coercion // Commentary to the code of criminal procedure. Moscow: TK velbi, 2004. 944 p.

7. *Gromov N.A., Polunin S.A.* Sanctions in Criminal Procedural Law of Russia. Moscow: Publishing House «Gorodets», 1998. 152 p.

8. *Smirnov V.V.* Arrest as a Measure of Restraint Applied by the Investigator. Khabarovsk: Publishing house Habar. Higher School of MIA of the USSR, 1987. 96 p.

9. *Mikhailov V.A.* Criminal Procedural Preventive Measures in Judicial Proceedings of the Russian Federation. Moscow: Institute for the protection of entrepreneurs, 1997. 644 p.

10. *Smirnov A.V.* The Sufficiency of the Factual Basis of the Criminal Procedure Decisions // Jurisprudence. 1983. No. 5. P. 84–87.

11. *Kornukov V.M.* Measures of Procedural Coercion in Criminal Proceedings. Saratov: Sarat Publishing House. UN-TA, 1978. 214 p.

12. *Ponarin V.Ya.* Protection of Personal Property Rights in the Criminal Process of Russia. Voronezh: Publishing house Voronezh. UN-TA. 1994. - 189 p.

13. *Stalmakov A.I.* Law Restorative Sanctions in Criminal Proceedings // Soviet state and law. 1982. No. 5. P. 109–111.

14. *Lest O.E.* Sanctions in Soviet Law. M.: Print. office. Yur. published 1962. 238 p.

15. *Kovalev V.M.* Problems of Criminal Procedural Liability // Questions of Legal Liability and Improvement of Legislation in the Light of the New Constitution of the USSR. Ryazan: Type. Print.office 1979. -165 p.

16. *Kovriga Z.F.* Criminal Procedural Liability. Voronezh: Izd-vo Vorovskogo University press, 1984. 168 p.

17. *Gromov N.A., Polunin S.A.* Sanctions in Criminal Procedural Law of Russia. M.: Publishing House Of Gorodets, 1998. 152 p.

18. *Ponarin V.Ya.* Protection of Personal Property Rights in the Criminal Process of Russia. Voronezh: Publishing house Voronezh. Print.office. 1994. 189 p.

19. *Alpert S.A.* Protection in the Soviet Criminal Pess of the Rights and Legitimate Interests of Persons who Suffered Property Damage from a Crime. Kharkov: publishing house of Kharkov University, 1984. 36 p.

20. *Bagiev V.P.* Civil Action in the Criminal Proceedings Application of Civil Procedural Law // Soviet State and Law. 1986. No. 8. P. 72–76.

21. *Gureev P.P.* Civil Suit in the Soviet Criminal Process. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 95 p.

22. *Kutsova E.F.* Civil Suit in Criminal Proceedings. Moscow: Moscow University Publishing house, 1963. 215 p.
23. *Bezlepkin B.T.* Property Relations at the Stage of Preliminary Investigation. Gorky: Izd-vo GSHM USSR Ministry of internal Affairs, 1976. 40 p.
24. *Frantsiforov Y.V.* Contradictions of Criminal Procedure: extended extr. diss.... doc. of law. N. Novgorod, 2007. 74 p.

УДК 347.191

П.Г. Великородный

СОКРЫТИЕ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЕГО РАССЛЕДОВАНИЮ КАК СПОСОБ УКЛОНЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Введение: статья посвящена исследованию проблемы уклонения от уголовной ответственности. В науках уголовно-правового цикла и уголовном законодательстве отсутствует институт такого уклонения. Действия индивида по сокрытию следов преступления и противодействию его расследованию не увязываются учеными-криминалистами с уклонением от ответственности. деятельность субъекта по избеганию уголовного наказания за совершенное деяние рассматривается в рамках двух временных периодов: латентного, охватывающего подготовительный и исполнительный этапы преступления, и публичного (посткриминального). Уточнено понятие сокрытия преступления, сформулирована дефиниция понятия способа уклонения от уголовной ответственности, показано его научное и практическое значение. **Цель:** на основе анализа научных источников и следственной практики сформировать научную концепцию уклонения от уголовной ответственности. **Методы:** системный подход, методы сравнения, статистики, описания, интерпретации; теоретические методы логического и диалектического мышления. **Результаты:** анализ научной литературы, следственной практики и данных уголовно-правовой статистики позволил разработать и сформулировать определение понятия способа уклонения от уголовной ответственности, показать его научное и практическое значение. **Вывод:** действия правонарушителя по сокрытию следов преступления и противодействию его расследованию следует считать средствами способа уклонения от уголовной ответственности и элементами структуры его дефиниции.

Ключевые слова: преступление, способ, сокрытие следов, противодействие расследованию, уклонение от ответственности.

© Великородный Павел Григорьевич, 2018

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности факультета экономической безопасности и таможенного дела (Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В.Плеханова)

© Velikородnyi Pavel Grigorievich, 2018

Candidate of law, Associate professor, associate professor of the Justice and law enforcement department (Saratov Socio-economic Institute (branch) of the RGU. Named after G.V. Plekhanov)

P.G. Velikorodnyi

**SUPPRESSION OF TRACES OF CRIME
AND OPPOSITION TO ITS INVESTIGATION
AS A WAY TO EVADE CRIMINAL RESPONSIBILITY**

Background: the article deals with the study of the problem of avoiding criminal responsibility. In the science of criminal law and criminal legislation there is no institution of avoiding criminal responsibility. The actions of an individual to suppress traces of crime and to counteract its investigation are not linked by forensic scientists to avoiding responsibility. Attempts of a person to avoid criminal punishment for the committed act are considered within two time periods: latent, covering the stage of preparation for the commission of a crime and committing a crime, and public (post-criminal) stage. The concept of non-disclosure of crime is specified, the definition of the concept of the method of avoiding criminal responsibility is formulated, its scientific and practical value is revealed. **Objective:** the author of the article intends to form a scientific concept of avoiding criminal liability on the basis of the analysis of scientific sources and investigative practice. **Methodology:** methods of system approach, comparison, statistics, descriptions, interpretations and theoretical methods of logical and dialectical thinking were applied. **Results:** analysis of scientific literature, investigative practice and data of criminally-legal statistics let the author develop and formulate the definition of the concept of a manner of avoiding criminal responsibility, to reveal its scientific and practical significance. **Conclusions:** actions of an offender to suppress the traces of crime and counteract its investigation should be considered a means of avoiding criminal responsibility and elements of the structure of its definition.

Key-words: crime, method, concealment of tracks, counteraction to investigation, evasion of responsibility.

Стратегия и тактика расследования преступлений во многом зависят от осведомленности следователя о способах действий субъекта на различных этапах его преступной деятельности. Ученые-юристы справедливо отмечали, что расследование преступления существенно облегчается, «если уже в самом начале следствия или даже в материалах, послуживших основанием для возбуждения дела, появляются указания на способ совершения или сокрытия преступления» [1, с. 75].

Основоположник криминалистического учения о способе совершения преступления Г.Г. Зуйков определял способ совершения преступления как систему действий по подготовке, совершению и сокрытию деяния, детерминированных условиями внешней среды и психофизическими качествами личности, связанных с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий времени и места их совершения [2, с. 16–17].

Данное понятие полноструктурного способа совершения преступления не обладает свойством универсальности. Так, преступлениям, совершаемым либо импульсивно (в состоянии аффекта), либо по неосторожности, не присущи действия по сокрытию ни до, ни после совершения деяния. Р.С. Белкин допускал самостоятельность способа сокрытия преступления, но при определенных условиях. Он считал, что способ совершения преступления будет полноструктурным в случаях, когда действия субъекта на этапах подготовки, совершения и сокрытия преступления объединены общим преступным замыслом. Отсутствие единого преступного замысла, охватывающего собой все стадии преступной деятельно-

сти, и является тем обязательным условием, в силу которого возможно существование способа сокрытия преступления вне рамок традиционной структуры его совершения [3, с. 231].

Ученые-криминалисты настойчиво искали наиболее приемлемые варианты толкования понятия способа сокрытия преступления применительно к докриминальному, криминальному и посткриминальному этапам (стадиям). Проявились противоречия и в определении местонахождения сокрытия в структуре преступной деятельности. Так, Б.Н. Коврижных и В.А. Овечкин высказались за создание интегрального понятия «способ преступления», рассматривая в качестве его элементов способ приготовления к преступлению, способ совершения и способ сокрытия преступления [4, с. 14; 5, с. 5–7].

А.Н. Колесниченко считал должным разграничивать способ подготовки к совершению преступления, способ самого совершения и способ сокрытия преступления [6, с. 35].

В.Н. Карагодин предложил подразделять действия по сокрытию на субструктурные, совершаемые в рамках способа преступления, и инфраструктурные, выполняемые после совершения неосторожных и умышленных импульсивных преступлений. Он отмечал, что в случае, если самостоятельные действия по сокрытию будут не единичными, разрозненными, а выполняться комплексно, во взаимной связи, они образуют самостоятельный способ сокрытия преступления, находящийся за пределами способа совершения преступления [7, с. 182].

Сторонниками самостоятельного способа сокрытия преступления были также И.М. Лузгин, В.П. Лавров, И.Ф. Пантелеев, В.Х. Меркурисов, А.В. Носов и другие ученые.

Обращает на себя внимание единодушие ученых в использовании ими понятия «сокрытие деяния» и оперировании терминами «сокрытие преступления» и «способ сокрытия преступления». Представляется, что пользоваться ими не вполне корректно.

Нелишне напомнить, что преступление — это антисоциальное событие объективной действительности. Событие объясняется как происшествие, важное явление, происшедшее в общественной или личной жизни [8, с. 14]. События правового характера, именуемые юридическими фактами, подразделяются на не зависящие от воли людей (землетрясение, истечение срока и т.п.) и происходящие по их воле [9, с. 194], каковым и является преступление. Скрыть криминальное явление (факт) преступник не в состоянии, это нереально. Утаивание деяния равнозначно, образно выражаясь, сокрытию субъектом своей тени в солнечный день.

Замышляя антисоциальное преступное деяние, субъект всегда определяет для себя двуединую главную цель (задачу)¹: во-первых, посредством противоправных действий реально добиться конкретного результата (лишения человека жизни, завладения драгоценностями и т.п.) и, во-вторых, избежать за совершенное преступление наказания, т.е. уклониться от уголовной ответственности. Все иные цели являются побочными, промежуточными, подчиненными главной цели.

Первую задачу — достижение результата — субъект решает путем реализации заранее избранного комплекса действий и приемов с применением средств и орудий преступления и с учетом благоприятствующих обстоятельств и факторов.

¹ В рамках статьи автор трактует цель и задачу как равнозначные понятия.

Решению второй задачи — уклонению от уголовной ответственности — подчинены, к примеру, удачно определенные время и место совершения криминала, исключаящие либо сводящие к минимуму число очевидцев; утаивание субъектом своей личности (маска на лице, грим, парик); соккрытие следов пребывания и действий на месте преступления; кратковременность и скоротечность содеяния и др. Правонарушителя заботит в первую очередь не соккрытие преступления, а заматание своих следов, чтобы не быть по ним найденным, изобличенным и уголовно наказанным.

Можно скрыть следы преступления, отдельные обстоятельства, способы совершения, оттянуть время обнаружения содеянного и тем самым обеспечить его временную латентность, что правонарушителями и делается. Однако бесконечное утаивание криминального события невозможно, рано или поздно оно обязательно станет и становится явным.

Сошлемся на противоправные факты последних лет, когда банкиры Москвы и Московской области Бородин, Пугачев, Кузнецов совершили хищение и перевод за рубеж многомиллиардных государственных и народных денежных средств из вверенных им банков.

Утаивание преступных действий и их результатов (завладение валютой) они обеспечивали, вероятнее всего, уже устоявшимися криминальными способами и приемами (точно устанавливает следствие): путем обмана и подкупа сотрудников банка, вовлечения их в соучастники; использования подложных документов, многоходовых банковских операций; фирм-однодневок, сопутствующих факторов и др.

Определенное время деятельность банкиров и ее последствия оставались под завесой тайны. Зная, что совершенные ими преступления обязательно вскроются и станут достоянием гласности, Кузнецов, Бородин и Пугачев во избежание уголовной ответственности и наказания покинули Россию и скрываются за границей.

О невозможности соккрытия преступлений как реальных фактов свидетельствуют многочисленные примеры из следственной практики, когда успешно выявлялись и раскрывались умышленные убийства, завуалированные инсценировками дорожно-транспортных происшествий, а хищения материально-ответственными лицами ценностей из магазина — инсценировками краж. Аналогия можно продолжить. По статистическим данным можно судить, что в преступной деятельности субъектов доминирует соккрытие не преступлений, а следов действий по их совершению, и как следствие — явность деяний и инкогнито исполнителей.

За 2017 г. в Российской Федерации совершено 2 058 476 преступлений, из которых 940 675 остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого². Нераскрытие преступлений свидетельствует о невозможности их утаивания. Субъектам важно было не скрывать преступление, а посредством его совершения добиться запланированного результата — изнасилования, убийства, завладения библиотечными раритетами и т.п. — чего они и достигли (первая главная задача).

Обеспечивая достижение второй главной цели (задачи) — избежать разоблачения и уголовной ответственности, — субъекты настолько профессионально,

² См.: МВД РФ/reports/inet(09.01.2018).

как говорится, сработали, что оставили минимум следов своего пребывания и действий на месте преступления. И этого минимума следов профессионалам правоохранительных органов оказалось недостаточным для раскрытия преступлений. Известно, что следователи всегда ищут на месте происшествия не следы сокрытия преступления, а следы его «автора», чтобы, «читая» их, распознать, кто мог совершить криминал (следы рук, обуви, крови, окурков, обрывок газеты и т.д.); каким способом (стреляные гильзы, следы взлома сейфа, поджога, брошенная монтировка и т.п.); какие уловки применил для сокрытия своей личности и следов (наличие маски на лице, посыпка следов обуви веществом с резким запахом и пр.).

Полагаем, что правильным будет оперировать не словосочетаниями «сокрытие преступления» и «способ сокрытия преступления», а терминами «сокрытие следов преступления» и «способ сокрытия следов преступления», т.к. они более точно определяют содеянное.

Заслуживает, на наш взгляд, внимания точка зрения Г.Г. Зуйкова по рассматриваемой проблеме. Аргументируя научную несостоятельность способа сокрытия преступления, он предложил называть его способом уклонения от ответственности. Это предложение мотивировалось тем, что доминирующей целью действия по сокрытию преступления является уклонение от ответственности [10, с. 32–33]. В этой связи целесообразно рассмотреть соотношение понятий «способ сокрытия следов преступления», «способ уклонения от уголовной ответственности» и «противодействие расследованию».

Уместно представить, что противодействие расследованию В.Н. Карагодин — основоположник этого учения — определяет как умышленные действия (систему действий), направленные на воспрепятствование установлению действительных обстоятельств, характера расследуемого события, вины его участников, личности и степени вины субъектов совершенного преступления и принятию справедливого решения по уголовному делу [11 с. 242].

Сокрытие следов преступления, противодействие расследованию и уклонение от уголовной ответственности охвачены общим преступным замыслом и характеризуются взаимосвязью и единством. Первое и второе обуславливают третье — уклонение от ответственности. Иными словами, уклонение осуществляется посредством утаивания следов субъекта, его действий и противодействия следствию во избежание ответа за содеянное перед судом. То есть, сокрытие следов деяния и противоборство со следователем являет собой средство (и форму) такого уклонения.

Для разграничения в структуре преступной деятельности действий по сокрытию следов и воспрепятствованию расследованию уточним один момент.

Скрытность подготовки к совершению преступления и его совершения осуществляются в т.н. латентный период. Т.е. латентный период включает в себя докриминальную и криминальную стадии (этапы) совершения деяния, еще не попавшие в поле зрения правоохранителей. Следующим является открытый, публичный период, называемый посткриминальным. Публичный период начинается с момента обнаружения преступления и возбуждения дела и длится все оставшееся время, вплоть до вступления в силу вынесенного судом приговора подсудимому.

Наибольший объем работы по сокрытию следов преступления субъект выполняет в благоприятный латентный период, неизвестный и недоступный вни-

манию следственных органов. Вместе с тем следует отметить, что, прогнозируя на перспективу возможность возбуждения дела и проведения следствия, субъект сокрытием следов преступления создает определенные предпосылки для противодействия расследованию на случай его установления и разоблачения в течение публичного (посткриминального) периода.

Противодействие предполагает противостоящее ему действие. Здесь уместно напоминание о том, что противодействие расследованию по большому счету согласуется с третьим законом Ньютона (с умалением, разве что, значения слова «равное»), который выражен так: «Действию всегда соответствует равное и противоположно направленное противодействие» [12, с. 916].

В публичном (посткриминальном) периоде, менее благоприятном для субъекта, нежели латентный период, доминируют способы и уловки, направленные на противоборство со следователем, на противодействие его усилиям изобличить подследственного и привлечь к уголовной ответственности. Следственная практика богата фактами противодействия подозреваемых и обвиняемых на стадиях предварительного следствия и судебного разбирательства, т.е. в публичный период прохождения уголовного дела.

Традиционными методами сокрытия следов преступления и противодействия расследованию являются утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация и инсценировка в их разновидностях. Однако необходимо указать, что противодействию расследованию свойственны другие методы и приемы. В противоборстве со следователем подозреваемые (обвиняемые) применяют подкуп, угрозу, воспрепятствование свидетелям явки на допросы, физическое устранение неугодных лиц, перекрытие каналов информации, психологическое воздействие на следователя, склонение его к принятию незаконного решения, оговор, уклонение от участия в расследовании и др. Избрание приемов предопределяется, с одной стороны, способностями и возможностями субъекта и, с другой стороны, ситуациями в латентный и публичный периоды.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать однозначный вывод: действия по сокрытию следов преступления и противодействию его расследованию являются средствами способа уклонения преступника от уголовной ответственности. Предлагаем следующую редакцию его определения: «Способ уклонения от уголовной ответственности — это комплексы взаимосвязанных действий по сокрытию следов преступления и противодействию расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки, фальсификации, инсценировки, угрозы, подкупа, оговора, физического устранения неугодных лиц, психологического воздействия, воспрепятствования свидетелям явки на допрос, перекрытия правоохранителям каналов информации, уклонения от участия в расследовании других методов, обусловленные психофизическими свойствами личности, латентной и публичной обстановкой и следственной ситуацией и объединенные общим преступным замыслом».

Криминалистическая категория уклонения от уголовной ответственности имеет существенное научное значение. Изучение и обобщение передового опыта, накопление и обработка эмпирического материала, использование данных о признаках способов уклонения от уголовной ответственности, учет факторов, детерминирующих действия по сокрытию следов преступления и противоборству со следствием, позволят совершенствовать планирование и организацию расследования, тактику производства отдельных следственных действий; пополнить

тактический арсенал следователя новыми рекомендациями и приемами; совершенствовать частные методики расследования отдельных видов преступлений; углублять разработку теоретических положений и концепций криминалистики.

Не менее важно и практическое знание понятия способа уклонения от ответственности. Знание и правильная интерпретация следователем (прокурором, судьей) понятия, структуры и содержания способа уклонения от ответственности будет, на наш взгляд, способствовать всестороннему изучению личности преступника; полному и обстоятельному исследованию мотивации поведенческих актов субъекта по сокрытию следов и противодействию расследованию и четкому определению его нравственно-морального облика; исчерпывающему выяснению факторов, детерминирующих преступные действия (бездействие) правонарушителя по избежанию уголовной ответственности и наказания; вынесения подсудимому справедливого приговора по уголовному делу.

Библиографический список

1. *Васильев А.Н., Мудьюгин Г.Н., Якубович Н.А.* Планирование расследования преступлений. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1957. 199 с.
2. *Зуйков Г.Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления // Социалистическая законность. 1971. № 11. С. 14–19.
3. *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики: в 3 т. Т. 3. М.: Академия МВД СССР, 1979. 408 с.
4. *Коврижных Б.Н.* Деятельность органов прокуратуры по делам о нераскрытых убийствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков: Харьковский юрид. ин-т, 1969. 22 с.
5. *Овечкин В.А.* Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков: Харьковский юрид. ин-т, 1975. 17 с.
6. Советская криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений / под ред. В.К. Лисиченко. Киев: Выща шк. Головное изд-во, 1988. 405 с.
7. *Карагодин В.Н.* Способы сокрытия преступления, их криминалистическое значение, методы распознавания и преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1982. 19 с.
8. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 24, кн. 1. М.: Советская энциклопедия, 1976. 608 с. с илл.
9. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 27. М.: Советская энциклопедия, 1977. 624 с. с илл.
10. *Зуйков Г.Г.* Способы сокрытия преступления и уклонения от ответственности // Способы сокрытия следов преступления и криминалистические методы их выявления. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1984. С. 56–64.
11. *Карагодин В.Н.* Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию // Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 241–252.
12. Советский энциклопедический словарь / председатель науч.-ред. совета А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1982. 600 с. с илл.

References

1. *Vasiliev A.N., Mudyugin G.N., Yakubovich N.A.* Planning Crime Investigation. Moscow: GOS. Publishing house of the faculty of law. lit-ry, 1957. 199 p.
2. *Zuikov G.G.* Criminalistic Doctrine of the Method of Committing a Crime // Socialist legality. 1971. No. 11. P. 14–19.

3. *Belkin R.S.* Course of the Soviet Criminalistics: in 3 T. T. 3. M.: Academy of MIA of the USSR, 1979. 408 p.
4. *Kovrizhnykh B.N.* Activity of Prosecution Bodies in Faculty n Cases of Undiscovered Murders: extended abstract. dis. ... cand. law. Kharkiv: Kharkiv lawyer. in-T. 1969. 22 p.
5. *Ovechkin V.A.* General Provisions of the Methodology of Investigation of Pre-stages Hidden by Staging: extended abstr. dis. ... cand. of law. Kharkiv: Kharkiv lawyer. Ying-T. 1975. 17 p.
6. Soviet Forensics Science, Methods of Investigating Certain Types of Crime / ed. by V. K. Lisichenko. Kyiv: Vyshcha SHK. Head publishing house, 1988. 405 p.
7. *Karagodin V.N.* Methods of Concealment of a Crime, their forensic significance, methods of identification and breaking: extended abstr. dis. ... cand. of law. Sverdlovsk: Sverdlovsk lawyer. Ying-t, 1982. 19 p.
8. Great Soviet Encyclopedia: in 30 v / chief editor A. M. Prokhorov. 3rd ed. Vol. 24, vol. 1. Moscow: Soviet encyclopedia, 1976. 608 p. with Fig.
9. Great Soviet Encyclopedia: in 30 t / chief editor A. M. Prokhorov. 3rd ed. Vol. 27. Moscow: Soviet encyclopedia, 1977. 624 p., Fig.
10. *Zuykov G.G.* Methods of Concealment of Crime and Avoiding Responsibility // Methods of Suppressing traces of crime and forensic methods of their detection. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State University, 1984. С. 56-64.
11. *Karagodin V.N.* Forensic Doctrine of Breaking Counteraction to Investigation // CSI Library. 2013. No. 4. P. 241-252.
12. Soviet Encyclopedic Dictionary / Chairman of Scientific Council A. M. Prokhorov. Moscow: Soviet encyclopedia, 1982. 600 p. with Fig.

УДК 343.352

В.А. Васенин

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОДКУПАМ УЧАСТНИКОВ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Введение: статья посвящена такой форме проявления коррупции в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, как коммерческий подкуп участников государственных и муниципальных закупок. Отмечается широкое распространение практики коммерческого подкупа участников государственных и муниципальных закупок, являющегося условием достигнутого между ними антиконкурентного соглашения либо предметом вымогательства. **Цель:** раскрыть основные формы противоправного воздействия на добросовестных участников государственных и муниципальных закупок на основе судебной практики, сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства, обозначить роль прокурора в противодействии подкупам участников

© Васенин Владимир Александрович, 2018
Прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокуратуры Ивановской области; e-mail: antikorrivanovo@mail.ru
© Vasenin Vladimir Aleksandrovich, 2018
Prosecutor of the department for supervision over the implementation of anticorruption legislation of the Prosecutor's office of the Ivanovo region

торгов. **Методологическая основа:** совокупность диалектического и системного методов исследования. **Результаты:** аргументирована авторская позиция на понятие антиконкурентного соглашения участников закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд; сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства. **Вывод:** уровень развития современного законодательства, высокая степень латентности преступлений, связанных с коммерческим подкупом участников государственных и муниципальных закупок, обуславливают востребованность разработки тактики и методов противодействия им. Ключевая роль в решении данного вопроса отведена прокурору с присущими лишь ему функциями и предоставленными полномочиями.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, коррупция, подкуп участников торгов, прокурорский надзор.

V.A. Vasenin

COUNTERACTION TO BRIBERY OF PARTICIPANTS OF PURCHASES OF GOODS, WORKS AND SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Background: the article deals with such a form of corrupt practices in the sphere of purchasing of goods, works and services as the commercial bribery of participants in purchasing of goods, works and services for state and municipal needs. The author notes the wide spread of the practices of the commercial bribery of participants of state and municipal purchases as it is the condition of anticompetitive agreement or the subject of the extortion between bidders. **Objective:** the author of the article intends basing on the judicial practice to disclose the main forms of illegal influence upon the honest bidders, to formulate proposals on improving legislation, to define the role of the prosecutor in the counteraction to bribery of bidders. **Methodology:** in doing the inquiry the combination of dialectical and system research methods was applied. **Results:** the author argues his position concerning the anti-competitive agreement of bidders in purchasing of goods, works and services for state and municipal needs. The proposals for improving legislation were also offered. The attention is focused on the development of unlawful actions of bidders due to the imperfection of the legislation. **Conclusions:** the author of the article states that the level of development of the modern legislation, the high degree of latency of the crimes connected with the commercial bribery of participants of state and municipal purchases stipulate the demand for working out the tactics and techniques to fight them. The key role in settling this problem is assigned to the prosecutor who has certain functions and the powers.

Key-words: state and municipal procurement, corruption, bribe bidders, Prosecutor's supervision.

Система государственных и муниципальных закупок в России основывается на одном из базовых принципов — обеспечении конкуренции.

Согласно ст. 8 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 29 июля 2017 г. № 231-ФЗ)¹ контрактная система в сфере закупок направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок. Запрещается совершение заказчиками, специализированными организациями, их должностными лицами, ко-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1652; 2017. № 31, ч. I, ст. 4780.

миссиями по осуществлению закупок, членами таких комиссий, участниками закупок любых действий, которые приводят к ограничению конкуренции, в частности необоснованному ограничению числа участников закупок.

Нарушение указанных запретов чаще всего связано с совершением коррупционных правонарушений, стремлением хозяйствующих субъектов получить право на заключение государственного и муниципального контракта, исключив либо минимизировав при этом соперничество.

Проведенное прокуратурой Ивановской области анонимное анкетирование субъектов предпринимательской деятельности показало, что почти 40% респондентов считают недоступными закупки товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд. При этом 68% респондентов, участвовавших в закупках, сталкивались с проявлениями коррупции в виде сговора участников торгов.

Следует согласиться с утверждением некоторых исследователей о взаимосвязи уровня конкуренции, с одной стороны, и коррупционным поведением и сговором — с другой. По их мнению, «очевидно, что чем больше фирм принимает участие в процедуре государственных закупок, тем выше издержки поддержания сговора. Аналогично: чем больше конкуренция со стороны фирм, не участвующих в картеле, тем выше вероятность того, что они, во-первых, снизят ставку ниже, чем планировали участники сговора, и, во-вторых, смогут заметить попытки сговора. Таким образом, фирмы, участвующие в сговоре, вынуждены снижать ставки, когда имеют место конкуренция со стороны «внешних» фирм и мониторинг [1, с. 82–112].

Правоприменительная практика изобилует многочисленными фактами пренебрежения данным постулатом. Руководитель Федеральной антимонопольной службы И. Артемьев заявил, что 95% всех государственных закупок являются «фикцией и профанацией»². Одна из причин этого — сговоры на торгах, условием которых нередко является передача незаконного вознаграждения участникам торгов незаконного вознаграждения.

Действия лиц, направленные на передачу незаконного вознаграждения должностным лицам участников закупок, образуют состав преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп). Судебная практика о преступлениях данной категории свидетельствует об их широком распространении в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд. Так, приговором Абаканского городского суда от 15 июня 2015 г. по делу № 1-721/2015 директор и заместитель главного бухгалтера ООО «Кулинар» признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 204 УК РФ (совершение группой лиц по предварительному сговору коммерческого подкупа), а директор ООО «Ли-Га поставок» — в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204 УК РФ.

Установлено, что ООО «Кулинар» подало заявку на участие в аукционе в электронной форме на право заключения муниципального контракта на поставку масла сливочного, сыра твердых сортов для муниципальных бюджетных дошкольных образовательных учреждений г. Абакана на 2015 г. с начальной (максимальной) ценой контракта 14 239 817,19 руб. Получив информацию об

² URL: <http://www.mk.ru/economics/2017/03/01/fas-95-vsekh-goszakupok-fiksiya.html> (дата обращения: 07.12.2017).

участии в аукционе ООО «Ли-Га поставок», директор ООО «Кулинар» предложил его руководителю денежные средства в сумме 150 00 руб. за отказ от участия в аукционе путем их перечисления на расчетный счет ООО «Ли-Га поставок» под видом якобы приобретения товароматериальных ценностей. Предложение было принято отчасти еще и потому, что отказ мог повлечь значительное снижение ценового предложения и невыгодные условия для заключения контракта. Условия достигнутого сторонами устного соглашения были реализованы, ООО «Ли-Га поставок» какие-либо меры по снижению предложенной изначально цены контракта не принимало и фактически самоустранилось от участия в аукционе, а победителем было признано ООО «Кулинар».

Приведенный пример иллюстрирует один из наиболее распространенных способов ограничения конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок. При этом действия указанных лиц направлены на достижение ранее достигнутого между ними антиконкурентного соглашения, в связи с чем контролирующим органом правомерно принято решение о привлечении участников закупок к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ³.

Некоторыми учеными предлагаются различные способы противодействия антиконкурентным соглашениям, например, широкое использование возможности дробления заказчиками предмета торгов на лоты с целью увеличения количества участников торгов, наделяция заказчика полномочием установления «резервной» цены закупки, дисквалификации участника торгов при выявлении признаков антиконкурентного соглашения [2, с. 62].

Представляется целесообразным рассмотреть возможность законодательного закрепления в качестве способа противодействия сговорам признание аукциона несостоявшимся и проведение повторных торгов при отсутствии соперничества лиц, представивших заявки на участие в них.

Контролирующие органы акцентируют свое внимание на случаи пассивности участников торгов, позволившей определить победителя при незначительном снижении начальной (максимальной) цены контракта. Однако суды не поддерживают их и причиной этому является отсутствие законодательных ограничений такого поведения участников закупок. Так, решением Оренбургского областного суда от 28 декабря 2015 г. по делу № 21-432/2015 удовлетворена жалоба участника закупки, привлеченного к административной ответственности по ст. 14.32 КоАП РФ. Суд не согласился с доводами антимонопольного органа и судьи районного суда о том, что неподача участником ценовых предложений после того, как его заявки были допущены к участию в аукционах, при отсутствии к тому объективных причин, позволившая другому участнику стать победителем во всех шести аукционах с незначительным снижением начальной максимальной цены контрактов, свидетельствуют о наличии картельного соглашения. Сам по себе факт неосуществления со стороны одного из двух допущенных к участию в аукционах участников ценовых предложений не является нарушением антимонопольного законодательства и не свидетельствует о наличии между такими участниками антиконкурентного соглашения.

Несомненно, действующее законодательство требует дополнения и включения в него норм, направленных на предупреждение антиконкурентных соглашений

³ См.: Постановление Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Хакасия от 6 сентября 2016 г. № 47-А-16-АП. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд. Предлагаемые варианты способов противодействия позволят снизить заинтересованность хозяйствующих субъектов в антиконкурентных соглашениях.

Само по себе понятие антиконкурентного соглашения в правовом поле не определено, несмотря на широкое использование данного термина в научной и практической плоскостях. По мнению ряда ученых, под антиконкурентным соглашением следует понимать достигнутое на основании личного взаимодействия участников соглашения договоренность о совершении каждым из них действий или о воздержании от действий, которые известны из этого соглашения другим участникам, если результатом такого соглашения могут быть ограничение, устранение или недопущение конкуренции [3, с. 5].

Анализ антимонопольного законодательства, законодательства о закупках товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд и правоприменительной практики позволяет определить основные признаки антиконкурентного соглашения участников закупок товаров работ и услуг для государственных и муниципальных нужд.

Во-первых, это одна из форм монополистической деятельности.

Во-вторых, сторонами соглашения выступают хозяйствующие субъекты — участники государственных и муниципальных закупок.

В-третьих, учитывая противоправность действий участников торгов, достижение договоренности между ними происходит в устной форме.

В-четвертых, результатом соглашения является повышение, снижение или поддержание цен на торгах на право заключения государственного и муниципального контракта на поставку товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд.

Таким образом, антиконкурентное соглашение участников закупок товаров работ и услуг для государственных и муниципальных нужд — это одна из форм монополистической деятельности хозяйствующих субъектов — участников государственных и муниципальных закупок, заключающейся в достижении и реализации между ними устной договоренности о совершении действий либо бездействий, направленных на повышение, снижение или поддержание цен на торгах на право заключения государственного и муниципального контракта на поставку товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд.

Некоторыми исследователями высказываются заслуживающие внимания доводы о том, что отсутствие письменной формы соглашения участников, направленного на ограничение конкуренции, свидетельствует о согласованных действиях, а не о заключении между ними антиконкурентного соглашения [4, с. 92–95].

Нельзя однозначно согласиться с данным утверждением, т.к. согласно Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 29 июля 2017 г. № 279-ФЗ)⁴ под соглашением понимается договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме. Факт наличия антиконкурентного соглашения не ставится в зависимость от его заключения в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством, включая требования к форме

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3434; 2017. № 31, ч. I, ст. 4828.

и содержанию сделок, и может быть доказан в т.ч. с использованием совокупности иных доказательств, в частности фактического поведения хозяйствующих субъектов⁵.

Диаметрально противоположная ситуация складывается при передаче участниками торгов незаконного вознаграждения против их воли. В настоящее время широкое распространение получает преступное воздействие на добросовестных участников государственных и муниципальных закупок, связанное с вымогательством у них денежных средств. Квалифицирующий признак «вымогательство» незаконного вознаграждения исключает наличие между сторонами антиконкурентного соглашения.

Согласно п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» под вымогательством предмета коммерческого подкупа следует понимать не только требование лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, передать незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов⁶.

Как правило, наступление вредных последствий для участника закупок и нарушение его интересов выражается в реализации другим участником угроз снижения (повышения) начальной (максимальной) цены контракта, в результате чего выгода контракта для добросовестного участника утрачивается. При этом участник, требующий передачи незаконного вознаграждения за отказ от демпингования цены контракта, не имеет реальных намерений и коммерческого интереса в заключении контракта, а его умысел заключается лишь в получении незаконного обогащения. Так, Ново-Савиновский районный суд г. Казани Республики Татарстан по делу № 22-228/2015 установил, что учредитель одной из коммерческих организаций с целью получения коммерческого подкупа от участника аукциона организовал участие в нем своей организации, не имея при этом заинтересованности в заключении контракта. Получив информацию о другом участнике, под угрозой снижения цены контракта потребовал от него денежное вознаграждение в сумме 1 млн руб. за отказ от участия в аукционе. Для придания убедительности своих намерений он сделал шаг на существенное понижение цены. Добросовестный участник аукциона вынужден был согласиться и передать требуемую сумму денежных средств, после чего вымогатель отказался от участия в аукционе. Действия лица квалифицированы судом по п. «б» ч. 7 ст. 204 УК РФ.

Вместе с тем способы вымогательства незаконного вознаграждения от добросовестных участников государственных и муниципальных закупок постоянно совершенствуются, злоумышленниками используется весь спектр предусмотренных законодательством правовых инструментов. Показателен в этом отношении следующий пример. В 2015 г. МУ «УГХ г. Кинешма» проведено два

⁵ См. п. 8 Обзора по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9.

⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

аукциона в электронной форме на выполнение работ по устройству, ремонту и восстановлению сетей наружного освещения в г. Кинешма Ивановской области. Победителем аукциона признано ООО «Верхняя Волга».

В период проведения аукционов директор ООО «ПМК 37», преследуя цели получения незаконного вознаграждения от победителя аукционов, поручил специализированной организации, с которой заключил договор на оказание услуг, оспорить от имени ООО «ПМК 37» в Арбитражном суде Ивановской области результаты аукционов. При этом судом удовлетворены ходатайства истца о применении обеспечительных мер в виде запрета на исполнение уже заключенного контракта и на заключение контракта по другому аукциону.

Таким образом, директор ООО «ПМК 37» умышленно создал препятствия для законной финансово-хозяйственной деятельности ООО «Верхняя Волга». В последующем он через посредника уведомил директора ООО «Верхняя Волга» о готовности отказаться от исковых требований с условием передачи ему денежных средств в размере 800000 руб., на что последний, понимая возможные риски, связанные длительным рассмотрением арбитражных дел, вынужден был согласиться.

Приведенный пример свидетельствует не только об актуальности разработки правовых механизмов защиты добросовестных участников торгов, но и ужесточения ответственности лиц, в т.ч. хозяйствующих субъектов, с использованием которых совершается вымогательство незаконного вознаграждения.

Действия лиц, не имеющих намерения участвовать в закупках и не преследующих в результате оспаривания торгов в государственных органах целей реализации своих прав на участие в закупках, представляют не что иное, как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ). Государство в лице судебных или контролирующих органов, не осведомленных об истинных намерениях лица, оспаривающего торги, несет материальные и временные затраты, связанные с разрешением спора. Какой-либо публично-правовой ответственности за такие действия не предусмотрено, как, например, за заведомо ложный вызов специализированных служб (ст. 19.13 КоАП РФ), заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), непосредственными объектами посягательства которых являются установленный порядок управления, деятельности государственных органов, а также интересы правосудия.

Снижению интереса недобросовестных лиц в заключении антиконкурентных соглашений, условием которого является передача незаконного вознаграждения, должно способствовать эффективное применение положений ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 29 июля 2017 г. № 267-ФЗ)⁷ об отсутствии у должностных лиц участника закупки судимости за преступления в сфере экономики и (или) коррупционные преступления, а также привлечения юридического лица к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ.

Вместе с тем установленные запреты и механизм их реализации пока нельзя оценить как достаточные. К примеру, законодатель, установив требование об отсутствии у должностных лиц участника закупок судимости за экономические и коррупционные преступления, не включил в круг лиц учредителя участника

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1652; 2017. № 31, ч. I, ст. 4780.

торгов. Пожалуй, не является открытием тот факт, что учредители не только определяют «повестку дня» деятельности коммерческой организации, но и фактически осуществляют текущее руководство ею, оказывая воздействие на ее исполнительные органы.

Активное противодействие доступу к закупкам участника, должностные лица которого имеют судимость за экономические и коррупционные преступления, на практике является затруднительным. Заказчик, созданная им комиссия и тем более оператор электронной площадки не имеют доступа к сведениям о судимых лицах.

Использование сведений о лицах, привлеченных к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ, на сегодняшний день стало возможным благодаря усилиям Генеральной прокуратуры РФ.

Согласно ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ возбуждение административных дел по ст. 19.28 КоАП РФ (незаконное вознаграждение от имени юридического лица) относится к исключительной компетенции прокурора. В этой связи в соответствии с поручением Генеральной прокуратуры РФ прокурорами субъектов организовано формирование списков юридических лиц, привлеченных к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ. На основании полученных данных на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ размещен реестр указанных лиц, который постоянно актуализируется.

Учитывая распространенность случаев вымогательства от добросовестных участников торгов коммерческого подкупа, целесообразно расширить объективную сторону ст. 19.28 КоАП РФ, дополнив ее ответственностью юридических лиц, с использованием которых их представителями совершено вымогательство незаконного вознаграждения.

Оправданным шагом в противодействии антиконкурентным соглашениям, в т.ч. связанным с коммерческим подкупом, являлся бы законодательный запрет на участие в государственных и муниципальных закупках лиц, привлеченных к административной ответственности по ст. 14.32 КоАП РФ (заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности).

Изложенное свидетельствует о востребованности разработки тактики и методов предупреждения коммерческого подкупа участников государственных и муниципальных закупок либо вымогательства коммерческого подкупа в условиях несовершенства действующего законодательства.

Высокая степень латентности преступлений, связанных с коммерческим подкупом участника закупок, делает их выявление и пресечение без использования методов оперативно-розыскной деятельности невозможным. Практика применения мер административного воздействия в отношении участника антиконкурентного соглашения, связанного с коммерческим подкупом, в основном базируется на материалах уголовных дел или доследственных проверок, т.е. после достижения и реализации соглашения (*post factum*).

Массовое распространение коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок требует мобилизации усилий правоохранительных и иных органов по противодействию им. В этой связи важную роль в борьбе с преступлениями в сфере государственных и муниципальных закупок отведена

органам прокуратуры, наделенной полномочием по координации деятельности правоохранительных органов на данном направлении.

Реализация прокурорами функции надзора за исполнением законов, а также проводимый ими на постоянной основе анализ правоприменительной практики и мониторинг состояния законности позволяет своевременно ориентировать деятельность правоохранительных органов, иных государственных органов на предупреждение и пресечение преступлений, связанных с подкупом участников государственных и муниципальных закупок.

Одной из основных форм координации традиционно выступает проведение под руководством прокурора координационных совещаний руководителей правоохранительных органов. Предметом координационных совещаний являются вопросы борьбы с коррупционными правонарушениями в той или иной сферах общественных отношений в зависимости от актуальности проблем, основной целью — обеспечение эффективного взаимодействия правоохранительных органов и иных органов государственной власти в борьбе с преступлениями.

Для более оперативного реагирования и обеспечения взаимодействия государственных органов прокурорами используются и иные формы координации. В рамках координационных мероприятий создаются межведомственные рабочие группы по вопросам повышения эффективности деятельности правоохранительных органов в сфере предупреждения преступных посягательств [5, с. 215]. Создание межведомственных рабочих групп, в состав которых наряду с представителями правоохранительных органов входят должностные лица контрольно-надзорных органов, является одной из наиболее распространенных форм взаимодействия и координационной деятельности органов прокуратуры. В отдельных регионах данные рабочие группы представляют собой своеобразные «штабы» по выявлению и разрешению наиболее значимых проблем борьбы с коррупцией [6, с. 46].

Обеспечение постоянного функционирования рабочих групп позволяет максимально аккумулировать и использовать возможности правоохранительных и контрольно-надзорных органов для пресечения коррупционных правонарушений в сфере государственных и муниципальных закупок. Совместное планирование и проведение мероприятий, направленных на предупреждение и пресечение коррупции в государственных и муниципальных закупках, подведение промежуточных и итоговых результатов работы, обмен информации и ее анализ характеризуют возглавляемые прокурорами рабочие группы как «площадки» для выработки тактики и методов противодействия коррупционным правонарушениям в сфере государственных и муниципальных закупок, местом повышения профессионализма должностных лиц правоохранительных и контрольно-надзорных органов.

Накопленный в результате деятельности рабочих групп опыт противодействия подкупам или иным формам противоправного воздействия на добросовестных участников государственных и муниципальных закупок позволяет предметно подходить к реализации иной формы координации — разработке обязательных для исполнения совместных приказов, указаний, подготовке информационных писем и иных организационно-распорядительных документов, направленных на профилактику коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок.

Подводя итог, необходимо отметить, что актуальность противодействия коррупции в системе государственных и муниципальных закупок остается высокой. При этом противоправные действия, направленные на ограничение конкуренции путем заключения и реализации антиконкурентных соглашений, иных форм воздействия на добросовестных участников закупок представляют не меньшую угрозу экономической безопасности страны, чем злоупотребления со стороны должностных лиц государственных и муниципальных заказчиков.

Недобросовестные участники рынка государственных и муниципальных закупок успешно пользуются несовершенством действующего законодательства, тем самым дискредитируя контрактную систему и принимаемые государством меры по обеспечению эффективности расходования бюджетных средств.

Достижение существенных результатов в борьбе с коррупцией и подкупом участников государственных и муниципальных закупок как отдельной формы ее проявления возможно лишь благодаря активному и тесному взаимодействию правоохранительных, контрольно-надзорных и иных государственных органов. Именно прокурор, с присущими только ему функциями и полномочиями, представляется ключевой фигурой, способной обеспечить их слаженное взаимодействие и контроль.

Библиографический список

1. Бальсевич А.А., Пивоварова С.Г., Подколотина Е.А. Роль прозрачности в государственных закупках: пример российских регионов // НЭА. 2012. № 3 (15). С. 82–113.
2. Свининых Е.А. Противодействие сговорам участников закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства // Право в вооруженных силах — Военно-правовое обозрение. 2015. № 10. С. 62–71.
3. Кинёв А.Ю., Гаврилов Д.А., Пузыревский С.А. Антиконкурентные соглашения и недобросовестная конкуренция: учебное пособие / под ред. С.А. Пузыревского. М.: Проспект, 2016. 287 с.
4. Камаева А.В., Новоселова К.А. Сущность антиконкурентных соглашений и согласованных действий субъектов предпринимательской деятельности, ограничивающих конкуренцию // Марийский юридический вестник. 2017. № 1 (20). С. 92–96.
5. Амирбеков К.И., Артеменков В.К., Боголюбова Т.А. и др. Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью / под общ. ред. Ф.М. Кобзарева. М.: Проспект, 2016. 256 с.
6. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции: сборник методических материалов / под общ. ред. первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, государственного советника юстиции I класса А.Э. Буксмана. М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. 344 с.

References

1. Balsevich A.A., Pivovarova S.G., Podkolzina E.A. The Role of Information Transparency in Public Procurement: the Example of Russian Regions // journal of the NEA. 2012. № 3 (15). P. 82–113.
2. Svininykh E.A. Countering the Collusion of the Participants of Procurement of Goods, Works, Services for Ensuring the Country's Defense and State Security in the Armed Forces – Military legal review. 2015. No. 10. P. 62-71.

3. Kinev A.Yu., Gavrilov D.A., Puzyrevskiy S.A. Anticompetitive Agreements and Unfair Competition (ed. by candidate of law Puzyrevskiy S. A.; textbook). М.: «Prospect», 2016. 287 p.

4. Kamaeva A.V., Novosyolova K.A. The Essence of Anti-competitive Agreements and Concerted Practices of a Business Entity Restrict Competition // Herald of the Mari legal. 2017. № 1 (20). P. 92–96.

5. Amirbekov K.I., Artemenkov V.K., Bogolyubov T.A. and others. Coordination by Prosecutor of Law Enforcement Bodies in the Fight Against Crime / under general ed. F.M. Kobzareva, Federal Establishment of Higher Professional Education «Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation». М.: Prospect, 2016. 256 p.

6. Prosecutor's Supervision over Execution of Legislation on Combating Corruption: collection of methodical materials / under general editorship of the Deputy General Prosecutor of the Russian Federation the state adviser of justice of I class A. E. Buksman. М.: the General Prosecutor of the Russian Federation, Federal Establishment of Higher Professional Education «Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation», 2011. 344 p.

УДК 328.34

А.С. Терехина

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МВД РОССИИ И ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Введение: федеральные органы исполнительной власти, в т.ч. МВД России, в целях построения эффективной и современной законодательной системы различными способами взаимодействуют с палатами Федерального Собрания РФ. **Цель:** изучение различных форм и способов взаимодействия МВД России и палат Федерального Собрания как самостоятельно, так и от имени Правительства РФ, и определение их значимости для принятия закона высокого качества. **Методологическая основа:** использован ряд общетеоретических методов, таких как изучение документов, анализ (законопроектов на официальном сайте Государственной Думы, стенограмм заседания комитетов (комиссий), обобщение — при изучении форм и способов взаимодействия федеральных органов законодательной и исполнительной власти. Для формирования эмпирической основы исследования проведено наблюдение за ходом заседаний комитетов, комиссий палат Федерального Собрания РФ как лично, так и с использованием видеозаписей. **Результаты:** изучены формы и способы взаимодействия МВД России и Государственной Думы с момента поступления законопроекта, во всех чтениях, особенности работы с законопроектами, принятыми нижней палатой, вклад, вносимый федеральными органами исполнительной власти (на примере МВД России) в работу над законопроектом. **Выводы:** принятие законопроектов во многом

обусловлено позицией, вырабатываемой Правительством РФ (в лице представляющих его федеральных органов исполнительной власти). МВД России, осуществляя функцию нормативного регулирования сферы внутренних дел, взаимодействует с законодателем в форме участия в заседаниях комитетов (комиссий), парламентских слушаниях, подготовке отзывов, заключений, выступления в пленарных заседаниях палат, что имеет главной целью повышение качества принимаемых законов.

Ключевые слова: законотворчество, законодательный процесс, МВД России, взаимодействие органов власти, официальный отзыв, сопровождение законопроекта.

A.S. Terekhina

SOME ASPECTS OF INTERACTION OF THE INTERIOR MINISTRY OF RUSSIA AND FEDERAL LEGISLATIVE BODY IN THE LAW-MAKING PROCESS

Background: the article deals with the some aspects of interaction of the Interior Ministry of the RF and Federal Legislative body in the law-making process. Federal executive authorities, including the Russian Ministry of Internal Affairs, in order to build the effective and contemporary legislative system in various ways interact with the chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation. **Objective:** the author supposes to study the various forms and ways of interaction between the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Chambers of the Federal Assembly, both independently and on behalf of the Government of the Russian Federation, and to determine their significance for the adoption of a law of high efficiency. **Methodology:** in doing the research a number of general theoretical methods were applied, such as the study of documents, analysis (the official website of the State Duma, transcripts of the committees/commissions), generalization - when studying the forms and ways of interaction between federal legislative and executive bodies. To form the empirical basis of the study, the meetings of committees, commissions of the chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation were monitored, both personally and using video recordings. **Results:** the forms and methods of interaction of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the State Duma have been studied from the moment the bill is received in all readings, as well as the peculiarities of working with the bills passed by the lower chamber, the contribution made by the federal executive bodies (e.g. the Ministry of Internal Affairs of Russia) to the draft law. **Conclusions:** the author states that the adoption of bills largely depends on the position worked out by the Government of the Russian Federation (represented by the federal executive bodies). The Ministry of Internal Affairs of Russia, carrying out the function of regulating the sphere of internal affairs, interacts with the legislator in the form of taking parts in meetings of committees/commissions, parliamentary hearings, preparation of official opinions, speeches in plenary sessions of chambers, which has its main goal to improve the efficiency of laws.

Key-words: lawmaking, legislative process, the Ministry of Internal Affairs of Russia, interaction of authorities.

В начале нового тысячелетия исследователи-правоведы отмечали, что в основу законодательных полномочий заложены принципы «рационализированного парламентаризма», которые предполагают взаимовлияние исполнительной и законодательной властей как в части разработки проектов законов, так и при их прохождении [1, с. 7].

В литературе нередко упоминается, что исполнительная власть, в отличие от законодательной, носит производный характер [2, с. 381–383], однако роль

Правительства в законотворческом процессе переоценить сложно. В связи с этим следует вспомнить высказывание П.В. Крашенинникова о том, что в правовом государстве главным субъектом права законодательной инициативы должно быть Правительство России, т.к. оно будет исполнителем большинства законов. Федеральные органы исполнительной власти, обладая широким функционалом, способны своевременно отслеживать изменения, возникающие в реальной жизни, и в последующем готовить проекты соответствующих законов и способствовать их принятию.

Взаимодействие федеральных органов законодательной и исполнительной власти происходит как в более широком формате — «законотворческом», так и в рамках определенного Конституцией РФ законодательного процесса. Несмотря на то, что представители министерств и ведомств неизменно вовлечены в работу, следует помнить, что субъектом права законодательной инициативы выступает непосредственно Правительство России. В этой связи представители федеральных органов исполнительной власти действуют от лица последнего. Кроме того, Правительство (также в лице профилирующих министерств) включается в работу по законопроектам, поступающим в Государственную Думу от других субъектов права законодательной инициативы.

Ветви власти в таком неопределимо важном процессе, как создание правовых норм, взаимодействуют в разных направлениях. Формы взаимодействия различны в зависимости от стадии законотворчества, субъекта инициативы, профиля законопроекта, но неизменным является то, что федеральные органы законодательной и исполнительной власти обоюдно заинтересованы в построении эффективной и современной законодательной системы. Вспоминая известную зарубежную формулу «сдержек и противовесов», возникает вопрос какие из отечественных форм взаимодействия органов власти обеспечивают надлежащую эффективность законотворчества, а какие являются пережитком информационной эпохи, сменившейся цифровой.

Разработка проектов законов и их дальнейшее сопровождение, подготовка официальных отзывов и заключений, проектов поправок и обоснования необходимости их внесения ложатся на «плечи» заинтересованных федеральных органов исполнительной власти. Рассмотрим правительственное взаимодействие с законодателем через призму работы такого ведомства, как МВД России.

Министерство внутренних дел РФ — орган исполнительной власти, предназначенный для реализации государственного управления в сфере внутренних дел. Несомненно, основным содержанием деятельности полиции является осуществление правоохранительной функции. Однако в этой же связи ему предоставлен широкий арсенал различных полномочий, одним из которых является принятие (участие в принятии) нормативных правовых актов. Содержание нормотворческой деятельности Министерства внутренних дел, как любого федерального органа исполнительной власти, подразделяется на собственное нормотворчество, межведомственное нормотворчество и участие в нормотворческой деятельности по линии других государственных органов [3, с. 126]. Именно к последнему направлению можно отнести участие министерства в законотворческой деятельности палат Федерального Собрания РФ, Президента РФ, Правительства РФ, органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов (например, Прокуратуры РФ и др.). Министерство непосредственно разрабатывает проекты федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений

Правительства РФ и иных субъектов в той части, которая касается сферы внутренних дел. В настоящей статье будет рассмотрена именно законопроектная работа ведомств: от выявления потребности в регулировании (формирование законотворческой инициативы) до мониторинга правоприменения полученного нормативного правового акта.

Конституция РФ предполагает различные формы взаимодействия Федерального Собрания РФ и федеральных органов исполнительной власти (действующих от имени Правительства России или самостоятельно) [3]. В первую очередь необходимо отличать работу министерств по законопроектам собственной разработки и со сторонними законопроектами.

Правительство России не представляет официальные отзывы на им же разработанные законопроекты и только сопровождает их в профильных комитетах и комиссиях палат парламента. Несомненно, роль Правительства однозначно важнее, чем показывает статистика, т.к. часть законопроектов, внесенных Президентом РФ (№ 416458-6, 537952-6) и иными субъектами права законодательной инициативы, разработаны Правительством.

Таким образом, работа федеральных органов исполнительной власти с законопроектами других субъектов права законодательной инициативы по подготовке официальных отзывов и заключений от лица Правительства РФ и представления их в законодательный орган составляет целый пласт взаимодействия ветвей власти.

Процедура подготовки заключений и официальных отзывов на поступающие законопроекты, равно как и поправок к ним, не одинакова в случаях, когда министерство и ведомство являются головными исполнителями по подготовке отзыва или же согласовывают отзывы иных правительственных ведомств. Разумеется, подготовка заключения или официального отзыва в качестве ответственного исполнителя более трудоемкая работа, нежели одобрение готовых отзывов, представленных на согласование другими ведомствами. Во втором случае, законопроект касается некоей сферы, косвенно затрагивающей интересы разных ведомств, и, как показало изучение архива законопроектов 6 созыва, в большинстве случаев остается на усмотрение головного исполнителя без существенных замечаний.

В то же время, если такие замечания имеются, а также если они носят существенный характер, то проект официального отзыва не поддерживается, и федеральные министерства приходят к необходимости проведения переговоров или согласительных процедур. В случаях, когда требуется согласование значительного числа заинтересованных сторон, возникает необходимость оптимизации взаимодействия ведомств с помощью электронного Правительства или иной информационной системы, что существенно сократит законодательный процесс. Для примера, законопроект № 501768-6 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации» 22 марта 2013 г. был внесен автором в Правительство России и для согласования его с 19-ю заинтересованными органами и подразделениями потребовалось около полутора лет. Аналогичная ситуация складывается с согласованием официальных отзывов и заключений.

Представляет интерес тот факт, что правовое значение официального отзыва — консультативное. Оно содержательно не связывает ни палаты Федерального Собрания, ни Президента, хотя и содержит необходимую информацию о возможности обеспечить предусматриваемые расходы из средств федерального бюджета.

Официальный отзыв, подготовленный МВД России, обязательно доводится до сведения участников заседания палат Федерального Собрания РФ, что позволяет Правительству дать оперативную информацию, соответствующую сегодняшнему состоянию как текста акта, так и ситуации в стране, важную для принятия законодателем решения.

Как правило, разработка официального отзыва осуществляется на этапе подготовки Государственной Думы РФ к рассмотрению законопроекта в первом чтении. Однако нередки случаи, когда Совет Федерации запрашивает мнение Правительства России по поступившему из Государственной Думы на рассмотрение закону, особенно если принятие его Государственной Думой сопровождалось острой полемикой, и достигнутый компромисс нуждается в глубоком анализе. Подобная практика встречается и у Администрации Президента России, которая нередко запрашивает мнение МВД России перед формулированием своей официальной правовой позиции. В связи со сложившимся в Государственной Думе последнего созыва партийным большинством, фракционный лидер которого одновременно является Председателем Правительства РФ, официальные отзывы имеют особенно большой вес. Данная ситуация привносит политизированность в законотворческий процесс, что является положительным и отрицательным фактором одновременно.

В зависимости от стадии законодательного процесса может различаться содержание официального отзыва. В первом чтении в отзыве оценивается концепция, актуальность и практическая значимость законопроекта, излагается мнение Правительства о целесообразности принятия (отклонения) законопроекта. Когда законопроект принят в первом или во втором чтении, в официальном отзыве излагается мнение Правительства по отдельным положениям законопроекта с учетом изменений, внесенных в него на предыдущих стадиях рассмотрения, и на этом этапе, если получено концептуальное согласие Правительства, речь пойдет, скорее, о подготовке поправок.

Случаи, когда МВД России как официальный представитель Правительства вмешивается в процесс уже после принятия закона, крайне редки. Это связано в первую очередь с тем, что высшие органы законодательной и исполнительной власти понимают первоочередную роль МВД России в формировании нормативной базы в сфере органов внутренних дел. Согласно позиции МВД России и Правительства РФ, Государственной Думой в 2016 г. отклонены 28 законодательных инициатив, принятие которых могло оказать отрицательное воздействие на деятельность органов внутренних дел, из них — 9 законодательных инициатив субъектов по вопросам компетенции МВД России.

Заинтересованность в результатах законотворческой деятельности, потребность доведения позиции Правительства до депутатов значительно активизируют личное взаимодействие федеральных органов законодательной и исполнительной власти.

МВД России, последовательно реализуя свою заинтересованность в нормативном регулировании сферы внутренних дел, помимо формирования правовой позиции Правительства России на бумаге, выступая его официальным представителем при подготовке заключений, поправок и официальных отзывов, принимает активное участие в личном сопровождении проектов законов на всех этапах законодательного процесса: в Государственной Думе, Совете Федерации, Администрации Президента. Известно, что законопроект, поступающий

в Государственную Думу как от Правительства, так и от иных субъектов права законодательной инициативы, проходит множественные стадии, при этом сотрудники МВД России активно взаимодействуют с законодателем на протяжении всей хронологии законотворчества, что можно проследить на примере любого законопроекта. В первую очередь он регистрируется и направляется председателю Государственной Думы, который пересылает проект закона в Комитет Государственной Думы (например, по безопасности и противодействию коррупции, который является одним из профильных для органов внутренних дел). Комитет принимает решение о представлении законопроекта в Совет Государственной Думы с предложением о принятии его к рассмотрению. На данном этапе устанавливается срок представления отзывов, предложений, замечаний, если законопроект правительственный, поэтому представление официального отзыва не требуется, однако высказаться могут иные федеральные органы власти, субъекты права законодательной инициативы. На этапе рассмотрения законопроекта в первом чтении высказываются замечания, приводятся пояснения авторов закона, формы взаимодействия могут быть различными. Взаимодействие на стадии прохождения первого чтения самое активное и проходит по следующим направлениям: посещения и выступления на пленарных заседаниях, «правительственных часах», парламентских слушаниях, круглых столах, заседаниях рабочих групп, координационных советах, расширенных заседаниях, заседаниях комитетов (основные — по безопасности и противодействию коррупции, по конституционному законодательству и государственному строительству, по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству). В 2015 г. совместно с нижней палатой проведено 98 мероприятий; в 2016 — 87 (для сравнения за весь 3-й созыв Госдумы — 198).

Участие в мероприятиях, проводимых в Государственной Думе, руководителей и представителей подразделений центрального аппарата МВД России распределено между различными подразделениями МВД России, как правило, статс-секретарем — заместителем министра, ДПД, ГУОООП, ГУЭБиПК, ФЭД и др. Основными «фигурантами» законотворчества, безусловно, являются, статс-секретарь и ДПД МВД России.

Фигура статс-секретаря — заместителя министра в законодательном процессе играет определяющую роль, выражающуюся как раз в обеспечении взаимодействия федерального органа исполнительной власти и палат Федерального Собрания РФ¹. В обращении Государственной Думы к Председателю Правительства России² указывается, что продуктивность законотворческой деятельности палат парламента зависит от скоординированности участников законотворческого процесса, поэтому упразднение в свое время института статс-секретарей сказалось отрицательно на взаимодействиях Федерального Собрания и Правительства России в законодательной деятельности. В связи с изложенным институт статс-

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 13 августа 2005 г. № 514 «Об особенностях статуса и типовом должностном регламенте статс-секретарей — заместителей руководителей федеральных органов исполнительной власти» (в ред. от 20 октября 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 34, ст. 3507; 2016. № 44, ст. 6128.

² См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 6 апреля 2005 г. № 1695-IV ГД «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Председателю Правительства Российской Федерации М.Е. Фрадкову о восстановлении института статс-секретарей - заместителей руководителей федеральных органов исполнительной власти» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 16, ст. 1411.

секретарей — заместителей руководителей федеральных органов исполнительной власти — был восстановлен. Основными должностными обязанностями статс-секретаря являются организация законопроектной работы, взаимодействие с палатами Федерального Собрания, участие в формировании позиции Президента и Правительства по профильным проектам законов, координация деятельности федерального органа исполнительной власти и его структурных подразделений по законопроектной работе, участие в заседаниях Комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности.

Пройдя активную проработку в нижней палате парламента, принятый Государственной Думой законопроект передается на рассмотрение Совета Федерации, где в рамках совершенствования законодательных основ деятельности органов внутренних дел осуществляется не меньше мероприятий [5]. В первую очередь также определяется комитет (комиссия), ответственный за рассмотрение закона, который принимает по нему заключение. Предварительное рассмотрение происходит открыто, на заседания приглашаются инициаторы законопроекта, ученые и специалисты. Участвуя в заседаниях комитетов, МВД России действует как от лица Правительства России, так и в качестве специалиста по вопросам внутренних дел. За 2016 г. в верхней палате парламента состоялось 76 мероприятий (71 — в 2015 г., 97 — в 2013 г.), в т.ч. 1 «правительственный час», 4 парламентских слушания, 9 «круглых столов», 5 пленарных заседаний, 15 координационных совещаний, 23 заседания рабочих групп, совещаний, конференций и секций, 19 заседаний комитетов, что позволяет сделать вывод о высокой степени вовлеченности МВД России в законодательный процесс на всех его этапах, в т.ч. и после принятия закона, его одобрения, подписания, опубликования.

Таким образом, законодательный процесс, финишируя на этапе опубликования закона, не исчерпывает законотворческого процесса в целом. МВД России, демонстрируя активное участие в формировании законотворческой инициативы, взаимодействии с палатами Федерального Собрания РФ, не должно ограничиваться формально установленными процедурами, а вовлекаться в законотворчество комплексно — проводить анализ эффективности принятых норм, мониторинг их качества, внесение в них изменений, степень актуальности, особенно в первые годы. Именно комплексный подход к формированию нормативной базы, регулирующей сферу внутренних дел, будет в дальнейшем определять место и роль МВД России в законотворческом процессе и позволит феномену взаимодействия законодательных и исполнительных органов перейти на качественно новый уровень.

Библиографический список

1. Хабриева Т.Я., Сивицкий В.А. Федеральное Собрание в 2003 году: вклад законодателей в развитие российского федерализма и местного самоуправления // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 7–16.
2. Лазарев В.В. Общая теория права и государства: учебник. М.: Юрист, 2002. 414 с.
3. Иванов В.А. Правовые основы взаимодействия федеральных органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации в законодательном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 205 с.
4. Исаков В.Б. Федеральное законотворчество: некоторые тенденции развития // Журнал российского права. 2000. № 3. С. 22–41.

5. *Громова О.Н.* Парламентский контроль в Российской Федерации // Право и общество: эволюция во взаимодействии. Жидковские чтения: мат. междунар. науч. конф. М.: РУДН, 2015. С. 475–481.

References

1. *Khabrieva T.Ya., Sivitsky V.A.* Federal Assembly in 2003: the Contribution of Legislators to the Development of Russian Federalism and Local Self-government // Journal of Russian Law. 2003. № 12. P. 7–16.

2. *Lazarev V.V.* General Theory of Law and State: a textbook. M., 2002. 414 p.

3. *Ivanov V.A.* Legal Bases of Interaction of Federal Bodies of Legislative and Executive Authority of the Russian Federation in the Legislative Process: Dis .... cand. of law. Sciences: 12.00.02. M., Jurist, 2006.

4. *Isakov V.B.* Federal Lawmaking: Some Development Trends // Journal of Russian law. 2000. № 3. P. 22–41.

5. *Gromova O.N.* Parliamentary Control in the Russian Federation // Right and Society: Evolution in Interaction. Zhidkov's readings: int. conf. M., 2015. P. 475-481.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 343.196

О.И. Лавринович, О.В. Шутило

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Введение: в статье рассматривается значение кассационного судопроизводства как формы надзора за судебной деятельностью в уголовном судопроизводстве Российской Федерации; анализируются изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ и касающиеся стадии пересмотра приговоров в уголовном процессе; виды решений, принимаемых кассационной инстанцией; особенности кассационного руководства, указания кассационной инстанции при отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение. **Цель:** выявить особенности процессуального руководства суда кассационной инстанции по отношению к нижестоящим судам; проанализировать судебную практику Верховного Суда РФ по вопросам кассационного судопроизводства. **Методы:** системный подход, методы сравнения, описания, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм. **Результаты:** исследован вопрос об особенностях процессуального руководства судов кассационной инстанции по отношению к нижестоящим судам; сформулирована авторская позиция по проблемам, связанным с законодательным регулированием данного вопроса в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. **Выводы:** закрепление в Законе положения об обязательности указаний кассационных инстанций при отмене приговора и направлении дела на новое судебное рассмотрение свидетельствуют о дальнейшем укреплении судебного надзора, повышении роли вышестоящих судов по отношению к нижестоящим. Устанавливая различные пределы обязательности указаний, Закон тем самым усиливает гарантии независимости судов первой инстанции. Кассационное определение о направлении дела на новое кассационное рассмотрение имеет инструктивное значение, поскольку помогает судам и по другим делам учитывать и не допускать ошибки, которые ранее повлекли отмену приговора. Тем самым оно оказывает положительное влияние на следственную и судебную практику в целом.

Ключевые слова: Апелляционное, кассационное и надзорное производство, судебное решение, процессуальное руководство.

© Лавринович Ольга Ивановна, 2018
Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия)

© Шутило Ольга Викторовна, 2018
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: o.shutilo@yandex.ru

© Lavrinovich Olga Ivanovna, 2018
Candidate of law, associate professor of the Public prosecutions and criminology department (Saratov State Law Academy)

© Shutilo Olga Viktorovna, 2018
Candidate of law, associate professor of the Public prosecutions and criminology department (Saratov State Law Academy)

O.I. Lavrinovich, O.V. Shutilo

ISSUES OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS
OF THE CASSATION PROCEEDINGS

Background: the article discusses the significance of cassation proceedings as a form of supervision of the judicial activity in the criminal proceedings of the Russian Federation, analyzes the amendments made in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation by Federal Law No. 433-FL dated December 29, 2010 about the stage of sentences revision in criminal proceedings. The article analyzes the types of decisions taken at the stage of the cassation instance, examines the peculiarities of the cassation leadership, cassation instance instructions for setting aside of the verdict and remanding a case for a new trial. **Objective:** the authors of the article intend to identify the peculiarities of the procedural guidance at the cassation instance trial to lower courts, to analyze the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation on issues of the cassation proceedings. **Methodology:** in doing the research the following methods of study were applied: system approach, comparison methods, descriptions, formal-legal, comparative-legal methods, method of interpretation of legal norms. **Results:** the issue of the peculiarities of the procedural guidance of the courts of cassation instance in relation to lower courts was inquired; the author's position on the problems associated with the legislative regulation of this issue in the Code of Criminal Procedure was stated. **Conclusions:** the authors state that provision in the law on the compulsory nature of the instructions of the cassation instances when the sentence is remanded for a new trial and the judgment of the case is setting aside testifies to the further strengthening of the judicial supervision, increasing the role of higher courts in relation to the lower courts. By setting various limits on the mandatory nature of instructions, the law thereby enhances the guarantees of independence of the courts of first instance. The cassation ruling on remanding the case for a new cassation review is of the instructive value, since it helps the court in the other cases take into account and forbid conceding errors that previously led to the cancellation of the verdict. Thus, it has a positive impact on the investigative and judicial practice in general.

Key-words: appeal, cassation and supervisory proceedings, judicial decision, procedural direction.

Задачи дальнейшего повышения уровня осуществления правосудия по уголовным делам требуют от судов постоянного улучшения качества судебной деятельности и, прежде всего, вынесения законных и обоснованных приговоров.

Российское законодательство предусматривает эффективные процессуальные средства выявления и исправления судебных ошибок. Значительная роль в этом отношении принадлежит институту кассации, который позволяет сочетать активную деятельность суда, прокурора, защитника и отдельных граждан, участвующих в уголовном процессе. Цель кассационного производства следует считать достигнутой, если вышестоящий суд не только выявит незаконность приговора, но и быстро устранит ошибки, допущенные судом первой инстанции или примет меры к их устранению [1, с. 101].

В соответствии со ст. 401.14 УПК РФ в результате рассмотрения дела в кассационном порядке суд принимает одно из следующих решений:

1) оставляет приговор без изменения, а жалобу или представление без удовлетворения;

- 2) отменяет приговор и передает уголовное дело на новое судебное рассмотрение либо возвращает дело прокурору;
- 3) отменяет приговор суда апелляционной инстанции и передает уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение;
- 4) отменяет решение суда кассационной инстанции и передает уголовное дело на новое кассационное рассмотрение;
- 5) отменяет приговор и все последующие судебные решения и прекращает производство по данному уголовному делу;
- 6) изменяет приговор.

Суд кассационной инстанции вправе непосредственно устранить ошибки, приведшие к постановлению незаконного приговора, а также принять меры к тому, чтобы они были исправлены при новом рассмотрении уголовного дела. Согласно ч. 3 ст. 401. 16 УПК РФ суд кассационной инстанции вправе, не передавая дело на новое рассмотрение, внести необходимые изменения в приговор и смягчить назначенное осужденному наказание или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении. Так, по приговору Верховного Суда РФ Саха (Якутия) К. осужден по п. «б» ч. 4 ст. 158, ч. 2. ст. 191, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Осужденный К. в кассационной жалобе просил о смягчении ему наказания, считая, что при назначении наказания суд не учел его заявление о явке с повинной и активное содействие в раскрытии преступления.

Из материалов уголовного дела следует, что К. был задержан 4 ноября 2015 г. по подозрению в краже золота, совершенного совместно с другими лицами, т.е. в преступлении, предусмотренном п. «б» ч. 4. ст. 158 УК РФ. В тот же день он дал показания, где спрятал похищенное золото и утопил труп потерпевшего. Уголовное дело по признакам п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ было возбуждено 8 ноября 2015 г. Таким образом, у К. по преступлению, предусмотренному п. «к» ч. 2. ст. 105 УК РФ, имеются смягчающие наказание обстоятельства — явка с повинной, поскольку при допросе он добровольно сообщил о совершении им другого преступления. Суд первой инстанции в нарушение требований закона не учел заявление о явке с повинной К. в качестве обстоятельства, смягчающего наказание.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор, признала явку с повинной обстоятельством, смягчающим наказание К. по преступлению, предусмотренному п. «к» ч. 2. ст. 105 УК РФ, и смягчила назначенное ему наказание¹.

Значительная часть судебных ошибок устраняется путем отмены приговоров с направлением дела на новое судебное рассмотрение. Отменяя приговор и направляя дело на новое рассмотрение, кассационная инстанция в своем определении должна указать, в чем конкретно выразились нарушения закона, повлекшие отмену приговора, и что нужно сделать при новом производстве по делу, чтобы избежать повторение допущенных ошибок.

Весьма актуальным является уяснение характера процессуального руководства, которое осуществляет кассационная инстанция за деятельностью нижестоящих судов [3, с. 137]. Проверка кассационной инстанцией приговоров, вступивших в законную силу, является основной формой процессуального руководства. Его цель — обеспечить единообразное и правильное применение

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1. С. 28–29.

законов всеми нижестоящими судами, оказать положительное влияние не только на новое судебное рассмотрение конкретных уголовных дел, но и на всю процессуальную деятельность суда.

То обстоятельство, что судьи поставлены в независимое положение и подчиняются только закону, не исключает руководство их деятельностью, а лишь свидетельствует об особом характере этого руководства, которому присущи следующие особенности:

1) кассационное руководство осуществляется по отдельным уголовным делам путем их проверки вышестоящим судом по жалобам и представлениям и дачи конкретных указаний, а не посредством дачи общих указаний вышестоящим органом;

2) кассационное производство представляет собой одну из форм правосудия: рассмотрение дел происходит в судебном разбирательстве и заканчивается вынесением по нему решений о законности или незаконности приговора;

3) кассационное руководство осуществляется после рассмотрения дела и вынесения приговора судом первой и апелляционной инстанций;

4) у кассационной инстанции нет права на вынесение нового приговора. Она может изменить приговор суда первой инстанции или отменить неправильный приговор и дать соответствующие указания, которые должны способствовать новому рассмотрению дела;

5) указания, даваемые кассационной инстанцией, не должны стеснять независимость судей при новом рассмотрении дела: в доказывании, в определении объема обвинения, инкриминируемого обвиняемому, в квалификации преступления и назначении судом справедливого наказания.

Во всех случаях отмены приговора и направлении дела на новое рассмотрение кассационная инстанция обязана в своем определении не только изложить основания и мотивы отмены незаконного приговора, но и дать соответствующие указания о том, что нужно сделать при новом производстве по делу, чтобы избежать повторения ранее допущенных ошибок и предотвратить возможность появления новых.

Указания суда кассационной инстанции, даваемые в его определении, формируются в результате рассмотрения в судебном заседании всех материалов дела в полном объеме, независимо от доводов, изложенных в кассационных жалобах или представлениях.

На основе анализа действующего законодательства и практики его применения можно дать следующее определение указания суда кассационной инстанции: это одно из основных процессуальных средств судебного надзора, заключающееся в предписании вышестоящего суда нижестоящему суду о необходимости устранения нарушений закона и выполнении его требований, даваемое в форме определения в связи с отменой приговора и направлением дела на новое рассмотрение, цель которого — содействовать принятию правильного решения по уголовному делу в результате его судебного рассмотрения.

Правовая природа и функциональное назначение указаний суда кассационной инстанции состоят в следующем:

1) указания исходят от вышестоящего суда, который осуществляет надзор за деятельностью нижестоящих судов;

2) предметом указаний суда кассационной инстанции являются такие судебные ошибки и нарушения закона, которые могут быть устранены лишь в результате нового производства по делу после отмены первоначального приговора;

3) данные указания носят обязательный характер для судов нижестоящих инстанций, повторно рассматривающих данное уголовное дело;

4) цель указаний суда кассационной инстанции — устранить допущенные ошибки и предупредить новые.

В теории и практике вызывает определенный интерес вопрос о содержании указаний кассационной инстанции. В п. 6 ст. 401.16 УПК РФ подчеркивается обязательный характер всех указаний, даваемых вышестоящим судом, при вторичном рассмотрении дела. В то же время в соответствии с п. 7 ст. 401.16 УПК РФ в случае отмены судебного решения суд кассационной инстанции не вправе: 1) устанавливать или считать доказанным факты, которые не были установлены в приговоре или были отвергнуты им; 2) предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, достоверности или недостоверности того или иного доказательства и преимущества одних доказательств перед другими; 3) принимать решения о применении судом первой или апелляционной инстанции того или иного уголовного закона и о мере наказания; 4) предрешать выводы, которые могут быть сделаны судом первой или апелляционной инстанции при повторном рассмотрении данного уголовного дела.

Пределы обязательности таких указаний выражаются в том, что они обязывают суд первой инстанции вновь возвратиться к этим вопросам при новом рассмотрении дела, но в своих окончательных выводах по делу эти суды независимы.

Закрепление в законе положения об обязательности указаний кассационных инстанций при отмене приговора и направлении дела на новое судебное рассмотрение свидетельствует о дальнейшем укреплении судебного надзора, повышении роли вышестоящих судов по отношению к нижестоящим. Вместе с тем, устанавливая различные пределы обязательности указаний, закон тем самым усиливает гарантии независимости судов первой инстанции.

Кассационное определение о направлении дела на новое кассационное рассмотрение имеет инструктивное значение, поскольку помогает судам и по другим делам учитывать и не допускать ошибки, которые ранее повлекли отмену приговора. Тем самым оно оказывает положительное влияние на следственную и судебную практику в целом.

Принимая во внимание, что значение кассационного определения по конкретному делу сохраняется для будущей деятельности суда, целесообразно, чтобы заинтересованные ведомства более широко информировали практических работников о наиболее важных решениях кассационной инстанции и других вышестоящих судов по вопросам, имеющим принципиальное значение для судебной практики. Это, несомненно, способствовало бы повышению эффективности кассационного руководства.

Библиографический список

1. *Закарян С.А.* Особенности судебных стадий контрольного производства в уголовном процессе // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 98–107.

2. *Жуйков В.М.* О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 135–150.

References

1. *Zakaryan S.A.* Features of Judicial Stages of Control Proceeding in the Criminal Procedure // *Journal of Russian Law*. 2016. № 5. P. 98–107.
2. *Zhuikov V.M.* On Some Problems of the Development of Procedural Legislation and Legislation on the Judicial System // *Journal of Russian Law*. 2017. No. 8. P. 135–150.

УДК 347.963.0

Е.Г. Лиходаев, А.А. Титова, С.Е. Якушева

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Введение: Деятельность органов прокуратуры призвана обеспечивать верховенство закона на всей территории Российской Федерации. На прокурорских работников как на федеральных государственных служащих распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные федеральным законодательством. Тем не менее, реалии жизни свидетельствуют о том, что не все сотрудники прокуратуры соблюдают данные требования. **Цель:** рассмотрение организационных и процедурных аспектов привлечения сотрудников прокуратуры к различным видам ответственности: дисциплинарной, уголовной, административной и причин совершения правонарушений, а также эффективность мер, применяемых к правонарушителям. **Методологическая основа:** применялись системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой, диалектический методы научного познания, которые позволяют полно и всесторонне исследовать организационно-правовые вопросы привлечения прокурорских работников к ответственности. **Результаты:** На основе анализа примеров из судебной и дисциплинарной практики прокуратуры предпринята попытка выработать целостный подход к оценке результативности мероприятий по совершенствованию и укреплению служебной дисциплины в органах прокуратуры. **Выводы:** в целях совершенствования и укрепления служебной дисциплины, воспитания прокурорских работников необходимо ежемесячно принимать меры по укреплению служебной дисциплины, реализации программ профессиональной подготовки сотрудников, внедрять современные технологии, связанные с проведени-

© Лиходаев Евгений Геннадьевич, 2018

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vindex77@mail.ru

© Титова Анжела Александровна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: anz66@yandex.ru

© Якушева Светлана Евгеньевна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: yaha76.06.06@list.ru

© Likhodaev Evgeniy Gennadievich, 2018

Candidate of legal sciences, associate Professor of the Department of prosecutorial supervision and criminology (Saratov State Law Academy)

© Titova Anzhela Aleksandrovna, 2018

Candidate of legal sciences, associate Professor of the Department of prosecutorial supervision and criminology (Saratov State Law Academy)

© Yakusheva Svetlana Evgen'evna, 2018

Candidate of legal sciences, associate Professor of the Department of prosecutorial supervision and criminology (Saratov State Law Academy)

ем психофизиологических исследований сотрудников органов прокуратуры, а также применять на практике наиболее эффективную форму работы с молодыми — наставничество. Работу с кадрами следует рассматривать как один из главных инструментов повышения результативности деятельности прокурорской системы.

Ключевые слова: *ответственность сотрудников прокуратуры, юридическая ответственность, дисциплинарная ответственность, уголовная ответственность, служебная дисциплина.*

E.G. Likhodaev, A.A. Titova, S.E. Yakusheva

SOME ASPECTS OF THE ACCOUNTABILITY OF PROSECUTORS

Background: *activity of bodies of prosecutor's office is intended to provide rule of law in all territory of the Russian Federation. On public prosecutor's workers as on federal public servants, the restrictions, the bans and duties established by the federal legislation extend. Nevertheless, realities of life demonstrate that not all staff of prosecutor's office observes these requirements. Objective:* *consideration of organizational and procedural aspects of involvement of staff of prosecutor's office to different types of responsibility: disciplinary, criminal, administrative and the reasons of commission of offenses and also efficiency of the measures applied to offenders. Methodology:* *form system and structural, formal and logical, comparative and legal, dialectic methods of scientific knowledge which allow to investigate fully and comprehensively organizational and legal questions of involvement of public prosecutor's workers to responsibility. Results:* *on the basis of the analysis of examples from judicial and disciplinary practice of prosecutor's office, an attempt to develop complete approach to assessment of effectiveness of actions for improvement and strengthening of office discipline in bodies of prosecutor's office is made. Conclusions:* *for improvement and strengthening of office discipline, education of public prosecutor's workers it is necessary to take monthly measures for strengthening of office discipline, implementation of programs of vocational training of employees, to introduce the modern technologies connected with carrying out psychophysiological researches of staff of bodies of prosecutor's office and also to put into practice the most effective form of work with young people — mentoring. Human resource management should be considered as one of the main instruments of increase in effectiveness of activity of all public prosecutor's system.*

Key-words: *the responsibility of prosecutors, legal liability, disciplinary liability, criminal responsibility, discipline.*

Деятельность органов прокуратуры призвана обеспечивать верховенство закона на всей территории Российской Федерации. В силу данного положения сотрудники прокуратуры «должны всемерно содействовать утверждению в обществе духа законности и справедливости, сохранению и приумножению исторических и культурных традиций многонационального народа Российской Федерации, осознавая при этом социальную значимость прокурорской деятельности и меру ответственности перед обществом и государством»¹, соблюдать Конституцию РФ, действующее законодательство и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации, руководствоваться приказами Генерального прокурора РФ и своих руководителей, правилами

¹ См.: Приказ Генерального прокурора РФ от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» (в ред. от 22 апреля 2011 г.) // Законность. 2010. № 6.

поведения, установленными Кодексом этики прокурорского работника и Присягой прокурора, а также нормами морали и нравственности, основанными на принципах законности, справедливости, независимости, объективности, честности и гуманизма.

На прокурорских работников как на федеральных государственных служащих в соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2017 г.) (далее — Закон о прокуратуре)², распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»³ и Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2017 г.)⁴. Тем не менее, реалии жизни свидетельствуют о том, что не все сотрудники прокуратуры соблюдают данные требования, имеют место нарушения как норм морали и человеческого общежития, так и действующего законодательства, в том числе и уголовного, о чем свидетельствуют сообщения в СМИ и сведения на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации⁵. В такой ситуации следует вести речь о суровой и неотвратимой ответственности прокурорских работников. Однако в данной сфере имеет место целый ряд проблем правового, организационного и процедурного характера, не получивших надлежащего разрешения.

В современной науке под «юридической ответственностью» принято понимать «применение к правонарушителю предусмотренных санкцией юридической нормы мер государственного принуждения, выражающихся в форме лишений личного, организационного либо имущественного характера» [1, с. 34]. Применительно к сотрудникам прокуратуры чаще всего принято выделять дисциплинарную и уголовную ответственность. При этом следует отметить, что согласно п. 1 ст. 42 Закона о прокуратуре проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, — исключительно компетенция органов прокуратуры. Таким образом, и за совершение административного проступка прокурорские работники несут дисциплинарную ответственность. В то же время некоторыми учеными выделяются конституционная и административная виды ответственности прокурорских работников. Так, согласно особому мнению судьи Конституционного Суда РФ В.О. Лучина к Постановлению Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом РФ относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора РФ от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела»⁶ «в конституционно-правовом смысле освобождение и временное отстранение от должности обладают единой юридической природой — это меры конституционно-правовой ответственности, предусматривающие определенные ограничения, возможность применения госу-

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47, ст. 4472; 2017. № 31, ч. 1, ст. 4795.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228; 2017. № 15, ч. 1, ст. 2139.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215; 2017. № 31, ч. 1, ст. 4824.

⁵ См.: Официальный сайт общественного движения «Дорожный контроль». URL: <http://dk36.ru/2017/04/01/v-voronezhe-posle-ryanogo-dtp-gde-postradala-beremennaya-uvolili-sotrudnika-prokuratury/> (дата обращения: 10.10.2017); Официальный сайт Генеральной прокуратуры. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1133764/> (дата обращения: 05.10.2017).

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 51, ст. 6364.

дарственного принуждения к виновному должностному лицу». В соответствии с разъяснениями Генеральной Прокуратуры РФ «О порядке разрешения вопросов привлечения прокуроров к административной ответственности за нарушение Правил дорожного движения РФ, зафиксированные в автоматическом режиме техническими средствами» проверка сообщения о факте административного правонарушения, зафиксированного таковым, не проводится. В этой связи суды признают законным и обоснованным привлечение сотрудников прокуратуры к административной ответственности в общем порядке⁷.

В приказе Генерального прокурора от 16 января 2013 г. № 28 во исполнение положений о порядке выплаты премий «Об утверждении положений о порядке премирования, выплаты материальной помощи и единовременных поощрений прокурорским работникам, федеральным государственным гражданским служащим и работникам, замещающим должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы, в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» (в ред. от 9 марта 2017 г.)⁸ и об условиях оплаты труда работников прокуратуры «лишение премии или снижение ее размера ... производится только за тот период, в котором имело место нарушение». Данная мера воздействия отсутствует среди мер дисциплинарного взыскания, перечень которых предусмотрен ст. 47.1 Закона о прокуратуре, что позволяет рассматривать лишение премии как меру материальной ответственности. По нашему мнению, это противоречит самой сути материальной ответственности, которая согласно трудовому законодательству наступает лишь в случае причинения работником материального вреда работодателю.

Наибольшее количество вопросов возникает при привлечении прокурорских работников к дисциплинарной и уголовной ответственности. В целях обеспечения соблюдения законности в стране в случае совершения должностных проступков сотрудниками органов прокуратуры руководители органов и учреждений прокуратуры обязаны привлекать таких правонарушителей к дисциплинарной ответственности.

Прокурорами субъектов РФ ежеквартально издаются приказы о премировании работников по итогам службы за каждый квартал года. В приказах указываются в т.ч. и работники, имеющие упущения по службе, и которым премии не выплачиваются или выплачиваются в сокращенном размере. Такие приказы ежеквартально рассылаются по всем прокуратурам субъектов и передаются в Генеральную прокуратуру РФ. Следовательно, дисциплинарная ответственность — это не только важный элемент правового статуса сотрудника прокуратуры, но и важное средство обеспечения дисциплины. За совершение дисциплинарного проступка, т.е. неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него обязанностей руководитель органа или учреждения прокуратуры имеет право применить к ним следующие дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, строгий выговор, понижение в классном чине, лишение нагрудного знака «За безупречную службу в прокура-

⁷ См.: Решение Каширского районного суда Воронежской области от 17 октября 2014 г. по делу № 12-116/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/0J4HpLiiZtYM/> (дата обращения: 01.10.2017).

⁸ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Приказ Генерального прокурора России от 6 октября 2008 г. № 44-10 «О введении новой системы оплаты труда работников, осуществляющих профессиональную деятельность по профессиям рабочих в органах прокуратуры Российской Федерации» (в ред. от 9 марта 2017 г.). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

туре Российской Федерации», лишение нагрудного знака «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации», предупреждение о неполном служебном соответствии, увольнение из органов прокуратуры.

О всех случаях таких нарушений, совершенных конкретными работниками, становится известно всем служащим. Список правонарушителей с указанием ФИО, должности, приводится в приложении к ежеквартальному приказу в виде таблицы с указанием номера приказа прокурора субъекта о привлечении лица к дисциплинарной ответственности. В таком случае, на наш взгляд, можно говорить и о морально-психологическом характере воздействий налагаемых взысканий исключительно на лицо, подвергнутое им.

Как показывает практика, привлечение к дисциплинарной ответственности оперативных работников прокуратуры допускается за ненадлежащее исполнение ими своих должностных обязанностей, выразившихся в недостатках и упущениях при осуществлении того или иного вида надзора, за нарушение действующего законодательства. К наиболее типичным нарушениям, за которые последовала дисциплинарная ответственность работников районных и городских прокуратур за 2016 г., относятся: неосуществление контроля за исполнением поручения прокурора республики; некачественная подготовка докладных записок; неправильное применение правовых норм при даче заключений; нарушение сроков исполнения заданий Генеральной прокуратуры РФ; необоснованное возвращение уголовного дела в органы следствия, что повлекло обжалование данного решения в вышестоящую прокуратуру; нарушение порядка рассмотрения обращений граждан; некачественное изучение материалов уголовного дела, что в некоторых случаях повлекло отказ в возбуждении уголовного дела, а в некоторых, напротив, возбуждение уголовных дел, в которых не содержатся признаки состава преступления; нарушение правил ведения статистического учета, что повлекло недостоверность статистических данных, направленных в вышестоящую прокуратуру; непринятие мер к апелляционному обжалованию незаконно вынесенного приговора суда, а также апелляционное обжалование вынесенного приговора суда с нарушениями законодательства; неорганизация надзора за обеспечением безотлагательного реагирования на принятие незаконных нормативно-правовых актов поднадзорными органами и организациями; некачественное проведение проверок; прогул и др.

Так, за период с 2013 по 2017 г. в России в органах прокуратуры возросло число лиц, уволенных «за нарушение Присяги прокурора и трудовой дисциплины, а также за совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника». Например, приказом прокурора Республики Ингушетия от 26 августа 2013 г. старший прокурор отдела по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами прокуратуры Республики Ингушетия А.Б. Ужахов был уволен за нарушение трудовой дисциплины в виде прогула на основании подп. «в» п. 1 ст. 43 Закона о прокуратуре⁹. Приказом от 10 августа 2015 г. № 656-к за грубое нарушение трудовой дисциплины — прогул, нарушение Присяги прокурора и совершение проступка, порочащего честь прокурорского работника Б. освобождена от должности помощника Минераловодского межрайонного прокурора и уволена из прокуратуры Ставропольского края. При этом в обоснование приказа

⁹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 5 сентября 2014 г. № 26-КГ14-27. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

об увольнении указано, что Б. неоднократно находилась на лечении, однако несмотря на письменные запросы о необходимости представления в прокуратуру края всех имеющихся листков временной нетрудоспособности, они не представлены. Таким образом, Б. не дорожила своей профессиональной честью работника прокуратуры, не проявила образца моральной чистоты, скромности, нарушила своими действиями требования Общих принципов служебного поведения государственных служащих, Присягу прокурора, Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации¹⁰.

Следует отметить, что за дисциплинарный проступок по службе, совершенный помощником прокурора, ответственность несет также и прокурор. Следовательно, нарушение дисциплины сотрудниками прокуратуры оказывает негативное влияние на эффективность профессиональной деятельности органов прокуратуры, дискредитирует прокуратуру в глазах населения. Поэтому первостепенное значение придается вопросам соблюдения сотрудниками служебной дисциплины и законности, от решения которых во многом зависит степень доверия граждан к данной структуре.

Как уже отмечалось, в качестве одного из видов дисциплинарных взысканий, применяемых к работникам органов и учреждений прокуратуры, является привлечение к материальной ответственности, поводом для которого служит непрофессиональное исполнение самими прокурорскими работниками служебных обязанностей, а также в некоторых случаях и ненадлежащий контроль за исполнением этих обязанностей подчиненными.

Непрофессионализм, как правило, выражается в некачественном исполнении обязанностей, пропуске установленных сроков, нарушении установленных правил представления документации, несоблюдении норм приказов и инструкций при выполнении служебных обязанностей. В случаях, когда ненадлежащее исполнение обязанностей является систематическим, приводит к неблагоприятным последствиям, уже наступает дисциплинарная ответственность в соответствии с трудовым законодательством и Законом о прокуратуре.

Актуальным является вопрос, связанный и с нарушением работниками органов прокуратуры Правил дорожного движения. Так, помощником прокурора И.А. Ягафаровой не было доложено руководству прокуратуры района и Республики о совершении ДТП. Кроме того, она пыталась умышленно скрыть от сотрудников ГИБДД сведения о месте работы. Указанное привело к проведению сотрудниками полиции незаконной проверки и принятию ими незаконного решения о признании И.А. Ягафаровой виновной в совершении административного правонарушения, что является исключительной компетенцией органов прокуратуры. Тем самым И.А. Ягафарова нарушила требования ст. 42 Закона о прокуратуре. Помимо этого, она сразу после ДТП, желая скрыть место своей службы, осознавая последствия нарушения ею закона, переоделась в машине из формы сотрудника прокуратуры в гражданскую одежду. Своими действиями она допустила нарушение Присяги прокурора, требования Кодекса этики прокурорского работника, а также совершила проступок, порочащий честь про-

¹⁰ См.: Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 3 марта 2016 г. по делу № 33-1311/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

курорского работника. По итогам служебной проверки¹¹ она была привлечена к дисциплинарной ответственности в виде увольнения из органов прокуратуры¹².

Постановлением инспектора по исполнению административного законодательства Центра видеофиксации ГИБДД ГУ МВД России по Воронежской области сотрудник органов прокуратуры был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.9 КоАП РФ¹³.

Возросло число лиц, уволенных за непрофессиональное и неэтичное поведение служащих, причем не только в работе, но и во внеслужебной деятельности. Так, например, А. Седых (помощник прокурора Советского района г. Воронежа) уволен за вождение автомобиля в нетрезвом виде, участие в самом ДТП, попытке скрыться с места ДТП¹⁴; С. Иванов (прокурор Ленинградской области) уволен в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела по подозрению в получение взяток в размере 20 млн руб.¹⁵ В сентябре 2016 г. было возбуждено уголовное дело (хулиганство) в отношении старшего помощника прокурора Шалинского района М. Гучигова, который управлял автомобилем в составе свадебного кортежа, участники которого, выражая явное неуважение к обществу и используя травматическое оружие, грубо нарушили общественный порядок. Однако закончился названный инцидент привлечением сотрудника прокуратуры лишь к дисциплинарной ответственности. За нарушение Присяги прокурора и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника, М. Гучигов приказом прокурора Чеченской Республики от 21 сентября 2016 г. уволен со службы¹⁶.

Другим ярким примером является факт привлечения к уголовной ответственности работников Обнинской городской прокуратуры Курносова, Шогенова и водителя Козонова, где беспрецедентное дело было доведено до суда и вынесен приговор. Обнинский городской суд Калужской области вынес приговор по уголовному делу в отношении бывших заместителя прокурора г. Обнинска М. Курносова, помощника прокурора г. Обнинска З. Шогенова и водителя прокуратуры г. Обнинска М. Козонова. Курносов признан судом виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки в крупном размере), Шогенов и Козонов — в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере). Суд с учетом мнения государственного обвинителя признал подсудимых виновными в совершении инкриминированных им деяний и назначил наказание Курносову в виде 7 лет лишения свободы, Шогенову и Козонову — с применением ст. 64 УК РФ в виде 4 лет лишения свободы каждому, с отбыванием наказания в ис-

¹¹ См.: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 28 апреля 2016 г. № 255 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения служебных проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // Законность. 2016. № 7.

¹² См.: Определение Верховного Суда Республики Башкортостан № 33-3960/2016 от 17 марта 2016 г. по делу № 33-3960/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/cMw7gAaRkMxS/> (дата обращения: 12.10.2017).

¹³ См.: Решение Каширского районного суда Воронежской области от 17 октября 2014 г. 12-116/2014 по делу № 12-116/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/0J4HpLiiZtYM/> (дата обращения: 16.10.2017).

¹⁴ См.: Официальный сайт общественного движения «Дорожный контроль». URL: <http://dk36.ru/2017/04/01/v-voronezhe-posle-ryanogo-dtp-gde-postradala-beremennaya-uvolili-sotrudnika-prokuratury/> (дата обращения: 16.10.2017).

¹⁵ См.: Официальный сайт Генеральной прокуратуры. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1133764/> (дата обращения: 16.10.2017).

¹⁶ См.: Официальный сайт Генеральной прокуратуры. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1122007/> (дата обращения: 16.10.2017).

правительной колонии строгого режима. Курносов и Шогенов лишены права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением организационно-распорядительных функций, сроком на 3 года, а также лишены классовых чинов прокурорских работников. Кроме того, всем осужденным назначено дополнительно наказание в виде штрафа в размере 60-кратной суммы взятки — 12 млн руб.¹⁷

Также вынесен приговор в отношении бывшего заместителя прокурора Томской области О. Колупаева, приговоренного к 7 годам и 5 мес. лишения свободы в колонии строгого режима, штрафу в 21 млн руб. и к запрету на 3 года занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления за совершение преступления, предусмотренного ч. 5 п. «в» ст. 290 УК РФ¹⁸.

Как видно, в отношении прокурорских работников принимаются меры не только по привлечению их к административной ответственности. К сожалению, нередки случаи привлечения их и к уголовной ответственности, что, по нашему мнению, в наибольшей степени дискредитирует работника прокуратуры и органы прокуратуры в целом в глазах населения, подрывает их авторитет.

Это далеко не все случаи за последние несколько лет. Часто недобросовестные прокуроры самостоятельно подают заявление об отставке или об увольнении по собственному желанию, чтобы избежать огласки. Однако по фактам совершенных ими преступлений и злоупотребления полномочиями во время нахождения в должности, как правило, возбуждаются уголовные дела и о непрофессионализме таких работников становится известно. Таким примером служит громкое дело бывшего прокурора г. Энгельса Саратовской области В. Зубакина.

Наиболее опасны преступления, совершенные сотрудниками органов прокуратуры, в чьи непосредственные обязанности входит борьба с преступностью. Как показывает практика, ввиду специфичности статуса указанных лиц, обусловленного гарантиями неприкосновенности при совершении ими преступных деяний, уголовные дела могут быть возбуждены, но впоследствии прекращены, и сотрудник прокуратуры «может отделаться» лишь дисциплинарным взысканием. В качестве одной из причин также можно указать недостаточный уровень правовой регламентации вопроса привлечения к уголовной ответственности прокурорских работников, производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, в целях совершенствования и укрепления служебной дисциплины, воспитания прокурорских работников необходимо ежемесячно принимать меры по укреплению служебной дисциплины, реализации программ профессиональной подготовки сотрудников по внедрению современных технологий, связанных с проведением психофизиологических исследований сотрудников органов прокуратуры. Также необходимо применять на практике наиболее эффективную форму работы с молодыми — наставничество. При этом работу с кадрами следует рассматривать как один из главных инструментов повышения результативности деятельности всей прокурорской системы. Прокурорские работники и государственные служащие должны профессионально,

¹⁷ См.: Официальный сайт Генеральной прокуратуры. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-754684/> (дата обращения: 16.10.2017).

¹⁸ Томский экс-прокурор Олег Колупаев получил за взятку 7 лет колонии и 21 млн штрафа. URL: <http://novo-tomsk.ru/26385-tomskiy-eks-prokuror-oleg-kolupaev-poluchil-za-vzyatku-7-let-kolonii-i-21-mln-shtrafa.html> (дата обращения: 16.10.2017).

интеллектуально и психологически быть готовыми к работе в условиях высокой нагрузки и добросовестно выполнять служебные обязанности.

Библиографический список

1. *Лебедев В.А., Киреева Е.А., Шадрин В.М.* Теория государства и права: учебное пособие. 2-е изд., доп. М.: Изд-во Московского ун-та, 2005. 286 с.

References

1. *Lebedev V.A., Kireeva E.A., Shadrin V.M.* Theory of state and law: textbook. 2-nd ed.. М.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2005. 286 p.

УДК 811.112.2

О.С. Родионова

ОБУЧЕНИЕ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Введение: федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, программа по иностранным языкам для вузов неязыковых специальностей определяют цели и содержание обучения, а также характер и содержание учебных материалов.

Для реализации этих требований необходимо пересмотреть формы работы и методические решения в обучении иностранному языку. Преподавание иностранного языка предполагает новый стиль педагогического общения, сотрудничество преподавателя и обучающихся, позволяющее развивать у них навыки самостоятельной учебной деятельности. **Цель:** рассмотреть основные направления работы по обучению немецкого языка в Саратовской государственной юридической академии, пути формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования и Программы курса иностранного языка для вузов неязыковых специальностей. **Методы:** системный и описательный. **Результаты:** выявлены значительные различия в востребованности конкретных иноязычных речевых умений, определяемых сферой деятельности специалиста, а также в необходимых уровнях владения данными умениями. **Выводы:** Опора на современные методологические подходы способствует развитию системных, социальных и инструментальных компетенций будущих профессионалов, а также позволяет вовлечь обучающихся в самостоятельную исследовательскую деятельность. Рациональное использование эклектичных приемов и техник, предлагаемых в рамках различных подходов, позволяет разнообразить учебный опыт, что способствует повышению мотивации и стимулирует формирование различных видов компетенций.

Ключевые слова: стратегии, мотивация, профессиональная сфера, межкультурная коммуникация, языковая модель, специальная терминология, профессиональная адаптация, профессиональная квалификация, языковая компетенция, иноязычная коммуникативная компетенция.

© Родионова Ольга Сергеевна, 2018

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: rodionovakdf@yandex.ru

© Rodionova Olga Sergeevna, 2018

Doctor of Philological sciences, Professor of the Foreign languages department (Saratov State Law Academy)

O.S. Rodionova

GERMAN LANGUAGE COURSE
AT THE SARATOV STATE LAW ACADEMY

Background: federal state educational standards of higher education, the program on foreign languages for high schools of non-linguistic specialties determine the purposes and content of education, as well as the nature and content of educational materials.

To implement these requirements, it is necessary to revise the forms of work and methodological solutions in teaching a foreign language. Teaching a foreign language involves a new style of pedagogical communication, cooperation between teachers and students, allowing them to develop skills of independent learning activities. **Objective:** to consider the main directions of work on German language training in the Saratov State Law Academy, ways of formation of foreign language communicative competence of students in accordance with the requirements of the Federal state educational standards of higher education and the foreign language course Program for high schools of non-linguistic specialties. **Methodology:** systemic and descriptive. **Results:** significant differences in the demand for specific foreign language speech skills, determined by the field of activity of the specialist, as well as in the required levels of ownership of these skills are revealed. **Conclusions:** reliance on modern methodological approaches contributes to the development of systemic, social and instrumental competencies of future professionals, as well as allows students to be engaged in independent research activities. Rational use of eclectic methods and techniques proposed in different approaches, allows us to vary the learning experience that enhances their motivation and encourages formation of various kinds of competencies.

Key-words: strategy, motivation, professional sphere, cross-cultural communication, language model, special terminology, professional adaptation, professional qualifications, linguistic competence, foreign-language communicative competence.

«Обучение иностранным языкам в неязыковом вузе рассматривается как обязательный компонент профессиональной подготовки специалиста любого профиля, а владение иностранным языком — как один из показателей степени общей образованности современного человека» [1, с. 7]. Программа по иностранным языкам для вузов неязыковых специальностей, федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования четко определяют цели и содержание обучения, а также характер и содержание учебных материалов. В целях реализации этих требований необходимо пересмотреть методические решения и формы работы в обучении иностранному языку.

В отечественной методике актуальны три основных подхода, которых мы придерживаемся при обучении немецкому языку в академии: компетентностный, деятельностный, коммуникативный. Компетентностный подход формирует творческую личность [2; 3; 4; 5; 6; 7]. А.А. Калекин подчеркивает, что «для успешной самореализации в условиях рыночной экономики, смены технологий, динамичного развития социальных отношений каждый гражданин современного российского общества должен обладать компетентностью со следующим набором ключевых компетенций:

- а) готовность делать осознанный и ответственный выбор;
- б) технологическая компетенция;
- в) готовность к самообразованию (образованию через всю жизнь);
- г) информационная компетенция;

д) социальная компетенция (готовность к продуктивному социальному взаимодействию);

е) коммуникативная компетенция» [7, с. 245–250].

Компетентностный подход связан с деятельностным подходом. Деятельность — источник формирования личности, фактор ее развития. Деятельностный подход дает возможность рассматривать деятельность субъекта как интегрирующую основу развития его компетенций, отражает самостоятельность и автономию обучающегося в процессе обучения [8; 9; 10].

Основная задача коммуникативного подхода обучения — формирование коммуникативной компетенции [11]. Коммуникативный подход тесно связан с деятельностным и компетентностным подходами в образовании.

В сложной ситуации оказываются преподаватели некоторых неязыковых вузов, работающие в рамках сжатого курса при небольшом количестве учебных часов, отводимых на изучение иностранного языка. Для достижения обучающимися достаточной языковой и коммуникативной компетенции, усвоения необходимых знаний языка для специальных целей мы разработали программу по совершенствованию процесса обучения немецкому языку в Саратовской государственной юридической академии, по привлечению внимания обучающихся к его изучению. Основной практической целью программы является обучение иноязычному профессиональному общению. Однако в нашей программе заложены и образовательные, и воспитательные цели. Их реализация связана с повышением общего уровня культуры будущих специалистов. Программа по популяризации немецкого языка в академии была выдвинута на международный конкурс по проекту Немецкого культурного центра имени Гете при информационной поддержке Федерального агентства по образованию РФ «Учить немецкий — думать о будущем». Программа была признана лучшей (в проекте принимало участие более 60 вузов СНГ).

Содержание обучения ориентировано на расширение у обучающихся диапазона межкультурных знаний и формирование умений делового общения в ситуациях межкультурного взаимодействия. Учебный материал отбирается с учетом задач и целей смежных профилирующих дисциплин. Весьма важно, на наш взгляд, определение структуры и содержания уровней межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся, выявление критериев отбора профессионально ориентированных аутентичных текстов для учебно-методических материалов для аудиторной и самостоятельной работы обучающихся.

При всей значимости новых программ, теоретических концепций и методологических установок трудно следовать им без учебных пособий, созданных на их основе и реализующих все разработанные принципы. Для достижения обучающимися языковой и коммуникативной компетенций, для усвоения ими необходимых знаний языка для специальных целей и развития требуемых умений иноязычного общения в разных ситуациях для будущей практической деятельности необходимы адекватные учебные пособия как ведущие компоненты всей дидактической системы.

Коммуникативная направленность учебных пособий, созданных преподавателями кафедры, обеспечивает информативный, интересный, познавательный текстовый материал. При этом язык текстов доступен обучающемуся, грамматические и лексические параметры находятся в пределах его лингвистической компетенции. Для развития умений, связанных с решением коммуникативных

задач чтения, упражнения учебного пособия носят творческий характер, задания для развития всех видов чтения нацеливают обучающихся на пользование иностранным языком для решения профессиональных задач, на профессиональное общение.

Опыт практической работы показывает, что коммуникативно ориентированное обучение иностранному языку как средству письменного и устного общения обеспечивает наиболее устойчивый мотив учебной деятельности обучающихся в вузе [12].

Главной задачей межличностной коммуникации является установление и развитие профессионального сотрудничества на уровне межличностных отношений, что предполагает владение дополнительными иноязычными коммуникативными навыками и умениями. Освоить их помогает действующая в академии Программа дополнительного образования в соответствии с приказом № 1435 Министерства общего и профессионального образования от 4 июля 1997 г. «О присвоении дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» выпускникам вузов по направлениям и специальностям высшего образования».

Для привлечения внимания обучающихся к необходимости изучения немецкого языка преподавателями кафедры разработаны установочные лекции, в содержание которых заложен большой культуроведческий потенциал. Цель таких лекций — формирование уважительного отношения к духовным ценностям других народов.

Саратовская государственная юридическая академия присоединилась в качестве участника к Соглашению от 30 июня 2007 г. о создании Российско-германского юридического института. Подписан Меморандум о намерениях к сотрудничеству с Кильским университетом им. Христиана Альбрехта. Обучающиеся получили возможность на совместное проведение и участие в международных конференциях, посещение занятий и общение со сверстниками немецкого университета. Под руководством преподавателей кафедры обучающиеся и аспиранты академии участвуют в конкурсах на получение стипендий ДААД (Германская служба академических обменов). Ежегодно объявляется конкурс на получение гранта ректора ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» для участия в образовательных программах за рубежом.

Обучение немецкому языку ведется в постоянном взаимодействии с такими сферами, как право, политология, что открывает новые возможности для изучения немецкого языка для профессиональных целей. Важное место отводится самостоятельной работе обучающихся, которая предполагает научный поиск материала из немецких газет, журналов. Результатом этой работы становятся выступления обучающихся на научных студенческих конференциях. Все доклады делаются на немецком языке, при этом обучающимся нужно обращать внимание как на содержательную сторону материала, так и на лексическую и грамматическую. Все выступления сопровождаются презентациями. В процессе такой работы формируется умение построения научного сообщения с учетом разновозрастной аудитории. Каждое сообщение становится коммуникативной базой для последующего обсуждения.

Формированию и развитию иноязычной коммуникативной компетенции у обучающихся в академии, на наш взгляд, способствуют следующие факторы:

деятельностный характер обучения, т.е. трансформация содержания обучения в целостную познавательную деятельность, осуществляемую обучающимися;
построение учебного процесса, предполагающего сотрудничество, взаимодействие, коммуникацию, самоконтроль;

перенос акцентов в обучении с увеличения объема информации, предназначенной для усвоения обучающимися, на увеличение доли их автономной работы;

ориентация учебного процесса на разные виды деятельности, способствующие развитию коммуникативной компетентности в любых профессиональных сферах;

обеспечение многообразия форм взаимодействия;

конкретизация целей обучения, их актуализация для обучающихся и определение способов их измерения;

мотивационное обеспечение деятельности на основе предоставления возможностей для самореализации участников учебного процесса.

Реализация поставленных задач позволит развивать у обучающихся навыки самостоятельной работы, нацеливает их на пользование иностранным языком для решения профессиональных задач, на деловое профессиональное общение.

Библиографический список

1. Программа курса иностранного языка для вузов неязыковых специальностей. М.: МГЛУ, 2004. 75 с.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании // Труды методологического семинара «Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы». М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 40 с.
3. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
4. Селевко Г.К. Компетентности и их классификация // Народное образование. 2004. № 4. С. 138–144.
5. Байденко В.И. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентного подхода) // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 3–13.
6. Ломакина Г.Р. Компетентностный подход как прагматикоориентированный подход к результатам высшего образования // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 217–220.
7. Калекин А.А. Компетенция и компетентность: Смыслообразующие понятия в образовании // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 245–250.
8. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Развитие высших психических функций. М.: Изд-во академии педагогических наук, 1960. С. 224–234.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
10. Давыдов В.В. Категория деятельности и психического отражения в теории А.Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Сер.: Психология. 1979. № 4. С. 25–41.
11. Шоджаи М.К. Коммуникативное обучение как ведущий подход современной методики обучения иностранным языкам // Преподаватель XXI век. 2012. № 3. Ч. 1. С. 206–211.
12. Родионова О.С. К вопросу о привлечении внимания студентов к изучению немецкого языка // Язык и мир изучаемого языка. Саратов: Изд-во Саратовского социально-экономического института (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2013. Вып. 4. С. 171–173.

References

1. The program of the course of a foreign language for higher education institutions of non-linguistic specialties. M: Moscow State linguistic university, 2004. 75 p.
2. *Zimnyaja I.A.* Key Competences as a Resultative and Target Basis of Competence-based Approach in Education // Works of a methodological seminar "Russia in Bologna Process: problems, tasks, prospects". M: Research center of problems of quality of training of experts, 2004. 40 p.
3. *Khutorskoj A.V.* Key Competences as a Component of the Personal Focused Education // National education. 2003 № 2. P. 58-64.
4. *Selevko G.K.* Competences and Their Classification // National education. 2004. No. 4. P. 138–144.
5. *Baydenko V.I.* Competences of Professional Education (to mastering of competence approach) // Higher education in Russia. 2004. № 11. P. –13.
6. *Lomakina G.R.* Competence-based Approach as Pragmatically Oriented Approach to the Results of the Higher Education // Theory and practice of social development. 2012. № 12. P. 217–220.
7. *Kalekin A.A.* Competence and Competency: Meaning Forming Concepts of Education // Scientific notes of the Oryol state university. Series: Humanitarian and social sciences. 2009. № 3. P. 245–250.
8. *Vygotsky L.S.* A Tool Method in Psychology // Vygotsky L. S. Development of the highest mental functions. M., 1960. P. 224–234.
9. *Leontyev A.N.* Activity. Consciousness. Personality. M.: Politizdat, 1977. 304 p.
10. *Davydov V.V.* Category of Activity and Mental Reflection in A.N. Leontyev's Theory // Bulletin of the Moscow State University. Psychology. 1979. № 4. P. 25-41.
11. *Shodzhai M.K.* Communicative Training as a Leading Approach of Modern Technique of Training in Foreign Languages // Teacher of the 21st century. 2012. № 3. Part 1. P. 206–211.
12. *Rodionova O.S.* To the Question of Drawing Attention of Students to Studying of German // Language and the World of the Language Learned. Saratov: The publishing house Saratov social and economic institute (branch) of the G.V. Plekhanov Russian Economic University, 2013. Issue № 4. P. 171–173.

УДК 81'276.6:62

С.П. Хижняк

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ДЕФИНИЦИЯХ

Введение: формулирование и унификация терминологических дефиниций — сложная задача для любой научной отрасли, включая правоведение. **Цель:** представить уровеньный характер семантики термина и обосновать необходимость разграничения понятийной и непонятийной семантики для более четкого определения существенных признаков понятий, подлежащих включению в иерархически организованную структуру терминологического значения и дефиниции. **Методологическая основа:**

© Хижняк Сергей Петрович, 2018
 Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: khizhnyak@ssla.ru
 © Khizhnyak Sergey Petrovich, 2018
 Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of the English Language (Saratov State Law Academy)

компонентный анализ уровневой семантики термина с учетом понятийных долей значения и терминологического фона. **Результаты:** разработан алгоритм формулирования дефиниций с опорой на семный состав значений. **Вывод:** наличие разных дефиниций, не основанных на логико-языковом принципе формулирования, не способствует упорядоченности юридической терминосистемы.

Ключевые слова: семантика, юридический термин, терминологическое значение, дефиниция.

S.P. Khizhnyak

TERMINOLOGICAL MEANING AND ITS REFLECTION IN DEFINITIONS

Background: formulation and unification of the terminological definitions is a difficult task for any scientific field, including jurisprudence. **Objective:** to represent the stratified nature of terminological semantics and substantiate the necessity to distinguish between conceptual and non-conceptual semantics to define better the essential features of the concepts to be included in the hierarchically organized structure of terminological meanings and definitions. **Methodology:** in doing the research component analysis of the level semantics of terms taking into account conceptual parts of meaning and terminological background was applied. **Results:** an algorithm for formulation of definitions based on some composition of meanings is represented. **Conclusions:** the existence of different definitions that are not based on the logical and linguistic principle of formulation does not contribute to orderliness of the legal terminological system.

Key-words: semantics, legal term, terminological meaning, definition.

Терминологическое значение представляет собой разновидность лексического значения, основанного на формальном понятии, которое часто близко общеязыковому значению, но не тождественно ему, что характерно и для юридической терминологии. Так, в основе слов и терминов *убийство, вещь, небрежность, ущерб* лежат понятия, причем одни и те же, но терминологические значения отличаются от лексических юридической специализацией, которая может быть обусловлена включением общелитературных слов в качестве ключевых единиц гипотезы, диспозиции, санкции в структуру нормы права, в рамках которой формируется терминологичность юридического языкового знака. Это можно заметить еще в древнерусском праве на примере легализации заповеди Ветхого Завета. Ср.: «Не стригите головы вашей кругом, и не порти края бороды твоей» [Левит 19: 27]. Данная заповедь в Краткой редакции Устава князя Ярослава сформулирована так: «Аже пострижеть голову или бороду, епископу 12 гривен, а князь казнить» [1, с. 169]. В этой формулировке глагол *постричи*, являющийся ключевым семантическим компонентом гипотезы, имеет не только значение «грехопадение», но и призвано выразить юридическое понятие противоправности.

Значение термина закрепляется в дефиниции. Дефиниция не может отразить все признаки предмета или явления, именно поэтому она соотносится с формальным, а не с содержательным понятием. Юристы осознают недостатки юридических дефиниций, объясняя это следующим: 1) некоторые дефиниции не успевают реагировать на изменяющиеся общественные явления; 2) явления общественной жизни, признаки которых необходимо закрепить в дефиниции, сложны и их существенные признаки трудно выразить в формулировке дефиниции; 3) от-

существуют единообразные подходы к выделению существенных признаков правовых явлений; 4) допускаются ошибки в формулировании дефиниций, например вследствие закрепления в них второстепенных признаков [2, с. 330–339]. Первый из указанных факторов свидетельствует о том, что юридическая терминосистема диссипативна по своей сути. В ней постоянно формируется напряженность, обусловленная слабой устойчивостью связей между некоторыми понятиями. Ср., например, изменение системных связей термина клевета в связи с его декриминализацией и восстановлением уголовной ответственности за это деяние на протяжении довольно короткого временного периода.

Известно, что идеальной формой дефиниции является родовидовая или классификационная, в которой указывается на соотношение видового понятия с родовым и приводятся семантические признаки, дифференцирующие данное видовое понятие от соположенных видовых. Однако сложная отраслевая организация юридической терминосистем, потенциально диссипативный характер системных отношений в юридической терминологии и другие указанные недостатки юридических дефиниций приводят к тому, что в их формулировании не наблюдается классификационно ориентированного единообразия.

В общем терминоведении выявлено многообразие современных способов формулирования дефиниций. Так, С.Д. Шелов приводит следующие их типы: 1) родовидовые (классификационные); 2) перечислительные (списочные, перечневые); 3) контекстуальные, 4) операциональные, 5) общие, 6) неспецифические [3, с. 3]. Все типы таких дефиниций представлены и в юридической терминологии.

1. Родовидовая дефиниция: «**Закон** — нормативный акт, принятый в особом порядке органом законодательной власти или референдумом, выражающий волю народа, обладающий высшей юридической силой и регулирующий наиболее важные общественные отношения» (данная дефиниция соотносит родовое понятие «нормативный акт» с дифференциальными признаками нормативных актов) [4, с. 26].

2. Перечислительная дефиниция, представляющая собой список видовых терминов, соотносимых с дефинируемым термином: «**Взятничество** — собирательное понятие для обозначения следующих преступлений, посягающих на нормальную деятельность государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления: получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве» [4, с. 270].

3. Контекстуальные дефиниции представлены описаниями предметов, казусов, примеров, т.е. и в них заметно упоминание видовых отличий без указания на родовой признак: «**Амнистия** — ... Акт об А. объявляет только Государственная Дума РФ. А. может освобождать как от уголовной ответственности и назначения наказания, так и от назначенного наказания в процессе его отбывания. При этом у осужденного может быть снята судимость. Актом А. назначенное лицу наказание может быть смягчено или заменено другим, более мягким» [4, с. 270].

4. Операциональная дефиниция характеризует действие, которое необходимо совершить для получения некоторого результата, выраженного термином: «**Комиссии представительного органа (временные)** — создаются для решения конкретных задач и ограничиваются определенным сроком действия» [4, с. 127].

5. Общая дефиниция формулируется без использования понятий отрасли знания, к которой принадлежит дефинируемый термин: «**Ночное время** — промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени» [4, с. 309].

6. В неспецифической дефиниции указан родовой признак, а дифференциальные признаки не приводятся: «**Неосторожность** — в соответствии со ст. 26 УК РФ одна из форм вины» [4, с. 284].

Следует признать, что упорядоченные классификационные дефиниции должны составлять основу разработки семантической системы, выражаемой юридическими терминами. Приведенный анализ типов юридических дефиниций свидетельствует о том, что нельзя говорить о тенденции упорядочения терминосистемы. Если в первом и втором примерах заметно соотношение родовых и видовых компонентов, то в остальных дефинициях этого не наблюдается. В третьем примере определяется термин *акт об амнистии*, а не сама амнистия. В четвертой дефиниции указывается только цель создания временной комиссии представительного органа, т.е. единственный дифференциальный признак понятия, но не представлен родовой понятийный компонент и иные дифференциальные признаки, которые могут повторяться в других терминах данного понятийного уровня. В пятой дефиниции вообще не отражено юридическое содержание термина *ночное время*. В шестой дефиниции представлен только родовой содержательный компонент «вина», но не закреплены дифференциальные компоненты.

Семантика термина, как и семантика слова, многослойна. Она отражается при анализе словарных (терминологических) статей в многочисленных юридических энциклопедических словарях. Не случайно, что практически все юридические словари представляют собой их энциклопедический тип. Характер таких словарей обусловлен включением в словарную статью не только дефиниции термина, но и иную информацию: исторические данные, условия правоприменения с отсылками к определенным нормативно-правовым актам, критические суждения, классификации, с которыми соотносится данный термин и т.д. Включение в словарь таких данных обусловлено тем, что дефиниция не всегда раскрывает существенные признаки юридического понятия, поэтому возникает необходимость в выделении второстепенных признаков, не входящих в дефиницию и т.н. непонятных компонентов значения. Юридический термин, как и слово, существует на фоне неязыковой действительности. Фон, на котором существует слово, принято называть лексическим. Терминологический фон, как и лексический, представляет собой систему знаний (культурно-бытовую, социально-политическую, экономическую, правовую и др.). Юридические словари часто необоснованно выносят понятийные компоненты значений в систему фоновых знаний.

Формулирование дефиниций должно основываться на компонентном анализе значения, разработанного в лингвистике. При таком анализе выделяют два типа семантических компонентов (сем) — интегральные и дифференциальные, последние представлены семами нескольких уровней. Интегральные семы включают категориально-грамматические, лексико-грамматические и категориально-лексические семы. Категориально-грамматические семы объединяют слова языка в части речи (например: сема 'предмет' характеризует существительные). Поскольку в терминосистемах терминологический список представлен именами существительными, рассмотрим дальнейшую дифференциацию их значений. Предметность далее дифференцируется на уровне лексико-грамматических сем такими разрядами, как 'одушевленность/неодушевленность', 'абстрактность/конкретность' и др. Категориально-лексические семы далее дифференцируют

эти предметы на ‘опредмеченные действия’ (действия, выраженные в форме существительных), ‘опредмеченные качества’ (состояния), ‘лица’, ‘инструменты’, ‘растения’ и т.д. Именно на этом уровне для юридических классификаций важно выработать типовые юридические семы, которые могут повторять общеязыковые (‘действие’, ‘состояние’, ‘лицо’ и др.), но могут быть добавлены и другие категориально-лексические семы (‘факт’, ‘событие’, ‘вещь’ и др.).

Следующий уровень сем в общелитературном языке является конечным и представлен дифференциальными семами. Например, слово *человек* имеет следующий набор сем: категориально-грамматическая сема — ‘предмет’, лексико-грамматическая сема — ‘одушевленный’, категориально-лексическая сема — ‘примат’ (представитель отряда высших млекопитающих), дифференциальные семы — ‘обладающий способностью мышления, речи, создавать орудия, пользоваться ими в процессе общественного труда’. Весь этот набор сем, кроме дифференциальных, можно применить и к слову *обезьяна*. Дифференциальные семы отличают значение слова *обезьяна* (‘четверорукие, строением тела и физиономией похожие на человека’) от слова *человек*. Поскольку в любой терминосистеме классификации отличаются большей глубиной, чем в общелитературном языке, в научной или профессиональной сфере можно выделить категориально-грамматические семы разной степени обобщенности. Например, термины с категориально-лексической семой ‘лицо’ могут быть распределены на два категориально-лексических вида — ‘юридические лица’ и ‘физические лица’, далее по этим двум признакам можно выделить все множество физических и юридических лиц, закрепив за этими понятиями интегральные и дифференциальные признаки.

Формулированию дефиниций может способствовать форма производного термина (например, образованного при помощи аффиксов). В акте словообразования создается новое слово, которое обладает не только лексическим значением, но и словообразовательным. Такое значение отражает логико-языковые отношения между производящей основой и производным словом и формируется в рамках словообразовательного типа, который характеризуется тремя аспектами: 1) частеречной принадлежностью производящей основы, 2) аффикса (формального показателя, отличающего производное слово от производящего), 3) инвариантным словообразовательным значением.

Логико-языковое мышление, отраженное в акте терминотворчества, иногда не принимается во внимание при формулировании дефиниций. Несмотря на то, что общеязыковые деривационные значения подвергаются специализации, определенная их типизация необходима и в юридической терминологии. Рассмотрим два термина с суффиксом -ОСТЬ на предмет характера типизации терминообразовательных значений в работах по правоведению. Так, термин *государственность* определяется как *состояние (государственно-организованной общественной жизни в конкретных странах)*, *состояние (развития нации)*, *(государственный) строй*, *(государственная) организация, этап (в развитии государства)*, *уровень (государственно-организованного общества)*. Наиболее близкой с точки зрения логико-языковой типизации деривационного значения является сема ‘состояние’. Однако, как видим, на практике используются и более специализированные понятия, которые в семантическом отношении довольно разнородны и отражают не столько логику правовых классификаций, сколько индивидуализированные признаки состояний. Термин, образованный с помощью

суффикса –ОСТЬ — *легитимность*, с тем же словообразовательным значением определяется как *состояние (правомерности)*, *состояние (общественной жизни в правовом государстве)*, *режим (общественной жизни)*, *основа (нормальной жизнедеятельности общества)*, *правильное соблюдение, исполнение, использование и применение (правовых норм участниками правоотношений)*. В этих примерах видим, что юридическая мысль иногда стремится к использованию более общей логико-языковой категории «состояние», но часто обращается к непонятной сфере — терминологическому фону.

Таким образом, наличие разных дефиниций, не основанных на логико-языковом принципе формулирования, не способствует упорядоченности терминосистемы, а следовательно, и научных таксономий, которые обуславливают установление в них места каждого термина, что помогает уточнить его значение в форме дефиниции на основе учета семантических признаков разного уровня. Четкое разграничение понятийных и непонятийных компонентов значения может способствовать выявлению существенных признаков понятия, которые должны быть закреплены в языковом выражении дефиниции.

Библиографический список

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома В.Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. 432 с.
2. *Смирнов Л.В.* Типичные дефекты дефиниций в законодательстве Российской Федерации: проблемы юридической техники // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 330–339.
3. *Шелов С.Д.* Терминоведение: семь вопросов и семь ответов по семантике термина // НТИ. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2001. № 2. С. 3–9.
4. Юридическая энциклопедия / под ред. А. В. Малько, С. Н. Туманова. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. 452 с.

References

1. Russian Legislation of the X-XX centuries: in 9 Vol. Vol. 1. Legislation of Ancient Russia / O.I. Chistiakov, ed.; V.L. Yanin, responsible ed. of the vol. M.: Legal Literature, 1984. 432 p.
2. *Smirnov L.V.* Typical Defects of Definitions in the Legislation of the Russian Federation: Problems of the Legal Technique // Legal definition: logic and cognitive, political and legal, moral and psychological and practical problems / V.M. Baranov, P.S. Patsurkivsky, T.O. Matiushkin, eds. N. Novgorod: N. Novgorod Research Scientific and Applied Center “Legal Technique”, 2007. P. 330–339.
3. *Shelov S.D.* Terminology: Seven Problems and Seven Answers on Terminological Semantics // NTI. Ser. 2. Information processes and systems. 2001. № 2. P. 3–9.
4. Legal Encyclopedia / A.V. Malko, S.N. Tumanov, eds. Saratov: Publishing House “Saratov State Law Academy”, 2013. 452 p.

УДК 811:378.147

Е.Г. Вьюшкина

ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕГРИРОВАННЫЙ КУРС: МЕДИАЦИЯ

Введение: медиация — один из быстро развивающихся способов альтернативного разрешения споров. Многие страны приняли законы о медиации, и юристы должны знать, какие функции они могут выполнять в этом процессе. **Цель:** проанализировать практику преподавания медиации и предложить основы создания курса по медиации. **Методологическая основа:** анализ существующей практики показал, что в странах англо-американского права преподавание медиации является частью клинического образования. В Европейских странах представлен целый спектр возможностей, и признание коммуникативных навыков ключевыми для медиаторов делает возможным использование предметно-языкового интегрированного подхода для создания такого курса. **Результаты:** создан пилотный курс со следующей структурой: преподаватели иностранного языка отвечают за разработку коммуникативной части курса, а преподаватели права готовят содержательную часть (тексты по отраслям права, с которыми чаще всего сталкиваются медиаторы). **Вывод:** внедрение предметно-языковых интегрированных курсов по дисциплинам, тесно связанным с профессиональной коммуникацией (медиация, правовое консультирование, ведение переговоров) является целесообразным и может способствовать интенсификации учебного процесса.

Ключевые слова: медиация, предметно-языковое интегрированное обучение, юридический английский, профессиональная коммуникативная компетенция.

E.G. Vyushkina

CLIL COURSE: MEDIATION

Background: mediation is one of the developing ways of alternative dispute resolution. Many countries enacted laws on mediation and lawyers should know the roles they can play in this process. **Objective:** to analyse mediation teaching and offer the basics for developing a course in mediation. **Methodology:** analysis of existing practice indicated that in Anglo-American law countries mediation is taught in law clinics. In European countries there are different ways but recognition of communicative skills as the most important for mediators give an opportunity for usage of CLIL approach in developing such a course. **Results:** the following course structure is offered: language teachers develop communicative part of the course while law teachers prepare contents (texts on branches of law mediators face more often). Role plays and simulations are an integral part of the course. **Conclusion:** the introduction of subject-language integrated courses in disciplines closely related to professional communication (mediation, legal advice, negotiation) is appropriate and can contribute to the intensification of the educational process.

Key-words: mediation, content-language integrated learning, Legal English, professional communicative competence.

© Вьюшкина Елена Григорьевна, 2018

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка (Саратовская государственная юридическая академия); vyushkina@mail.ru

© Vyushkina Elena Grigorevna, 2018

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, English Language Department, (Saratov State Law Academy)

Медиация в различных формах существует с давних времен. Можно найти информацию о медиации в Библии, в истории Древней Греции или Древнего Китая. В широком смысле, медиация — это процесс, в рамках которого беспристрастный человек помогает другим людям уладить конфликт или разрешить спор [1, с. 16]. В юридическом смысле, медиация — это один из способов альтернативного разрешения споров (АРС), который в своем современном виде вернулся в Европу из США.

Впервые медиация упоминается в американском законодательстве в 1862 г., а к середине XX в. она в основном используется при подготовке коллективных трудовых договоров [1, с. 19]. В конце 60-х гг. появились экспериментальные медиативные программы, а в 1976 г. началось современное медиативное движение, которое вывело медиацию за пределы области трудовых споров и привело к созданию в США в 1998 г. специальной межведомственной рабочей группы по альтернативному разрешению споров.

В Великобритании закон о согласительных процедурах (Conciliation Act of 1896) стал первым документом, регламентирующим альтернативное разрешение трудовых споров и открывшим дорогу АРС в другие сферы правовых конфликтов.

Издание в 2008 г. Директивы о медиации¹, введение в действие которой было намечено на май 2011 г., привело к принятию странами-членами Евросоюза специальных законов о медиации или внесению соответствующих статей в свои гражданские и (или) уголовные процессуальные кодексы. Что касается России, процедура медиации была введена Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»².

Во многих странах, в которых превалирует гражданское право, медиация, как способ альтернативного разрешения споров является достаточно новой процедурой, и, следовательно, возникли вопросы: кто может стать медиатором и как готовить медиаторов?

Чтобы стать медиатором, не обязательно быть юристом, но т.к. процесс касается разрешения споров, юристы должны знать о его существовании и о роли, которую они могут играть в этом процессе. Таким образом, разработчики программ обучения юристов стоят перед проблемой, как внедрить новый необходимый курс по медиации в напряженный учебный график.

Анализ практики преподавания медиации показал, что в юридических вузах стран с англо-американской системой права обучение происходит в рамках юридических клиник. Тем не менее, потребовалось более 50 лет, чтобы создать и внедрить программы обучения, которые позволяют выпускникам юридических вузов справляться с поставленными перед ними задачами³. В американских юридических вузах существует множество программ по обучению медиации, но по сути они имеют схожие цели и структуры. Например, чтобы работать в медиативной клинике университета Чапман, студенты должны пройти семестро-

¹ Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32008L0052> (дата обращения: 20.12.2017).

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

³ Cooper L.J. Teaching ADR in the Workplace Once and Again: A Pedagogical History // Journal of Legal Education. 2003. Vol. 53. URL: http://scholarship.law.umn.edu/faculty_articles/305 P. 31 (дата обращения: 20.12.2017).

вый теоретический курс и иметь хорошую успеваемость по другим предметам⁴; студенты Гарварда, зачисленные на курс по медиации, должны изучить вводный курс объемом 32 ч. и работать в качестве медиатора-стажера раз в две недели в течение двух семестров⁵. Британские юридические вузы предлагают курс медиации на уровне магистратуры и докторантуры, например, «Медиация и урегулирование конфликтов»⁶ или «Ведение переговоров и медиация»⁷, причем работа в медиативной клинике является неотъемлемой частью обучения.

В европейских странах существует широкий спектр программ подготовки медиаторов. Директива о медиации⁸ сделала данную процедуру основной при разрешении трансграничных споров⁹ и законодательства стран-членов ЕС должны соответствовать данной директиве. Даже общий обзор источников свидетельствует о разнообразии как типов медиации, так и способов подготовки медиаторов. Например, в Германии существуют внесудебная и судебная медиативные процедуры, которые регулируются законом о медиации 2012 г., раздел 6 которого регламентирует сертификацию медиаторов. Судьи, занимающиеся медиацией, обычно обучаются на краткосрочных курсах, а занятия проводятся медиаторами, психологами и судьями-практиками. Программы по подготовке медиаторов предлагаются некоторыми университетами на уровне магистратуры¹⁰.

В Австрии требования к подготовке и сертификации медиаторов очень серьезные и регламентируются законом, причем прохождение обучения на курсах, аккредитованных министерством юстиции, является обязательным условием такой подготовки. [2, с. 347]. Подробную информацию о состоянии медиации в странах-членах Евросоюза можно найти на специальном вебсайте “Mediation in Member States”, а ее анализ показывает, что в большинстве стран подготовкой медиации занимаются ассоциации медиаторов или частные компании¹¹. Многие летние школы предлагают курсы по медиации в качестве курсов повышения квалификации. Необходимо отметить, что развитие коммуникативных навыков является неотъемлемой частью этих курсов.

Формирование и развитие коммуникативных навыков — задачи языковых курсов. Следует отметить, что преподаватели иностранного, а не родного языка гораздо чаще выполняют эти задачи как на уровне средней школы, так и вуза. Такие навыки, как активное слушание, получение информации, способность ее перефразировать и обобщить являются ключевыми для медиатора и отработка

⁴ Chapman’s Mediation Clinic-Course. Information for students. URL: <https://www.chapman.edu/law/legal-clinics/mediation.aspx> (дата обращения: 20.12.2017).

⁵ Harvard Mediation Program. Upcoming training. URL: <http://clinics.law.harvard.edu/hmp/> (дата обращения: 20.12.2017).

⁶ Mediation and Conflict Resolution. URL: <https://www.strath.ac.uk/courses/postgraduate/taught/mediationconflict-resolution/> (дата обращения: 20.12.2017).

⁷ Negotiation and Mediation - PO848. URL: <https://www.kent.ac.uk/courses/modules/module/PO848> (дата обращения: 20.12.2017).

⁸ Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32008L0052> (дата обращения: 20.12.2017).

⁹ Friel S., Toms C. The European Mediation Directive – Legal and Political Support for Alternative Dispute Resolution in Europe. URL: http://www.brownrudnick.com/wp-content/uploads/2017/02/Brown_Rudnick_Litigation_European_Mediation_Directive_Friel_Toms_1-20110.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁰ Moltmann-Willisch A. Judges in mediation in Germany. How would a judge become an excellent mediator? URL: http://birosag.hu/sites/default/files/allomanyok/stat-tart-file/judges_in_mediation_in_germany_moltmann-willisch.docx (дата обращения: 20.12.2017).

¹¹ Mediation in Member States. URL: https://e-justice.europa.eu/content_mediation_in_member_states-64-en.do (дата обращения: 20.12.2017).

этих навыков в рамках курса иностранного языка способствует их развитию и на родном языке. Это является одной из причин создания предметно-языкового интегрированного курса по медиации. Другой причиной является то, что медиацию все чаще выбирают в качестве способа разрешения международных коммерческих споров, и процедура обычно происходит на английском языке, следовательно, создавать предметно-языковой интегрированный курс вполне целесообразно.

Анализ литературы свидетельствует, что предметно-языковые курсы гораздо шире и успешнее используются в средней школе¹². Одна из причин недостаточного внедрения данного подхода в высшей школе — сложность содержательной части программы. Однако в данном конкретном случае — разработке предметно-языкового интегрированного курса по медиации — в центре находятся формирование и развитие коммуникативной компетенции, и вопрос сложности содержательной части уходит на второй план.

Более того, такие общие цели предметно-языковых интегрированных курсов, как развитие межкультурных коммуникационных навыков наряду с повышением мотивации обучающихся¹³, полностью совпадают с целями обучения медиации. Другие цели, в частности овладение специальной терминологией, также согласуются с задачей подготовки квалифицированного медиатора.

Общие методические подходы к созданию предметно-языкового интегрированного курса обуславливают распределение задач между преподавателями языка и права: первые отвечают за коммуникативные и межкультурные аспекты медиации, вторые готовят содержательную часть, а именно тексты по тем отраслям права, с которыми чаще всего сталкиваются медиаторы (семейное право, трудовое право, договоры). Более того, необходимы тексты, знакомящие с медиацией в России и за рубежом.

Ниже следующий учебный план дисциплины не является окончательным и проходит апробацию. Предлагаемая модель курса предполагает, что обучение ведет преподаватель иностранного языка. Это факультативный курс, и одной из его целей является подготовка студентов к международному конкурсу по медиации, проводимому международной академией по альтернативному разрешению споров¹⁴.

Цели любого курса охватывают знания и навыки, и все они должны быть достигнуты, чтобы подготовить квалифицированного специалиста, но только одна может осуществляться на конкретном этапе обучения [3, с. 139]. Таким образом, курс может быть условно разделен на две части: теорию и практику. Первая часть очень похожа на типовой курс иностранного языка, в котором тексты, служащие основой занятия, охватывают темы альтернативного разрешения споров, в частности медиацию, и связанные с ней темы. Во второй части студенты отрабатывают практические навыки, моделируя реальные ситуации, им предлагаются материалы для дополнительного чтения, что способствует развитию профессиональных компетенций.

¹² *Scott D., Beadle S.* Improving the effectiveness of language learning: CLIL and Computer Assisted Language Learning. Date: 25 June 2014. URL: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/repository/languages/library/studies/clil-call_en.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

¹³ *Ibid.* P. 3–4.

¹⁴ INADR Law School Tournament. URL: <http://www.inadr.org/law-school-tournament/> (дата обращения: 20.12.2017).

Список текстов постоянно пополняется и включает тексты, связанные с медиацией, из имеющихся учебников, например, *Introduction to International Legal English*, так и из сети Интернет. На первом этапе задачами курса являются развитие навыков чтения, изучение и отработка тематического вокабуляра, развитие навыков говорения, отработка навыков письма. Особое внимание необходимо уделить изучению тематического словаря, т.к. юридическая терминология всегда вызывает трудности, обусловленные различием культур [4]. Более того, междисциплинарный характер медиации осложняет ее терминологическую систему в силу экстра-лингвистических характеристик данной области [5, с. 35]. Студентам предлагаются различные способы отработки терминологии, включая информационно-коммуникационные технологии, в частности онлайн-обучающую платформу *memrise* [6].

Что касается предметной области, студенты изучают различные формы разрешения споров, отличительные черты медиации, типы конфликтов, способы и стили из урегулирования. На этом этапе они осознают, что у юриста есть две возможности участия в процессе медиации: в качестве медиатора и в качестве адвоката, отстаивающего интересы своего клиента [3, с. 141]. И хотя у них есть возможность выступить в обеих ролях, акцент смещен на развитие навыков медиатора.

Для развития навыков критического мышления студентам предлагается составить список ключевых навыков медиатора и они достаточно хорошо справляются с этим заданием, т.к. понимают, что для того чтобы стать хорошим медиатором, им необходимо разбираться в видах конфликтов и способах их разрешения; оттачивать навыки ведения переговоров, поскольку медиация по сути представляет собой переговоры с посредником; практиковаться в решении задач; научиться слушать и эффективно общаться. Коммуникативные навыки чрезвычайно важны, т.к. как медиация основана на сотрудничестве.

Медиация также является структурированным процессом и проходит в несколько этапов: ознакомительная беседа о медиации, определение спорных вопросов, решение проблемы и подписание соглашения¹⁵. Данные этапы изучаются отдельно, по порядку. В реальной жизни медиативная сессия начинается со вступительного слова медиатора. Это выступление по сути отражает определения медиации: «Медиация — это *процесс*, в рамках которого третья *беспристрастная* сторона *помогает* сторонам конфликта найти *обоюдное приемлемое решение* их проблемы. Процесс является *добровольным* и *конфиденциальным*»¹⁶. Студентам объясняется главная цель данного этапа — создание благоприятной атмосферы и установление доверительных отношений с медиатором.

Для представления начального этапа медиации можно использовать видеозапись учебной медиации. Образцы вступительного слова раздаются студентам, а в качестве домашнего задания им предлагается подготовить свою вступительную речь, которая в дальнейшем отрабатывается на занятии в парах.

Видеофрагменты могут использоваться на любом этапе подготовки. Они дают возможность преподавателю привлечь внимание студентов к конкретному виду деятельности, продемонстрировать примеры хорошей работы, сравнить стили разных медиаторов [7, с. 8]. Более того, просмотр видео можно дать в качестве

¹⁵ *Mediation Skills and Process*. URL: <https://nymsus.files.wordpress.com/2016/01/complete-manual.pdf> С. 21–22 (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁶ *Idid*. P. 18.

домашнего задания и сэкономить аудиторное время. С другой стороны, использование видео на занятии дает возможность сделать перерыв в интенсивных медиативных сессиях¹⁷.

Основная цель второго этапа процесса медиации — выявление сути проблемы и перспектив ее решения. На данном этапе студенты отрабатывают такие коммуникативные навыки, как умение активно слушать и задавать правильные вопросы, перефразировать и обобщать информацию, представлять ее при помощи нейтральной лексики. Необходимо отметить, что студентов совершенно не учат слушать, а в медиации «слушание является сверхважным элементом»¹⁸. В начале второго этапа медиатор должен слушать молча, не перебивая, подталкивая говорящего открытыми вопросами только тогда, когда это необходимо. Краткий обзор или повторение типов вопросов и целей, для которых они используются, проводится в начале занятия. Используется работа в парах и малых группах, когда студенты по очереди рассказывают свои истории, с одной стороны, и обобщают с другой. Важно объяснить студентам, когда необходимо обобщать во время медиативной сессии. Ключевыми моментами для обобщения являются следующие: рассказ первой стороны должен быть обобщен, прежде чем слово предоставляется второй, чье выступление также должно быть обобщено; обобщение также необходимо и в конце второго этапа, когда определены спорные вопросы. На этапе решения проблемы обобщение критично, когда стороны предлагают возможные способы их решения. Язык обобщения должен быть нейтральным, и студенты, играющие роль медиатора, должны избегать советов, оценок или суждений. Составление списков синонимов очень полезно и может быть предложено в качестве домашнего задания.

На этом этапе также отрабатываются навыки перефразирования и использования нейтрального языка. Под использованием нейтрального языка понимается перефразирование высказывания сторон с использованием нейтральной, даже позитивной лексики. Этот прием позволяет медиатору помочь сторонам увидеть и понять ситуацию с другой точки зрения. Он также подчеркивает беспристрастность медиатора. Студентам предлагаются различные примеры: от негативной лексики к позитивной (*он/она никогда не делает ... - вы хотите, чтобы он/она помогли ...*), жалоба превращается в запрос (*он/она не слушает меня — очевидно, вы хотите быть услышанным*) и т.д.¹⁹ После этого дается список для перефразирования.

Третьим этапом медиации является непосредственное решение проблемы и отрабатывается он в рамках игр и симуляций. Общая и конфиденциальная информации предлагается «сторонам и медиатору» в качестве домашнего задания, а симуляция проходит на занятии. Осуществление данной работы зависит от количества студентов на занятии. Наиболее оптимальным количеством является шесть студентов: две пары адвокат-клиент и два со-медиатора. Это соответствует формату конкурса, а в общем использование одного медиатора гораздо ближе к реальной жизни.

¹⁷ Smith R. Teaching Videos in Mediation Training: Why Use Them and How to Do it Well. September 2012. URL: <http://www.mediate.com/articles/SmithRobert1.cfm> (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁸ Foster N. Good Communication Starts with Listening. URL: <http://www.mediate.com/articles/foster2.cfm> (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁹ Mediation Skills and Process. URL: <https://nvmsus.files.wordpress.com/2016/01/complete-manual> (дата обращения: 20.12.2017).

Особенно сложным представляется подготовка сценариев. Основным источником является интернет, наряду с которым могут использоваться учебники по ведению переговоров: добавление еще одной роли и акцент на стиль сотрудничества в решении данной проблемы позволяют использовать их для симуляции медиативной сессии. Приглашение практикующего медиатора для преподавания или хотя бы на отдельные симуляции существенно обогатит опыт, который приобретают студенты.

Работа с шаблонами документов и отработка навыков письма осуществляется при изучении четвертого этапа медиации. Его основная цель — записать выбранные решения в форме договора. Каждая симуляция заканчивается подписанием соглашения, если стороны пришли к нему. Независимо от того, какую роль играл студент, все слышали заключительное обобщение и, следовательно, могут составить договор. Более того, шаблоны соглашений несложно найти в интернете или учебниках по медиации, и задание сводится к записи решений в определенной форме.

Таким образом, симуляции готовят студентов к работе в медиативной клинике, если такая есть в юридическом вузе, а данный курс служит вводным перед такой практикой. Если клиники нет, то курс в любом случае дает студентам общее представление о процессе медиации и развивает важные коммуникативные навыки.

Данный курс использовался для подготовки команды СГЮА к международному конкурсу по медиации для студентов-юристов, который проходил в Глазго, в университете Стратклайда, в апреле 2017 г. В нем принимали участие 36 команд из 3 участников, больше половины из которых представляли юридические вузы англоговорящих стран. По результатам трех медиативных сессий определялись 10 лучших медиаторов и десять лучших пар адвокат-клиент. Студентка магистратуры СГЮА Акбулатова Регина заняла 5-е место среди медиаторов²⁰, что является исключительным успехом.

Обратная связь, полученная от обучавшихся по предложенной программе студентов, в целом положительная. Студенты отмечают, что навыки активного слушания, применения нейтральной лексики, перефразирования и обобщения очень полезны для занятий по другим предметам. Некоторые считают, что прохождение данного курса подтолкнуло их к более детальному изучению способов альтернативного разрешения споров.

В заключение необходимо отметить, что создание предметно-языкового интегрированного курса представляет собой сложную задачу, а преподавание такого курса — это испытание как для преподавателя иностранного языка (ИЯ), так и для преподавателя права. Если курс преподаёт специалист в области права, то возникает риск получить курс специальности на иностранном языке, а не предметно-языковой интегрированный курс. С другой стороны, если курс преподаётся лингвистом, то, возможно, не весь содержательный материал будет раскрыт должным образом. Но в контексте предметно-языкового интегрированного курса по медиации последнее замечание не критично, т.к. основной целью курса является обучение эффективной коммуникации, а эту задачу преподаватели иностранных языков выполняют ежедневно. Без сомнения, им необходима дополнительная подготовка, но в данном конкретном случае самообразования

²⁰ 2017 INADR ILSMT Results. URL: <http://www.inadr.org/2017-inadr-ilsmt-results/> (дата обращения: 20.12.2017).

вполне достаточно, т.к. огромное количество материала для дополнительного чтения можно найти в интернете. Более того, данный курс предлагается в качестве вводного и, предполагается, что студенты должны отработать навыки, которые они приобрели в рамках других курсов, в клинике или на практике.

Коммуникативные навыки являются неотъемлемой составляющей профессиональной компетенции юриста, и предметно-языковые интегрированные курсы, готовящие студентов к такой деятельности, как консультирование клиентов и ведение переговоров, могут быть разработаны по предложенной схеме. Первая часть таких курсов должна быть основана на текстах, описывающих и объясняющих предметную область и вводящих необходимую лексику, а вторая часть направлена на отработку коммуникативной профессиональной компетенции.

References

1. *Kovach K.* Mediation in a Nutshell. Thomson West. 2003. 355 p.
2. *Feasley A.* Regulating Mediator Qualifications in the 2008 EU Mediation Directive: The Need for a Supranational Standard // *Journal of Dispute Resolution*. Vol. 2011. Iss. 2. P. 333–350.
3. *Greenebaum E.* On Teaching Mediation. Articles by Maurer Faculty. P.115-151.
4. *Sierocka H.* Cultural dimensions of legal discourse // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2014. 38 (51). P. 189–196.
5. *Vyushkina E.G., Khizhnyak S.P.* Mediation Terminology as a Secondary Terminological System // *Russian linguistic Bulletin*. 2017. № 1 (9). P. 35–37.
6. *Łuczak A.* Using Memrise in Legal English Teaching // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 49 (62). 2017. P. 141–152.
7. *Golann D.* Using Video to Teach Negotiation and Mediation // *Dispute Resolution Magazine*. Winter 2007. Vol. 13. № 2. P. 8–11.

УДК 336.22

В.В. Попов, Е.Г. Тришина

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ САНКЦИИ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ (МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

Введение: статья посвящена вопросам применения поощрительных налоговых санкций как правовых средств материального и процессуального характера. В научной литературе налогово-правовая ответственность, прежде всего, отождествляется с негативной юридической ответственностью. Между тем правоведы давно указывают на существование как негативной, так и позитивной ответственности. Первая связывается с правонарушениями, вторая — с правомерным поведением. В сфере налогообложения также применяются поощрения как правовые санкции, связанные с позитивной ответственностью. Однако вопросы, касающиеся данных санкций, малоизучены и нуждаются в более детальном исследовании. **Цель:** выявить и рассмотреть поощрительные санкции в сфере налогообложения. **Объектом** исследования выступают различные общественные отношения в сфере налогообложения, связанные с правомерным поведением субъектов указанных отношений и реализацией относительно них поощрительных санкций. **Методы:** используются как общенаучные методы (анализа и синтеза), так и специальные методы (сравнительно-правовой). **Результаты:** установлено, что, наряду с негативными санкциями, в сфере налогообложения достаточно широко применяются поощрительные налоговые санкции и это совпадает со сложившимися в теории права представлениями о двух сторонах юридической ответственности: негативной и позитивной. **Вывод:** в сфере налогообложения реализуются также и поощрительные санкции как положительная реакция государства на правомерное поведение налогоплательщиков, связанная с их стимулированием и сдерживанием к совершению налоговых правонарушений.

Ключевые слова: право, налогообложение, санкции, правовые средства, правонарушение, правомерное поведение, меры принуждения, поощрения, материальные и процессуальные аспекты.

© Попов Василий Валерьевич, 2018

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vpopov1970@ Rambler.ru

© Тришина Елена Геннадьевна, 2018

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Obyana@bk.ru

© Popov Vasily Valerievich, 2018

Doctor of law, Professor, professor of the Financial, banking and customs law department (Saratov State Law Academy)

© Trishina Elena Gennadievna, 2018

Candidate of law, Associate Professor, associate professor of the Civil procedure department (Saratov State Law Academy)

V.V. Popov, E.G. Trishina

INCENTIVE SANCTIONS IN THE SPHERE OF TAXATION
(MATERIAL AND PROCEDURAL ASPECTS)

Background: the article deals with the questions of application of incentive tax sanctions as the legal means of both legal material and procedural nature. In the scientific literature, the tax and legal responsibility is primarily identified with the negative legal responsibility. Meanwhile, lawyers long ago pointed to the existence of both negative and positive responsibilities. The first is associated with offenses, the second with legitimate behavior. In the sphere of taxation, incentives are also applied as legal sanctions related to positive responsibility. However, the issues concerning these sanctions are still poorly studied and require more detailed research. **Objective:** the authors of the article intend to identify and consider incentive sanctions in the field of taxation. Various public relations in the field of taxation, related to the lawful behavior of the subjects of these relations and the implementation of incentive sanctions against them are also the purposes of the research. **Methodology:** the authors used the general scientific methods (analysis and synthesis) and special methods (comparative-legal). **Results:** the study revealed that along with negative sanctions in the field of taxation, incentive tax sanctions are also widely used, and it coincides with the existing in the theory of law views about two sides of legal responsibility: negative and positive. **Conclusions:** thus, in the sphere of taxation incentive sanctions are also implemented as a positive reaction of the state to the lawful behavior of taxable subjects, connected with their stimulation and deterrence of committing tax offenses.

Key-words: law, taxation, sanctions, legal means, offense, lawful behavior, coercive measures, incentives, material and procedural aspects.

В соответствии со ст. 2 Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ) налоговые отношения представляют собой отношения по установлению, введению и взиманию налогов, сборов и страховых взносов, по осуществлению налогового контроля, обжалованию актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечению к ответственности за совершение налогового правонарушения¹. Российское государство тем самым определяет правила поведения налогоплательщиков и иных субъектов, устанавливая границы дозволенного правового поведения, т.е. реализует статус «особого субъекта права» [1, с. 16].

Статья 9 НК РФ среди основных участников отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах, называет организации и физических лиц, являющихся налогоплательщиками, плательщиками сборов и страховых взносов; организации и физических лиц в качестве налоговых агентов; налоговые и таможенные органы. Помимо них, к другим субъектам отношений относятся: банки, лица, привлекаемые к мероприятиям налогового контроля и т.д. При этом соблюдение законодательства о налогах и сборах — это обязанность любого из перечисленных субъектов.

С.Г. Пепеляев подчеркивает, что «суть взаимоотношений участников налоговых отношений состоит не в подчинении налогоплательщиков налоговым органам (субординации), а в подчинении обеих сторон закону» [2, с. 200]. Исходя из законодательного определения налоговых отношений, они отождествляют-

¹ См.: Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3824; 2018. № 9, ст. 1291.

ся с понятием налогообложения, что следует из определений, предлагаемых Н.И. Осетровой и В.В. Гриценко. По мнению первой, налогообложение — это «процесс введения, установления, исчисления, уплаты (не взимания) налогов, контроля за поступлением налогов в бюджетную систему и привлечения к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах» [3, с. 78]. Согласно высказыванию второго ученого налогообложение представляет собой «совокупность урегулированных нормами налогового права общественных отношений, возникающих по поводу установления налогов и сборов, введения их в действие, взимания налогов и сборов, осуществления налогового контроля, привлечения к налоговой ответственности за совершение налоговых правонарушений, а также обжалования актов налоговых органов и действий (бездействия) их должностных лиц» [4, с. 45].

В рассматриваемых определениях юридическая ответственность рассматривается как негативная к нарушителям законодательства о налогах и сборах, а санкции — меры ответственности выступают в качестве наказания [5, с. 38–39].

Конечно же, данные выводы исходят из официального определения налогового правонарушения — виновное, противоправное действие или бездействие налогоплательщика, за совершение которого и должна наступать налоговая ответственность на основании ст. 106 НК РФ, т.е. речь идет только о негативной ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах. Однако теоретические изыскания, включая сферу налогового права, связываются со всесторонней разработкой всех существенных вопросов, что не исключает исследование ответственности с разных аспектов и расширение законодательных установлений.

Как считает Н.И. Матузов, «санкция — это не обязательно кара, наказание. В данном случае она носит разрешительно-дозволяющий характер, т.е. выражает регулятивно-организующую роль права» [6, с. 9]. При этом не делается принципиальных различий между позитивными и поощрительными санкциями и указывается на их связь с позитивной ответственностью «за надлежащее исполнение каждым своих обязанностей, долга, порученного дела, добросовестное поведение...» [6, с. 11].

А.В. Малько и В.В. Нырков также относят к правовым санкциям наказания и поощрения: «Именно в реализации поощрения как санкции за правомерное поведение и проявляет себя положительная сторона ответственности» [6, с. 35]. Как полагают ученые, «...есть реально существующая связка в правовой жизни — «правомерное заслуженное поведение — поощрение», что оправдывает применение понятий «позитивная правовая ответственность» и «поощрительная санкция» [6, с. 37], «при всей условности термина «поощрительная» [6, с. 25].

О присутствии поощрительных санкций в отраслевом праве также говорят специалисты: к примеру, О.Ю. Бакаева — применительно к таможенному праву [6, с. 277–292], А.Ю. Соколов и О.А. Лакаев — относительно административного права [6, с. 261–276].

В такой ситуации при наличии поощрений в налоговом праве как подотрасли финансового права, обладающих определенной спецификой, вполне можно вести речь о позитивной налоговой ответственности и поощрительных налоговых санкциях, а также поощрительных мерах, хоть и при совершении правонарушений, но вследствие затруднительных жизненных факторов.

Фискальные органы для защиты интересов государства обеспечивают посредством возможного применения к налогоплательщикам мер принуждения их соответствующее правомерное поведение. Однако выполнение налогоплательщиками норм налогового права может быть и не обусловлено принуждением, а исходить из правосознания этих лиц. И здесь вполне можно говорить о наличии поощрительных мер (санкций) при исполнении налогоплательщиком обязанности по уплате налогов с учетом его правомерного поведения: изменение срока уплаты; получение налогового вычета; возмещение налога из бюджета и др. [7, с. 25–28]. Это положение вполне увязывается с выводом, что «поощрительные меры, совместно с мерами принуждения, обеспечивают устанавливаемую государством модель правомерного поведения. Особенность поощрительной санкции — в гарантировании тех социальных целей (благ), ради достижения которых такая модель поддерживается юридическими средствами...» [6, с. 28].

Как думается, данная модель исходит из необходимости соблюдения баланса прав и интересов налогоплательщиков и государства, что означает разумное ограничение применяемых к обязанным субъектам мер принуждения и задействование элементов поощрения. Это прослеживается, кроме всего прочего, при наложении налоговых санкций в связи с наличием в неправомерных действиях и бездействии налогоплательщиков смягчающих аспектов, поскольку, по сути, совершение правонарушения происходит в силу «принудительных» обстоятельств. При их же отсутствии, возможно, налогоплательщик правонарушение не совершал бы. То есть законодатель разграничивает «чисто» налоговые правонарушения и налоговые правонарушения в силу смягчающих обстоятельств и нацеливает налогоплательщика на совершение их в будущем, в т.ч. для получения поощрительных санкций за правомерное поведение.

В этой связи А.А. Мусаткина и Д.В. Березовский подчеркивают, что «в поощрительных санкциях норм публичного права ... сочетаются (или должны сочетаться) как интересы отдельно взятой личности, так и интересы государства» [6, с. 205–208]. Например, для налогоплательщиков законные требования налоговых органов обязательны для исполнения, но согласно п. 11 ч. 1 ст. 21 НК РФ они имеют право не выполнять неправомерные акты и требования фискальных органов и их должностных лиц и при этом рассчитывать на получение материального результата в виде закрепленных законодательством о налогах и сборах налоговых преференций. В результате сохраняется правомерность в поведении налогоплательщиков, отсутствуют критерии для применения к ним налоговых (штрафных) санкций, и остается право на получение поощрительных санкций в виде тех же вычетов при наличии на то оснований (материальный аспект).

На основании п. 3 ч. 1 ст. 111 НК РФ к обстоятельствам, исключаящим вину лица в совершении налогового правонарушения, относится выполнение налогоплательщиком письменных разъяснений о порядке исчисления, уплаты налога (сбора) или по иным вопросам применения законодательства о налогах и сборах, данных ему либо неопределенному кругу лиц налоговым или финансовым органом (уполномоченным должностным лицом) в пределах его компетенции, или мотивированного мнения налогового органа, направленного ему в ходе проведения налогового мониторинга. То есть наличествует процессуальный аспект, связанный с процедурой привлечения к ответственности за налоговое правонарушение. В свою очередь, отсутствие вины исключает привлечение лица к налоговой ответственности (п. 3 ст. 109 НК РФ). Таким образом,

именно в рассматриваемой ситуации подчеркивается правомерность поведения налогоплательщика и его способность на получение налоговых поощрений [8, с. 198–199]. Однако стоит заметить, что не всегда отсутствие вины является признаком правомерности деяния, примером чему служит ст. 122 НК РФ.

О необходимости правомерного поведения налогоплательщика в целях изменения срока уплаты налога как поощрительной санкции свидетельствует ст. 62 НК РФ. Тут тоже присутствует процессуальный аспект, потому что речь идет не об отмене налога как такового, а о переносе срока его уплаты на более поздний. Что касается обстоятельств, исключающих данную возможность, к ним относятся: возбуждение уголовного дела по признакам преступления, связанного с нарушением законодательства о налогах и сборах; проведение производства по делу о налоговом правонарушении либо по делу об административном правонарушении в области налогов, сборов, страховых взносов и ряд др. В итоге при отсутствии рассмотренных обстоятельств налогоплательщик благодаря своему правомерному поведению может претендовать на поощрение в виде отсрочки, рассрочки или инвестиционного налогового кредита со стороны соответствующих органов власти, действующих от лица государства.

Возвращаясь к смягчающим обстоятельствам, они, безусловно, снижают тяжесть негативных санкций при совершении налогового правонарушения. К ним отнесены: тяжелые личные или семейные обстоятельства; угроза, принуждение либо материальная, служебная или иная зависимость; тяжелое материальное положение; иные обстоятельства, которые судом или налоговым органом, рассматривающими дело, могут быть признаны смягчающими ответственность (ч. 1 ст. 112 НК РФ). На основании ст. 114 НК РФ при наличии таких обстоятельств размер штрафной санкции уменьшается не менее чем в 2 раза, по сравнению с размером, установленным НК РФ, но сама санкция не отменяется. В этом случае сочетаются и наказание, и поощрение, поскольку при отсутствии перечисленных обстоятельств налогоплательщик, вероятно, и не совершил бы налоговое правонарушение, а их присутствие подтолкнуло его к этому. Конечно, схема «правомерное поведение — поощрительная санкция» здесь в чистом виде не работает, так как противоправное поведение есть, но оно совершается в силу определенных тяжелых для налогоплательщика обстоятельств и государство не налагает на него бремя отрицательной санкции полностью, а частично нивелирует, «поощряя» его тем самым в отличие от ситуации, когда налоговое правонарушение совершается, а смягчающих обстоятельств нет.

Целесообразно обозначить еще один пример поощрительной санкции. Например, гарантией обеспечения баланса интересов государства и налогоплательщиков выступает ст. 59 НК РФ, в соответствии с которой при невозможности взыскания с налогоплательщика недоимки и пени по причинам экономического или юридического характера такая задолженность признается безнадежной и списывается в порядке, указанном ФНС России². Например, аннулируются недоимка, задолженность по пеням и штрафам, числящиеся за индивидуальным

² См.: Приказ ФНС России от 19 августа 2010 г. № ЯК-7-8/393@ «Об утверждении Порядка списания недоимки и задолженности по пеням, штрафам и процентам, признанных безнадежными к взысканию и Перечня документов, подтверждающих обстоятельства признания безнадежными к взысканию недоимки, задолженности по пеням, штрафам и процентам» (в ред. от 31 мая 2017 г.) // Российская газета. 2010. 6 окт.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.01.2018).

предпринимателем, признанным банкротом³, в части недоимки, задолженности по пеням и штрафам, не погашенным по причине недостаточности имущества должника. Притом не исключена ситуация, что налогоплательщик предпринял все зависящие от него правомерные действия, направленные на погашение недоимки до признания его банкротом, что обуславливает для него материальный эффект в рамках рассматриваемого аннулирования.

В целом, поощрительную санкцию в сфере налогообложения можно определить, как элемент правовой нормы, предусматривающий вид и меру одобрения со стороны государства правомерного поведения налогоплательщика, направленный на его стимулирование и сдерживание к совершению налоговых правонарушений в будущем. Поощрительным санкциям присущи: формальная определенность, государственное установление, закрепление благоприятных последствий за правомерность поведения.

Таким образом, можно резюмировать, что в налоговом праве наряду с негативными налоговыми санкциями присутствуют и поощрительные санкции применительно к налогоплательщикам при их правомерном поведении и поощрительные меры в связи с наличием в их неправомерных действиях и бездействии смягчающих оснований. Подобная установка имеет положительное значение для защиты прав налогоплательщиков и иных налогоплательщиков субъектов. Ведь цель любого правового государства должна быть обусловлена утверждением правовой формы и правового характера взаимоотношений органов публичной власти и других субъектов права, в признании и гарантировании прав и свобод последних [9, с. 106].

Библиографический список

1. Алимбекова А.С. Проблемы реализации налогово-правовых норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 30 с.
2. Финансовое право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / А.Б. Быля, О.Н. Горбунова, Е.Ю. Грачева [и др.]; отв. ред. Е.Ю. Грачева, Г.П. Толстопятенко. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. 528 с.
3. Осетрова Н.И. Генезис терминов «налоговая система», «налогообложение», «налоговое администрирование» // Вестник Финансового университета. 2008. № 1. С. 75–85.
4. Гриценко В.В. Теория российского налогового права: современные проблемы / под ред. Н.И. Химичевой. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. 439 с.
5. Попов В.В., Тришина Е.Г. Уклонение от уплаты налогов как элемент правовой жизни общества (теоретико-правоприменительные аспекты) // Налоги-журнал. 2016. № 2. С. 37–41.
6. Поощрительные санкции в праве: реальность и юридическая конструкция / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. 301 с.
7. Попов В.В., Тришина Е.Г. Добросовестность налогоплательщика как условие правомерного поведения при уплате налогов (вопросы правоприменения) // Налоги-журнал. 2016. № 6. С. 25–28.

³ См.: Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 29 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4390; Российская газета. 2018. 25 апр.

8. Попов В.В. Принципы защиты прав налогоплательщиков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. Дополнительный выпуск (85). С. 196–201.

9. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. 656 с.

References

1. Alimbekova A.S. Problems of Implementation of Tax and Legal Norms: extended abstract. dis. ... cand. of law Saratov, 2009. 30 p.

2. Financial Law: Textbook. 2-nd ed., Revised. and added / A.B. Bylya, O.N. Gorbunova, E.Yu. Gracheva [and others]; resp. ed E.Yu. Gracheva, G.P. Tolstopyatenko. Moscow: ТК Velby, Publishing House Prospekt, 2008. 528 p.

3. Osetrova N.I. Genesis of the Terms “Tax System”, “Taxation”, “Tax Administration” // Bulletin of the Financial University. 2008. № 1. P. 75–85.

4. Gritsenko V.V. The Theory of Russian Tax Law: Modern Problems / Ed. N.I. Himicheva. Saratov: Publishing house of the Saratov State Law Academy, 2005. 439 p.

5. Popov V.V., Trishina E.G. Evasion from Payment of Taxes as an Element of the Legal Life of Society (theoretical and law enforcement aspects) // Taxes-journal. 2016. № 2. P. 37–41.

6. Incentive Sanctions in Law: Reality and Legal Construction / ed. N.I. Matuzov, A.V. Malko; Saratov State Law Academy. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2008. 301 p.

7. Popov V.V., Trishina E.G. Conscientiousness of the Taxpayer as a Condition of Lawful Behavior when Paying Taxes (law enforcement issues) // Taxes-journal. 2016. № 6. P. 25–28.

8. Popov V.V. Principles of Protection of the Rights of Taxable S subjects // Herald of the SSLA. 2012. Additional issue (85). P. 196–201.

9. Nersesyants V.S. Philosophy of Law: Textbook. For universities. Moscow: Norma, 2004. 656 p.

УДК 316.35

В.В. Щебланова, О.А. Елистратова

ИНСТИТУТЫ ПРЕВЕНЦИИ МОЛОДЕЖНОГО НАРКОТИЗМА

Введение: распространение наркотизации населения, ее подростково-молодежный характер указывают на необходимость изучения превенции молодежного наркотизма. Приоритетное значение сокращения спроса на наркотики путем совершенствования системы профилактической работы, направленной, прежде всего, на молодежь,

© Щебланова Вероника Вячеславовна, 2018

Доктор социологических наук, профессор кафедры истории, политологии, социологии и сервиса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vsheblanova@mail.ru

© Елистратова Ольга Александровна, 2018

Соискатель кафедры социологии (Волгоградский государственный университет); e-mail: olga.elistratova.1980@mail.ru

© Scheblanova Veronika Vyacheslavovna, 2018

Doctor of Sociology, Professor of the History, political science, sociology and service department (Saratov State Law Academy)

© Elistratova Olga Aleksandrovna, 2018

Postgraduate degree seeker of the Sociology department (Volgograd State University)

подчеркивается в действующей Стратегии государственной антинаркотической политики. **Цель:** анализ роли современных социальных институтов в формировании действенной системы превенции проблем молодежного наркотизма. **Методологическая основа:** статья основывается на теоретическом анализе, критической рефлексии, вторичной интерпретации данных современных социологических исследований. **Результаты:** превенция наркотизма определена через систему институтов, действия которых пересекаются, соперничают в общем антинаркотическом пространстве, репрезентируются СМИ, отражаются в общественном мнении. Выделены ведущие дискурсы причин наркотизма, способствующих им условий. **Выводы:** институциональный механизм превенции молодежного наркотизма базируется на деятельности неформальных (семьи, образования, средств массовой информации, общественного мнения) и формальных социальных институтов (правоохранительного, законодательного, судебного, здравоохранения), включающих коллективных и индивидуальных агентов. Основными элементами институциональных стратегий по превенции молодежного наркотизма должны стать усиление комплексной превентивной работы с молодежью, обеспечение социальных гарантий ее занятости и досуга.

Ключевые слова: феномен наркотизма, молодежь, социальные институты, агенты, превенция, формальные и неформальные институты.

V.V. Scheblanova, O.A. Elistratova

INSTITUTES FOR THE PREVENTION OF YOUTH NARCOTISM

Background: the article deals with the most urgent problems of the youth drug addiction. Spread of drugs among the population, their adolescent-youth character indicate the necessity to study the prevention of youth narcotics. The priority value of reducing demand for drugs by improving the system of preventive work pointed at the young people is emphasized in the current State Drug Policy Strategy. **Objective:** the authors of the article suppose to analyze the role of the modern social institutions in the formation of an effective system of prevention of the problems of youth narcotics. **Methodology:** the article is based on the theoretical analysis, critical reflection, secondary interpretation of the data of the modern sociological research. **Results:** drug prevention is defined by means of the system of institutions the activity of which overlaps, compete in the general anti-drug space, is represented by media and reflected in the public opinion. The leading discourses of the narcotism causes, conditions promoting their existence are summed in the article. **Conclusions:** the institutional mechanism for the prevention of youth narcotics is based on the activities of the informal (family, education, media, public opinion) and formal social institutions (law enforcement, legislative, judicial, health), including collective and individual agents. The main elements of the institutional strategies for the prevention of the youth drug addiction should be strengthening of comprehensive preventive work with the young people, providing social guarantees for its employment and leisure.

Key-words: phenomenon of narcotism, youth, social institutions, agents, prevention, formal and informal institutions.

Масштабы распространения наркотизации населения, ее подростково-молодежный характер указывают на необходимость изучения современных проблем молодежного наркотизма. Данные проблемы, присутствующие в источниках и последствиях феномена, находятся в центре внимания антинаркотической деятельности, широко обсуждаются в средствах массовой информации,

конструируются «глазами» прессы и циркулируют в поле общественного мнения. В Российской Федерации реализуются основные направления Стратегии государственной антинаркотической политики до 2020 г.¹, в которой подчеркивается приоритетное значение сокращения спроса на наркотики путем совершенствования системы профилактической работы, направленной на определенные социальные группы, прежде всего, молодежь. Ведь подавляющая часть потребляющих наркотические средства — это лица в возрасте от 14 до 28 лет. Социальные причины и последствия наркотизма охватывают широкий круг социальных событий, ситуаций в обществе. Анализ явления молодежного наркотизма в контексте институциональной превенции позволяет определить роль основных социальных институтов, воздействующих на причины, следствия наркотизма, осознать происходящие изменения, перспективы и пути необходимых решений.

Смысловое значение понятия «наркотизм» определялось многими авторами. Акцент на его более социальный и широкий характер способствует пониманию наркотизма как негативного социального явления, связанного с совокупностью антиобщественных деяний, обусловленных наступающей зависимостью человеческого организма от приема наркотических средств (наркоманией) [1, с. 135]. В уголовно-правовом, юридическом аспекте понятие «наркотизм» трактуется Я. Гилинским таким образом: социально-правовое и уголовно наказуемое явление, проявляющееся в массовом злоупотреблении наркотиками с вытекающими из этого последствиями [1, с. 277]. Расширенное определение наркотизма предложил Э.Г. Гасанов: «Наркотизм — это негативное социальное явление, включающее социальный, правовой, криминологический, экономический, биологический и экологический аспекты, затрагивающие соответственно социальную, правовую, криминологическую, экономическую, биологическую и экологическую сферы, отличающееся высокой степенью общественной опасности, выражающееся в заболеваемости наркоманией, причинении вреда здоровью потребителей наркотических средств и совокупности противоправных деяний, связанных с наркотиками либо совершаемых с целью добывания средств для последующего приобретения наркотиков или в состоянии наркотического опьянения, среди которых преступления, связанные с наркотиками, образуют самостоятельный вид преступности — наркотическую преступность, и организованности последней, превратившей наиболее опасную часть наркотической преступности в разновидность организованной преступности» [2, с. 35].

Основываясь на акцентируемых в вышеприведенных определениях признаках феномена, полагаем, что наркотизм можно охарактеризовать как социальную конструкцию, включающую девиантность, причинность, последствия и массовость.

Социальное пространство превенции многоаспектного феномена «наркотизм» имеет множество измерений, но мы остановимся на определении механизма превенции молодежного наркотизма, сосредоточившись на основных задействованных в нем институтах, агентах антинаркотической направленности. На совпадении буквального смысла терминов «предупреждение», «профилактика», «предотвращение», «пресечение» настаивают разные исследователи, практики [3, с. 24]. Разграничение этих понятий присуще в основном сотрудникам системы

¹ См.: Стратегия государственной антинаркотической политики до 2020 года от 9 июня 2010 г. № 690 (в ред. от 7 декабря 2016 г.) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/8002> (дата обращения: 07.02.2017).

органов внутренних дел применительно к наркопреступности, наркоделиктности, ее видам и отдельным наркоправонарушениям. Превенция наркотизма определяется нами как система разнообразных, институционализированных и коллективных (государственного, негосударственного уровней) действий, направленных на просвещение, профилактику, предотвращение наркотизма, его последствий.

Существуют различные интерпретации причин распространения наркотизма в обществе. В свое время исследователи С. Хаурап и П. Дженсен определили понимание причин наркотизма, представленного как массовое негативное социальное явление, связанное с экономическими, политическими и социокультурными процессами, которые в зависимости от содержания и социальной направленности могут быть причинами расширения оборота наркотических веществ и роста численности наркоманов [4, с. 20–26]. Очевидно, что попытка обнаружить превалирующий фактор, источник, достаточный для объяснения данного явления, не перспективна. Поэтому речь будет идти о ведущих дискурсах причин наркотизма, способствующих им условий, систематизированных по таким группам, как психофизиологические, социально-психологические, социально-экономические, социокультурные.

Весьма распространенный способ объяснения данной девиации — дискурс психофизиологических причин, подразумевающий наследственную предрасположенность к употреблению психоактивных веществ; сочетание генетически передающихся физиологических особенностей личности; нарушение обмена веществ (приобретенное или врожденное), эндокринные нарушения, заболевания головного мозга [5, с. 29]. В рамках социально-психологического осмысления явления наркотизм понимается как разновидность аддиктивного поведения; дезадаптации; как форма самодеструктивного поведения; реакция на преодоление стресса в форме злоупотребления наркотическими веществами, изменяющими психическое состояние. Дискурс акцентирует личные особенности, психологические проблемы, связанные с необходимостью искусственной регуляции данными веществами своего психоэмоционального состояния, дисфункциональных расстройств социально-психологического характера.

Иной способ объяснения сосредоточивается на социально-экономических причинах и задействует дискурс наркотизма как показателя социально-экономического неблагополучия в форме компенсационной реакции молодежи на происходящие кризисы социально-экономического характера в стране, регионе [6, с. 29]; на критичные тенденции социального неравенства, обнищания населения; как ее приспособления к ухудшающимся условиям жизни.

Согласно социокультурному подходу молодежный наркотизм могут порождать: деструктивные тенденции в развитии культуры, влияние средств массовой информации (по разрушению идеологии, системы ценностей, национальной культуры); искажение, нарушение функций семьи; низкий образовательный, культурный уровень родителей; отчуждение в семье, низкая правовая культура семьи, общества; атмосфера терпимости к употреблению наркотических веществ в семье; безразличное отношение ближайшего окружения к наркотизму подростков; терпимость к проведению досуга в сочетании с алкоголизацией и наркотизацией; влияние молодежной субкультуры, популяризирующей наркоманию, акцентирующей символическое значение потребления наркотиков [7, с. 15], нарушения социализации.

Причины феномена молодежного наркотизма — это основополагающие обстоятельства, сопутствующие им ситуации, без которых не было их следствия (наркотизма). А факторами, стимулирующими данное явление, действующими извне, выступает множественность условий, составляющих актуализированные причины, включающие в себя элемент субъективности. Одним из факторов наркотизма логично является и недостаточная, неэффективная антинаркотическая работа. Как замечают Л.В. Готчина, В.Б. Коробов [3, с. 15], если наркотики останутся доступными, и наркобизнес будет процветать, с одной стороны, а в сознании людей не будут сформированы прочные ценностно-рациональные и эмоционально-психологические барьеры в отношении наркотиков, то, с другой стороны, профилактика не будет успешна. Выявлением проблем наркотизма в обществе, их социальным контролем занимаются институты, агенты превенциальной направленности.

Основная общественная роль социальных институтов состоит в уменьшении степени неопределенности через установление устойчивой структуры взаимодействия людей [8, с. 18]. Р. Миллс предложил выделять в современном обществе пять институциональных порядков, подразумевая главные институты: экономический, политический, семейный, военный, религиозный [9, с. 29]. В отличие от традиционного понимания институтов как принудительных ассоциаций, неоинституциональный подход трактует социальный институт как целостный устойчивый комплекс формальных и неформальных «правил игры» [10, с. 77–78]. По мысли Я. Щепаньского, социальные институты следует систематизировать в зависимости от осуществляемых ими функций в различных отраслях общественной жизни [11, с. 99]. Основываясь на вышесказанном, определим и проанализируем два основных вида превентивных институтов антинаркотической направленности: 1) не имеющие основной целью, но влияющие на проблему наркотизма и его последствия, — неформальные институты (социокультурные, социализирующие); 2) целенаправленно ориентированные, организованные формальные социальные институты (нормативно-ориентирующие, санкционирующие, реабилитирующие, ресоциализирующие), ответственные за решение проблем наркотизма. Эти институты могут быть как совпадающими, усиливающими эффективность деятельности друг друга, так и несовпадающими по последствиям своей деятельности.

Рассмотрим социализирующие, социокультурные институты, действующие в превентивном пространстве наркотизма. Итак, семья (первое, ближайшее социальное окружение, в ней формируется первичная сущность индивида) — институт, служащий интеграции в общество, но также способный негативно воздействовать на процессы объединения своих членов. Классифицируя комплекс проблем функционирования российской семьи, можно выделить такие разноразличные группы, как фоновые (низкий уровень жизни, плохие жилищные условия, правовая незащищенность), внутрисемейные (разобщенность членов семьи, нарушение межпоколенных связей, нестабильность браков), институциональные (дезорганизацию взаимоотношений семьи с другими институтами, утрату ее связующей роли между личностью и другими институтами, обществом) [12, с. 14]. Сбой механизмов социализации ведет к формированию личности, которой присущи кризис ценностей, их подмена «эрзац-ценностями», способствующими релаксации без усилий со стороны индивида, преодоление моральных норм.

Существуют и процессы контрсоциализации. Чтобы стать девиантом, необходимо постигнуть особые ценности и отречься от норм, обязательных в данном обществе [13, с. 420]. Родители, употребляя социально приемлемые наркотики — сигареты, алкоголь, сами того не подозревая, формируют установку подростков на прием наркотических веществ как «нормального» общепринятого поведения. Способны провоцировать наркотическую зависимость как чрезмерная опека родителей, лишаящая подростка самостоятельности, так и его неконтролируемость, предоставление абсолютной свободы. То есть сами родители могут становиться объектом антинаркотической работы, выступая в роли виновников, соучастников или жертв процессов наркотизации [14, с. 130–140]. Однако родители как полноправные акторы превентивного антинаркотического поля присутствуют в нем, создавая, например, общественные организации «Матери против наркотиков», «Родители против наркотиков». Таким образом, в сфере превенции молодежного наркотизма роль семьи значима, необходима ее сбалансированная защитная функция от внешних наркогенных угроз (доступность наркотиков, пронаркотическая пропаганда, потребление наркотиков ближайшим окружением) и в преодолении рисков, присущих подростку, молодежи, делающих их особенно уязвимыми.

К неспецифическим неформальным институтам, воздействующим на уровень наркотизма и не имеющим это основной целью, можно отнести институт образования и таких агентов, как организации внеучебной, досуговой деятельности подростков (спортивные организации, клубы по интересам), представляющие собой систему, охватывающую совокупность статусов и ролей, норм и ценностей, социальных организаций, отвечающих за передачу новым поколениям накопленного человеческого опыта и адаптацию к определенным общественным отношениям. Функциями института образования являются: трансляция социокультурного наследия, генерирование и хранение культуры общества, социализация личности и ее интеграция в общество [15, с. 74–75]. Российскими образовательными учреждениями накоплен опыт превенции молодежного наркотизма: подготовлены учебные программы, комплекты учебно-методических пособий, печатные и видеоматериалы для антинаркотического просвещения, хотя эмпирическая социология, к сожалению, демонстрирует отсутствие позитивного влияния уровня образования наркопотребителей, их родителей на неприятие, непотребление наркотиков. Как отмечают исследователи, в настоящее время среди наркопотребителей значительна доля подростков, имеющих родителей как с незаконченным, так и с законченным высшим образованием; к наркотикам приобщаются как дети родителей, потерявших свой социальный статус (имеющих высшее образование и не имеющих работы, заработка), так и дети родителей, приобретших принципиально новый социальный статус (уровень образования низкий, материальная обеспеченность высокая) [16].

Большое значение в развитии подростка имеют *группы сверстников* [17, с. 55], в которых подростки получают опыт следования групповым ценностям, вырабатывают навыки ролевого поведения и эмоционального реагирования. Ради того, чтобы быть принятым в группу, подросток готов пожертвовать многим — интересами, ценностями, здоровьем, личной идентичностью. Агентами распространения наркотизма могут выступать молодежные субкультурные объединения, пропагандирующие совместное символическое употребление одурманивающих веществ. По мнению Д. Иванова и О. Иванова, девиантность

выступает результатом социализации в маргинальных группах, где ценностные ориентации, нормативные и ролевые ожидания весьма отличаются от господствующих в данном обществе [18, с. 218]. Важно, чтобы такие молодежные группы участвовали в формировании именно антинаркотических ценностей. На наш взгляд, одним из перспективных направлений здесь стало бы привлечение (на основе добровольной мотивации) к превенции молодежного наркотизма такого коллективного агента, как досуговые молодежные группы, молодежные субкультуры [19, с. 75–76], их участников, например, рэперов, байкеров, граффитистов, организующих фестивали, молодежные марафоны антинаркотической тематики. Эта идея находит свое подтверждение в действующей Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года. Обозначенные мероприятия в Стратегии связываются не только с вовлечением молодежи в активную спортивную и социальную деятельность, но и направлены на организацию просветительской работы совместно с общественными объединениями, волонтерством, являющимся альтернативой государственных форм социальной работы [3, с. 153].

Средства массовой информации играют важнейшую роль в конструировании духовных ценностей конкретного общества, жизненных стереотипов, социальных проблем и оказании влияния на мнения, оценки, поведение людей. В сфере превенции проблем наркотизма они выступают агентом информационного обеспечения антинаркотической деятельности, пропаганды (в форме антинаркотической рекламы, передач, публикаций, акций). СМИ (социокультурный, социализирующий институт) более продуктивно действуют на молодежь, чем на лиц среднего и зрелого возраста, постепенно формируя ее взгляды. Для формирования пронаркотических установок большее значение имеет не прямое, а косвенное воздействие информации: постоянное подчеркивание отрицательных примеров и провозглашение связанных с ними запретительных мер может вызывать «эффект обратного действия». В обобщении опыта антинаркотической превентивной работы ключевой проблемой является взаимодействие образовательных структур всех уровней и СМИ. Однако, если речь идет об активной антинаркотической политике, существенной становится превентивная деятельность на уровне федеральных и региональных СМИ, противостоящая проявлениям пронаркотических установок, формирующая антинаркотическое общественное мнение.

Общественное мнение — социальный институт, выполняющий в обществе функции социальной власти, задающей нормы, правила деятельности и подчиняющий себе поведение субъектов взаимодействия. Участвуя в регулировании общественных отношений, оно выполняет и функции адаптации, социализации, защиты отдельных лиц или социальных институтов. Объектом общественного мнения становится то, что информационно доступно человеку. А характер приобретаемой информации оказывает влияние на распространенность мнения, его компетентность, в значительной мере определяет поведение людей, регулирует их практическую деятельность. В превенции молодежного наркотизма необходим потенциал института общественного мнения с действующей в нем антинаркотической системой оценок и суждений, непримиримостью к явлению наркотизма [20, с. 80–83].

Формальными институтами, воздействующими на уровень наркотизма в обществе, осуществляющими государственный контроль, являются следующие

нормативно-ориентирующие, санкционирующие, ресоциализирующие институты: правоохранительный (к которому многие авторы причисляют судебный, институт юстиции, безопасности) [21; 22], медицинская и законодательная системы. Так, правовая превенция обособливается как самостоятельный вид противодействия наркотизму, предполагает использование правовых средств воздействия, установление правового режима оборота наркотических средств и психотропных веществ, системы и компетенции субъектов профилактики наркотизма, установление юридической ответственности за нарушение режима оборота наркотиков и процессуального порядка ее реализации [3, с. 191]. Деятельность, функции, характер взаимодействия основных институтов, агентов превенции наркотизма регламентированы установленным в соответствии с законодательством порядком.

В соответствии с функциями правоохранительного института правовая превенция наркотизма понимается в первую очередь как профилактика наркоправонарушений. Это воздействие на причины, условия и иные факторы преступлений и административных правонарушений, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами. Правоохранительные функции и применение норм права в целях превенции наркотизма составляет основное содержание правовой профилактики наркотизма [3, с. 193]. Правоохранительные агенты, многофункциональная система органов внутренних дел выполняют на практике основной объем целенаправленной работы по предотвращению наркопреступлений путем их профилактики и пресечения. В деятельности правоохранительного института правовая профилактика наркотизма составляет одну из частей предупреждения наркоправонарушений, направленную на упреждающее воздействие на различные факторы в целях недопущения противоправного поведения во всех его проявлениях, связанных с наркотиками [3, с. 194]. В этом смысле правовая превенция служит составной частью социальной превенции, которая включает широкий комплекс мер воздействия на причины, условия не только наркотизма, но и всех социальных патологий, разнообразных форм и видов девиантного поведения.

Наркотизм — сложное явление и ему присущ медицинский аспект как предмет наркологии, психиатрии. Медицинский контроль наркотизма входит в систему государственных мер по охране здоровья населения. Эта функция реализуется социальным институтом здравоохранения — системой агентов лечебно-профилактических, медицинских реабилитационных и аптечных организаций, центров, предприятий медицинской направленности. Основные формы антинаркотической работы агентов здравоохранения по месту жительства сводятся к следующему: выявление группы «риска» и оказание их представителям консультативной помощи; круглосуточный прием несовершеннолетних, находящихся в состоянии наркотического опьянения, для оказания им медицинской помощи при наличии показаний медицинского характера; психосоциальное консультирование зависимых членов семей наркоманов (первичная консультация, групповая терапия, индивидуальная терапия); консультации для наркопотребителей (первая консультация, общая консультация, помощь в кризисе, создание мотивации к лечению у наркозависимых).

Поля деятельности рассмотренных основных социальных институтов превенции молодежного наркотизма регулируются нормативно и пересекаются в общем антинаркотическом деятельностном пространстве. Например, проведе-

ние массовых акций под антинаркотическими лозунгами объединяет действия правоохранительных агентов с образовательными и здравоохранительными. Распространенным видом превентивной работой сотрудников правоохранительных органов и врачей-наркологов является прочтение лекций в образовательных учреждениях. Педагоги же осуществляют просветительскую, образовательную превенцию вместе с родителями, школьными психологами, медиками, взаимодействуют с волонтерами и социальными работниками.

Таким образом, в России функционирует система институтов превенции наркотизма, действия которых пересекаются, конкурируют в общем антинаркотическом пространстве, отражаются в СМИ, преломляются в общественном мнении. Выделены два основных вида социальных институтов в поле превенции наркотизма: во-первых, не имеющие основной целью, но оказывающие влияние на проблемы наркотизма неформальные институты (социокультурные, социализирующие) — институт семьи, образования, средств массовой информации, общественного мнения; во-вторых, адресно ориентированные, организованные формальные институты (нормативно-ориентирующие, санкционирующие, ресоциализирующие) — правоохранительный, законодательный, здравоохранения, ответственные за решение проблем наркотизма.

Формирование эффективной системы преодоления проблем молодежного наркотизма будет более успешным в случае, если силовые методы правоохранительных, судебных агентов будут применяться параллельно с активной деятельностью, использованием инновационных методик, технологий, положительного опыта регионов субъектами образования, семьи, досуговых групп; при условии как всестороннего государственного реагирования, так и полномасштабного общественного воздействия на формирование антинаркотического сознания, общественного мнения молодых россиян. Основными элементами институциональных стратегий по превенции молодежного наркотизма должны стать усиление комплексной превентивной работы с молодежью, обеспечение социальных гарантий ее занятости и досуга.

Библиографический список

1. *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс», 2013. 634 с.
2. *Гасанов Э.Г.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, связанными с наркотиками (антинаркотизм). М.: Юрайт, 2009. 456 с.
3. *Готчина Л.В., Коробов В.Б., Канибер Ю.Н.* ФСКН РФ Основные технологии профилактики наркотизма: курс лекций. М.: БелЮИ МВД России, 2008. 357 с.
4. *Hastrup S., Jensen P. W.* Eleven year follow-up of 300 young opioid addicts // *Acta psychiat scand* 1988. Vol. 77. № 1. P. 225–228.
5. *Усова Е.Б.* Психология девиантного поведения. Минск: МИУ, 2010. 180 с.
6. *Шурыгина И.И.* Влияние современных социально-экономических условий на вовлечение в потребление наркотиков // *Наркомания как форма девиантного поведения* / под ред. М.Е. Поздняковой. М.: ИС РАН, 1997. 233 с.
7. *Омельченко Е.Л.* Молодежные культуры и субкультуры. М.: ИС РАН, 2000. 264 с.
8. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 185 с.
9. *Миллс Ч.* Социологическое воображение. М.: NOTA BENE, 2001. 264 с.
10. *Мальковская И.А.* Социологический профиль информационно-коммуникативного общества // *Социологические исследования*. 2007. № 2. С. 76–85.

11. *Щепанский Я.* Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. 240 с.
12. *Ловцова Н.И.* Трансформация семейной политики в современной России. Саратов: Научная книга, 2005. 100 с.
13. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.
14. Шкляр Л. Родители — виновники, соучастники или жертвы // Тринадцатый шаг: социология наркотизации / под ред. Е.Л. Омельченко. Ульяновск: УлГУ, 2002. С. 130–140.
15. *Агапов П.В.* Образование // Социологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 74–75.
16. Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы / под ред. М.Е. Поздняковой. М.: Институт социологии РАН, 2002. 188 с.
17. *Мудрик А.В.* Социальная педагогика: учебник / под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2000. 304 с.
18. *Иванов Д.В., Боронев А.О., Асочаков Ю.В.* Социология: учебник / под ред. Д.В. Иванова. М.: Проспект, 2016. 320 с.
19. *Омельченко Е.Л.* Tabula rasa или Terra incognita. Инновации и традиции в антинаркотической деятельности // Тринадцатый шаг: социология наркотизации / под ред. Е.Л. Омельченко. Ульяновск: УлГУ, 2002. 260 с.
20. *Тюрина И.О.* Общественное мнение // Социологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 80–83.
21. *Сацута А.И.* Правоохранительные органы как институт государственной власти // Власть. 2016. № 5. С. 43–47.
22. *Ендольцева А.В., Хомичева О.В., Мурзоева Г.Б.* Правоохранительные органы Российской Федерации. М.: Юнити Дана, 2013. 352 с.

References

1. *Gilinsky Ya.I.* Deviantology: the Sociology of Crime, Narcotism, Prostitution, Suicide and Other «Deviations.» SPb.: Legal Center Press, 2013. 634 p.
2. *Gasanov E.G.* Criminally-legal and Criminological Problems of Struggle Against the Crimes Connected with Drugs (antinarcotism). М.: Yurayt, 2009. 456 p.
3. *Gotchina L.V., Korobov V.B., Kaniber Yu.N.* Federal Drug Control Service of the Russian Federation The main technologies of the prevention of narcotism: a course of lectures. М.: BelSEI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 357 p.
4. *Haastrup S., Jensen P. W.* Eleven Year Follow-up of 300 Young Opioid Addicts // Acta psychiat scand 1988. Vol. 77. № 1. P. 225–228.
5. *Usova E.B.* Psychology of Deviant Behavior. Minsk: MIU, 2010. 180 p.
6. *Shurygina I.I.* Influence of Modern Socio-economic Conditions on Involvement in Drug Use // Drug Addiction as a Form of Deviant Behavior / Ed. М.Е. Pozdnyakova. Moscow: IS RAS, 1997. 233 p.
7. *Omelchenko E.L.* Youth Culture and Subcultures. М.: IS RAS, 2000. 264 p.
8. *North D.* Institutions, Institutional Changes and Functioning of the Economy. М.: Start, 1997. 185 p.
9. *Mills C.* Sociological Imagination. М.: NOTA BENE, 2001. 264 p.
10. *Malkovskaya I.A.* Sociological Profile of the Informative-Communicative Society // Sociological research. 2007. № 2. P. 76–85.
11. *Schepanskiy Ya.* Elementary Concepts of Sociology. М.: Progress, 1969. 240 p.
12. *Lovtsova N.I.* Transformation of Family Policy in Modern Russia. Saratov: The Scientific Book, 2005. 100 p.
13. *Shtompka P.* Sociology. Analysis of Modern Society. М.: Logos, 2005. 664 p.
14. *Shklyar L.* Parents - Perpetrators, Accomplices or Victims // Thirteenth Step: Sociology of Narcotization / Ed. E.L. Omelchenko. Ulyanovsk: USU, 2002. P. 130–140.
15. *Agapov P.V.* Education // Sociological Encyclopedia. М.: Thought, 2003. Т. 2. P. 74–75.

16. Drug Addiction: Situation, Trends and Problems / Ed. M.E. Pozdnyakova. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2002. 188 p.
17. *Mudrik A.V.* Social Pedagogy: a textbook / Ed. V.A. Slastenine. M.: Academy, 2000. 304 p.
18. *Ivanov D.V., Boronoyev A.O., Asochakov Yu.V.* Sociology: a textbook / Ed. D.V. Ivanova. M.: Prospekt, 2016. 320 p.
19. *Omelchenko E.L.* Tabula Rasa or Terra Incognita. Innovations and Traditions in the Anti-drug Activities // Thirteenth step: sociology of narcotization / Ed. E.L. Omelchenko. Ulyanovsk: Publishing house of the Ural State University, 2002. 260 p.
20. *Tyurina I.O.* Public Opinion // Sociological Encyclopedia. M.: Thought, 2003. Vol. 2. P. 80–83.
21. *Satsuta A.I.* Law Enforcement as an Institution of State Power // Power, 2016. № 5. P. 43–47.
22. *Endoltseva A.V., Khomichova O.V., Mirzoyeva G.B.* Law Enforcement Authorities of the Russian Federation. M.: Unity Dana, 2013. 352 p.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 34(091)

С.В. Ворошилова

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК:

«Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета». Редколлегия: доктор юридических наук, профессор А.С. Смыкалин (ответственный редактор); кандидат юридических наук, доцент Н.Н. Зипунникова; кандидаты исторических наук, доценты Р.А. Насибуллин, Д.А. Суровень: в 4 т. – Екатеринбург, 2016. – Т. 1. – 1023 с.; Т. 2. – 912 с.; Т. 3. – 1198 с.; Т. 4. – 589 с.

S.V. Voroshilova

REVIEW OF THE COLLECTION:

“Evolution of the Russian and Foreign State and Law. To the 80th Anniversary of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University”. Editorial Board: doctor of law, Professor A. S. Stykalin (editor); candidate of law, Associate Professor N.N. Zipunnikova; candidate of historical sciences, Associate Professor R.A. Nasibullin, D.A. Suroven: 4 t. – Ekaterinburg, 2016. – Vol. 1. – 1023 p.; Vol. 2. – 912 p.; Vol. 3. – 1198 p.; Vol. 4. – 589 p.

В сентябре 2016 г. кафедра истории государства и права Уральского государственного юридического университета отметила свой 80-летний юбилей. Кафедра была создана приказом первого директора Свердловского юридического института Ю.М. Позана ранее, чем в других учебных заведениях, за 3 года до введения в учебные планы юридических вузов предмета «История государства и права». Создателем кафедры и ее первым руководителем стал один из основателей историко-правовой науки в России Серафим Владимирович Юшков.

К юбилею совместно с Институтом юстиции кафедра организовала и провела Всероссийскую научную конференцию с международным участием «Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории

© Ворошилова Светлана Вячеславовна, 2018
Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия)
© Voroshilova Svetlana Vyacheslavovna, 2018
Doctor of law, Associate Professor, professor of the History of state and law department (Saratov State Law Academy)

государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016)». В конференции приняли участие около 100 ученых, практикующих юристов России, Казахстана и Германии, представлявших 33 вуза и научных учреждения, и магистрантов Института прокуратуры УрГЮУ и факультета юриспруденции Уральского государственного педагогического университета [1, с. 170–190].

Свой юбилей кафедра отметила подготовкой и изданием сборника научных трудов. В него вошли научные статьи 262 российских и зарубежных ученых по проблемам истории российского и зарубежного государства и права, учений о российском и зарубежном государстве и праве, проблемам теории, философии и методологии права. Среди участников сборника – представители примерно 80 вузов и около 10 академических учреждений из 37 городов России, четырех зарубежных вузов (Университета Галле-Виттенберг им. Мартина Лютера (Германия), Университета Тампере (Финляндия), Университета штата Пенсильвания (США), Казахского гуманитарно-юридического университета (Астана, Республика Казахстан), два академика, три члена-корреспондента РАН, девять заслуженных деятелей науки России, три лауреата Государственной премии России, два судьи Конституционного Суда России, 150 докторов наук (60% авторов сборника; 91 доктор юридических наук, 56 докторов исторических наук, один доктор политических наук, один доктор права из Германии и один доктор права из США), 95 кандидатов наук (69 кандидатов юридических наук, 25 кандидатов исторических наук и один кандидат политических наук).

Большая часть 1 т. объемом 1021 с. (84,85 п.л.) посвящена 80-летию кафедры истории государства и права и содержит материалы, посвященные ее истории (с. 7–647). В статье доцента Р.А. Насибуллина подробно исследуется исторический путь кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета за 80 лет, выделяются 3 периода ее развития: 1) образование и становление кафедры (1936–1963), в 1939–1963 гг. существовала объединенная кафедра теории и истории государства и права; 2) позднесоветский (1963–1990) и 3) современный (1990–2016) периоды (с. 7–86). Значительная источниковая база позволила автору достоверно проследить пройденный кафедрой путь от небольшого подразделения в Свердловском юридическом институте, в котором работали всего три педагога, до авторитетного научного центра по изучению историко-правовой науки. Успешному развитию кафедры способствовали старания и труды педагогов и ученых нескольких поколений.

С 1970-х гг. научные исследования Свердловского юридического института, который превратился из небольшого вуза третьей категории в значимый центр образования и науки, образуют отдельную юридическую уральскую школу в системе российского правоведения. В рамках этой школы на кафедре истории государства и права зародилась уральская школа истории государства и права России — СССР и зарубежных стран. В эти годы благодаря профессорско-преподавательскому составу кафедра превратилась в один из крупнейших центров научной работы по истории государства и права в стране. Создание аспирантуры в вузе позволило кафедре осуществлять подготовку кандидатских и докторских диссертаций, выступать в качестве ведущей организации. Так, на заседании кафедры 15 июня 1965 г. обсуждалась докторская диссертация «Судебная реформа и контрреформа в России» доцента, впоследствии доктора юридических наук, профессора, заве-

дующего кафедрой истории государства и права, известного ученого Саратовского юридического института Бориса Вениаминовича Виленского (с. 25–26).

В разделе «Из научного наследия кафедры» профессором А.Н. Якушевым представлен обзор диссертаций по истории права, государства и юридической науки, подготовленных и защищенных аспирантами, докторантами, соискателями и преподавателями УрГЮУ за период с 1936 по 2016 г. Всего за годы существования кафедры на ней было подготовлено и защищено 137 диссертаций, 23 из которых докторских и 112 кандидатских. Это своеобразный итог работы коллектива кафедры за 80 лет.

Интерес представляют биографии работавших на кафедре преподавателей и ученых. Жизнь некоторых из них представлена на фоне драматической истории страны. Наиболее полные биографические и историографические очерки посвящены ведущим ученым кафедры – как ушедшим (например, С.В. Юшков, Г.И. Баев, Я.М. Магазинер, И.И. Крыльцов, С.Ф. Кечекьян, М.А. Вознесенская, К.Н. Мироненко, Б.Ф. Ливчак, Б.А. Стародубский, А.В. Игнатенко, М.И. Кондрашева), так и ныне здравствующим (А. С. Смыкалин, В. П. Мотревич, Д.А. Суровень). Не менее интересны воспоминания профессоров Б.Ф. Ливчака, А.В. Игнатенко, интервью преподавателей кафедры, раскрывающие не только их биографические данные, увлечения, но также взгляды на науку, образование, искусство, их философию жизни.

В т. 1 опубликованы научные статьи 46 преподавателей, аспирантов и соискателей кафедры из 11 вузов, представляющих 12 городов России и один город зарубежья (Претория, ЮАР). Причем, представлены статьи как ушедших (В.В. Баженов, С.В. Юшков, Б.А. Стародубский, А.В. Игнатенко, Е.Р. Кастель — опубликован автореферат его докторской диссертации), так и современных ученых.

В т. 2 «Эволюция зарубежного государства и права, учений о зарубежном государстве и праве, проблемы теории, философии и методологии права в трудах — поздравлениях коллег» сборника, вошли научные статьи 65 российских и зарубежных ученых по проблемам истории зарубежного государства и права, учений о зарубежном государстве и праве Древнего мира, Средних веков, Нового и новейшего времени, теории, философии и методологии права. Это работы ведущих отечественных востоковедов (И.Ф. Попова, В.М. Рыбаков), антиковедов (И.Е. Суриков, В.В. Дементьева, А.В. Коптев, А.И. Ковлер, Н.В. Чеканова, Я.Ю. Межевицкий, В.Н. Парфенов, М.М. Казаков), византиноведов (И.П. Медведев, С.О. Шаляпин), медиевистов (Л.Н. Чернова, Т.В. Масолкина, В.И. Золотов), новистов-франковедов (Л.А. Пименова, С.Ф. Блуменау, Т.А. Черноверская, А.В. Чудинов, Н.П. Танышина, А.К. Волков, П.И. Черкасов), новистов-германистов (С.В. Кретинин, Т.В. Евдокимова, В.Г. Баев, А.М. Ермаков, О.Ю. Пленков, Е.В. Мороз, С.В. Артамошин, О.Э. Терехов, О.Л. Лысенко, Д.В. Зорилэ), новистов-американистов (М.Ю. Дундуков, Т.В. Алентьева, В.В. Прилуцкий, В.Н. Чечелев, В.Н. Сафонов, М.А. Филимонова, А.В. Кочемасов) и др.

В разделе теории, философии и методологии права, в работах известных отечественных правоведов обсуждаются проблемы происхождения права (Г.И. Муромцев) и исторической динамики определений государства (Н.В. Разуваев), принципов историко-правового познания (В.П. Малахов) и принципа социоцентризма как основания российского права (Н.Ф. Медушевская), эстетический аспект права (И.А. Исаев) и постклассическую юриспруденцию (И.Л. Честнов), проблемы

теоретико-правовой (В.Н. Жуков) и историко-правовой науки на современном этапе (М.А. Кожевина).

В научной дискуссии по проблемам библейского права принял участие ректор Донской духовной семинарии, протоиерей Тимофей Фетисов, в работе которого дается богословское и философско-правовое обоснование предлагаемого автором нового понятия «кенотическое право» (с. 793–806).

Научный интерес представляет полемика отечественных ученых о либертарно-юридической теории. Профессора В.В. Лапаева, О.В. Мартышина и В.В. Сорокина предлагают различные подходы к проблемам правопонимания, основанные на разных мировоззренческих концепциях (с. 817–866). Так, если в работах В.В. Сорокина и О.В. Мартышина сделан акцент на критику либертарно-юридического подхода к пониманию права и даже заявляется, что «либертарная теория неприменима для изучения современного состояния и исторического прошлого государства и права, ибо подразделяет эти целостные явления на право и неправое, на государство и негосударство (деспотию)» (т. 2, с. 852), то В.В. Лапаева, рассматривая научное своеобразие либертарно-юридической теории В.С. Нерсисянца в контексте общей тенденции развития философии права в направлении рационализации правопонимания, обосновывает тезис о том, что предложенная им трактовка принципа формального равенства в свободе, как сущностного принципа права лежит в основе самостоятельного типа правопонимания, отличного от либеральных версий юснатурализма. Практическое значение этого типа правопонимания автор определяет с точки зрения его вклада в совершенствование догмы российского права, в выработку национальной стратегии социально-правового развития и в формирование национального, международного и глобального правопорядков (с. 817–835).

Важное прикладное значение имеют работы по методологии российской юриспруденции и проблемам современной историко-правовой и теоретико-правовой науки.

В т. 3 сборника вошли научные статьи по проблемам истории Российского государства и права, учений о Российском государстве и праве в IX – начале XXI в. 93 российских и зарубежных ученых из 25 городов России (Барнаул, Великий Новгород, Вологда, Екатеринбург, Елецк, Иркутск, Калининград, Курск, Магнитогорск, Москва, Н. Новгород, Нижний Тагил, Новосибирск, Омск, Орел, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Самара, Саратов, Сургут Тольятти, Уфа, Челябинск, Ярославль) и двух зарубежных вузов (Университет штата Пенсильвания (США), Казахский гуманитарно-юридический университет (Астана, Республика Казахстан).

В разд. «Эволюция Российского государства и права, учений о Российском государстве и праве в IX–XVII вв.» содержатся работы по проблемам развития органов власти и управления (А.Н. Тимонин, К.В. Петров, Р.Ю. Почекаев), внешних сношений Русского государства (М.О. Акишин), уголовного права (Э.В. Георгиевский) и семейного права (А.В. Серегин). В исследованиях, посвященных сравнительному анализу отдельных институтов древнерусского и скандинавского права (Ю.В. Оспенников), восточных и балтийских славян (А.В. Серегин), выявляются особенности семейных и брачных обычаев различных народов, а также особенности эволюции института мести в праве Северо-Западной Руси в период XIII–XV вв. (т. 3, с. 13–19).

Разделы, охватывающие XVIII – начало XXI в., содержат значительное количество работ, посвященных различным аспектам судебной реформы 1864 г. Рассматриваются проблемы статуса судей (В.А. Воропанов), уголовного судопроизводства (Г.Н. Ветрова, Е.В. Брянская, В.А. Азаров), мировой юстиции (С.В. Лонская, Н.С. Ульянова, С.В. Жильцов), политической юстиции (К.П. Краковский), суда присяжных (М.А. Барсукова), значение судебной реформы как этапа правовой реформы в России в 1860–1870 гг. (А.А. Дорская). В работе профессора Т.В. Кашаниной анализируется эволюционный путь судопроизводства, которое понимается как процедура дознания и судебного разбирательства, с помощью которой воплощается принцип справедливости. Автор характеризует четыре периода развития судопроизводства (древний, средневековый, новое и новейшее время), демонстрируя как судопроизводство наращивает свой потенциал и обогащается новыми положительными свойствами (т. 4, с. 1110).

Научный интерес представляют исследования политико-правовых воззрений известных отечественных правоведов: И.Т. Посошкова (Ю.М. Понихин), К.П. Победоносцева (А.П. Альбов, В.Е. Рубаник), М.М. Сперанского (В.А. Томсинов), И.А. Ильина (М.Н. Начапкин), Ф.Ф. Мартенса (У.Э. Батлер). Проблемы правосознания (А.А. Демичев, В.А. Томсинов), классификации форм (источников) российского права (Н.Н. Ефремова), соотношения международного и национального права (Е.С. Третьякова), вопросы правового регулирования различных отношений (Т.Е. Новицкая, Ю.В. Щедрина) обсуждались в работах отечественных и зарубежных ученых.

Проблемам взаимоотношения Российского государства и русской православной церкви посвящены работы А.С. Смыкалина, В.Н. Ильченко, А.А. Васильева.

Раскрывая историю становления правоохранительных органов в России, ученые освещают проблемы деятельности полиции по обеспечению безопасности (В.П. Литвинов, П.П. Литвинов), профилактики преступности (Р.С. Мулукаев, С.В. Ворошилова, О.А. Авдеева), охране государственной границы (А.А. Плеханов).

Раздел, посвященный советскому государству и праву, содержит работы посвященные систематизации советского права (А.М. Лушников, В.Ф. Яковлев), деятельности органов госбезопасности (А.М. Демидов, А.И. Пожаров), милиции (В.А. Чашников), вооруженным силам (В.В. Лунеев), актуальным проблемам государства и права в годы Гражданской войны (В.Е. Рубаник, Ф.С. Сосенков, А.Г. Тепляков, Е.В. Пестерев), в 1920–1930 гг. (О.Н. Мигущенко, Г.А. Гончаров, С.А. Красильников, А.Б. Суслов, В.М. Кириллов), в годы Великой Отечественной войны (А.И. Вдовин, А.М. Плеханов, А.Л. Кузьминых) и в послевоенный период (М.В. Зеленев, Д.Н. Шкаревский).

В т. 4 сборника вошли научные статьи по проблемам истории российского и зарубежного конституционного, международного, гражданского, предпринимательского, трудового права, гражданского и уголовного процесса, уголовного права, криминалистики и правоохранительных органов 53 ученых 14 кафедр Уральского государственного юридического университета. В результате складывается панорама состояния юридической науки в современной России в условиях методологического и концептуального плюрализма. Можно согласиться с мнением Президента УРГЮУ, профессора В.Д. Первалова, высказанным им в предисловии: «Издание такого фундаментального сборника научных статей есть уникальный историографический факт, необычное событие в российской

историко-правовой науке. По тематике, по количественному и качественному составу ученых, по географии публикаций данный сборник представляет собой определенный показатель уровня развития отечественной историко-правовой науки в первые два десятилетия XXI в. в условиях методологического и идеологического многообразия... Крупным достижением является соединение в одном сборнике трудов как историков права, так и гражданских историков, которые плодотворно занимаются историко-правовыми исследованиями» (с. 6).

Представительный состав сборника свидетельствует о высоком авторитете уральской школы правоведения, кафедры истории государства и права и ее заведующего – профессора А.С. Смыкалина.

Библиографический список

1. *Насибуллин Р.А.* Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016): обзор всероссийской и научной конференции с международным участием // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу». 2017. № 3. С. 170–190.

References

1. *Nasibullin R.A.* Evolution of the Russian and foreign state and law. To the 80th anniversary of the Department of history of state and law of the Ural state law University (1936–2016): review of the all-Russian and scientific conference with international participation // Electronic Appendix to the Russian law journal». 2017. No. 3. P. 170–190.

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ

IN DISSERTATION COUNCILS

В январе, марте 2018 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

17 января 2018 года — Матушкиным Павлом Анатольевичем на тему «Предупреждение побоев и истязаний».

Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А.Н. Варыгин.

2 марта 2018 года — Агаларовой Марией Андреевной на тему «Процессуальные особенности участия иностранных лиц в гражданском судопроизводстве».

Специальность 12.00.15 — гражданский процесс, арбитражный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор О.В. Исаенкова.

2 марта 2018 года — Гаймалеевой Айсылу Тагировной на тему «Гражданско-правовая охрана интереса должника в договорном обязательстве».

Специальность 12.00.03 — гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Е.М. Тужилова-Орданская.

28 марта 2018 года — Крюковым Владиславом Валерьевичем на тему «Таможенные сборы в системе доходов бюджетной системы РФ: финансово-правовое регулирование».

Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Н.А. Лопашенко.

28 марта 2018 года — Яниной Ириной Юрьевной на тему «Причинение и специальное причинение в уголовном праве».

Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Н.А. Лопашенко.

ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И. _статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в пружинное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте: журнал-вестник.рф.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://журнал-вестник.рф>